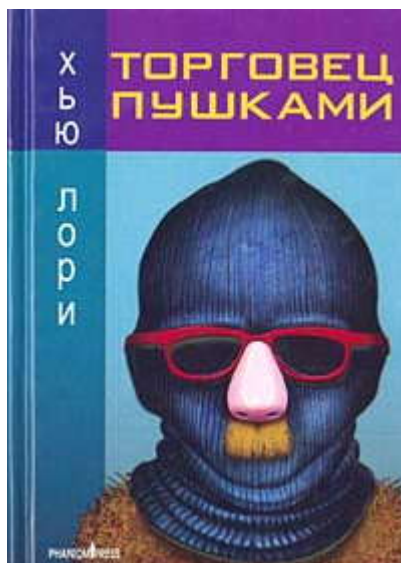

Хью Лори Торговец пушками

www.torrents.ru
«Торговец пушками»: Фантом Пресс; М.; 2005
ISBN 5-86471-368-6

Аннотация

Знаменитый британский актер Хью Лори, воодушевившись литературными успехами своего друга и коллеги Стивена Фрая, написал пародийный боевик. Элегантный слог, тонкие шутки, обаятельные герои и далеко не банальные наблюдения были по достоинству оценены как взыскательными читателями, так и критикой. Ничего удивительного в этом нет – такой книгой как «Торговец пушками» мог бы гордиться и сам П. Г. Вудхауз.

Томас Лэнг – в прошлом штатный военный и профессиональный борец с терроризмом. А сейчас он – бродяга и авантюрист, которому нечего терять, кроме своего сердца, и на которого может положиться кто угодно, кроме него самого. Беда Томаса в том, что он не любит убивать людей, другая его беда – честность, а в мире наемных убийц и торговцев оружием честность и гуманность не в ходу. Но именно в этот мир злодейка-судьба забрасывает героя. Томасу бы продавать стеклопакеты, губную помаду или пылесосы. Работа, конечно, тоскливая, но понятная. Звонишь в дверь и улыбаешься во весь рот. Но все иначе, если нужно втюхать боевой вертолет, способный сделать пятьсот миль в час и тысячу трупов в минуту. А если ты еще хочешь при этом выжить, спасти любимую девушку и честно отработать гонорар, то задача усложняется во сто крат...

Хью Лори Торговец пушками

Посвящается моему отцу

*Я глубоко признателен Стивену Фраю,
писателю и актеру, за его комментарии;
Ким Харрис и Саре Уильямс –
за всепоглощающе тонкий вкус и большой ум;
моему литературному агенту Энтони Гоффу –
за его безграничную поддержку;
моему театральному агенту
Лорен Гамильтон – за то,*

*что была не против, чтобы у меня имелся
еще и литературный агент;
а также моей жене Джо – за все то,
из чего можно создать книгу,
куда как подлиннее этой.*

Часть первая

1

*Я встретил утром человека,
И умирать он не желал.
П. С. Стюарт*

Представьте, что вам нужно сломать кому-то руку.

Левую или правую – неважно. Главное – сломать, потому что, не сломай вы ее... ну, в общем, это тоже неважно. Скажем, не сломай вы ее – и случится что-то очень нехорошее.

Вопрос в следующем: как ломать? Быстро – хрясь, ой, простите, дайте-ка я помогу вам наложить временную шину – или растянуть дело минут эдак на восемь – по чуть-чуть, едва заметно наращивая нажим, пока боль не превратится в нечто розово-бледное, остро-тупое и в целом такое невыносимое, что хоть волком вой?

Вот-вот. Совершенно верно. Самый правильный, точнее, *единственно* правильный ответ: покончить с этой бодрягой как можно скорее. Ломаешь руку, хлопаешь рюмашку – и ты снова добропорядочный гражданин. Другого ответа и быть не может.

Разве что.

Разве что разве что разве что...

Что, если ненавидеть человека по ту сторону руки? В смысле, по-настоящему, *страшно* ненавидеть?

Вот что мне сейчас требовалось обдумать.

Я говорю «сейчас», но имею в виду «тогда»: в тот момент, что я сейчас описываю. За крошечную – и еще какую, мать ее, крошечную – долю секунды до того, как кисть доползет до затылка, а левая плечевая кость разломится как минимум на два, а то и больше, едва цепляющихся друг за друга куски.

Видите ли, рука, о которой идет речь, моя. Не какая-нибудь там абстрактная, философская рука. Кость, кожа, волоски, белый шрамик на локте – память о встрече с раскаленным обогревателем в гейтсхиллской начальной школе, – все это принадлежит не кому-нибудь, а мне. И теперь близится тот миг, когда стоит задуматься: а вдруг человек, что стоит у меня за спиной и с почти сексуальной нежностью тянет мою руку все выше и выше вдоль позвоночника, – вдруг он ненавидит меня?

И он возится уже вечность.

Фамилия его была Райнер. Имя – неведомо. По крайней мере, мне, а значит, и вам, скорее всего, тоже. Полагаю, кто-то где-то наверняка знает его имя: ведь кто-то же крестил его этим именем, звал этим именем к завтраку, учил писать его по буквам; а кто-то другой наверняка выкрикивал это имя в пивнушке, предлагая выпить; или нашептывал во время секса; или вписывал в соответствующую графу страхового полиса. Я знаю – все это когда-то обязательно было. Просто трудно сейчас это представить себе – вот и все.

Райнер, как я прикидывал, был лет на десять постарше меня. Что вполне нормально. И ничего плохого в том нет. На свете полно людей старше меня на десять лет, с кем у меня сложились добрые и теплые отношения, без намека на выламывание рук. Да и вообще, все, кто старше меня на десять лет, в большинстве своем люди просто замечательные. Но Райнер, ко всему прочему, был еще и на три дюйма выше, фунтов на шестьдесят тяжелее и, по меньшей мере, на восемь – не знаю, чем там меряют свирепость, – единиц свирепее меня. Он был

безобразнее автостоянки: огромный, безволосый череп с множеством бугров и впадин, словно воздушный шар, под завязку набитый гаечными ключами; а приплюснутый боксерский нос – видимо, вбитый когда-то в физиономию хорошим ударом левой руки, а может, и левой ноги – расплывался эдакой кривобокой дельтой под ухабистым берегом лба.

Боже правый, что это был за лоб! Кирпичи, ножи, бутылки и прочие убедительные аргументы в свое время, похоже, не раз отскакивали от этой массивной фронтальной плоскости, не причинив ей никакого вреда, за исключением, разве что, нескольких крошечных зарубок промеж глубоких, изрядно разнесенных друг от друга рытвин-пор. Мне кажется, это были самые глубокие поры из тех, что мне когда-либо доводилось видеть на человеческой коже, так что я даже поймал себя на воспоминании о городском поле для гольфа, которое видел в местечке Далбитти на исходе долгого засушливого лета 76-го.

Обойдя фасад, мы обнаруживаем, что уши Райнеру некогда откусили, а затем сплюнули обратно на череп, поскольку левое определенно прилепилось вверх тормашками, или шиворот-навыворот, или как-то еще, поскольку приходилось долго и пристально вглядываться, прежде чем сообразить: ой, да это же ухо.

И вдобавок ко всему, – если до вас до сих пор не дошло, – Райнер был одет в черную кожаную куртку, поверх черной же водолазки.

Но до вас, разумеется, дошло. Даже закутайся Райнер с ног до головы в струящиеся шелка и заткни он за каждое ухо по орхидее, любой прохожий без разговоров вручил бы ему всю свою наличность, даже не задумавшись, а должен ли он ему.

Так уж получилось, что я-то ему точно ничего не должен. Райнер принадлежал к тому узкому кругу людей, которым я не должен вообще ничего, и будь отношения между нами хоть чуточку потеплее, я, возможно, и посоветовал бы Райнеру и его немногочисленным собратьям обзавестись особыми заколками для галстуков – в знак почетного членства.

Но, как я уже упомянул, отношения у нас складывались не слишком теплые.

Клифф, мой одорукий инструктор по рукопашному бою (да-да, знаю – с одной рукой учить этой самой рукопашности совсем не с руки, но в жизни случается еще и не такое), как-то сказал, что боль – это то, что ты делаешь с собой сам. Другие люди проделывают с тобой самые разные вещи – бьют кулаком, колют ножом или пытаются сломать твою руку, – но производство боли целиком на твоей совести. «А потому, – вещал Клифф, когда-то проведший пару недель в Японии и поэтому считавший себя вправе сваливать подобную лабуду в разинутые рты доверчивых учеников, – в ваших силах остановить собственную боль». Три месяца спустя Клифф погиб в пьяной драке от руки пятидесятилетней вдовушки, и, похоже, вряд ли мне представится случай возразить ему.

Боль – это событие. Которое происходит с тобой и справляться с которым ты должен в одиночку – любыми доступными тебе способами.

В заслугу мне можно поставить лишь то, что до сих пор я не проронил ни звука.

Нет-нет, о храбрости речи не идет: просто не до звуков мне было. Все это время мы с Райнером в потно-мужском молчании отскакивали от стен и мебели, лишь изредка издавая хрюк-другой – показать, что силенки еще есть. Но теперь, когда оставалось не более пяти секунд до того, как отключусь либо я, либо моя кость, – именно теперь наступал тот самый идеальный момент, когда в игру пора было ввести новый элемент. И ничего лучшего, чем звук, придумать я не смог.

В общем, я глубоко вдохнул через нос, выпрямился так, чтобы оказаться поближе к физиономии Райнера, на миг задержал дыхание и выдал то, что японские мастера боевых искусств именуют «киай» (а вы бы назвали очень громким и противным воплем и, кстати, недалеко ушли бы от истины), то есть вопль типа «какого хрена?!», да еще такой ослепляющей и ошеломляющей силы, что я сам чуть не обделался от страха.

Что же до Райнера, то произведенный эффект оказался в точности каким я его только что разрекламировал: непроизвольно дернувшись вбок, он ослабил хватку буквально на одну двенадцатую секунды. Я же боднул головой назад и изо всех сил врезал затылком прямо ему в морду и ощутил, как его носовой хрящ приноравливается к форме моего черепа и какая-то

шелковистая сырость расплзается у меня по волосам. После чего лягнул пяткой назад, куда-то в пах, – сначала беспомощно шаркнув по внутренней стороне его ляжки и уж только потом впечатавшись в довольно увесистую гроздь гениталий. И через одну двенадцатую секунды Райнер уже не ломал мне руку, а я вдруг осознал, что насквозь промок от пота.

Отпрянув от противника, я заплясал на цыпочках, словно дряхлый сенбернар, озираясь в поисках хоть какого-нибудь оружия.

Ареной для нашего пятнадцатиминутного турнира служила небольшая, не особо изящно меблированная гостиная в Белгравии. Я бы сказал, что дизайнер по интерьерам потрудился просто отвратительно, – как, впрочем, и заведено у всех дизайнеров по интерьерам, независимо от времени и обстоятельств. Правда, в тот момент его (или ее) склонность к тяжелой ручной клади идеально совпала с моими потребностями. Здоровой рукой я цапнул с каминной полки каменного Будду, обнаружив, что уши маленького засранца – просто отличная рукоять для однорукого бойца вроде меня.

Райнер стоял на коленях и блевал на китайский ковер, что весьма благотворно сказывалось на цветовой гамме последнего. Прицелившись, я собрался с силами и с размаху жажнул задницей Будды в незащитное место прямо над левым ухом. Звук получился глухим и скучным – именно такие звуки почему-то издает человеческая плоть в момент своего разрушения, – и Райнер рухнул ничком.

Я даже не потрудился проверить, жив ли он. Бессердечно? Да, наверное, но что уж тут поделаешь.

Утирая пот с лица, я прошел в холл. Попытался прислушаться, но даже если изнутри дома или с улицы и доносились какие-то звуки, я бы их все равно не услышал, поскольку сердце долбило в груди, словно отбойный молоток. А может, на улице и впрямь работал отбойный молоток. Просто я был слишком занят всасыванием огромных, размером с хороший чемодан, порций воздуха, чтобы еще что-то там замечать.

Я открыл входную дверь и сразу ощутил на лице морозящую прохладу. Дождь смешивался с потом, растворяя его, растворяя боль в руке, растворяя все остальное, и я закрыл глаза, отдавшись в его власть. Ничего приятнее я, пожалуй, в жизни не испытывал. «Похоже, та еще жизнь была у бедолаги», – наверняка скажете вы. Но видите ли, контекст для меня – это святое.

Я притворил дверь, сошел на тротуар и закурил. Мало-помалу, ворча и брюзжа, сердце приходило в себя. Дыхание тоже понемногу утихомиривалось. Боль в руке была чудовищной, и я знал, что теперь она не отвяжется несколько дней – если не недель, – но главное, это была не курительная рука.

Вернувшись в дом, я обнаружил Райнера в лужице блевотины – там, где я его и оставил. Он был мертв или тяжело-телесно-поврежден – и то и другое тянуло минимум лет на пять. Даже на все десять, если накинуть срок за плохое поведение. А это, на мой взгляд, было уже совсем некстати.

Видите ли, в тюрьме я уже бывал. Правда, всего три недели и всего лишь в предварилровке, но когда тебе дважды в день приходится играть в шахматы с угрюмо-свирепым болельщиком «Вест Хэм», у которого татуировка «УБЬЮ» на одной руке и «УБЬЮ» на другой, да еще набором шахматных фигур, где не хватает шести пешек, всех ладей и двух слонов, – в общем, ты невольно вдруг начинаешь ценить кое-какие мелочи. Такие, например, как свобода.

Размышляя над этими и прочими аналогичными вещами и постепенно перетекая мыслью к тем жарким странам, где я так до сих пор и не удосужился побывать, я вдруг начал соображать, что звук – легкий, поскрипывающий, шаркающий, царапающий звук – исходит вовсе не из моего сердца. И не из легких, и не из какой-либо иной части моего ноющего тела. Этот звук явно шел откуда-то извне.

Кто-то – или что-то – предпринимал(-о) абсолютно бесполезную попытку неслышно спуститься по лестнице.

Поставив Будду на место, я сгреб со стола монументально-уродливую алебастровую зажигалку и двинулся к двери – кстати, не менее уродливой. «Как это можно сделать дверь уродливой?» – спросите вы. Ну, придется, конечно, потрудиться, но поверьте: для ведущих дизайнеров по интерьерам сварганить такое – все равно что высморкаться.

Я попытался затаить дыхание, но не смог, так что пришлось ждать шумно. Где-то щелкнул выключатель. Ожидание. Новый щелчок. Открылась дверь, ожидание, дверь закрылась. Стоим спокойно. Думаем.

Проверим-ка в гостиной.

До меня донеслось шуршание одежды, мягкие шаги, и тут я вдруг сообразил, что рука моя уже не сжимает зажигалку, а сам я привалился к стене с чувством, весьма близким к облегчению. Поскольку даже в столь плачевном состоянии я был готов биться об заклад, что близкая драчка вряд ли пахнет духами «Флер де флер» от Нины Риччи.

Она остановилась в дверях, и глаза ее пробежались по комнате. Хотя лампы были выключены, но шторы-то нараспашку, так что уличного света хватало с лихвой.

Я дождался, пока ее взгляд упадет на тело Райнера, и только тогда зажал ей рот.

Мы перебрали весь стандартный набор любезностей, диктуемых Голливудом и высшим светом. Она попыталась закричать и укусить меня за руку; я же велел не шуметь, пообещав, что не сделаю ей больно, если она не будет орать. Она заорала, и я сделал ей больно. В общем, вполне стандартная фигня.

Вскоре она уже сидела на уродливом диване, сжимая в руке полпинты того, что я поначалу принял за бренди, но на проверку оказавшееся кальвадосом, а я стоял у двери, нацепив на лицо наиумнейшую из мин, призванную показать, что со стороны психиатров ко мне не может быть никаких претензий.

Перевернув Райнера на бок, я придавал его телу что-то вроде позы выздоравливающего, дабы тот не захлебнулся собственной блевотиной. И вообще чьей-либо еще, если уж на то пошло.

Она захотела встать и проверить, все ли с ним в порядке, – ну, сами знаете, всякие там подушечки, бинтики, разные примочки и прочая дребедень, то есть все, что помогает стороннему наблюдателю почувствовать себя спокойнее. Я велел ей сидеть на месте, сказав, что «скорая» уже в пути, так что лучше пока оставить его в покое.

Ее била мелкая дрожь. Дрожь начиналась с рук, сжимавших бокал, затем поднималась к локтям, оттуда – к плечам, и чем чаще взгляд ее падал на Райнера, тем хуже становилось дело. Конечно, дрожь вряд ли можно назвать необычной реакцией, когда обнаруживаешь мертвеца и блевотину у себя на ковре посреди ночи, но мне совсем не хотелось, чтобы ей стало еще хуже. Прикуривая от алебастровой зажигалки, – вы правы, даже пламя оказалось уродливым – я старался впитать как можно больше информации, прежде чем кальвадос подействует и она начнет задавать вопросы.

Я мог одновременно любоваться тремя вариантами ее лица: в темных очках «Рэй Бэн», на фоне горнолыжного подъемника – на фотографии в серебряной рамке на каминной полке; маячащее рядом с каким-то окном – на огромном и ужасном портрете маслом, выполненном явным недоброжелателем, и, наконец, – бесспорно, самый лучший из вариантов – на диване в десяти футах от меня.

На вид ей было не больше девятнадцати: острые плечи и длинные каштановые волосы, ниспадающие эдакой живенькой волною. Широкие округлые скулы намекали на Восток, но намек немедленно исчезал, стоило вам посмотреть в ее глаза – круглые, большие и светло-серые. Если, конечно, это кому-нибудь интересно. На ней был красный шелковый пеньюар и один изящный шлепанец с причудливой золотистой тесемкой, обвивавшей щиколотку. Я оглядел комнату, но шлепанцева собрата не обнаружил. Возможно, на второй у нее просто не хватило денег.

Она тихонько откашлялась.

– Кто это?

Мне кажется, я знал, что девушка окажется американкой, еще до того как она открыла рот. Слишком здоровый вид, чтобы оказаться кем-то другим. И откуда они все берут такие зубы?

– Его звали Райнер, – ответил я. И, подумав, что получилось жиденько для полноценного ответа, добавил: – Он был очень опасен.

– Опасен?

Мне показалось, что она встревожилась. Да и было отчего. Вероятно, ей – так же, как и мне, – тут же пришла в голову мысль: если Райнер был так опасен, а я его убил, то получается, что я еще опаснее.

– Да, опасен, – подтвердил я, следя за тем, как она прячет взгляд. Ее дрожь вроде как поутихла, что было хорошим признаком. Хотя, может, она просто синхронизировалась с моей и я почти перестал ее замечать.

– А... что он здесь делает? – наконец выдавила девушка. – Что ему было нужно?

– Трудно сказать. – Во всяком случае, мне трудно. – Может, золото-серебро...

– То есть... он вам не сказал? – Ее голос вдруг стал громче. – Вы ударили человека, даже не узнав, кто он? И что он здесь делает?

Несмотря на шок, котелок у нее, похоже, варил будь здоров.

– Я ударил его потому, что он пытался убить меня. Так уж вышло.

И я постарался улыбнуться, но мое отражение в зеркале над камином сообщило, что трюк не удался.

– «Так уж вышло», – в голосе ее не было и следа доброжелательности. – А вы кто?

Ну вот. С ней надо держать ухо востро. Ситуация и так не из приятных, а сейчас может стать и вовсе отвратной.

Я попытался напустить на себя удивленный и, возможно, даже слегка обиженный вид.

– Вы хотите сказать, что не узнаете меня?

– Нет.

– Ха. Странно... Финчам. Джеймс Финчам.

И я протянул ей руку. Она не откликнулась, так что пришлось изображать эдакое небрежное приглаживание волос.

– Это имя, – сказала она. – Но кто вы такой?

– Знакомый вашего отца.

Какое-то мгновение она обдумывала мои слова.

– По работе?

– Вроде как.

– «Вроде как». – Она кивнула. – Вы Джеймс Финчам, вроде как знакомый моего отца по работе, и вы только что убили человека у нас в доме.

Склонив голову набок, я постарался всем своим видом дать понять, что, мол, да, порой мир бывает ужасно сволочной штукой.

– И это все? – снова показала она зубы. – Вся ваша биография?

Я еще раз изобразил лукавую улыбку – с тем же эффектом.

– Погодите-ка, – сказала она резко, словно пораженная какой-то мыслью. – Вы ведь нигде не звонили? Так?

По здравом размышлении, да с учетом всех обстоятельств, ей скорее не девятнадцать, а все двадцать четыре.

– Вы хотите сказать...

Но она не дала мне закончить:

– Я хочу сказать, что никакая «скорая» сюда не едет! Господи.

Поставив бокал на ковер, она вскочила и направилась к телефону.

– Послушайте, – забубнил я, – прежде чем вы совершите какую-нибудь глупость...

Я двинулся в ее сторону, но девушка резко дернулась, и я остановился, не испытывая ни малейшего желания выковыривать осколки телефонной трубки из своего лица в течение ближайших недель.

– Стойте там, где стоите, мистер Джеймс Финчам, – прошипела она. – Это не глупость. Я вызываю «скорую», затем – полицию. Как и принято во всем мире. Сейчас приедут люди с дубинками и увезут вас отсюда. И абсолютно ничего глупого в этом нет.

– Постойте, – сказал я. – Я был с вами не совсем искренним.

Она сузила глаза. Если вы понимаете, что я имею в виду. Сузила горизонтально, а не вертикально. Полагаю, правильнее будет сказать «укоротила», но так ведь никто не говорит.

В общем, она сузила глаза.

– Что, черт возьми, означает это ваше «не совсем искренним»? Вы сказали мне всего лишь

две вещи. Получается, одна из них – ложь?

А девица-то, судя по всему, калач тертый. Вне всякого сомнения, меня ждали серьезные неприятности. Хотя, опять же, пока она успела набрать лишь первую девятку.

– Меня зовут Финчам, – быстро сказал я, – и я действительно знаю вашего отца.

– Да? И какая же его любимая марка сигарет?

– «Данхилл».

– Он никогда в жизни не курил.

Да ей все двадцать пять. Или даже тридцать. Я сделал глубокий вдох, пока она набирала вторую девятку.

– Ну хорошо, я не знаком с ним. Но я хотел помочь.

– Ага. Пришли починить нам душ.

Третья девятка. Пора выкладывать козырную карту.

– Его хотят убить.

Послышался слабый щелчок, и я услышал, как на другом конце провода спрашивают, с какой службой соединить. Очень медленно она повернулась ко мне, держа трубку на расстоянии от уха.

– Что вы сказали?

– Вашего отца хотят убить, – повторил я. – Не знаю – кто, и не знаю – почему. Но я пытаюсь помешать им. Вот кто я такой, и вот что я здесь делаю.

Она смотрела на меня, взгляд был долгим и мучительным. Где-то тикали часы – опять же, уродливо.

– Этот человек, – я указал на Райнера, – был в этом как-то замешан.

Я догадывался, о чем она в тот момент подумала: мол, так нечестно, ведь Райнер все равно не может возразить. В общем, я слегка смягчил интонацию и принялся с беспокойством оглядываться вокруг, словно сам был озадачен и нервничал ничуть не меньше ее.

– Я не могу утверждать, что он пришел сюда именно с целью убийства. Нам ведь так и не удалось нормально поговорить. Но возможность такую я не исключаю.

Она все так же пристально смотрела на меня. Телефонистка на линии продолжала пискляво «аллэкать», вероятно пытаясь одновременно отследить звонок.

Девушка ждала. Непонятно – чего.

– «Скорую», пожалуйста, – наконец произнесла она, по-прежнему не отводя взгляда. После чего, чуть отвернувшись, продиктовала адрес. Кивнув, медленно, очень-очень медленно она положила трубку на рычаг и повернулась ко мне.

Наступила одна из тех пауз, про которые можно с уверенностью сказать заранее: пауза будет долгой. Так что я вытряхнул очередную сигарету и предложил ей пачку.

Она подошла. Она оказалась ниже ростом, чем виделось мне из другого угла комнаты. Я снова улыбнулся. Она взяла сигарету из пачки, но закуривать не стала. Задумчиво повертев сигарету в руках, снова нацелилась в меня парой серых глаз.

Я говорю «парой», естественно имея в виду «ее парой». Она не доставала пару ничьих других глаз из ящика стола и не прицеливалась ими в меня. Она нацелилась парой своих собственных огромных, прозрачных, серых, прозрачных, огромных глаз – и прямо в меня. Глаз, от которых взрослый человек вдруг начинает лепетать всякую чушь, будто слюнявый младенец. Да возьми же ты себя в руки, в конце-то концов!

– Вы лжец, – произнесла она.

Без злобы. Без испуга. Сухо и прозаично. «Вы – лжец».

– Ну да, – ответил я, – вообще говоря, так оно и есть. Хотя в данный момент так уж получается, что я говорю чистую правду.

Она смотрела на меня не отрываясь. Точно так же я сам иногда смотрю на себя в зеркало, когда заканчиваю бриться. Похоже, сегодня ей не светило добиться от меня иного ответа. Тут она моргнула, и что-то между нами как будто изменилось к лучшему. Что-то расцепилось, или отключилось, или, по крайней мере, слегка поубавилось. Я немного расслабился.

– Зачем кому-то понадобилось убивать моего отца?

Ее голос явно смягчился.

– Честное слово, не знаю, – ответил я. – Ведь я только сейчас узнал, что он не курит.

Но она продолжала давить, будто не слышала моих слов:

– И вот еще что, мистер Финчам. Какое отношение ко всему этому имеете вы?

Коварно. Очень коварно. Коварно в кубе.

– Дело в том, что эту работу сначала предложили мне.

Она вдруг перестала дышать. Нет, серьезно, она действительно перестала дышать. И не похоже, чтобы в ближайшем будущем собиралась реанимировать свои дыхательные навыки.

Я продолжал как можно спокойнее:

– Кое-кто предложил мне кучу денег за то, чтобы я убил вашего отца. (Она недоверчиво нахмурила брови.) Но я отказался.

Мне не следовало этого добавлять. Ох не следовало.

Третий закон Ньютона о ведении разговора, если бы таковой существовал, непременно утверждал бы, что любое заявление предполагает равное по силе и диаметрально противоположное по смыслу ответное заявление. Сказав, что я отказался убивать, я одновременно подтвердил, что мог и не отказаться. А подобное предположение было на тот момент не самым уместным. Но ее снова была дрожь, так что, возможно, она ничего и не заметила.

– Почему?

– Почему что?

В ее левом глазу зеленая прожилка уходила от зрачка куда-то на северо-восток. Я все пялился на этот ее глаз, хотя, по большому счету, были в тот момент дела и поважнее, поскольку положение мое было хуже некуда. Во многих смыслах.

– Почему вы отказались?

– Потому что... – начал я, но остановился. Ошибаться мне было нельзя.

Повисла пауза, во время которой она явно пыталась распробовать мой ответ на вкус, катая его языком во рту. Затем мельком взглянула на тело Райнера.

– Я же говорил вам, – сказал я. – Он первый начал.

Она пристально вглядывалась в меня лет еще, наверное, триста, после чего, все так же медленно разминая сигарету между пальцами, направилась к дивану, явно вся в глубочайших раздумьях.

– Честное слово, – продолжал я, стараясь взять в руки и себя, и ситуацию. – Я хороший. Я жертвую в фонд голодающих, сдаю макулатуру и все такое.

Поравнявшись с телом Райнера, она остановилась.

– И когда же это произошло?

– М-м... только что, – пробормотал я, прикидываясь идиотом.

На мгновение она прикрыла глаза.

– Я имею в виду – когда вам предложили?

– Ах, это! Десять дней назад.

– Где?

– В Амстердаме.

– В Голландии, верно?

Ну слава богу. Я незаметно перевел дух, почувствовав себя значительно лучше. Приятно, когда молодежь время от времени посматривает на тебя свысока. Нет, совсем ни к чему, чтобы так было всегда, но время от времени – пусть будет.

– Верно, – согласился я.

– И кто же предложил вам работу?

– Я этого человека не видел ни до, ни после того.

Она наклонилась за бокалом, пригубила и недовольно поморщилась.

– Вы и в самом деле полагаете, что я вам поверю?

– Ну...

– Пойдите. Давайте-ка попробуем еще раз. – Ее голос вновь набирал силу. Кивок в сторону Райнера. – Итак, что мы имеем? Человека, который не сможет подтвердить вашу историю? И почему же я должна вам верить? Потому что у вас такое милое лицо?

Тут я не смог удержаться. Знаю, надо было, но я просто не смог.

– А почему бы и нет? – Я изо всех сил старался выглядеть очаровашкой. – Вот я бы,

например, поверил любому вашему слову.

Непростительная ошибка. Ужасно непростительная. Одна из самых нелепейших ремарок, выданных мною за всю мою долгую, набитую нелепейшими ремарками жизнь.

Она повернулась ко мне, внезапно разозлившись:

– Прекратите эту хрень!

– Я всего лишь хотел сказать... – начал было я. К счастью, она тут же обрезала меня, а то, честное слово, я и сам не знал, что хотел сказать.

– Я сказала – прекратите. Здесь человек умирает.

Я виновато кивнул, и мы оба склонили головы перед Райнером, словно отдавая ему последние почести. Но тут она будто захлопнула молитвенник и встряхнулась. Плечи ее расслабились, а рука с пустым бокалом протянулась ко мне.

– Я – Сара, – сказала она. – Налейте мне, пожалуйста, колы.

В конце концов она все же позвонила в полицию. Те явились, как раз когда эскулапы впихивали носилки с еще дышащим Райнером в «скорую». Войдя в дом, полицейские тут же принялись хмыкать и гмыкать, хватать вещи с каминной полки и совать нос под мебелировку – и вообще выглядели так, словно им ужасно хотелось поскорее оказаться где-нибудь подальше отсюда.

Как правило, полицейские не любят новых дел. И не потому, что все они по жизни раздолбаи, а потому, что им, как и всем нам, хочется найти смысл, понять логику в том хаосе неприятностей, с которым приходится иметь дело. Скажем, если в самый разгар погони за каким-нибудь подростком, только что стырившим колпак с автомобильного колеса, их вдруг срочно вызовут на место массовой резни, они все равно не смогут удержаться, чтобы не заглянуть под диван: а вдруг да найдется растреклятый колпак. Полицейским всегда хочется найти улику, которая связала бы их с тем, что они видели полчаса назад, – тогда бы у хаоса появился хоть какой-то смысл. И они смогли сказать себе: *это* произошло потому, что произошло *то*. А когда перед ними возникает новая путаница – задокументировать то, запротоколировать это, потерять, найти в нижнем ящике чужого стола, потерять снова, запомнить несколько идиотских имен, – они, ну, скажем так, расстраиваются.

А наша история могла расстроить кого угодно. Естественно, мы с Сарой заранее отрепетировали то, что, как нам показалось, было вполне сносным сценарием, и трижды исполнили представление перед полисменами, которые появлялись в порядке возрастания званий – последним прибыл непристойно юный инспектор, представившийся Броком.

Брок плюхнулся на диван и принялся увлеченно изучать ногти. Время от времени он встряхивал юной головой, подтверждая, что слушает историю о бесстрашном Джеймсе Финчаме, друге семьи, приехавшем в гости и поселившемся в гостевой спальне на втором этаже. Этот отчаянный джентльмен услышал какой-то шум; тихонько спустился по лестнице посмотреть, что происходит, а там шурует некий мерзкий тип в черной кожаной куртке поверх черной же водолазки; нет, джентльмен никогда его раньше не видел; борьба, падение, о боже, удар головой. Сара Вульф, 29 августа 1964 г. р., услышала звуки борьбы, спустилась вниз, видела все своими глазами. Что-нибудь выпьете, инспектор? Чай? Морс?

Да, само собой, не последнюю роль здесь сыграла обстановка. Попробуй мы вылезти со своей историей, скажем, в одной из квартир муниципальной многоэтажки в каком-нибудь Дептфорде – и не прошло бы и нескольких секунд, как мы уже валялись бы на полу полицейского фургона, вежливо интересуясь у коротко стриженных молодых людей, не затруднит ли их буквально на минуточку убрать свои ботинки с наших голов, чтобы мы могли устроиться чуть-чуть поудобнее. Но в тенистой, отштукатуренной Белгравии полиция все же более склонна верить людям, чем сомневаться в их словах.

Когда мы подписали свои показания, полицейские попросили нас не делать никаких глупостей, – например, покидать страну, не предупредив местный участок, – и вообще призвали соблюдать закон и порядок при каждом удобном случае.

Через два часа после того, как мне пытались сломать руку, единственное, что осталось от Райнера (имя неизвестно), – это запах.

Дверь за собой я закрыл сам. Каждый шаг отдавался болью, вновь напомнившей о себе. Я зажег сигарету и курил всю дорогу до угла, где свернул налево, к отделанной камнем конюшне, некогда служившей жилищем для лошадей. Теперь жить тут могла позволить себе только какая-нибудь дико богатая лошадка, но вокруг все равно было как-то по-конюшённому спокойно – поэтому-то именно здесь я и пристроил свой мотоцикл. С ведерком овса и пучком соломы у заднего колеса.

Мотоцикл оказался там, где я его и оставил. Кому-то это может показаться пустой и абсолютно лишней ремаркой – но только не в наши дни. Любой байкер скажет вам, что оставить мотоцикл в темном месте более чем на час, пусть даже с амбарным замком и сигнализацией, и, вернувшись, найти его в целости и сохранности – это уже тема для разговора. Особенно когда речь идет о «Кавасаки ZZR 1100».

Нет, я не буду отрицать, что в Пёрл-Харбор японцы сыграли в двойном офсайде, а их блюда из рыбы никуда не годятся, – но, черт возьми, в мотоциклах эти ребята все же кое-что смыслят. Стоит дать полный газ этой штуковине – неважно, на какой передаче, – и твои глазные яблоки пулей вылетят у тебя из затылка. Ну хорошо, допустим, это не то ощущение, которое ищет большинство людей, выбирая личное транспортное средство, но, поскольку мотоцикл я выиграл в нарды, выкинув три скромные двойные шестерки подряд, мне он ужасно нравился. Он был черным и большим, и даже средненький ездки мог перенестись на нем в иные галактики.

Я завел мотор, дав такие обороты, чтобы наверняка разбудить парочку-другую жирных белгравских толстосумов, и рванул в свой Ноттинг-Хилл. В дождь не стоит особо-то разгоняться, так что у меня была уйма времени спокойно обдумать события этой ночи.

Пока я вилял по блестящим, залитым желтым светом улицам, из головы у меня не выходили слова Сары – о том, чтобы я прекратил «эту хрень». И прекратить ее я должен был только потому, что в комнате находился умирающий человек.

«Ньютоновский разговор», – подумал я про себя. То есть подтекст был таков: если бы в комнате не было умирающего человека, «эту хрень» можно было бы запросто продолжать.

При этой мысли я воспрянул духом. И подумал о том, что я буду не Джеймс Финчам, если как-нибудь не устрою дело так, чтобы оказаться с Сарой наедине, без полутрупов под боком.

Вот только Джеймсом Финчамом я не был.

2

Давно уже я привык укладываться рано.
Марсель Пруст

Добравшись до своей квартиры, я исполнил привычный ритуал с автоответчиком. Два бессмысленных писка; один не туда попавший; звонок от друга, прервавшийся на первом же предложении, и, наконец, три звонка от людей, которых я вовсе не хотел слышать, но которым придется теперь перезванивать.

Господи, до чего ж я ненавижу эту хреновину!

Усевшись за письменный стол, я принялся просматривать накопившуюся за день почту. Конверты со счетами я по привычке зашвырнул в сторону корзины, но затем вспомнил, что накануне перенес корзину на кухню, и раздраженно закинул остатки корреспонденции в ящик стола, поставив крест на идее, будто заведенный некогда распорядок поможет разобраться с тем, что творится у меня в голове.

Для громкой музыки было поздно, так что оставалось лишь одно развлечение – виски. Достав бутылку «Знаменитой куропатки» и стакан, я плеснул себе на два пальца и поплелся на кухню. Разбавив виски водой ровно настолько, чтобы куропатка из «знаменитой» стала «едва знакомой», я вооружился диктофоном и устроился за кухонным столом. Кто-то однажды сказал мне, что размышления вслух помогают сделать многие вещи прозрачнее. Помню, я уточнил тогда: «Даже нерафинированное масло?» – но мне ответили, что, мол, нет, с маслом это не прокатит, но зато получится со всем остальным, что тревожит душу.

Я заправил аппарат пленкой и, щелкнув выключателем, приступил к делу.

– *Dramatis personae*¹. Александр Вульф: отец Сары Вульф, владелец изящного георгианского особняка на Лайалл-стрит, Белгравия, наниматель слепых и ужасно мстительных дизайнеров по интерьерам, председатель совета директоров и исполнительный директор компании «Гейн Паркер». Неизвестный мужчина: белый, американец или канадец, за сорок. Райнер: крупный, свирепый, госпитализированный. Томас Лэнг: тридцать шесть лет, квартира «Д», дом 42 по Уэстбурн-Клоуз, в прошлом офицер Шотландского гвардейского полка, с почетом вышедший в отставку в звании капитана. Теперь – факты, в той степени, до которой они нам известны на данный момент.

Сам не знаю, почему это магнитофоны всегда вынуждают меня говорить в подобном стиле, но так уж получается.

– Неизвестный пытается заручиться согласием Т. Лэнга на выполнение заказа, предполагающего совершение противоправных действий в отношении А. Вульфа с целью убийства последнего. Лэнг отклоняет предложение на том основании, что является милым человеком. Принципиальным. Порядочным. То есть настоящим джентльменом.

Я отхлебнул виски и посмотрел на диктофон: интересно, доведется ли кому-нибудь когда-нибудь прослушать запись данного монолога? Купить диктофон мне посоветовал один бухгалтер, уверявший, что это необычайно практичная вещь, так как можно списать его стоимость с налогов. Но поскольку налогов я не платил, в диктофоне абсолютно не нуждался, а на советы бухгалтера мне вообще было глубоко плевать, машинку эту я считал одним из наименее практичных своих приобретений.

Ладно, поехали дальше.

– Лэнг отправляется в дом Вульфа с намерением предупредить последнего о возможной попытке покушения на его жизнь. Вульфа дома не оказывается. Лэнг решает навести кое-какие справки.

Я сделал небольшой перерыв, постепенно переросший в перерыв довольно продолжительный. Отхлебнув еще виски, я отложил диктофон и погрузился в раздумья.

Единственной справкой, которую мне удалось тогда навести, оказалось слово «что». Да и то, не успело оно сорваться с моих губ, как Райнер треснул меня стулом. А больше я, если разобраться, ничего и не сделал – ну разве что избил человека до полусмерти и ушел, сожалея, причем довольно искренне, что не довел дело до конца.

Ну и кому ж захочется сохранять такое на магнитной ленте? Только если точно знать, что делаешь. Удивительно, но именно этого-то я как раз и не знал.

Зато я знал достаточно, чтобы вычислить Райнера. Не стану утверждать, что он следил за мной, но вообще-то память на лица у меня хорошая – что с лихвой компенсирует крайне жалкую память на имена, – а уж такую рожу, как у Райнера, запомнить совсем несложно. Аэропорт Хитроу, пивная с каким-то девонширским гербом на Кингз-роуд, вход в метро на Лестер-сквер – этих пересечений хватило даже для такого идиота, как я.

Меня не покидало чувство, что рано или поздно, но мы обязательно должны были встретиться, а потому я решил заранее подготовиться к этому скорбному событию: посетил магазин «Блиц Электроникс» на Тоттнем-роуд, где и выложил аж два восемьдесят за кусок толстого электрического кабеля. Гибкий и увесистый, так что дойди дело до стычки с бандитами и разбойниками – лучше любой дубинки, нашпигованной свинцом. Правда, если кабель лежит нераспакованным в ящике буфета, пользы от него маловато. В этом случае эффективность его практически равна нулю.

Что же до неизвестного белого мужчины, предлагавшего мне заказ на убийство, то я, скажем так, не питал особых надежд когда-нибудь в будущем его отследить. Две недели назад я побывал в Амстердаме – сопровождал одного манчестерского букмекера, которому отчаянно хотелось думать, будто его повсюду преследуют толпы злобных врагов. И меня он, судя по всему, нанял исключительно для того, чтобы поддержать эту свою иллюзию. В общем, я открывал перед ним дверцы автомобилей, проверял окна и крыши на предмет наличия снайперов, заранее зная, что никого там нет и быть не может, и все сорок восемь утомительных

¹ Участники представления (лат.).

часов таскался за ним по ночным клубам, наблюдая, как тот швыряется деньгами налево и направо – куда угодно, но только не в мою сторону. Когда же он наконец выбился из сил, мне больше ничего не оставалось, как завалиться на гостиничную кровать и настроить телик на эротический канал. Вот тут-то и раздался телефонный звонок – помню, как раз шла весьма пикантная сценка – и незнакомый мужской голос предложил встретиться в баре внизу и выпить по стаканчику.

Я убедился, что мой букмекер благополучно упакован под одеяло на пару с уютной, тепленькой шлюшкой, и отправился вниз – в надежде сэкономить сороковник, хлопнув стаканчик-другой за счет какого-нибудь очередного бывшего сослуживца.

Но, как оказалось, телефонный голос принадлежал некоему низенькому толстячку в дорогом костюме, с которым я определенно не был до этого знаком. И собственно говоря, особо-то не стремился знакомиться – до тех пор, пока он не полез в карман пиджака и не вытащил оттуда рулончик банковских купюр толщиной с мою ляжку.

Американских банковских купюр. Принимаемых к обмену на товары и услуги в тысячах и тысячах розничных магазинов по всему миру. Он выложил передо мной стодолларовую банкноту и следующие пять секунд казался мне довольно славным малым, но затем, практически моментально, моя любовь к нему угахла.

Он дал небольшую «вводную» на некоего Вульфа – где тот живет, чем занимается, почему занимается именно этим и сколько со всего этого имеет, – а затем сказал, что у банкноты на столе есть еще тысяча таких же маленьких симпатичных подружек, которые с удовольствием перейдут в мое владение, если с жизнью Вульфа будет аккуратно покончено.

Мне пришлось подождать, пока наш уголок бара не опустеет, но я прекрасно знал, что это не займет много времени. При тех ценах, что они дерут за спиртное, на всем белом свете, вероятно, найдется не более двух десятков людей, кто может позволить себе опрокинуть там по второй.

И когда бар опустел, я наклонился к толстячку и произнес речь. Хотя речь моя и была довольно скучной, он очень внимательно выслушал все до конца. Наверное, потому, что одновременно я довольно крепко сжимал под столом его мошонку. Я пояснил, что за человек сидит сейчас перед ним, какую ошибку он только что совершил и что именно он может подтереть своими банкнотами. После чего мы благополучно расстались.

Вот, собственно, и все. Все, что мне было известно. А рука все продолжала болеть. И я пошел спать.

Мне снилось многое, чем я не хотел бы вас смущать. А под самый конец мне пригрезилось, будто я орудую пылесосом в моей спальне. И вот я все вожу и вожу щеткой по ковру, а пятно все не исчезает и не исчезает.

И тут я сообразил, что не сплю, а пятно на ковре – обычный солнечный луч, пробравшийся в комнату потому, что кто-то распахнул шторы. В мгновение ока мое тело превратилось в сжатую, упругую пружину: кусок кабеля в кулаке, кровавое убийство в сердце. А ну, подходи, кому жить надоело!

Но затем оказалось, что и кабель мне тоже привиделся и что на самом деле я лежу в своей постели и пялюсь на здоровенную волосатую руку прямо у себя перед носом. Затем рука исчезла, оставив вместо себя кружку, из которой поднимался горячий пар и запах популярного настоя, в коммерческой продаже именуемого «Брук бонд». Вероятно, в то же самое мгновение я сообразил и еще кое-что: незваные гости, явившиеся перерезать тебе глотку, обычно не заваривают чай и не распахивают шторы.

– Который час?

– Восемь часов тридцать пять минут. Время утренних хлопьев, мистер Бонд.

С трудом приподнявшись в кровати, я уставился на Соломона. Он был все такой же низенький и жизнерадостный и все в том же жутком коричневом плаще, купленном лет сто назад по рекламному объявлению с последней страницы «Санди экспресс».

– Я полагаю, ты пришел расследовать кражу?

Я принялся тереть глаза и тер их до тех пор, пока перед ними не замелькали белые искорки.

– Какую кражу, сэр?

«Сэром» Соломон именовал всех подряд, за исключением своего начальства.

– Кражу моего дверного звонка.

– Если вы, в свойственной вам саркастической манере, ссылаетесь на мое беззвучное проникновение в ваше жилище, то осмелюсь напомнить вам, сэр, что я все-таки опытный практик по части черной магии. А, как известно, практикам, дабы подтвердить свое право называться таковыми, приходится иногда практиковаться. Ну а теперь будьте пайнкой и накиньте на себя что-нибудь. Хорошо? Мы и так уже опаздываем.

С этими словами он исчез на кухне, и скоро до меня донеслось гудение моего допотопного тостера.

Морщась от боли, я заставил себя вылезти из постели, натянул рубашку с брюками и потащился на кухню с электробритвой в руке.

Соломон уже успел накрыть на стол, даже тост подал на специальной подставке. Я и понятия не имел, что она у меня есть. Если только он не притащил ее с собой, но это вряд ли.

– Чаю, командир?

– Опаздываем куда?

– На встречу, командир, на встречу. Галстук-то у вас найдется?

Его большие карие глаза с надеждой посмотрели на меня.

– Даже два, – ответил я. – Один – из клуба «Гаррик», к которому я не имею ни малейшего отношения. Другим к трубе привязан сливной бачок в сортире.

Я сел за стол. Неизвестно откуда, но Соломон даже умудрился раздобыть банку джема. Я никогда не мог понять, как ему это удастся. Если понадобится, Соломон способен запросто выудить целый автомобиль, порывшись в мусорном бачке. Очень подходящий напарник для перехода через пустыню.

Возможно, именно туда мы сейчас и намылились.

– И кто же нынче оплачивает счета моего командира?

Соломон с интересом наблюдал за тем, как я ем.

– Я надеялся, что ты.

Джем оказался восхитительный – я даже пожалел, что не могу растянуть это наслаждение до конца жизни. Но я видел, как Соломон ерзает от нетерпения. Взглянув на часы, он исчез в спальне. По донесшимся звукам я понял, что он роется в моем гардеробе в поисках пиджака.

– Посмотри под кроватью, – крикнул я и взял диктофон со стола. Пленка по-прежнему была внутри.

Я как раз заглатывал остатки чая, когда Соломон прошествовал на кухню, неся мой двубортный блейзер, на котором не хватало двух пуговиц. Он держал его на вытянутых руках, словно камердинер. Я не двинулся с места.

– Командир, – сказал он. – Пожалуйста, только не надо ничего усложнять. По крайней мере, пока урожай не собран и мулы еще не в стойле.

– Просто скажи – куда мы едем?

– Вдоль по улице, командир, в большом сверкающем авто. Обещаю, вам понравится. А на обратном пути можем остановиться и купить вам мороженое.

Очень медленно я поднялся из-за стола и недоуменно пожал плечами, намекая на блейзер.

– Давид, – сказал я.

– Слушаю, командир.

– Что происходит?

Соломон поджал губы и слегка нахмурился. Мол, нехорошо задавать такие вопросы. Но я стоял на своем:

– У меня неприятности?

Нахмурившись еще чуть сильнее, он посмотрел на меня – спокойно и невозмутимо.

– Похоже, так.

– Похоже?

– В ящике буфета лежит тяжелый кусок кабеля. Любимое оружие моего юного командира.

– И что?

Он наградил меня вежливой улыбочкой.

– Значит, кое у кого неприятности.

– Да брось ты, Давид! Он валяется там уже несколько месяцев. Просто хотел соединить одну штуку с другой.

– Ага. И чек двухдневной давности. Так в пакете и лежит.

Некоторое время мы пристально смотрели друг другу в глаза. Наконец Соломон сказал:

– Простите, командир. Черная магия. Давайте лучше трогаться.

Авто оказалось «ровером», то есть служебной машиной. Ну посудите сами: какому нормальному человеку придет в голову разьезжать на этих идиотских «снобовозках», с целой кучей дерева и кожи, вклеенных, причем паршиво, в каждый шов и каждую щель салона? Разве что деваться человеку просто больше некуда. А деваться у нас некуда только нашему правительству, да еще правлению самого «Ровера».

Я не хотел мешать Соломону вести машину: его отношения с автомобилями всегда были несколько нервными, и вывести его из равновесия могло даже бормотание радио. Соломон облачился в водительские перчатки, водительский шлем и водительские очки, даже выражение его лица было какое-то напряженно-водительское. Руки на руле он держал как все нормальные люди – до тех пор, пока не сдадут экзамен на права. И все же – мы как раз нагнали гарцующую конную полицию, отчаянно кокетничая со скоростью в двадцать пять миль в час, – я решил рискнуть.

– Правильно ли я понимаю, что у меня нет ни малейшего шанса узнать, что же такого я натворил?

Соломон сквозь зубы втянул воздух и крепче вцепился в руль, яростно сосредоточившись на особенно трудном участке широкой и совершенно пустой дороги. И только проверив скорость, обороты, уровень топлива, давление масла, температуру, время и свой ремень безопасности, причем дважды, он, видимо, решил, что может позволить себе немного отвлечься.

– Что вы *должны* были сделать, командир, – процедил он сквозь плотно стиснутые зубы, – так это оставаться таким же хорошим, благородным человеком. Каким были всегда.

Мы въехали во дворик позади здания Министерства обороны.

– И я этого не сделал?

– Бинго! Паркуемся. Приехали.

Несмотря на огромный плакат, утверждающий, что все объекты Министерства обороны находятся в состоянии, приближенном к боевой готовности, охрана на входе даже не взглянула в нашу сторону.

Британские охранники, насколько я заметил, ведут себя так всегда и по отношению ко всем. Кроме тех, кто работает в охраняемом ими здании. Вот тогда-то вас точно обшмонают с головы до ног – начиная от зубных пломб и заканчивая брючными манжетами, – желая убедиться, что вы действительно тот самый человек, что вышел купить сэндвич четверть часа назад. Однако, если вы совершенно посторонний, вас без вопросов пропустят внутрь: согласитесь, охранникам ведь будет ужасно неловко, если они доставят вам пусть даже малейшее беспокойство.

Вам нужна нормальная охрана? Наймите лучше немцев.

Наше с Соломоном путешествие включало три лестничных пролета вверх, полдюжины коридоров плюс поездку на лифте вниз, а по дороге нам еще приходилось постоянно останавливаться и расписываться в разных журналах. Так продолжалось до тех пор, пока мы не добрались до двери с табличкой «С 188». Соломон постучал. Изнутри раздался женский голос, прокричавший сначала «секундочку», а затем «входите».

Мы открыли дверь и уперлись в стену. Между стеной и дверью, в этой узкой щели, мы обнаружили девушку в лимонной юбочке, сидевшую за письменным столом: компьютер, цветок в горшке, стаканчик с карандашами, какая-то мохнатая зверушка и стопка оранжевых бумажек. Просто невероятно, чтобы кто-то или что-то вообще могли функционировать в таком, с позволения сказать, пространстве. Все равно что вдруг обнаружить у себя в ботинке многодетное семейство выдр.

Если вы, конечно, понимаете, о чем я.

– Вас ждут, – сказала девушка, нервно вцепляясь в стол обеими руками, словно боялась, как бы мы чего-нибудь ненароком не стащили.

– Спасибо, – ответил Соломон, с трудом протискиваясь мимо нее.

– Агорафобия? – спросил я у девушки доброжелательно.

Будь тут достаточно места, я бы точно заработал по первое число: наверняка она выслушивала эту шутку раз по пятьдесят за день.

Соломон постучался в следующую дверь, и мы проникли внутрь.

Каждый квадратный фут, потерянный секретаршей, нашелся в кабинете ее босса.

Высокий потолок и окна по обе стороны, занавешенные казенным тюлем, а между ними – письменный стол размером с небольшой теннисный корт. Над столом сосредоточенно склонилась чья-то плешивая голова.

Соломон уверенно потопал к центральной розе на персидском ковре, я же занял позицию за его левым плечом.

– Мистер О'Нил? – начал Соломон. – К вам Лэнг.

Ноль реакции.

О'Нил – если это и вправду было его настоящее имя, в чем я лично очень сомневался, – выглядел точь-в-точь как все люди, сидящие за большими письменными столами. Говорят, что собачники рано или поздно становятся похожими на своих питомцев, но, по-моему, то же самое можно сказать и о письменных столах и их хозяевах. Физиономия у О'Нила была большая и плоская, обрамленная большими и плоскими ушами. Даже отсутствие растительности как нельзя лучше соответствовало ослепительному блеску французской полировки. Одет О'Нил был в дорожную рубашку, но вот пиджак нигде поблизости не маячил.

– Кажется, мы договаривались на девять тридцать, – сказал О'Нил, не поднимая головы и даже не взглянув на часы.

Это был какой-то абсолютно неправдоподобный голос. Изо всех сил стремившийся к патрицианской вялости, но не дотягивавший до нее добрую миллю, а то и больше. В голосе звучала такая вымученность, что при других обстоятельствах я, возможно, и посочувствовал бы мистеру О'Нилу. Если это и вправду его настоящее имя. В чем я лично очень сомневался.

– Пробки, – ответил Соломон. – Мы и так спешили изо всех сил.

И уставился в окно, словно давая понять, что на этом его миссия окончена. О'Нил внимательно посмотрел на него, мельком глянул на меня и вернулся к представлению под названием «Очень-очень важные бумаги».

После того как Соломон благополучно доставил меня по адресу и неприятности ему более не грозили, я решил, что пора бы заявить о себе.

– Доброе утро, мистер О'Нил, – произнес я идиотски громким голосом. Звук рикошетом отскочил от дальней стенки. – Мне очень жаль. Наверное, сейчас не самое удобное время. У меня, вы знаете, то же самое. Может, моя секретарша договорится с вашей на другой день? А может, они и пообедают где-нибудь вместе? В самом деле, почему бы и нет? А я, пожалуй, пойду.

Скрежетнув зубами, О'Нил впился в меня тем, что ему, очевидно, казалось пронизывающим взором.

Явно перестаравшись, он отложил бумаги в сторону и оперся ладонями о стол. Но тут же спрятал их под стол, явно выведенный из себя интересом, с каким я наблюдал за его манипуляциями.

– Мистер Лэнг, вы хоть понимаете, где находитесь? – И О'Нил отработанным движением поджал губы.

– Разумеется, понимаю, мистер О'Нил. Я нахожусь в комнате номер С188.

– Вы в Министерстве обороны!

– Хм... Тоже неплохо. А стулья здесь имеются?

Еще раз опалив меня взглядом, он дернул головой в сторону Соломона, который мигом выволок на середину ковра нечто стилизованное под английский ампир. Я не двинулся с места.

– Присаживайтесь, мистер Лэнг.

– Спасибо, я постою.

Вот теперь он был ошарашен по-настоящему. В свое время мы не раз проделывали этот фокус с нашим учителем географии. Ровно через два семестра он покинул нас, став священником где-то на Гебридских островах.

– Скажите, что вам известно об Александре Вульфе?

Снова опершись о стол, О'Нил слегка подался вперед, и я уловил блеск очень золотых часов. Чересчур золотых для настоящего золота.

– О каком именно?

Он нахмурился.

– Что значит «о каком именно»? Скольких Александров Вульфов вы знаете?

Я пошевелил губами, словно подсчитывая в уме.

– Пятерых.

О'Нил раздраженно выдохнул через нос. Ну-ну, солдатик, зачем же так нервничать?

– У Александра Вульфа, о котором я говорю, – продолжил он тем особым тоном саркастического педантизма, на который рано или поздно скатывается любой англичанин, сидящий за письменным столом, – собственный дом на Лайалл-стрит, в Белгравии.

– Ах, на Лайалл-стрит, – забормотал я. – Ну конечно же. Тогда шестерых.

О'Нил стрельнул взглядом в Соломона, но поддержки не получил. Тогда он опять уставился на меня, лицо его исказила утрашающая ухмылка.

– Я еще раз спрашиваю вас, мистер Лэнг что вам известно об этом человеке?

– У него собственный дом на Лайалл-стрит, в Белгравии. Это вам как-то поможет?

На этот раз О'Нил решил применить другую тактику. Он сделал глубокий вдох и очень медленно выдохнул, что, должно быть, означало следующее под его пухлой оболочкой скрывается хорошо смазанная машина для убийств, так что еще одно мое слово в том же тоне – и он одним прыжком преодолеет разделяющее нас расстояние и вышибет из меня весь дух. Но зрелище получилось откровенно жалкое. Тогда О'Нил выдвинул ящик стола, извлек оттуда папку буйволовой кожи и принялся злобно листать ее содержимое.

– Где вы были вчера вечером, в половине одиннадцатого?

– Занимался виндсерфингом у берегов Кот-д'Ивуара, – быстро ответил я, даже не дав ему закончить фразу.

– Я задал вам серьезный вопрос, мистер Лэнг. И советую вам – настоятельно советую – дать мне такой же серьезный ответ.

– А я говорю, что это не вашего ума дело.

– Мое дело... – начал было он.

– Ваше дело – оборона! – Внезапно я перешел на крик, причем совершенно искренне. Краем глаза я успел отметить, что Соломон повернулся и с любопытством наблюдает за нами. – И зарплату вам платят именно за то, чтобы вы защищали мое право делать то, что мне вздумается, а на всякие дурацкие вопросы я отвечать не обязан. – Я немного сбавил обороты. – Что-нибудь еще?

О'Нил не ответил, так что я развернулся и зашагал к двери, бросив по пути:

– Пока, Давид.

Соломон тоже промолчал. Я уже поворачивал дверную ручку, когда О'Нил вдруг снова заговорил:

– Лэнг, вы должны знать: я могу сделать так, чтобы вас арестовали в ту же секунду, как вы покинете это здание.

Я обернулся:

– За что?

Мне вдруг все это перестало нравиться. И прежде всего потому, что О'Нил вдруг стал спокойным и расслабленным.

– Заговор с целью убийства.

В комнате внезапно стало очень тихо.

– Заговор?!

Ну, вы-то наверняка знаете, каково это, когда нормальный ход вещей вдруг сбивается. В обычном состоянии слова направляются мозгом к языку, и где-то на полпути вы улучшаете

мгновение, дабы убедиться: именно эти слова вы и заказывали, в аккуратненькой обертке с красивым бантиком. И лишь тогда разрешаете словам двигаться дальше, к кончику языка, а уже оттуда – вперед, на волю.

Но когда нормальный ход вещей вдруг сбивается, проверяющая часть может завалить все дело.

О'Нил произнес всего четыре слова: «Заговор с целью убийства».

Для меня было бы правильнее с недоверием вскрикнуть: «Убийства?!» Наверное, очень небольшая группа населения с явными психическими отклонениями заинтересовалась бы предлогом «с». Но из этих четырех слов одно я не должен был выбирать ни под каким видом – слово «заговор».

Конечно, заведи мы нашу беседу по новой, я сделал бы все иначе. Но этого не случилось.

Соломон смотрел на меня. О'Нил смотрел на Соломона. А я уже вовсю орудовал вербальным веником, помогая себе вербальным совком:

– Что за бред вы тут несете?! Вам что, больше заняться нечем?! Если вы намекаете на то, что произошло вчера вечером, то вам – если вы, конечно, прочли мои показания – должно быть прекрасно известно, что я видел этого человека впервые в жизни, что я защищался, подвергнувшись противозаконному нападению, и что в ходе борьбы он... ударился головой.

До меня вдруг дошло, сколь неуклюжей получилась фраза.

– Полицейские, – продолжил я, – заявили, что полностью удовлетворены моим объяснением, и...

Я заткнулся.

О'Нил непринужденно откинулся на спинку стула и сцепил руки за головой. Под каждой из подмышек проступало пятно размером с десятипенсовик.

– Ну естественно, они заявили, что *полностью* удовлетворены вашим объяснением. А как вы думаете – почему? – спросил О'Нил с ужасно самоуверенным видом. Он подождал моего ответа, но поскольку в голову мне ничего подходящего нелезло, я позволил ему продолжать. – Да потому, что в тот момент им было неизвестно то, что известно сейчас нам.

Я вздохнул.

– О господи! Честное слово, я в таком восторге от нашей милой беседы, что боюсь, как бы у меня кровь носом не пошла. Ну и что же такое офигенно важное вы узнали? С какой стати вам понадобилось тащить меня сюда силком в такое, мягко выражаясь, нелепое время суток?

– Тащить? – переспросил О'Нил. Брови его слились с волосами. Он повернулся к Соломону: – Вы что, *тащили* сюда мистера Лэнга?

В его манерах вдруг появилась игривость – зрелище, честно говоря, тошнотворное. Соломон, похоже, ужаснулся не меньше моего, поскольку ничего не ответил.

– Моя жизнь в этой комнате угасает на глазах, – сказал я раздраженно. – Нельзя ли перейти к сути дела?

– Очень хорошо, – ответил О'Нил. – То, что полиции не было известно тогда, а нам известно сейчас, заключается в следующем. Неделию назад у вас состоялась тайная встреча с канадским торговцем оружием по фамилии Маккласки. Упомянутый Маккласки предложил вам сто тысяч долларов при условии, что вы... устраните Вульфа. Нам известно, что вы появились в лондонском доме Вульфа, где столкнулись с человеком по фамилии Райнер, он же Уайатт, он же Миллер, законно нанятым Вульфом на должность личного телохранителя. Нам также известно, что в результате вашего столкновения Райнер получил тяжкие телесные повреждения.

Мне показалось, что мой желудок сжался до размеров и плотности мячика для игры в крикет. Капля пота неуклюже ползла вниз по спине, словно начинающий альпинист-любитель.

О'Нил продолжал:

– Нам известно, что вопреки истории, которую вы изложили полиции, вчера ночью в службу «999» поступил не один, а два телефонных звонка: первый – в «скорую», а уже второй – в полицию. Звонки были сделаны с интервалом в пятнадцать минут. Нам известно, что вы сообщили полиции вымышленное имя, – по причинам, которые нам пока не удалось установить. И наконец, – он взглянул на меня, будто плохой фокусник, собирающийся извлечь кролика из шляпы, – нам известно, что четыре дня назад на ваш банковский счет в

Суисс-Коттедже поступила сумма в двадцать девять тысяч четыреста фунтов стерлингов, что эквивалентно пятидесяти тысячам долларов США. – Он захлопнул папку и улыбнулся: – Ну как, достаточно для начала?

Я сидел на стуле посреди кабинета. Соломон ушел за кофе для нас с О'Нилом и ромашковым чаем для себя. Земной шар вращался уже не столь стремительно.

– Послушайте, – сказал я, – ведь это же совершенно очевидно. Я не знаю, по какой причине, но кому-то очень хочется меня подставить.

– Тогда объясните, пожалуйста, мистер Лэнг, почему это умозаключение кажется вам таким уж очевидным?

К О'Нилу вернулась прежняя манерность. Я глубоко вдохнул.

– Ну, во-первых, мне абсолютно ничего не известно об этих деньгах. Честное слово. Их мог перевести кто угодно, из любого банка мира. Проще пареной репы.

О'Нил уже всюду устраивал новое шоу: медленно открутив колпачок с классического позолоченного «паркера», он принялся сосредоточенно строчить в своем талмуде.

– И потом, есть еще дочь, – продолжал я. – Она видела нашу схватку. И подтвердила мои показания вчера вечером. Почему вы не доставили сюда ее?

В этот момент приоткрылась дверь и в кабинет спиной всунулся Соломон, балансируя тремя чашками. Он успел уже где-то избавиться от своего коричневого плаща и теперь щеголял в такого же цвета кардигане на молнии. О'Нила одежда подчиненного явно раздражала, даже мне было ясно, что наряд Соломона абсолютно не вписывается в обстановку.

– Заверяю вас, мистер Лэнг, мы непременно побеседуем с мисс Вульф при первой же подходящей возможности, – ответил О'Нил, осторожно отхлебнув кофе. – Однако именно вы, мистер Лэнг, в первую очередь являетесь причиной беспокойства моего департамента. Именно к вам, мистер Лэнг, обратились с предложением совершить убийство. С вашего согласия или без такового, но деньги были переведены именно на ваш банковский счет. Именно вы появляетесь в доме объекта и едва не убиваете его телохранителя. После чего именно вы...

– Минутку, – перебил его я. – Можете вы подождать всего одну долбаную минутку, в конце-то концов?! Что это еще за херня про телохранителя? Вульфа даже не было дома.

О'Нил окинул меня до омерзения невозмутимым взглядом.

– Я хочу сказать: как может телохранитель охранять тело, которое даже не находится в одном с ним здании? По телефону? Это что, какой-то новый вид цифрового телохранительства?

– То есть вы обыскивали дом, мистер Лэнг? – поинтересовался О'Нил. – Вы проникли в дом и осмотрели его в поисках Александра Вульфа?

На его губах заиграла улыбочка.

– Его дочь сообщила мне, что отца нет дома, – отрезал я раздраженно. – И вообще, не шли бы вы куда подальше.

О'Нила слегка передернуло.

– Как бы то ни было, – сухо проговорил он, – при сложившихся обстоятельствах вы явно заслуживаете нашего бесценного времени и сил.

Я по-прежнему ничего не понимал.

– Почему? Почему вашего, а не полиции? Что такого особенного в этом Вульфе? – Я перевел взгляд с О'Нила на Соломона. – И, коли уж на то пошло, что такого особенного во мне?

На столе заверещал телефон. Отработанно-манерным движением О'Нил схватил трубку и поднес ее к уху, мастерски забросив шнур за локоть. Во время разговора он не сводил с меня взгляда.

– Да? Да... Разумеется... Спасибо.

Через мгновение трубка вернулась обратно и заснула крепким сном. Наблюдая за тем, как он с ней управляется, я сделал вывод, что обращение с телефоном является одним из величайших талантов О'Нила.

Нацарапав еще что-то в блокноте, он кивком подозвал Соломона. Тот долго вглядывался в написанное, после чего оба уставились на меня.

– У вас имеется огнестрельное оружие, мистер Лэнг?

О'Нил расцвел в очередной радостной улыбке. Мне стало не по себе.

– Нет.

– Имеете ли вы доступ к огнестрельному оружию какого-либо рода?

– После армии – нет.

– Понятно. – О'Нил довольно кивнул.

Он взял длинную паузу, сверяясь с блокнотом и как бы убеждаясь, что все детали зафиксированы предельно точно.

– То есть известие о том, что в вашей квартире обнаружен пистолет марки «браунинг», калибра девять миллиметров, с пятнадцатью патронами в обойме, для вас, естественно, является полной неожиданностью?

Я обдумал его слова.

– Для меня гораздо большей неожиданностью является то, что в моей квартире устроили обыск.

– Ой, не берите в голову.

Я вздохнул.

– Что ж. Тогда – нет, я не особенно удивлен.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что до меня, похоже, начинает доходить.

О'Нил с Соломоном выглядели озадаченными.

– Да бросьте вы! Полагаю, человек, готовый выложить тридцать кусков, лишь бы выставить меня наемным убийцей, уж точно не остановится перед тем, чтобы накинуть еще три сотни фунтов и выставить меня наемным убийцей с огнестрельным оружием.

Следующую минуту О'Нил забавлялся своей нижней губой, тиская ее пальцами.

– Похоже, мы имеем большую проблему, не так ли, мистер Лэнг?

– Неужели?

– Да, видимо, так и есть. – О'Нил оставил губу в покое, и та обиженно оттопырилась. – Либо вы действительно наемный убийца, либо кто-то из всех сил старается, чтобы вас приняли за такового. А проблема как раз в том, что каждая из имеющихся в моем распоряжении улики одинаково подходит к обеим версиям. Так что все очень и очень сложно.

Я пожал плечами.

– Должно быть, именно поэтому вам и дали такой большой стол.

В конечном итоге им пришлось меня отпустить. По какой-то причине они не хотели впутывать в это дело полицию, которая запросто могла выдвинуть против меня обвинение в незаконном хранении огнестрельного оружия, а у Министерства обороны, насколько мне известно, своих собственных камер предварительного заключения нет.

О'Нил попросил мой паспорт, и, прежде чем я успел завести басню о том, как тот оказался безвозвратно утерян в недрах стиральной машины, Соломон извлек его из заднего кармана своих брюк. Мне было велено оставаться на связи и немедленно сообщать обо всех посторонних, которые попытаются вступить со мной в контакт. Мне ничего не оставалось, как согласиться.

Выйдя из здания, я решил прогуляться через парк Сент-Джеймс. Стояла редкая для апреля солнечная погода, а я пытался понять, стал ли я чувствовать себя как-то иначе, узнав, что Райнер просто выполнял свою работу. Меня также волновал вопрос: почему я ничего не знал о том, что он является телохранителем Вульфа? И о том, что телохранитель вообще существует?

Но гораздо, гораздо больше меня волновал совсем другой вопрос: почему об этом не знала его дочь?

3

И Бога, и врача мы равно чтим, но только когда грозит опасность нам, а ранее – нисколько.

Джон Оуэн

Сказать по правде, в тот момент мне было себя ужасно жалко.

Пустой карман мне не в диковинку, да и с безработицей я знаком отнюдь не понаслышке.

Меня бросали женщины, которых я любил. Да и зубами я в свое время помаялся – мама не горюй. Но все это цветочки по сравнению с ощущением, будто мир ополчился против тебя.

Я стал вспоминать друзей, на помощь которых мог бы рассчитывать, но – так происходит всякий раз, когда я решаю провести подобную социальную ревизию, – пришел к выводу, что друзья либо за границей, либо на том свете, либо женаты на дамах, не одобряющих мою персону, либо, если хорошенько подумать, вовсе никакие и не друзья.

Вот почему я стоял в телефонной будке на Пикадилли и набирал номер Полли.

– К сожалению, он сейчас в суде, – ответил женский голос. – Ему что-нибудь передать?

– Передайте, что звонил Томас Лэнг и что если ровно в тринадцать ноль-ноль, минута в минуту, он не будет угощать меня ланчем в ресторане «Симпсонс» на Стрэнде, то может распрощаться со своей карьерой юриста.

– Распрощаться со своей карьерой, – послушно повторила секретарша. – Я обязательно передам ему ваше сообщение, мистер Лэнг. Всего вам наилучшего.

Как-то так получилось, что у нас с Полли – полное имя Пол Ли – сложились весьма необычные отношения.

Необычные в том смысле, что встречаемся мы раз в два месяца – пиво, ужин, театр, опера, которую Полли просто обожает, – и при этом оба открыто признаем, что не питаем друг к другу ни капли симпатии. Просто ни капельки. Если бы наша антипатия вдруг разгорелась до ненависти, такие отношения еще можно было бы истолковать как некое извращенное выражение любви. Но мы не ненавидим друг друга. Мы просто не нравимся друг другу – вот и все.

Я нахожу Полли честолюбивым и алчным хлыщом; он же считает меня раздолбаем и пофигистом, на которого нельзя рассчитывать. Единственная положительная сторона нашей так называемой «дружбы» – это ее полная взаимность. Мы встречаемся, проводим час-другой в компании друг друга и затем расстаемся, причем каждый в абсолютно равной мере чувствует одно и то же: ну слава тебе господи. Полли как-то признался, что в обмен на пятьдесят фунтов, истраченные на мой ростбиф с кларетом, он получает ни с чем не сравнимое чувство превосходства.

Галстук пришлось выпрашивать у метрдотеля, и он наказал меня, предложив выбор между лиловым и лиловым, зато ровно в двенадцать сорок пять я уже сидел за столиком в «Симпсонс», растворяя неприятности сегодняшнего утра в большой порции водки с тоником. Прочие клиенты по большей части были американцами, именно поэтому говядья лопатка расходилась в этом заведении значительно активнее бараньей. Американцы так и не приучились питаться овцами. Мне кажется, они считают эту еду «бабской».

Полли появился минута в минуту, но я прекрасно знал, что он все равно примется извиняться за опоздание.

– Прости, что опоздал, – сказал он. – Что там у тебя? Водка? Принесите мне то же самое.

Официант отчалил, и Полли заозирался по сторонам, оттягивая галстук и выпячивая подбородок, дабы ослабить давление воротника на жировые складки шеи. Волосы у него, как всегда, были безупречно промыты. Полли уверяет, что это очень импонирует присяжным, однако, сколько я его знаю, любовь к собственной шевелюре всегда была его слабостью. Господь явно не облагодетельствовал Полли излишком красоты, но, опомнившись, в качестве утешения за низкий рост и пухлое тельце, расщедрился на густейшую копну волос, которую Полли, похоже, вознамерился сохранить до самых преклонных лет.

– Привет, Полли, – сказал я, делая очередной глоток водки.

– Здорово. Как оно?

Полли имеет прискорбную привычку не смотреть на собеседника.

– Нормально. А у тебя?

– Отмазал-таки пидора.

И он с удивлением покачал головой. Человек, не устающий изумляться собственным способностям.

– Не знал, что ты увлекаешься содомитами.

Он не улыбнулся. Полли по-настоящему улыбается только по выходным.

– Отвали. Я о том парне, о котором тебе рассказывал. Забил своего племянника до смерти садовой лопатой. А я его вытащил.

– Но ведь ты же говорил, что он виновен.

– Так и есть.

– Как же тебе удалось его вытащить?

– Врал как сивый мерин, – ответил Полли. – Ты уже выбрал?

Мы поговорили о своих производственных успехах, пока ждали суп. Каждая из побед Полли навевала на меня скуку, каждое из моих поражений становилось усладой его души. Он поинтересовался, как у меня с деньгами, хотя мы оба прекрасно знали, что, будь у меня с деньгами совсем никак, он бы и пальцем не пошевелил. Я же спросил его об отпуске – прошлом и будущем. О своих отпусках Полли мог распинаться часами.

– Мы с корешами собираемся на Средиземное море. Возьмем напрокат яхту, акваланги, виндсерфинг – все, что только можно. Наймем первоклассного кока и т. д. и т. п.

– Парусную или моторку?

– Парусную. – На мгновение он нахмурил брови, но вдруг словно помолодел лет на двадцать. – Хотя если хорошенько подумать, то лучше, наверное, моторку. Все равно там будут матросы – они и разберутся, что к чему. А ты-то как, в отпуск собираешься?

– Пока еще не думал об этом, – ответил я.

– Хотя ты, в общем-то, и так каждый день в отпуске. От чего тебе отдыхать-то?

– Отлично сказано, Полли.

– А что, не так, что ли? После армии чем ты вообще занимался?

– Консультациями.

– Какими еще, на хрен, консультациями?! Ладно, проехали. Давай-ка лучше спросим нашего консультанта по провианту, где, черт возьми, этот долбаный суп?

Мы завертели головами в поисках официанта, и вот тут-то я углядел филеров.

Двое типов за столиком у выхода: стаканы с минералкой, и моментально отвернулись, стоило мне посмотреть в их сторону. Тот, что постарше, выглядел так, словно его проектировал тот же самый архитектор, что занимался и Соломоном; да и второй, который помоложе, явно старался держать курс в том же направлении. Оба были плотного телосложения, и я почти обрадовался такой компании.

Наконец суп принесли. Сняв пробу, Полли вынес вердикт: «Сгодится». Я пододвинул стул и навис над башкой приятеля. Нет, я отнюдь не собирался пробовать его мозги: по правде сказать, они еще не очень-то созрели.

– Послушай, Полли. Тебе имя Вульф о чем-нибудь говорит?

– Это человек или фирма?

– Человек Думаю, американец. Бизнесмен.

– А что он натворил? Вождение в нетрезвом виде? Я такой ерундой больше не занимаюсь. А если и займусь когда-нибудь, то не меньше чем за мешок денег.

– Насколько мне известно, он ничего такого не натворил. Просто интересно, слышал ли ты о нем. А компания его называется «Гейн Паркер».

Полли пожал плечами и принялся крошить булочку на мелкие кусочки.

– Если хочешь, могу навести справки. А для чего тебе?

– Да предлагали недавно кое-какую работенку. Я хоть и отказался, но все равно интересно.

Он понимающе кивнул, запихивая порцию хлеба в рот.

– Кстати, пару месяцев назад я тоже кое-кому посоветовал твою кандидатуру.

Ложка с супом замерла на полпути между моим ртом и тарелкой. Это было так непохоже на Полли – проявлять участие в моей жизни, тем более такое активное.

– Кое-кому – это кому?

– Да так, одному канадцу. Ему требовался паренек, который умеет работать кулаками.

Телохранилитель или что-то вроде того.

– А как его звали?

– Не помню. Кажется, начиналось на И.

– Маккласки?

– Маккласки – это, по-твоему, на И? Нет, что-то вроде Иакова или Иосифа. Так он на тебя не выходил?

– Нет.

– Жаль. Я думал, что уломал его.

– И ты что, сообщил ему мое имя?

– Нет, блин, размер ботинок. Естественно, я сообщил ему твое имя. Правда, не сразу. Сначала я подкинул ему кое-каких частных детективов, услугами которых мы иногда пользуемся. Сказал, что у них на примете всегда найдется парочка-другая качков, которые могут поработать телохранителями. Но его это не заинтересовало. Ему нужно было что-то элитное. Из бывших военных, так он сказал. И ты оказался единственным, кто пришел на ум. Кроме Энди Харка, конечно, но тот и так имеет сотню штук в год в своем банке.

– Спасибо, Полли. Я тронут до глубины души.

– Кушайте на здоровье.

– А как вы с ним познакомились?

– Он заходил к Тоффи, а я как раз там болтался.

– Что за Тоффи?

– Спенсер. Мой босс. Называет себя Тоффи. Почему – не знаю. Говорят, что-то связанное с гольфом, но я точно не уверен.

На секунду я задумался.

– Так ты не знаешь, зачем тот тип заходил к Спенсеру?

– Кто сказал, что не знаю?

– А что, знаешь?

– Нет.

Полли уставился куда-то в одну точку у меня за головой, и я решил посмотреть, в чем там дело. Двое у выхода встали из-за столика. Тот, что постарше, что-то сказал метрдотелю, который тут же направил официанта в нашу сторону. Кое-кто из посетителей с интересом наблюдал за происходящим.

– Мистер Лэнг?

– Да, это я.

– Вас к телефону, сэр.

Я пожал плечами, как бы извиняясь перед Полли, который, послунявив палец, методично подбирал крошки со скатерти.

К тому моменту, когда я добрался до двери, младший из соглядатаев уже куда-то свинтил. Я попытался поймать взгляд того, что постарше, но он увлеченно разглядывал бездарную гравюру на стене.

– Командир, – в трубке раздался голос Соломона, – не все в порядке в датском королевстве.

– Надо же. Какая жалость, – ответил я. – А шло все так чудесно.

Соломон начал что-то говорить, но в этот момент раздался щелчок, затем – треск, и линия заполнилась пронзительным писком О'Нила:

– Лэнг, это вы?

– Я, – подтвердил я.

– Девушка, Лэнг. Лучше сказать, молодая особа. Как вы считаете, где она может находиться в настоящий момент?

Я рассмеялся в трубку.

– Это вы *меня* спрашиваете?

– Разумеется, вас. У нас проблема, Лэнг. Мы никак не можем установить ее местонахождение.

Я взглянул на своего провожатого: тот по-прежнему пялился на гравюру.

– Как это ни прискорбно, мистер О'Нил, но я ничем не могу вам помочь. У меня, к сожалению, нет штата из девяти тысяч работников и бюджета в двадцать миллионов, чтобы отыскивать пропавших людей и устраивать за ними слежку. Хотя, знаете-ка что, попробуйте обратиться к охранникам Министерства обороны. Говорят, они большие доки в таких делах.

Однако О'Нил уже повесил трубку.

Я оставил Полли расплачиваться по счету, а сам прыгнул в автобус, идущий к Холланд-Парк. Мне хотелось посмотреть, что за кавардак устроила шайка О'Нила в моей квартире, а заодно проверить, не пытались ли на меня выйти еще какие-нибудь канадские воротилы с ветхозаветными именами.

Соломоновы провожатые ворвались в автобус следом за мной и теперь тарасились в окно, словно провинциалы, впервые очутившиеся в Лондоне.

Доехав до Ноттинг-Хилла, я подобрался к ним поближе.

– Можете сойти вместе со мной, парни. Тогда не придется нестись со всех ног от следующей остановки.

Тот, что постарше, упорно продолжал пялиться куда-то в сторону, но второй, что помоложе, осклабился во весь рот. В конечном итоге сошли мы вместе. Я вошел в свой дом, они же принялись слоняться туда-сюда по противоположной стороне улицы.

Даже если бы никто не сказал мне ни словечка, я бы все равно в момент вычислил, что в квартире рылись. Нет, я, конечно, не надеялся, что мне поменяют простыни и пропылесосят ковры, но хоть чуть-чуть прибраться-то можно было. Вся мебель была передвинута, немногочисленные картины на стенах перекособолены, а на книжные полки вообще без слез не взглянешь: книги стояли как попало. Даже в музыкальный центр они умудрились засунуть не тот компакт-диск. Хотя, кто знает: может, ребята просто решили, что под бути Профессора Лонгхэйра² обыск пойдет веселее?

Я даже не потрудился переставить все обратно. Вместо этого напрямик направился на кухню, щелкнул электрочайником и громко спросил:

– Чай или кофе?

Из спальни послышался слабый шорох.

– Или лучше все-таки кока-колу?

Все время, пока чайник с присвистом прокладывал себе дорогу к кипению, я стоял спиной к двери. Но приближающиеся шаги прекрасно слышал. Вывалив энное количество кофейных гранул в кружку, я повернулся.

Вместо шелкового пеньюара на Саре Вульф в этот раз были потертые джинсы и темно-серая хлопчатобумажная водолазка. Волосы были убраны в прическу типа «конский хвост», на которую у одних женщин уходит не больше пяти секунд, а у других – не меньше пяти дней. А в качестве аксессуара в тон водолазке сегодня Сара подобрала «вальтер ТРН» 22-го калибра, который и сжимала сейчас в правой руке.

«ТРН» – маленькая и легкая штучка. С ровной отдачей, коробчатым магазином на шесть патронов и стволом диаметром два с четвертью дюйма. И кстати, абсолютно бесполезная в качестве огнестрельного оружия: если гарантированно не попасть в сердце или в мозг, то свою мишень вы только раздразите. Зайди речь об оружии, большинство людей охотнее остановили бы свой выбор на замороженной скумбрии.

– Ну, мистер Финчам, – сказала она, – и как же вы догадались, что я здесь?

Голос ее был под стать внешности – выразительный.

– «Флер де флер», – ответил я. – На прошлое Рождество я подарил такие же своей уборщице, но знаю, что она ими не пользуется. Значит, остаетесь только вы.

Она обвела квартиру скептическим взглядом, выразительно изогнув бровь.

– У вас есть уборщица?

– Да-да, сам знаю, – ответил я. – Дай ей бог здоровья. Артрит, знаете ли. Не может убирать ничего ниже своих колен или выше плеч. Я стараюсь оставлять грязные шмотки где-нибудь на уровне талии, но порой... – Я улыбнулся. Ответной улыбки не последовало. – Раз уж на то пошло, а вы-то как здесь оказались?

– Дверь была не заперта.

² Профессор Лонгхэйр (настоящее имя Генри Роулэнд Берд, 1918–1980) – легендарный новоорлеанский пианист, разработавший технику исполнения рок-н-ролла на фортепьяно. – Здесь и далее примеч. ред.

Я недовольно покачал головой.

– Халтурщики. Надо будет написать жалобу нашему местному депутату в парламент.

– Что?

– Сегодня утром, – сказал я, – в моей квартире был обыск. Британская секретная служба. Между прочим, профессионалы, обученные на деньги налогоплательщиков. И ведь даже не удосужились запереть за собой дверь. Ну и как это, по-вашему, называется? У меня кола только диетическая. Устроит?

Пистолет был по-прежнему направлен в мою сторону, но к холодильнику за мной не последовал.

– А что они искали?

Теперь она внимательно смотрела в окно. У нее и правда был такой вид, будто утро она провела чертовски паршиво.

– Ума не приложу, – ответил я. – Вообще у меня где-то в шкафу валяется футболка в сеточку. Может, по нынешним временам это считается государственным преступлением?

– Они нашли пистолет?

Она по-прежнему не смотрела на меня. Чайник щелкнул, и я налил кипяток в кружку.

– Да, нашли.

– Тот самый, которым вы собирались убить моего отца?

Я даже не повернулся. Просто продолжал заниматься приготовлением кофе.

– Такого пистолета не существует. Пистолет, который они нашли, подбросил сюда тот, кто хотел, чтобы все выглядело так, будто именно из него я собирался убить вашего отца.

– И ему это удалось.

Теперь она смотрела прямо на меня. И 22-й калибр – тоже. Однако я всегда гордился своей способностью сохранять хладнокровие, так что невозмутимо долил молока в кофе и закурил. Ее это явно разозлило.

– Наглый сукин сын, да?

– Вопрос не по адресу. Моя мама, кстати, меня обожает.

– Вот как? И это причина, почему я не должна в вас стрелять?

Я очень надеялся, что она все же не станет упоминать о пистолетах и стрельбе, поскольку такая контора, как Министерство обороны, могла запросто напихать по всей квартире «жучков», но коль скоро она решила завести этот разговор, проигнорировать его я не мог.

– Позволено мне кое-что сказать прежде, чем вы нажмете на курок?

– Валяйте.

– Если бы я действительно намеревался воспользоваться оружием для убийства вашего отца, то почему его не было при мне вчера ночью, когда я посетил ваш дом?

– А может, было?

Я помедлил, отхлебнув кофе.

– Достойный ответ. Ладно, допустим, оно было при мне вчера ночью, тогда почему я не применил его против Райнера, когда тот ломал мне руку?

– А может, вы пытались? Может, именно поэтому он и ломал вам руку?

Господи, эта женщина начинала меня утомлять.

– Еще один достойный ответ. Ладно, тогда ответьте на еще один вопрос. Кто вам сообщил, что у меня нашли пистолет?

– Полиция.

– Не-а, – возразил я. – Возможно, ребята и представились вам полисменами, но на самом деле они не оттуда.

Пока я раздумывал, не броситься ли на нее, предварительно швырнув кружку с кофе, надобность в этом отпала. Глядя поверх ее плеча, я видел, как филеры Соломона осторожно чешут через гостиную: тот, что постарше, выставил перед собой здоровенный револьвер, вцепившись в него обеими руками; тот, что помоложе, радостно скалился. Я решил не мешать жерновам правосудия: пусть немного помелют.

– И вообще, неважно, кто мне об этом сообщил, – поставила точку Сара.

– Еще как важно. Одно дело, когда продавец в магазине убеждает тебя, что стиральная машина – просто чудо. И совсем другое, когда об этом вещает архиепископ Кентерберийский:

мол, это Божье чудо, коли грязь удаляется даже при низких температурах. По-моему, разница огромная.

– Что вы хотите этим...

Она услышала их, когда те находились на расстоянии вытянутой руки. Она развернулась, и молодой профессиональным движением ухватил ее за кисть и вывернул бедняжке руку. Она тихонько взвизгнула, и пистолет выпал из ее пальцев.

Я поднял его с пола и передал, рукояткой вперед, старшему из провожатых. Страстно желая показать, какой я хороший мальчик. Жаль, что этого так никто и не оценил.

К тому времени, когда прибыли О'Нил и Соломон, мы с Сарой сидели, уютно воткнутые в диван, а филеры обрамляли дверь. Беседа не клеилась. Суэта и беготня О'Нила мигом придали квартире густонаселенный вид. Я вызвался смотаться в ближайшую лавку за пирожными, но О'Нил продемонстрировал одну из своих самых свирепейших физиономий из серии «на моих плечах – судьба всего западного мира», так что все приутихли, а мы с Сарой дружно принялись изучать свои руки.

Пошептавшись о чем-то с провожатыми, которые тут же беззвучно исчезли, О'Нил принялся расхаживать взад-вперед по комнате, хватать одну вещь за другой и презрительно кривить губы. Он явно чего-то ждал – чего-то, чего в моей квартире не было и что вряд ли собиралось появиться из-за двери, – так что я демонстративно встал и направился к телефону. Звонок раздался ровно в ту же секунду, когда я протянул руку к трубке. Изредка, но в жизни случается и не такое.

Я поднял трубку.

– Аспирантура, – грубо рявкнул голос с американским акцентом.

– Кто это?

– Это О'Нил?

В голосе отчетливо звучала злоба. Да уж, у такого солонку за столом не попросишь.

– Нет, но мистер О'Нил здесь. А с кем имею честь?

– Позовите О'Нила, черт бы вас побрал!

Я обернулся. О'Нил уже спешил ко мне, требовательно простерев руку.

– А вот хрен тебе, – сказал я и повесил трубку.

Возникла небольшая заминка, но потом все словно с цепи сорвались. Соломон тащил меня обратно к дивану – не то чтобы грубо, но и не слишком-то вежливо, О'Нил что-то орал парочке провожатых, которые снова возникли в дверях, те орали друг на друга, а в углу опять надрывался телефон.

О'Нил схватил трубку и запутался в шнуре, который не желал подстраиваться под его замашки хозяина жизни. Сразу стало очевидно, что в мире, где обитает О'Нил, существуют шишки и покрупнее, как, например, этот неотесанный американец на другом конце провода.

Соломон толкнул меня обратно на диван рядом с Сарой, которая с непонятым отращением сжалась. Нет, правда, в этом что-то есть – когда тебя ненавидит столько народу сразу, да еще в твоём собственном доме.

Минуту-другую О'Нил подобострастно кивал и поддакивал, затем крайне деликатно вернул трубку на место. И посмотрел на Сару.

– Мисс Вульф, – сказал он необычайно вежливо, – вам надлежит срочно явиться к мистеру Расселу Барнсу в американское посольство. Один из этих джентльменов вас доставит.

И О'Нил уставился на дверь, точно ожидая, что Сара вскочит с дивана и вприпрыжку помчится куда велено.

Но Сара не двинулась с места.

– А не засунул бы ты этот торшер себе в жопу, – сказала она.

Я рассмеялся.

Так уж вышло, что никто меня не поддержал, а О'Нил даже наградил меня одним из своих знаменитых взглядов. Но на этот раз конкуренцию ему составила Сара, уставившаяся на него просто с людоедской свирепостью.

– Я хочу знать, что вы собираетесь делать с этим человеком, – сказала она. И мотнула головой в мою сторону так яростно, что я решил попридержать свой смех.

– Мистер Лэнг – это наша забота, мисс Вульф, – ответил О'Нил. – У вас же свои собственные обязательства перед вашим государственным департаментом, так что...

– Вы ведь не из полиции, да?

Во взгляде О'Нила появилась неловкость.

– Нет, мы не из полиции, – ответил он очень осторожно.

– Что ж, тогда я хочу, чтобы прибыла полиция и арестовала этого человека за покушение на убийство. Он уже пытался убить моего отца и наверняка попытается снова.

О'Нил посмотрел на нее, на меня и, наконец, на Соломона. Казалось, ему срочно требуется чья-то поддержка, но вряд ли он мог рассчитывать на кого-то из нас.

– Мисс Вульф, мне поручено сообщить вам...

Он замолчал, словно никак не мог вспомнить, что же ему там поручено. Поморщив нос, он все же решил продолжить:

– Мне поручено сообщить вам, что ваш отец в настоящий момент является объектом следствия со стороны правительственных органов Соединенных Штатов Америки, осуществляемого при поддержке моего департамента, который, в свою очередь, является частью британского Министерства обороны. – Фраза увесисто брякнулась об пол, а мы продолжали сидеть, не шелохнувшись. – Так что не вам решать, выдвигать или нет против мистера Лэнга обвинения, а также предпринимать или нет какие-либо действия в отношении вашего отца и его деятельности.

Не могу сказать, что я большой спец в физиогномике, но даже я заметил, что у Сары нечто вроде шока. Цвет ее лица менялся на глазах – от серого к белому.

– Какой еще деятельности? И какого еще следствия?

В ее голосе слышался надрыв. О'Нил явно чувствовал себя не в своей тарелке – я прекрасно видел, что он до смерти боится, как бы Сара не расплакалась.

– Мы подозреваем вашего отца, – наконец выдавил он из себя, – в транспортировке запрещенных веществ на территорию Европы и Северной Америки.

В комнате вдруг сразу стало очень тихо, все разом уставились на Сару. О'Нил прокашлялся.

– Ваш отец, мисс Вульф, занимается незаконными перевозками наркотиков.

Теперь настала ее очередь смеяться.

4

В траве скрывается змея.

Вергилий

Как все хорошее, – собственно, как и все плохое – закончилось и это. Клоны моего приятеля Соломона усадили Сару в очередной «ровер» и умчали в направлении Гросвенор-сквер, а О'Нил вызвал такси, которое приехать не спешило, что позволило ему всласть поглумиться над моими личными вещами. Когда он наконец убрался, настоящий Соломон вымыл кружки, а затем предложил сходить куда-нибудь угоститься теплым, питательным пивком.

Было еще только половина шестого, но пивные уже вовсю стонали от нашествия юнцов в деловых костюмах, с нелепыми усишками и их болтовни о том, куда катится мир. Нам удалось отыскать свободный столик в баре небольшой гостиницы под вывеской «Двугорлый лебедь», где Соломон устроил настоящий спектакль расточительности, роясь по карманам в поисках мелочи. Я посоветовал ему списать пиво на служебные издержки, на что он тут же предложил мне запустить лапу в тридцать тысяч фунтов на моем счету. Мы бросили монету, и я проиграл.

– Безмерно обязан вам за вашу доброту, командир.

– На здоровье, Давид.

Мы присосались к бокалам, и я закурил.

Я ждал, что Соломон первым поделится своими наблюдениями о событиях прошедших суток, но ему, похоже, больше нравилось просто сидеть и слушать, как шумная компания риелторов за соседним столиком обсуждает автомобильную сигнализацию. Он умудрился

сделать так, что я почувствовал, будто поход в бар – целиком и полностью моя идея. Меня такой поворот совсем не устраивал.

– Давид.

– Сэр.

– Это ведь не просто дружеские посиделки?

– Дружеские посиделки?

– Тебе ведь велели вывести меня куда-нибудь, не так ли? По-приятельски похлопать по спине, угостить выпивкой, выяснить, не сплю ли я с принцессой Маргаритой?

Соломона всегда раздражали упоминания королевской семьи всуе, почему, собственно, я и затеял весь этот разговор.

– Я должен находиться рядом, сэр, – буркнул он наконец. – И я просто подумал, что будет веселее, если мы где-нибудь посидим за одним столиком.

Похоже, он решил, что ответил на мой вопрос.

– Что происходит, Давид?

– А что происходит?

– Послушай, если ты и дальше собираешься сидеть, тарачить глаза и повторять за мной как попугай, то вечерок у нас получится скучноватым.

Пауза.

– Скучноватым?

– Слушай, заткнись, а?! Ты же меня знаешь, Давид.

– Имею честь.

– Меня можно назвать кем угодно, но только не наемным убийцей.

Он глотнул пива и облизнул губы.

– Из моего опыта, командир, я знаю, что никого нельзя назвать наемным убийцей. До тех пор, пока он им не станет.

Пару секунд я смотрел ему в глаза.

– Я сейчас очень сильно ругнусь, Давид.

– Как вам будет угодно, сэр.

– Твою мать! Что ты хочешь этим сказать?

Риелторы переключились на тему женских сисек, этот неисчерпаемый источник веселья. Их гогот заставил меня почувствовать себя стосорокалетним стариком.

– Знаете, как у собачников? – заговорил Соломон. – «Что вы, мой песик совсем не кусается», – вечно твердят они. До тех пор, пока вдруг не приходится признать: «Сам не пойму, никогда с ним раньше такого не было». – Он заметил, что я хмурюсь. – Я просто хочу сказать, командир, что по-настоящему никто ни про кого ничего не знает. Ни про человека, ни про собаку. *По-настоящему* – никто.

Я со стуком опустил бокал на стол.

– Никто ни про кого ничего не знает? Надо же. То есть ты хочешь сказать, что, несмотря на те два года, что мы с тобой были не разлей вода, ты до сих пор не в курсе, могу я убить человека за деньги или нет?

Честно говоря, я немного расстроился. Хотя расстроить меня не так-то просто.

– А как вы думаете, я смог бы? – спросил Соломон. Веселая улыбочка по-прежнему гуляла на его губах.

– Смог ли бы ты убить человека за деньги? Нет, я так не думаю.

– Уверены?

– Да.

– А зря, сэр. Я уже убил одного мужчину и двух женщин.

Я знал об этом. Я также знал, какой это для него тяжелый груз.

– Но не за деньги, – ответил я. – Это не было убийством.

– Я служу короне, командир. Правительство оплачивает мои закладные. И как ни крути, – а уж вы мне поверьте, крутил я и так и сяк, – смерть этих троих обеспечила хлеб на моем столе. Еще пинту?

Я не успел ничего ответить, а он уже направлялся к бару с моим пустым бокалом.

Наблюдая за тем, как он пробивает себе дорогу сквозь плотную массу агентов по

недвижимости, я невольно поймал себя на воспоминаниях об играх в войну, в которые мы с Соломоном досыта наигрались в Белфасте.

Счастливые дни, редкие точки на фоне тягуче-печальных месяцев.

Шел 1986-й. Соломона вместе с дюжиной других столичных полицейских из особого отдела командировали для усиления облажавшихся «Королевских констеблей Ольстера». Долго доказывать, что он единственный, кто окупил свой авиабилет, Соломону не пришлось, а потому незадолго до окончания срока командировки ольстерцы, которым вообще-то трудно угодить, сами попросили его остаться на сверхсрочную и попытать силы в качестве мишени для лоялистов³ из парламента. Что он и сделал.

Я же в то время дослуживал свой последний, восьмой, армейский год – в полумиле от Соломона, в двух комнатных над туристическим агентством под гордым названием «Свобода». Подвизался я в группе с рыкастым названием ГР-24 – одном из многочисленных подразделений военной разведки, конкурировавших тогда – да и сейчас наверняка тоже – за бизнес в Северной Ирландии. Так уж получилось, что остальные мои собратья по оружию почти все поголовно были выходцами из Йтона, в контору заявлялись при галстуках, а каждый уик-энд летали в Шотландию – поохотиться на куропаток, и в результате большую часть свободного времени я проводил в компании Соломона, в основном в четырехколесных тарантайках со сломанными печками.

Однако время от времени мы все же выбирались на воздух и делали что-нибудь полезное. И за те девять месяцев, что мы провели вместе, я стал свидетелем не одного смелого и выдающегося поступка, совершенного Соломоном. Да, он забрал три жизни, но спас при этом не меньше десятка других, в том числе и мою.

Агенты по недвижимости давились от смеха, глядя на его коричневый плащ.

– Знаете, командир, Вульф – компания дурная, – сказал он.

Это была наша третья пинта, и Соломон расстегнул верхнюю пуговицу. Сохранись у меня верхняя пуговица, я сделал бы то же самое. Бар понемногу пустел, посетители расходились, кто – домой, к женам, кто – в кино. Я закурил очередную, уже не помню какую по счету сигарету.

– Из-за наркотиков?

– Из-за наркотиков.

– И все?

– А разве должно быть что-то еще?

– Ну да. – Я поглядел через стол на Соломона. – Должно быть что-то еще, раз всем этим почему-то занимается не отдел по борьбе с наркотиками. Каким боком тут замешаны ваши люди? Вам что, больше нечем заняться? И вы решили покопаться по помойкам?

– Я ничего такого не говорил.

– Ну еще бы.

Соломон помолчал, взвешивая свои слова, и, по всей видимости, нашел кое-какие из них несколько тяжеловатыми.

– Один очень богатый человек, крупный бизнесмен, приезжает к нам в страну с желанием инвестировать. В Министерстве торговли и промышленности ему суют бокал хереса и кучу глянцевого брошюр, и человек переходит к делу. Говорит, что собирается заняться производством изделий из металлопластика в широком ассортименте, и не будет ли у кого возражений, если он построит полдюжины заводов в Шотландии и северо-восточной части Англии? Кое-кто из министерских чинуш чуть не обделывается от восторга, и новоявленному инвестору тут же предлагают субсидий на пару сотен миллионов плюс постоянное разрешение на парковку в Челси. Честно говоря, даже не знаю, что круче.

Отхлебнув пива, Соломон вытер губы тыльной стороной ладони. Было заметно, что он злится.

– Проходит какое-то время. Чек обналичен, заводы гудят – и вот тут в Уайтхолле

³ Лоялисты (от англ. loyalist – верноподданный) – сторонники английской монархии, в Северной Ирландии так называют протестантов, противников отделения этой территории от Великобритании.

неожиданно звонит телефон. Международный звонок из Вашингтона. Вы что там, не в курсе, что ваш богатый бизнесмен, ну, тот, что клепает всякие пластмассовые штучки, попутно промышленяет еще и перевозками огромных партий опиума из Азии? О боже, откуда, конечно, мы не знали, огромное спасибо, что предупредили, привет жене и детишкам. Паника. Что делать?! Ведь богатый бизнесмен уже крепко сидит на огромной куче наших денежек и обеспечивает работой три тысячи наших сограждан.

Тут у Соломона словно закончилась батарейка, как будто дальше контролировать свою злость было выше его сил. Но я ждать не мог.

– И что дальше?

– А дальше собирается некий комитет из не особенно здравомыслящих леди и джентльменов, которые поднапрягают свои заплывшие жиром мозги и, посоветовавшись, принимают решение относительно возможных вариантов дальнейших действий. И получается такой список: не делаем ничего, ничего не делаем или звоним в «999» и зовем на помощь дурачка-констебля. Единственное, правда, в чем они единогласно убеждены, – так это то, что последний вариант им нравится меньше всего, а вернее, не нравится вовсе.

– И О'Нил?..

– Да, дело поручают О'Нилу. Надзор. Локализация. Контроль за ущербом. Называйте, блин, как хотите. – В лексиконе Соломона «блин» являлся грязнейшим из ругательств. – Но ничего из этого списка не должно иметь ни малейшего отношения к Александру Вульффу. Разумеется.

– Разумеется, – повторил я. – И где же Вульф сейчас?

Соломон взглянул на свои часы.

– В настоящий момент он в кресле 6С «Боинга-747» компании «Бритиш эруэйз», следует маршрутом Вашингтон–Лондон. И если у него хватит здравого смысла, то он закажет говядину по-веллингтонски. Хотя, возможно, Вульф предпочитает рыбу, но я лично в этом сомневаюсь.

– А кино какое?

– «Пока ты спал».

– Я впечатлен.

– Детали – мое божество, командир. Работенка, может, и паршивая, но это вовсе не означает, что делать ее нужно так же паршиво.

Мы дружно отхлебнули и, расслабившись, замолчали. Но я все равно должен был спросить.

– Послушай, Давид...

– К вашим услугам, командир.

– Может, ты все-таки объяснишь, какова во всем этом моя роль? – В его взгляде легко читалось «вам лучше знать», так что я решил подхлестнуть лошадей. – Я имею в виду, кто хочет его смерти и зачем представлять дело так, будто убийца – я?

Соломон осушил кружку.

– Зачем – я сам не знаю, – ответил он. – А насчет «кто», мы склонны думать, что это ЦРУ.

Ночью я ворочался – сначала немного, потом чуть поактивнее – и даже пару раз вставал, чтобы записать на мой налогово-рентабельный диктофон ряд идиотских монологов о состоянии дел. Кое-что во всей этой истории меня беспокоило, кое-что – даже пугало, но более всего не давал покоя один элемент. По имени Сара Вульф.

Поймите меня правильно: я вовсе не влюбился в нее. Да и с чего бы? В конце концов, в ее обществе я провел всего-то пару часов, не более, причем ни один из этих часов никак не назовешь приятным. Нет, я определенно не влюбился в нее. Меня не заведешь парой светло-серых глазок и взбитыми каштановыми локонами. Господи.

В девять утра я уже затягивал свой клубный галстук и застегивал пуговично-некомплектный блейзер, а в половине десятого – давил кнопку звонка в справочной Национального Вестминстерского банка в Суисс-Коттедже. Никакого четкого плана действий у меня не было, но, как мне казалось, с моральной точки зрения неплохо было бы взглянуть в глаза моему банковскому менеджеру – хотя бы раз за минувшие десять лет. Пусть даже деньги

на моем счету и не были моими.

Меня попросили подождать в приемной перед кабинетом менеджера, вручив пластиковый стаканчик с таким же пластиковым кофе, причем настолько горячим, что пить его было просто невозможно, и ставшим чуть не ледяным через какую-то сотую долю секунды. Я как раз пытался избавиться от мерзкого пойла, воспользовавшись стоявшим в углу бочонком с фикусом, когда из-за двери кабинета возникла рыжеволосая голова какого-то парнишки лет максимум девяти, кивком пригласившая меня проходить и представившаяся Грэмом Халкерстоном, заведующим отделением.

– Итак, чем могу быть вам полезен, мистер Лэнг? – сказал он, устраиваясь за таким же юным и рыжим столом.

Я принял то, что мне казалось настоящей бизнесменской позой: развалился на стуле напротив и расправил галстук.

– Что ж, мистер Халкерстон, мне бы хотелось получить информацию о денежной сумме, недавно поступившей на мой счет.

Он мельком взглянул на компьютерную распечатку на столе.

– Вы имеете в виду денежный перевод от седьмого апреля?

– Седьмого апреля, – повторил я с осторожностью, изо всех сил стараясь не перепутать его с другими платежами в размере тридцати тысяч фунтов, полученными мною за тот месяц. – Да. Похоже, это именно он.

Завотделением кивнул.

– Двадцать девять тысяч четыреста одиннадцать фунтов и семьдесят шесть пенсов. Вы не думали куда-нибудь вложить эти деньги, мистер Лэнг? Мы могли бы предложить вам целый ряд высокоэффективных финансовых продуктов, которые удовлетворят все ваши потребности.

– Мои потребности?

– Ну да. Простота доступа, высокие процентные ставки, выплаты дивидендов каждые шестьдесят дней, на ваше усмотрение.

Было даже как-то странно, что живой человек пользуется подобными словесными конструкциями. Вплоть до сего момента такие выражения я встречал лишь на рекламных плакатах.

– Отлично, – сказал я. – Просто великолепно. Однако на сегодняшний день, мистер Халкерстон, мои потребности весьма скромны: чтобы вы хранили мои денежки в надежном помещении с достойным замком на двери. (Он тупо уставился на меня.) Сейчас же меня больше интересует источник этого денежного перевода. (Выражение его лица из тупого сделалось совершенно тупым.) Кто подарил мне эти деньги, мистер Халкерстон?

Добровольные пожертвования, судя по всему, нечастое явление в банковской жизни, так что понадобилось еще какое-то время, прежде чем тупые взгляды сменились шуршанием бумагами и до Халкерстона наконец-то дошло, чего от него хотят.

– Платеж произвели наличными, – сообщил он, – так что фактических данных об источнике у меня под рукой нет. Но если вы буквально секундочку подождете, я постараюсь представить вам копию приходного ордера.

Он нажал какую-то кнопку и вызвал какую-то Джинни, вскоре исполнительно процокавшую в кабинет с папкой под мышкой. Покуда Халкерстон пролистывал содержимое, я сидел, размышляя над тем, как это Джинни удастся удерживать голову прямо, учитывая тяжеленные пласты косметики, размазанные по ее лицу. Вполне возможно, что где-то там, очень глубоко под толстым слоем шпатлевки, скрывалась вполне миленькая мордашка. Хотя там запросто могло оказаться и что-нибудь вроде тоскливой физиономии Дирка Богарда. К сожалению, об этом я так никогда и не узнаю.

– Ну вот, пожалуйста, – сказал Халкерстон. – Имя плательщика пропущено, но зато есть подпись. Оффер. Или Оффи. Да, точно. Т. Оффи.

Адвокатская контора Полли располагалась в «Среднем темпле». Насколько я помнил из наших разговоров, это было где-то рядом с Флит-стрит, куда я в итоге и добрался на такси. Не могу сказать, что это мой обычный способ передвижения по городу, но в банке я решил, что нет ничего дурного в том, чтобы снять пару сотен из своих кровавых денежек на мелкие расходы.

Сам Полли заседал в суде, на слушании дела о дорожном происшествии со скрывшимся виновником, где и выступал в настоящий момент в роли живой тормозной колодки на колесе правосудия. Так что мне не удалось получить беспрепятственный доступ во владения Милтона Кроули Спенсера. Как раз наоборот, пришлось подвергнуться настоящему допросу секретаря относительно природы моей «проблемы». К тому моменту, когда он закончил, я чувствовал себя хуже, чем после посещения венерологического диспансера.

Только не подумайте, что я частый гость в тех краях.

После предварительной проверки мне предложили подождать в приемной, заваленной старыми номерами «Экспрешнз», журнала для счастливых обладателей карточек «Америкэн экспресс». Где я и торчал, читая про брючников с Джермин-стрит, шьющих на заказ; носочников из Нортгемтона; шляпников из Панама; про то, насколько велики шансы Керри Пакера выиграть в этом году чемпионат по поло имени Вдовы Клико, – словом, я не на шутку увлекся изнанкой истории, в которой все мы живем, – ровно до того мига, пока не вернулся секретарь.

Нахально вздернув брови, он проводил меня в большую, отделанную дубом комнату, три стены которой занимали стеллажи, заставленные томаами дел из разряда «Королева против Всего Остального Мира», а вдоль четвертой тянулся ряд деревянных картотечных шкафчиков. На столе я заметил фотографию трех мальчишек, выглядевших так, словно их купили по одному и тому же каталогу, а рядом – фото Дэниса Тэтчера с автографом. Я как раз обдумывал, с какой стати обе фотографии развернуты к входной двери, когда открылась дверь в боковой стене и пред моими очами предстал сам мистер Спенсер собственной персоной.

Ах, что это было за явление! Рекс Харрисон⁴, только выше ростом, благообразная седина, очки-«полумесяцы» и рубашка, сиявшая так ослепительно, точно через нее пропустили электричество. Я даже не заметил, когда он успел запустить секундомер. Наверное, когда сидел за стол.

– Простите, что заставил ждать, мистер Финчам. Пожалуйста, присаживайтесь.

Он повел рукой, словно предлагая мне самому сделать выбор, но стул был всего один. Я присел, но тут же вскочил как ужаленный, поскольку из стула вырвался самый настоящий вопль скрипучего, разламывающегося дерева. Вопль был таким пронзительным, таким отчаянным, что я живо представил себе, как люди на улице останавливаются и задирают голову, раздумывая, не вызвать ли полицию. Но Спенсер, похоже, не обратил на него никакого внимания.

– Не помню, чтобы мы встречались в клубе, – проговорил он, сверкнув улыбкой в миллион долларов.

Я снова присел – под очередной вопль стула – и попытался найти положение, при котором нашу беседу можно было хоть как-то слышать на фоне воющей древесины.

– В клубе? – удивленно переспросил я и проследил за его рукой, нацеленной мне в живот. – Ах, вы имеете в виду «Гаррик»?

Он кивнул, продолжая улыбаться.

– Ну, к сожалению, я не столь часто выбираюсь в город, как хотелось бы.

И я взмахнул рукой так, словно мой взмах подразумевал пару тысяч акров в Уилтшире и псарню с лабрадорами. Его ответный кивок предполагал, что он живо представляет себе всю эту картину и с удовольствием заскочит поужинать как-нибудь в следующий раз, когда будет за городом.

– Итак, чем я могу вам помочь?

– Ну, дело, в общем, достаточно деликатное...

Однако он очень плавно прервал мое вступление:

– Поверьте, мистер Финчам, если когда-нибудь наступит день, когда в этот кабинет войдет клиент или клиентка и скажет, что его или ее дело не деликатное, я навсегда повешу свой парик на гвоздик в кладовке.

⁴ Рекс Харрисон (сэр Реджинальд Кэри Харрисон, (1924–1990)) – английский актер, славу которому принесла роль профессора Хиггинса в фильме «Моя прекрасная леди».

Судя по выражению его лица, предполагалось, что я должен воспринять это как удачную шутку. Но единственное, о чем я в тот момент подумал, – мне эта шутка, вероятно, обойдется минимум в тридцатник.

– Что ж, вы меня очень утешили. – Мы мило улыбнулись друг другу, и я продолжил: – Дело в следующем. Один мой друг недавно рассказал мне, какую неоценимую помощь вы оказали ему, познакомив кое с кем из людей весьма необычной квалификации.

Как я и предполагал, в комнате повисла пауза.

– Понятно, – сказал наконец Спенсер. Его улыбка слегка поблекла, очки переключались на стол, а подбородок задрался градусов эдак на пять. – Не будете ли вы столь любезны сообщить мне имя вашего друга?

– Я предпочел бы не называть его. Пока. Он сказал, что ему нужен был... ну, кто-то вроде телохранителя. Человек, готовый исполнять довольно нестандартные обязанности. И вы снабдили его кое-какими именами.

Спенсер откинулся на спинку стула, изучая меня оценивающим взглядом. С головы до пят. Мне стало понятно, что беседа окончена и он прикидывает, как бы поизящнее намекнуть мне на это. Немного погодя Спенсер медленно втянул воздух, его нос самой изящной выделки шевельнулся.

– Мистер Финчам, судя по всему, у вас создалось неверное представление о тех услугах, которые мы предоставляем нашим клиентам. Мы – юридическая контора. Мы – адвокаты. Мы аргументируем прецеденты в суде. В этом заключаются наши должностные обязанности. Мы не бюро по трудоустройству. Мне кажется, здесь какая-то путаница. Поверьте, я очень рад, что именно у нас ваш друг получил желаемое. Но надеюсь и, скажу даже больше, я уверен, что его пожелания касались исключительно юридической консультации, которую мы смогли ему оказать, и никоим образом не были связаны с какими-либо рекомендациями по части поиска персонала. – В его устах слово «персонал» прозвучало как нечто гадкое и отвратительное. – Возможно, вам стоит еще раз обратиться к вашему другу, который, нисколько не сомневаюсь, снабдит вас необходимой информацией.

– В этом-то и загвоздка, – ответил я. – Мой друг уехал.

Наступило молчание. Спенсер медленно прищурился. Все-таки есть что-то необъяснимо оскорбительное в медленном прищуре. Мне ли не знать: сам не раз пользовался этим приемчиком.

– В приемной к вашим услугам есть телефон.

– Он не оставил номера.

– Что ж, мистер Финчам, тогда, увы, это ваши трудности. А теперь, если позволите...

С этими словами он снова нацепил очки на нос и погрузился в изучение бумаг.

– Моему другу, – сказал я, – нужен был кто-то, кто согласился бы кое-кого убить.

Очки на стол, подбородок вверх.

– Конечно.

Долгая пауза.

– Конечно, – повторил он снова. – Одно это уже само по себе является противоправным действием, так что совершенно невероятно, чтобы ваш друг, мистер Финнам, мог получить помощь в нашей весьма уважаемой фирме...

– А он как раз уверял, что вы ему очень и очень помогли...

– Мистер Финчам, я буду с вами откровенен. – Голос его зазвучал гораздо жестче, и я подумал, как, наверное, занятно было бы понаблюдать за ним в суде. – У меня сложилось такое подозрение, что вы, вероятно, пришли сюда сыграть роль некоего agent provocateur. – Его французский был уверенным и безупречным. Ну естественно, вилла в Провансе, не меньше. – Из каких соображений, я сказать не берусь, да меня это не особенно интересует. Как бы там ни было, с этого момента я отказываюсь продолжать наш разговор.

– Понимаю: только в присутствии адвоката.

– Всего хорошего, мистер Финчам.

Очки на нос.

– Мой друг также сказал, что именно вы лично улаживали все вопросы оплаты его нового работника.

Без комментариев.

Я знал, что никаких ответов со стороны мистера Спенсера больше не предвидится, и тем не менее решил надавить еще разок.

– Еще мой друг сказал, что именно вы подписали платежное поручение. Собственноручно.

– Мистер Финчам, простите, но меня начинают утомлять новости о вашем друге. Повторяю еще раз: всего хорошего.

Я встал. Стул отозвался воплем облегчения.

– Предложение насчет телефона еще в силе?

Он даже не поднял глаз.

– Стоимость звонка будет приплюсована к вашему счету.

– Какому счету? – удивился я. – За что? Я не получил от вас ровным счетом ничего.

– Вы получили мое время, мистер Финчам. И если вы не имеете желания им воспользоваться, то это сугубо ваше личное дело.

Я открыл дверь.

– Что ж, спасибо, мистер Спенсер. Да, кстати... – Я выждал, пока он посмотрит в мою сторону. – В «Гаррике» поговаривают, будто вы шулер и мухлюете в бридж. Я, конечно, сказал парням, что все это полная чушь и брехня, но вы же знаете, как оно бывает. Парни почему-то вбили это себе в голову. А я подумал, что вам стоит об этом знать.

Жалкий ход, согласен. Но в тот момент ничего лучше в голову не пришло.

Секретарь сразу почуял, что я отнюдь никакая не *persona grata*, и раздраженно сообщил, что счет за оказанные услуги поступит мне в течение ближайших нескольких дней.

Поблагодарив его за любезность, я повернулся к лестнице. И тут заметил еще кое-кого, кто следовал моему недавнему примеру – продирался сквозь старые номера «Экспрешнз», журнала для счастливых обладателей карточек «Америкэн экспресс».

Толстеньких коротышек в серых костюмах на свете предостаточно.

Толстеньких коротышек в серых костюмах, чьи мошонки мне довелось сдавливать в баре амстердамского отеля, гораздо меньше.

Я бы даже сказал, их ничтожно мало.

5

*Возьми соломинку, подбрось –
И ты поймешь, откуда дует ветер.*
Джон Селден

Следить за кем-то, да еще так, чтобы он этого не заметил, вовсе не такое уж и плевое дело, как любят показывать в кино. Поверьте, у меня есть кое-какой опыт профессиональной слежки. И, кстати, еще гораздо больший опыт профессиональных возвращений в контору со словами «мы его потеряли». Если жертва преследования не глухая, не слепая и не хромая, то потребуется не меньше десятка людей плюс тысяч на пять хорошего коротковолнового оборудования, чтобы добиться мало-мальски приличного успеха.

Проблема с Маккласки состояла как раз в том, что он, выражаясь жаргонным языком, оказался «игроком», то есть человеком, во-первых, знающим, что он – мишень, а во-вторых, имеющим некоторое представление о том, что с этим делать. Я не мог рисковать и подходить слишком близко. Единственный способ в подобных ситуациях – передвигаться перебежками: отставать на ровных участках и нестись сломя голову всякий раз, когда он сворачивает за угол, вовремя притормаживая на тот случай, если ему вдруг вздумается вернуться назад. Подобный метод, безусловно, был совершенно недопустим для профессионала, даже самого неопытного: ведь жертву кто-то мог страховать, и этот кто-то рано или поздно, но обязательно обратил бы внимание на придурка, который то разгоняется как чокнутый, то едва переставляет ноги, а то и вовсе пялится лунатиком во все витрины подряд.

Первый отрезок дистанции мы преодолели довольно легко. Маккласки вразвалочку

проковылял от Флит-стрит в направлении Стрэнда, но, добравшись до «Савойя», вдруг стремительно перебежал через дорогу и свернул на север, к «Ковент-Гарден». Там он поспонялся среди мириадов совершенно бессмысленных лавчонок и не меньше пяти минут простоял, наблюдая за уличным жонглером перед Актерской церковью. После чего, со свежими силами, шустро почесал в сторону Сент-Мартинз-лейн, неожиданно перешел на Лестер-сквер, а затем попытался обвести меня вокруг пальца, резко свернув на юг, к Трафальгарской площади.

К тому времени, когда мы достигли нижней части Хеймаркета, с меня сошло десять потов и я мысленно умолял его взять наконец такси. Но он послушался, лишь когда мы добрались до Нижней Риджент-стрит. Пробившись в агонии секунд двадцать, я поймал другое такси.

Да-да, разумеется, это была другая машина. Даже шпик-любитель знает, что нельзя запрыгивать в одно такси с человеком, за которым следишь.

Оказавшись на заднем сиденье, я проорал водителю: «Следуйте за тем такси» – и лишь потом сообразил, насколько странно, должно быть, слышать такие вещи в реальной жизни. Но таксист, похоже, так не считал:

– Он что, трахает твою жену? Или ты его?

Я захохотал так, словно это была одна из самых удачных шуток, что я слышал за последние несколько лет, – кстати, именно подобным образом и нужно вести себя с таксистами, если хотите, чтобы вас доставили в нужное место, да еще и самым кратчайшим маршрутом.

Маккласки вышел у гостиницы «Ритц», но, похоже, велел водителю дожидаться, не выключая счетчик. Я дал ему три минуты форы, прежде чем сделать то же самое, но стоило мне открыть дверцу, как Маккласки стремглав выскочил из гостиницы, прыгнул в свое такси, и мы снова тронулись в путь.

Какое-то время мы ползли по Пикадилли, после чего свернули направо – на узкие, пустынные и совершенно неизвестные мне улочки. Что-то вроде тех, где искусные портняжки вручную мастрячат трусы для владельцев карточек «Америкэн экспресс».

Я наклонился сказать водителю, чтобы не слишком приближался, но для него все это явно было не в новинку, либо он не раз видел такое по ящику, так что мы держали вполне приличную дистанцию.

Такси Маккласки притормозило на Корк-стрит. Я пронаблюдал, как он расплачивается за проезд, и велел моему таксисту тихонько просочиться мимо и высадить меня ярдах в двухстах вниз по улице.

По счетчику вышло шесть фунтов. Я протянул в окошко десятку и еще какое-то время вынужден был наблюдать спектакль под названием «Боюсь, у меня не будет сдачи» с лицензированным водителем такси номер 99102 в главной роли, прежде чем выбрался наконец из машины.

За эти пятнадцать секунд Маккласки успел испариться. Нет, ну это же надо! Протаскаться за ним двадцать минут и пять миль – и потерять на последних двухстах ярдах. Что ж, и поделом мне: нечего было жмотничать с чаевыми.

Оказалось, что Корк-стрит – это сплошь одни картинные галереи. Причем по большей части с огромными витринами, а у витрин, как я успел заметить, есть одна интересная особенность: в них хорошо видно не только снаружи, но и изнутри. То есть вы понимаете, что я не мог просто ходить по улице и, вжимаясь носом в стекла, таращиться в нутро каждой галереи. Поэтому я решил положиться на случай. Оценив место, где Маккласки вылез из такси, я решительно направился к ближайшей двери.

Она была заперта.

Я стоял, глядя на часы и пытаюсь сообразить, во сколько же, если не в двенадцать, могут открываться картинные галереи, когда из сумрака помещения вдруг нарисовалась блондинка в изящном черном платье типа ночнушки и отодвинула щеколду. Гостеприимно улыбаясь, она распахнула передо мной дверь, и внезапно выяснилось, что у меня просто нет другого выбора, как войти внутрь. Мои надежды отыскать Маккласки угасали с каждой секундой.

Одним глазом продолжая наблюдать за витриной, я вступил в полумрак магазинчика. Похоже, кроме блондинки, внутри больше никого не было. Чему я совершенно не удивился, стоило мне взглянуть на картины.

– Вы знаете Теренса Гласса?

Блондинка протягивала мне визитку и прейскурант. Девчонка на вид была просто офигительная. Пальчики оближешь!

– Еще бы, – ответил я. – На самом деле у меня даже есть три его вещи.

Ну что тут скажешь? Иногда просто необходимо проявлять находчивость и смекалку, правда?

– Какие вещи?

Хотя получается не всегда.

– Картины.

– Надо же! – удивленно воскликнула она. – А я и не знала, что он пишет картины. – И громко позвала, – Сара, ты знала, что Теренс пишет картины?

– Терри в жизни не писал картин, – отозвался прохладный американский акцент из глубины галереи. – Он имя-то свое с трудом пишет.

Я поднял глаза аккуратно в тот момент, когда в арке прохода, гоня впереди легкую волну «Флер де флер», возникла Сара Вульф собственной персоной. В жакете и клетчатой юбке она выглядела безукоризненно. Но смотрела Сара вовсе не на меня. Она смотрела мимо, на дверь.

Следуя за ее пристальным взглядом, я обернулся. В дверном проеме стоял Маккласки.

– А этот джентльмен утверждает, что у него аж целых три.

Блондинка расхохоталась, так и не закончив фразы.

Маккласки стремительно двинулся к Саре, его правая рука скользнула в левый внутренний карман пальто. Своей правой я отпихнул блондинку – глотнув воздуха, та даже успела чирикнуть нечто любезное, – и в тот же миг Маккласки повернулся ко мне.

Пока его тело совершало поворот, я с размаху засандалил ногой, целясь ему в живот. Чтобы заблокировать удар, Маккласки пришлось выдернуть руку из пальто. Пинок достиг цели, и на какую-то долю секунды ноги Маккласки оторвались от пола. Он сложился пополам, лоя воздух открытым ртом, а я, стремительно переместившись ему за спину, взял его горло в захват. Блондинка, завизжав «О боже», – надо заметить, с весьма шикарным произношением, – попыталась дотянуться до телефона на столе. Одна Сара стояла столбом, безжизненными плетью уронив руки. Я проорал, чтобы она бежала отсюда, но Сара либо не услышала, либо не захотела услышать. Я все сильнее сжимал шею Маккласки, он отчаянно сопротивлялся, пытаюсь втиснуть пальцы между крюком моего локтя и собственным горлом. Но шансов у него не было никаких.

Уперев правый локоть в плечо Маккласки, я дотянулся ладонью до его затылка. Моя левая рука проскользнула под правым локтем, и зрителям во всей красе предстала модель с рисунка (с) из главы «Как ломать шейные позвонки. Основы».

Маккласки дергался и брыкался что было мочи. Мне пришлось немного подтянуть левую руку, чуток придавить правой – и брыкания мигом прекратились. А прекратились они потому, что Маккласки наконец-то сообразил то, о чем я знал уже давно и хотел, чтобы побыстрее узнал и он: стоит мне чуточку усилить нажим – и он может попрощаться с жизнью.

Не стану утверждать на все сто, но, по-моему, выстрел прогремел именно в этот момент.

Не помню, действительно ли я почувствовал, что меня ранили. Помню лишь тупой хлопок да запах чего-то горелого. Уж и не знаю, что они там нынче кладут вместо пороха.

Сначала я подумал, что Сара стреляла в Маккласки, и даже выругался вслух: ведь у меня все было под контролем, и к тому же я, кажется, велел ей бежать. Но еще через мгновение я подумал: «Черт, как же я вспотел», потому что ощутил, как по моему боку что-то стекает. Я поднял глаза и увидел, что Сара собирается выстрелить снова. А может, и выстрелила уже. К тому моменту Маккласки вывернулся из захвата, а я вроде как начал валиться назад, прямо на одну из картин.

– Ах ты, сучка безмозглая, – пробормотал я, кажется. – Я же... за тебя. Ведь это он... тот самый... кто хочет... убить твоего отца. Вот черт!

Черта я приплел потому, что все вокруг вдруг стало каким-то ирреальным. Свет, звук, формы.

Сара стояла прямо надо мной, и, полагаю, будь обстоятельства несколько иными, я, возможно, наслаждался бы зрелищем ее ножек. Но обстоятельства не были иными. Они были все теми же. И кроме как на пистолет, смотреть в тот момент я ни на что не мог.

– Это было бы весьма странно, мистер Лэнг, – сказала она. – Он легко мог разобраться со мной дома.

Я перестал что-либо вообще понимать. Вокруг творилась какая-то ерунда, неправильная ерунда, и в этой неправильности не последнее место занимал мой левый бок, которого я уже совсем не чувствовал. Опустившись на колени, Сара ткнула ствол мне под челюсть.

– Это, – она дернула большим пальцем в сторону Маккласки, – и есть мой отец.

Поскольку больше я ничего не помню, то допускаю, что скорее всего я отключился.

– Как вы себя чувствуете?

Этот вопрос обязательно зададут, коли вы лежите мордой вверх на больничной койке, но мне ужасно не хотелось его слышать. Мои мозги были взболтаны до той консистенции, когда обычно подзывают официанта и требуют деньги назад, а потому было бы гораздо логичнее, если б это я спросил ее, как я себя чувствую. Но она была медсестрой – а значит, вряд ли собиралась меня убивать, – так что я решил полюбить ее на какое-то время.

С громадным усилием я разлепил губы и прохрипел:

– Нормально.

– Это хорошо. Доктор скоро подойдет.

Ободряюще похлопав меня по руке, она исчезла.

Какое-то время я лежал с закрытыми глазами, а когда вновь открыл их, на улице уже было темно. Прямо передо мной стоял белый халат, и, несмотря на то что человек внутри халата был столь молод, что вполне мог сойти за моего банковского менеджера, я все же предположил, что это и есть доктор. Он отпустил мою кисть – я и не знал, что он ее держит, – и стал что-то записывать на дощечке с зажимом.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально.

Он продолжал писать.

– А не должны бы. В вас стреляли. Вы потеряли довольно много крови, но это не страшно. Вам повезло. Пуля прошла навывлет, через подмышку.

В его устах это прозвучало так, словно вся история произошла исключительно по моей глупости. Что, в общем-то, было отчасти правдой.

– Где я?

– В больнице.

С этими словами он вышел из палаты.

Чуть позже прибыла какая-то толстуха с тележкой и метнула на тумбочку у кровати тарелку с чем-то очень бурым и ужасно вонючим. Понятия не имею, чем я так провинился перед этой большой женщиной, но, похоже, провинился не на шутку.

Толстуха, должно быть, догадалась, что слегка перегнула палку, так как получасом позже все-таки вернулась и унесла тарелку. Прежде чем уйти, она сообщила мне, где я нахожусь. Мидлсекская больница, отделение имени Уильяма Хойла.

Первым нормальным визитером оказался Соломон. Он вошел в палату, размеренный и основательный, и сразу же уселся прямо на кровать, небрежно швырнув на тумбочку пакет с виноградом.

– Как себя чувствуете, командир?

Стереотип поведения тут у всех вырабатывался мгновенно и сам собой.

– Как я себя чувствую? Да почти так, будто в меня стреляли, я лежу в больнице, пытаюсь прийти в себя, а прямо на моих ногах расселся еврей-полицейский.

Соломон едва заметно отодвинулся.

– Говорят, командир, вам очень повезло.

Я надкусил виноградину.

– В смысле?..

– В смысле, что пуля прошла всего в паре дюймов от сердца.

– Или в паре дюймов от того, чтобы вообще в меня не попасть. Зависит от точки зрения.

Немного поразмыслив, он согласно кивнул. Прошло еще немного времени.

- И какая у вас?
- Какая у меня – что?
- Точка зрения.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

- А такая, что Англия должна отыграть четыре мяча у Голландии в следующем матче.

Соломон поднялся с кровати и начал стягивать с себя плащ. Я не мог винить его за это. Температура в палате была где-то под девяносто, а воздуха, по-моему, тут было даже с избытком. Спертый и тесный, он лез в лицо и глаза, и казалось, что это не больничная палата, а битком набитый вагон подземки в час пик.

Я уже просил сестру убавить температуру, но она заявила, что отопление регулируется автоматически, с компьютера в Ридинге. Будь я из тех, кто строчит жалобы в «Дейли телеграф», я непременно настроил бы жалобу в «Дейли телеграф».

Соломон повесил плащ на дверной крючок.

– Что ж, сэр, хотите верьте, хотите нет, но леди и джентльмены, выплачивающие мне жалованье, попросили меня вытянуть из вас объяснение: почему это вы вдруг оказались лежащим на полу престижной галереи в Вест-Энде, да еще с пулевым отверстием в груди?

– В подмышке.

– Хорошо, в подмышке, если вам так больше нравится. Короче, командир, или вы рассказываете все сами, или мне придется давить вам на лицо подушкой, пока вы не начнете сотрудничать. Итак?

– Что ж, – сказал я, решив, что пора переходить к делу. – Полагаю, тебе уже известно, что Маккласки и Вульф – это один и тот же человек?

Конечно же, ничего такого я вовсе не предполагал. Мне просто захотелось произвести нужный эффект. А по выражению лица Соломона было очевидно, что он не в курсе.

– Так вот. Я веду Маккласки до галереи, полагая, что он замыслил сотворить что-нибудь не очень приятное с Сарой. Там я как следует замазываю ему и тут же получаю пулю от Сары, которая любезно извещает меня о том, что человек, которому я вмазал, не кто иной, как ее родитель, Александр Вульф.

Соломон невозмутимо кивал: обычно он так делает, когда слушает невероятные небылицы.

– Тогда как вы, командир, признали в нем человека, предлагавшего вам деньги за убийство Александра Вульфа?

– Точно.

– И были уверены – а я думаю, всякий на вашем месте был бы уверен, – что когда человек просит вас кого-то убить, то этот кто-то вряд ли окажется им самим, то есть заказчиком?

– Естественно. Жизнь на планете Земля устроена несколько иначе.

– Хм.

Соломон отвернулся к окну и, похоже, всерьез увлекся созерцанием башни Почтового управления.

– И это все? Просто «хм»? То есть отчет Министерства обороны по этому делу будет состоять из одного «хм»? В кожаном переплете, с золотым тиснением и резолюциями членов Кабинета министров?

Соломон молчал, продолжая таращиться на башню Почтового управления. Я не выдержал:

– Ладно. Тогда ответь мне: что произошло дальше с Вульфами, старшим и младшей? Как я оказался здесь? Кто вызвал «скорую»? Они дождались ее приезда?

– Вы когда-нибудь бывали в том ресторане, командир, ну, в том, что вон на той верхотуре?

– Ради бога, Давид...

– «Скорую» вызвал некий Теренс Гласе, владелец той самой галереи. После чего предъявил иск к Министерству обороны с требованием возместить расходы по отмывке пола от вашей крови.

– Как трогательно.

– Хотя на самом деле жизнь вам спасли Грин и Бейкер.

– Грин и Бейкер?

– Те двое, что следили за вами. Бейкер лично зажимал рану платком.

Вот это был настоящий шок! А я-то, дурачок, решил, что после наших пивных посиделок слежку снимут. Как же я просчитался! И слава богу, кстати.

– Бейкеру – гип-гип, ура! – объявил я.

Соломон, похоже, собирался добавить что-то еще, но его остановила скрипнувшая дверь. Через секунду наша теплая компания пополнилась душкой О'Нилом. Он напрямиком подскочил к кровати, и на лице его явственно было написано: мое ранение он считает блестящим поворотом в развитии событий.

– Как вы себя чувствуете?

Ему почти удалось подавить улыбку.

– Очень хорошо, спасибо, мистер О'Нил.

В палате повисла напряженная тишина. Лицо О'Нила едва заметно вытянулось.

– Я слышал, вам повезло. Правда, очень скоро вы можете изменить свое мнение на этот счет. – О'Нил снова с трудом удержался от счастливой улыбки. – Так-то, мистер Лэнг. Боюсь, теперь нам не удастся скрыть это дело от полиции. Попытка покушения на жизнь Вульфа, да еще в присутствии свидетелей...

О'Нил вдруг замолчал, и мы оба опустили головы, пытаясь отыскать источник звука, нарушившего нашу дружескую беседу. Звук этот нельзя было спутать ни с чем: обычно его издает блюющая псина. Звук повторился еще раз, и тут все встало на свои места – это откашливался Соломон.

– Со всем моим уважением, мистер О'Нил. – Соломон был явно доволен, что удостоился нако нец нашего внимания. – Лэнг в тот момент полагал, что человек, с которым он сцепился, был не кто иной, как Маккласки.

О'Нил даже закрыл глаза.

– Маккласки? Но ведь личность Вульфа удостоверена...

– Совершенно правильно, – мягко прервал его Соломон. – Но Лэнг утверждает, что Вульф и Маккласки – это одно и то же лицо.

Долгое молчание. Нарушил его О'Нил:

– Что? Что ты сказал?

Надменная улыбка куда-то испарилась, я даже почувствовал себя обязанным приподняться в постели. О'Нил издал какой-то странный хрюк.

– Маккласки и Вульф – одно и то же лицо? – Его голос переломился в фальцет. – У тебя с головой все в порядке?

Соломон перевел взгляд на меня, ища поддержки.

– Боюсь, это правда, – сказал я. – Вульф и есть тот тип, кто вышел на меня в Амстердаме с предложением убить человека по имени Вульф.

Краска, казалось, навеки покинула лицо О'Нила. Он выглядел как человек, секунду назад сообразивший, что по ошибке послал любовное письмо не по тому адресу.

– Но это же невозможно, – заикаясь, забормотал он. – То есть это же полная бессмыслица.

– Что вовсе не означает, что это невозможно, – возразил я.

Однако О'Нил, судя по всему, перестал вообще что-либо соображать. Вид у него сделался, прямо скажем, прежалкий. Так что продолжал я, в общем-то, исключительно для Соломона:

– Я знаю, что в этой пьеске мне отведена роль простушки-горничной, и мне не по чину вылезать со своим мнением. И тем не менее у меня есть своя теория, и сводится она к следующему. Вульф прекрасно знает, что на планете найдется не одна группа людей, которые будут только рады, если его жизнь неожиданно прервется. И делает то, что сделал бы на его месте любой из нас: заводит собаку, нанимает телохранителя и никому не говорит, куда едет. Но... – Я видел, что О'Нил встряхнулся и пытается сконцентрироваться. – Но он также знает, что этого недостаточно. Люди, желающие его смерти, – специалисты своего дела, настоящие профи, так что рано или поздно они все равно отравят собаку и подкупят телохранителя. Таким образом, он встает перед выбором.

О'Нил тарачился на меня во все глаза. Он вдруг сообразил, что стоит с открытым ртом, и резко захлопнул его, громко клацнув зубами.

– Да?

– Либо он объявляет им войну – вариант, насколько мы можем догадываться, не очень-то разумный. Либо наносит отвлекающий удар.

Соломон кусал губы. И кстати, правильно делал, поскольку все это звучало просто чудовищно. Но в любом случае ничего лучшего предложить они все равно не могли.

– Вульф находит человека, который, как ему доподлинно известно, никогда не согласится на убийство, и предлагает ему заказ. После чего поворачивает дело так, чтобы прошел слух, будто его заказали, в надежде, что реальные враги на какое-то время угомонятся, полагая, что работу выполнят и без них, – и риску никакого, и денежки целы.

Соломон вернулся к своему дежурству у окна. О'Нил насупился.

– Вы и в самом деле в это верите? То есть вы действительно считаете, что такое возможно?

Я видел, что он отчаянно пытается ухватиться за что угодно, за любую виртуальную ручку, – пусть даже она и оторвется при первом же смыве.

– Да, я считаю, что такое возможно. Нет, я в это не верю. Но в данный момент я лежу в больнице с огнестрельным ранением, и это пока все, на что я способен.

О'Нил принялся расхаживать взад и вперед, то и дело приглаживая остатки волос. Жара, похоже, добралась и до него, но у О'Нила просто не было времени сбросить пальто.

– Хорошо, допустим, – сказал он. – Кто-то действительно мог желать смерти Вульфа. Я не собираюсь делать вид, будто правительство ее величества станет лить безутешные слезы, если завтра его, скажем, собьет автобус. Согласен, врагов у него может быть предостаточно и обычные меры предосторожности тут не годятся. Пока все сходится. Да, он не может объявить им войну. – О'Нилу, похоже, очень понравилась эта фраза, – и он решает запустить «утку», якобы заказав самого себя. Однако номер не проходит, – О'Нил вдруг прекратил расхаживать по палате и взглянул на меня. – Кстати, а с чего ему быть уверенным, что заказ – фальшивка? Откуда он мог знать, что вы не доведете дело до конца?

Я посмотрел на Соломона. Он знал, что я смотрю на него, но не повернулся.

– Ко мне уже обращались, – сказал я. – Предлагали кучу денег. Я ответил «нет». Возможно, он знал об этом.

Тут О'Нил вдруг вспомнил, насколько он меня не любит.

– А вы всегда отвечали «нет»? (Я впился взглядом в О'Нила, настолько дерзким, насколько у меня хватило сил). Кто его знает, а вдруг вы изменились? Вдруг вам срочно понадобились деньги? Нелепо так рисковать с его стороны.

Я пожал плечами, подмышка тут же заныла.

– У него был телохранитель, и к тому же он знал, с какой стороны ждать опасности. Райнер провисел у меня на хвосте несколько дней, прежде чем я оказался в их доме.

– Да, но ведь вы все-таки оказались там, Лэнг. Вы и в самом деле...

– Я пришел туда предупредить его. Чисто по-соседски.

– Ну хорошо. Допустим. – О'Нил снова принялся вышагивать туда-сюда. – И каким же образом он «устроил дело» так, чтобы прошел слух о заказе на его убийство? Исписал этой новостью стены городских сортиров, дал объявление в «Стандард»?

– Ну вы же об этом как-то узнали.

Силы оставили меня, ужасно хотелось спать, и я бы даже не отказался от тарелочки чего-нибудь очень бурого и ужасно вонючего.

– Мы не его враги, мистер Лэнг, – ответил О'Нил. – Во всяком случае, не в том смысле, какой вы подразумеваете.

– Тогда как вы узнали, что я, как вы выразились, за ним охочусь?

О'Нил прекратил свою беготню. Он явно боялся, что и так уже выдал мне чересчур большие объемы информации. Он сердито зыркнул на Соломона, словно обвиняя в том, что тот оказался недостаточно хорош в роли дуэньи. Соломон хранил невозмутимое спокойствие.

– Почему бы вам не рассказать ему, а, мистер О'Нил? Он и так уже получил пулю в грудь, причем не по своей вине. Вдруг рана затянется быстрее, если он узнает, почему это произошло?

Какое-то мгновение О'Нил переваривал это предложение, затем повернулся ко мне.

– Хорошо, – буркнул он. – Мы получили информацию о вашей встрече с Маккласки, или

Вульфом... (Я буквально видел, как он наступает на горло собственной песне.) Мы получили эту информацию от американцев.

В этот момент открылась дверь и вошла медсестра. Вполне возможно, это она похлопывала меня по руке, когда я проснулся в первый раз, но побожиться не могу. Посмотрев сквозь Соломона и О'Нила, она подошла к кровати, чтобы поправить подушки, взбить, разгладить – в общем, сделать гораздо менее удобными, чем раньше.

Я поднял глаза на О'Нила.

– Вы имеете в виду ЦРУ?

Соломон улыбнулся, а О'Нил едва не наделал в штаны.

Медсестра и бровью не повела.

6

Время пришло, а человек – нет.

Вальтер Скотт

В госпитале я проторчал ровно семь кормежек – даже не могу сказать, сколько это по времени. Я смотрел телик, глотал таблетки, пытался дорешать наполовину решенные кроссворды из старых женских журналов. И терзал себя бесчисленными вопросами.

Для начала: чем я занимался? Зачем лез под пули, которыми стреляли неведомые мне люди по неведомым мне соображениям? Какая мне от этого польза? Какая от этого польза Вульфу? И какая от этого польза О'Нилу с Соломоном? И почему кроссворды заполнены лишь наполовину? Пациенты выписывались? Или умирали, не успев закончить начатое? Или они ложились в больницу специально, чтобы удалить половину мозга? Можно ли тогда расценивать наполовину решенный кроссворд как доказательство искусности хирурга? Кто все-таки содрал с журналов обложки и почему? И можно ли считать ответом на пункт «не женщина» (7 по вертикали) слово «мужчина»?

Но прежде всего, почему фотография Сары Вульф будто намертво прилепилась изнутри к дверце моего мозга, так что каждый раз, если мне хотелось подумать – будь то во время вечерней телепередачи, за сигареткой в больничной уборной или почесывая большой палец ноги, – повсюду тут же возникала она, улыбающаяся и одновременно угрюмая? Нет-нет, повторяю в сто первый раз: в эту женщину я *не* влюблен!

Удовлетворить мое любопытство, хотя бы отчасти, мог один мой старинный приятель – Райнер. А потому – когда я решил, что достаточно здоров, чтобы сползти с кровати и немного пошаркать тапками по коридору, – я позаимствовал халат и отправился наверх, в отделение Баррингтон.

О том, что Райнер тоже лежит в Мидлсекской больнице, сообщил Соломон, изрядно удивив меня этой новостью. Уж на долю секунды – точно удивив. Согласитесь, странная ирония судьбы: после всех передрыг, через которые нам обоим пришлось пройти, – и попасть на ремонт в одну и ту же мастерскую! Хотя, с другой стороны, как правильно отметил Соломон, в Лондоне осталось не так уж и много больниц, и если вы, скажем, сильно ушибетесь где-нибудь к югу от Уотфорд-Гэп, то рано или поздно, но наверняка окажетесь в Мидлсекской больничке.

Райнер покоился в отдельной палате, прямо напротив сестринского поста. Он лежал без движения, опутанный паутиной из проводков, которые тянулись к баррикаде из попискивающих ящичков. Глаза его были закрыты – то ли спит, то ли в коме, – а голова походила на громадный, почти муляжный кокон, как будто Дорожный Бегун⁵ слишком уж часто ударял его по башке. И еще на нем была голубая фланелевая пижама, благодаря которой Райнер – наверное, впервые за многие годы – выглядел по-детски невинным. Я стоял у кровати, искренне ему сочувствуя, покуда не появилась медсестра и не спросила, что мне нужно. Я

⁵ Страус, персонаж мультфильмов Чака Джонса (1912–2002). Дорожный Бегун вечно убегает от Хитрого Койота, любителя свежей страусятины. В одном из мультфильмов Койот получает по голове 459 раз.

ответил, что нужно мне до черта, но для начала я вполне удовольствуюсь именем Райнера.

«Боб», – ответила сестричка, явно желая, чтобы я поскорее убрался, от решительных действий ее удерживал лишь мой больничный халат.

Прости, Боб, подумал я. Что уж тут поделаешь? Ты просто выполнял свою работу, приятель, делал то, за что тебе платили, пока не появился какой-то засранец и не жажнул тебя по голове мраморным Буддой. Горько и неприятно.

Само собой, Боб отнюдь не был паинькой из церковного хора. Он не был даже хулиганом, который не дает прохода паиньке из церковного хора. В самом лучшем случае он был старшим братом хулигана, который не дает прохода хулигану, который не дает прохода паиньке из церковного хора. Соломон проверил Райнера по базе данных своего министерства и выяснил, что в прошлом моего крестника выперли из Королевских Уэльских Стрелков за спекуляцию. Вы не поверите, сколько всего – начиная от шнурков армейских ботинок и заканчивая бронетранспортерами «сарацин» – покинуло гарнизонные ворота под шерстяным свитером Боба Райнера! Но все равно, именно я шархнул его по голове, и потому именно я сейчас мысленно просил у него прощения.

Я положил остатки Соломонова винограда на тумбочку у изголовья и вышел из палаты.

Леди и джентльмены в белых халатах наперебой уговаривали меня задержаться еще хотя бы на несколько дней, но я лишь тряс головой и стоял на своем. Поцокав языками, они заставили меня расписаться в каких-то бумагах, показали, как менять повязку, и напоследок велели немедленно возвращаться, если рана вдруг воспалится или начнет зудеть.

Я поблагодарил их за доброту и сердечность, вежливо отклонив предложение воспользоваться инвалидной коляской. Да оно и к лучшему, поскольку лифт все равно не работал.

После чего с трудом вскарабкался в автобус и поехал домой.

Квартира была на месте, но показалась мне какой-то маленькой. Никаких сообщений на автоответчике – такая же пустота, как и в холодильнике, если не считать полпинты обезжиренного йогурта и корешка сельдерея, доставшихся мне в наследство еще от предыдущего жильца.

Грудь жутко болела, как они и предупреждали, поэтому я завалился на диван и стал смотреть скачки из Донкастера, пристроив под рукой солидный бокал «Куропатки, которую уже определенно где-то видел».

Должно быть, я все-таки задремал, так как разбудил меня звонок телефона. Резко распрямившись, я едва не задохнулся от боли в подмышке и машинально потянулся к бутылке. Пусто. Самочувствие препоганое. Снимая трубку, я посмотрел на часы. Десять минут девятого или без двадцати два. Точно сказать я не мог.

– Мистер Лэнг?

Мужчина. Американец. Щелк, жжжж. Да ладно вам, знаю я эти штучки.

– Да.

– Мистер Томас Лэнг?

Так точно, дружище Микрофон, этот голос не спутаешь ни с чем. Я потряс головой, пытаюсь окончательно проснуться, и почувствовал, как что-то забрякало внутри.

– Как поживаете, мистер Вульф?

Тишина на том конце. А затем:

– Гораздо лучше вашего, насколько я слышал.

– Ну, это не совсем так.

– Да что вы?

– Понимаете, больше всего на свете я боялся, что мне нечего будет рассказать внукам. Но теперь благодаря семейке Вульф я запросто протяну до их совершеннолетия.

Мне показалось, что я услышал смешок, хотя это могли быть и помехи на линии. Или О'Ниловы парни случайно зацепили что-нибудь из своей прослушивающей аппаратуры.

– Я хотел бы встретиться с вами, Лэнг.

– Еще бы вам не хотеть, мистер Вульф. Дайте-ка я угадаю. На этот раз вы решили

предложить мне денег, чтобы я незаметно сделал вам вазэктомию. Ну как? Тепло?

– Я бы хотел объяснить вам кое-что, если вы не против. Вам нравится итальянская кухня?

Я подумал про сельдерей с йогуртом и понял, что мне безумно нравится итальянская кухня. Если бы не одна маленькая проблема.

– Мистер Вульф, – сказал я, – прежде чем вы назовете место, приготовьтесь, что придется заказывать столик как минимум на десятерых. У меня такое чувство, что желающих будет много.

– Это не беда, – весело ответил он. – Прямо у вашего телефона лежит путеводитель.

Я посмотрел на столик. Красная книжица. «Путеводитель Эвана по Лондону». Абсолютно новехонький, и я-то его уж точно не покупал.

– Слушайте внимательно, – продолжал Вульф. – Я хочу, чтобы вы открыли страницу двадцать шесть, пятый абзац. Встречаемся через тридцать минут.

На линии началась какая-то суета, и я было решил, что он повесил трубку, но тут его голос раздался снова:

– Лэнг?

– Да?

– Не оставляйте путеводитель в квартире.

Я устало вздохнул.

– Мистер Вульф, – сказал я, – может, я и тупой, но не *настолько* тупой.

– Надеюсь, – ответил он.

И повесил трубку.

Пятым абзацем на странице двадцать шесть подробного руководства мистера Эвана, как избавляться от долларов в Большом Лондоне, значилось: «Ресторан „Джиаре“, 216 Роузленд, WC2, итал., 60 мест, кондиц., Visa, Mast, Amex», далее красовались три комплекта скрещенных ложечек. Наскоро пролистав книжицу, я пришел к выводу, что Эван не больно-то щедр на трехложечные оценки, так что по крайней мере еда окажется сносной.

Следующая проблема заключалась в том, как добраться в этот «Джиаре», не притащив за собой хвост из дюжины госслужащих в коричневых плащах. Вульф, конечно, тоже мог приволочь хвост, но, судя по тому, как ловко он провернул фокус с путеводителем, – следует признать, меня трюк впечатлил, – похоже, Вульф абсолютно уверен, что может свободно передвигаться по городу, не беспокоясь о нежелательной компании.

Я спустился в парадную. Мой шлем был на месте: покоился на крышке газового счетчика на пару с потрепанными кожаными перчатками. Я приоткрыл входную дверь и высунул голову на улицу. Никаких типов в фетровых шляпах видно не было, никто не отлепился от фонарного столба, щелчком отбросив недокуренную сигарету без фильтра. С другой стороны, я ведь ничего такого и не ожидал.

В пятидесяти ярдах слева стоял темно-зеленый автофургон марки «лейлэнд», из крыши которого торчала резиновая антенна. Справа, на дальней стороне улицы, раскинулась дорожно-ремонтная палатка в красно-белую полоску. И то и другое вполне могло оказаться абсолютно невинным.

Я скользнул обратно в подъезд, натянул шлем с перчатками и выудил из кармана связку ключей. Тихонько приоткрыв щель для почты на двери, я просунул в нее пульт дистанционного управления сигнализацией мотоцикла и нажал кнопку. «Кавасаки» пискнул, давая понять, что сигналка отключена. Рывком распахнув дверь, я выскочил на улицу и понесся к мотоциклу со скоростью, какую позволяла развить моя подстреленная подмышка.

Мотоцикл завелся с первого же тычка – такова уж отличительная особенность всех японских мотоциклов. Крутанув ручку, я открыл подсос до половины, воткнул первую скорость и отпустил сцепление. Усесться на него я тоже не забыл – уточняю на тот случай, если вы вдруг забеспокоились. К тому моменту, когда я миновал темно-зеленый фургон, спидометр показывал сорок миль в час, и я даже на секунду развеселился, живо представив, как мужички в спецовках, сшибая все на своем пути, с матюгами несутся следом. Я был уже в конце улицы, когда в зеркале заднего вида вспыхнули фары машины, вырulingившей от обочины. Разумеется, это был «ровер».

Далеко за пределом разрешенной скорости я свернул влево, на Бэйсуотер-роуд, и затормозил на светофоре – за все годы, сколько бы я к нему ни подъезжал, ни разу не попал на зеленый. Но сейчас меня это совершенно не беспокоило. Я возился с перчатками и защитным стеклом на шлеме, спиной чувствуя, как «ровер» подкрадывается по средней полосе. Я глянул через плечо на усатую физиономию за рулем. Мне так и хотелось посоветовать двигай-ка, старина, домой, а то сейчас оконфузишься по полной программе.

Когда загорелся желтый, я полностью перекрыл подсос, выкрутил газ до пяти тысяч оборотов и всем своим весом сместился вперед, на бензобак, чтобы удержать переднее колесо на месте. Сцепление я отпустил, как только желтый сменился зеленым. Заднее колесо «кавасаки» бешено замолотило из стороны в сторону, словно хвост доисторического ящера, а еще через миг я уже пулей летел вперед.

Спустя две с половиной секунды я уже делал шестьдесят миль в час, а еще через две с половиной секунды свет уличных фонарей слился в одно большое пятно, и я навсегда забыл, как выглядит водитель «ровера».

«Джиаре» оказался на удивление веселым местечком с белыми стенами и отдающим эхом кафельным полом, превращавшим любой шепоток в пронзительный крик, а любой смешок – в безудержный гогот.

Совершенно потрясая «ральфлорановская» блондинка с огромными глазищами приняла у меня шлем и проводила к столику у окна. Я заказал маленький тоник для себя и большую водку для моей ноющей подмышки. Надо было как-то убивать время до прихода Вульфа, так что пришлось выбирать между путеводителем Эвана и меню. Меню выглядело несколько подлиннее, и я решил начать с него.

Номером первым выступало нечто под названием «Кростини из панированных тарроче с картофелем бенаторе», тянувшее на впечатляющую сумму в двенадцать шестьдесят пять. Снова подошла уже знакомая блондиночка – спросить, не нужна ли помощь, – и я попросил объяснить, что такое «картофель». Она даже не улыбнулась.

Едва я приступил к разгадке тайны второго блюда – не исключено, что это был один из братьев Маркс, сваренный в крутом кипятке, – как мой взгляд отметил в дверях Вульфа. С непреклонной решимостью он цеплялся за свой портфель, покуда официант стаскивал с него пальто.

А затем, как раз в тот момент, когда я вдруг сообразил, что столик накрыт на троих, из-за его спины выступила Сара Вульф.

Выглядела она – хоть мне очень не хочется этого говорить – просто сногсшибательно. Абсолютно сногсшибательно. Знаю-знаю, избитое клише, но бывают моменты, когда вдруг понимаешь, почему клише становятся клише. Сара была в свободном платье зеленого шелка, сидевшем на ней так, как мечтает сидеть любое платье: оставалось спокойным там, где следовало оставаться спокойным, и двигалось там, где движение – это именно то, что вам нужно. Практически каждый из посетителей проводил Сару взглядом до самого столика, и, пока Вульф пододвигал ей сзади стул, помогая сесть, в ресторане стояла гробовая тишина.

– Я рад, что вы пришли, мистер Лэнг, – сказал Вульф. Я вежливо кивнул. – Вы знакомы с моей дочерью?

Я перевел глаза на Сару: та хмурилась, уткнувшись взглядом в салфетку. Даже ее салфетка выглядела элегантнее всех прочих салфеток.

– Да, разумеется, – ответил я. – Дайте-ка подумать. Уимблдон? Аскотт? Свадьба Дика Кавендиша? Ах да, вспомнил. Через дуло пистолета – вот где мы виделись последний раз. Как приятно встретить вас снова.

Это предполагалось как дружеская ремарка, почти что шутка, но Сара даже не взглянула в мою сторону, и так получилось, что мой юмор обернулся наездом. Надо было просто заткнуться, сидеть и улыбаться. Сара поправила приборы на столе.

– Мистер Лэнг, – сказала она, – я пришла сюда по просьбе отца. Это он предложил мне извиниться перед вами. Но не потому, что я сделала что-то дурное, а потому, что вы получили ранение, получать которое не должны были. За это я и прошу у вас прощения.

Мы с Вульфом ждали продолжения, но, видимо, на данный момент это было все. Сара

сидела напротив меня, перебирая содержимое своей сумочки в поисках повода не смотреть мне в глаза. Судя по всему, поводов набралось прилично, что было довольно странно, так как сумочка была крошечная.

Вульф жестом подозвал официанта и повернулся ко мне:

– С меню уже успели ознакомиться?

– Мельком, – ответил я. – Мне сообщили, что все, что можно заказать, просто божественно.

Подошел официант. Вульф слегка ослабил узел галстука.

– Два мартини, очень сухих, и...

Он посмотрел на меня. Я вежливо кивнул:

– Водка-мартини. Чрезвычайно сухой. Если есть, можно даже порошковый.

Официант удалился. Сара принялась осматриваться по сторонам с таким видом, будто ей уже все здесь наскучило. Жилки на ее шее умиляли.

– Итак, Томас, – начал Вульф. – Ничего, если я буду называть вас Томасом?

– Ничего, – ответил я. – Это все-таки мое имя как-никак.

– Вот и хорошо. Томас. Прежде всего, как ваше плечо?

– Нормально. (Он вздохнул с облегчением.) Гораздо лучше, чем подмышка, куда, собственно, меня и подстрелили.

Наконец, наконец-то – господи, как же долго пришлось ждать! – она повернула голову и посмотрела на меня. Взгляд ее был значительно мягче, чем притворялось все остальное. Она слегка наклонила голову, и голос ее прозвучал низко и чуть надтреснуто:

– Я же попросила прощения.

Мне отчаянно хотелось сказать что-нибудь в ответ, что-нибудь приятное и ласковое, но в голове звенела сплошная пустота. За столом повисла неловкая пауза, которая запросто могла перерасти в злобное раздражение, не улыбнись Сара немедленно. Но Сара улыбнулась, и будто галлоны крови разом забурлили у меня в ушах, сметая все на своем пути и опадая грохочущей волной. Я улыбнулся в ответ, и мы еще долго смотрели друг другу в глаза.

– Нужно, наверное, сказать, что все могло кончиться гораздо хуже, – добавила она.

– Еще как могло, – обрадовался я. – Будь я подмышечной топ-моделью, как пить дать остался бы без работы на несколько месяцев.

На этот раз она рассмеялась, по-настоящему рассмеялась, и я почувствовал себя так, словно только что отхватил все до одной олимпийские медали, отлитые со времен древних греков.

Начали мы с супа – кстати, очень вкусного, – его подали в лоханках размером примерно с мою квартиру. Беседа текла исключительно светская. Как оказалось, Вульф тоже помешан на скачках, и днем я как раз смотрел тот забег в Донкастере, где участвовала одна из его лошадок. Так что мы немного поболтали о скачках и ипподромах. К тому времени, когда настала очередь второй перемены, мы как раз наносили завершающие штрихи к изящно закругленной трехминутке на тему непредсказуемости английского климата. Отправив в рот кусочек чего-то подливо-мясистого, Вульф промокнул губы салфеткой.

– Итак, Томас. Я полагаю, вам не терпится задать мне пару-другую вопросов?

– Признаться, да. – Я в свою очередь тоже промокнул губы. – Ужасно не хочется быть предсказуемым, но какого хрена вы вообще вытворяете?!

Было слышно, как за соседним столом дружно втянули воздух, но Вульф даже бровью не повел. Как, впрочем, и Сара.

– Что ж, вопрос вполне резонный. Во-первых, что бы вам там ни наговорили ваши «оборонщики», к наркотикам я не имею ни малейшего отношения. Повторяю: ни малейшего. Ну разве что к пенициллину – принимал когда-то внутримышечно. Вот и все. Точка.

Нет, не все. Это не очень правильно. Даже очень не правильно. Сказав «точка», ты этой самой точкой не подтвердишь неоспоримость своих слов.

– Вы уж простите мой типично британский цинизм, но вам не кажется, что мы имеем здесь дело с ситуацией из разряда «я так и знал, что вы это скажете»?

Сара сердито посмотрела на меня, и я вдруг понял, что несколько перебрал. Но тут же

подумал: «Да какого черта?! Красивые сухожилия или некрасивые, но мне позарез нужно расставить все по своим местам».

– Прошу прощения, что поднимаю вопрос еще до того, как вы успели начать, – продолжил я, – но я полагал, что мы здесь для того, чтобы поговорить начистоту. Вот я и говорю начистоту.

Вульф отправил в рот очередную порцию и уставился в свою тарелку. Я даже не сразу сообразил, что он предоставил ответ Саре.

– Томас, – сказала она. Я повернулся и посмотрел ей в глаза. Они были большими и круглыми и, казалось, занимали собой всю вселенную, от одного ее конца до другого. – Когда-то у меня был брат. Майкл. На четыре года старше меня.

Ни хрена себе! Был.

– Майкл умер, даже не успев закончить первый семестр в Бейтсе. Амфетамины, таблетки, героин. Ему было всего двадцать.

Она замолчала. Я должен был что-то сказать. Что-нибудь. Все что угодно.

– Мне очень жаль.

Ну а что тут еще скажешь? Круто? Передай соль, пожалуйста? Я почувствовал, что невольно наклоняюсь к столу, словно стараясь слиться с их горем. Бесплезно. В таких делах ты всегда посторонний.

– Я рассказываю это вам лишь по одной причине. Чтобы вы поняли, что утверждать, будто мой отец... – она перевела взгляд на Вульфа, но он так и не поднял головы, – занимается наркобизнесом, все равно что утверждать, будто он каждый день летает на Луну. Я ручаюсь за него жизнью. Вот и все.

Точка.

Какое-то время ни он, ни она не смотрели ни на меня, ни друг на друга.

– Мне очень жаль, – повторил я еще раз. – Честное слово.

Так вот мы и сидели еще некоторое время: эдакая кабинка тишины посреди ресторанного гвалта. Пока Вульф вдруг не включил улыбку, сразу став каким-то неестественно оживленным.

– Спасибо, Томас. Ладно, чего уж там. Сделанного все равно не воротишь. Для нас с Сарой все это уже в прошлом. Итак, вы хотите узнать, почему я попросил вас убить меня?

Женщина за соседним столиком повернула голову и неодобрительно посмотрела на Вульфа. «Да нет, не мог он такого сказать. Послышалось, наверное». Отрицательно покачав головой, она вернулась к своему омару.

– В двух словах, – ответил я.

– Что ж, все достаточно просто. Мне хотелось узнать, что вы за человек.

Он смотрел на меня, губы его превратились в узкую линию.

– Понятно, – сказал я, не понимая ровным счетом ничего. Так, наверное, бывает всегда, когда просишь рассказать о чем-нибудь в двух словах.

Несколько раз моргнув, я распрямил спину и постарался напустить на себя разгневанный вид:

– А что, нельзя было просто позвонить в мою бывшую школу? Или моей бывшей подруге? Ах, ну конечно! Для вас же это слишком банально, правда?

Вульф покачал головой:

– Вообще нет. Я как раз все это проделал.

Вот это был удар! Под самый дых! У меня до сих пор кровь приливает к щекам, стоит вспомнить, как я смухлевал на выпускном по химии и заработал «пятак», хотя все учителя со стажем поголовно пророчили мне «неуд». Теперь-то я точно знаю: рано или поздно всплывет и это. Откуда знаю? Да просто знаю – и все.

– Надо же. Ну и как я вам?

Вульф улыбнулся:

– Вполне. Правда, кое-кто из подружек до сих пор считает вас засранцем, но в остальном – сойдет.

– Приятно слышать, – ответил я.

Вульф же продолжал, словно зачитывая по списку:

– Неглупый. Жесткий. Честный. Хороший послужной список в Шотландской гвардии.

Однако самое лучшее, с моей точки зрения, – это то, что вы на мели.

Его улыбочка начинала меня бесить.

– Вы забыли про мои замечательные акварели.

– Даже так? Вот это парень! В общем, единственное, что мне оставалось узнать, – это продаетесь ли вы.

– Понятно. Отсюда и пятьдесят тысяч.

Вульф кивнул.

Я постепенно терял контроль над ситуацией. Я знал, что в какой-то момент необходимо проявить жесткость и дать им понять, кто я такой. И кто, черт побери, они такие, чтобы вынюхивать и выпытывать обо мне у каждого встречного-поперечного. Ладно, дайте мне только доесть пудинг – и я точно выскажу все, что я думаю. Однако почему-то подходящий момент все не наступал и не наступал. Несмотря на то, как они со мной обошлись, несмотря на бесцеремонность, с какой они копались в моем личном деле, – но я так и не смог заставить себя проникнуться к Вульфу неприязнью. Было в нем что-то такое, что мне импонировало. Ну а что до Сары, то... Да, красивые сухожилия.

И все же блеск старого клинка не повредит. Я смерил Вульфа металлическим взглядом:

– Дайте-ка я попробую угадать. Выяснив, что я не продаюсь, вы решили попробовать купить меня.

Он даже не шелохнулся:

– Именно так.

Вот. Наконец-то. Тот самый подходящий момент. У любого джентльмена есть свои границы, есть они и у меня. Я швырнул салфетку на стол:

– Что ж, просто очаровательно! И будь я человеком иного сорта, мне это, возможно, даже польстило бы. Но сейчас я хочу знать: к чему это все? И если через секунду вы не ответите на мой вопрос, я встаю из-за стола и навсегда покидаю и этот ресторан, и вашу жизнь, и, вполне возможно, даже эту страну.

Краем глаза я видел, что Сара наблюдает за мной. Сам же я не сводил взгляда с Вульфа. Он старательно загонял последнюю картофелину в лужицу подливки. Но затем вдруг положил вилку.

И быстро спросил:

– Вам что-нибудь известно о войне в Заливе, мистер Лэнг?

Не знаю, куда делся Томас, но настроение беседы определенно изменилось.

– Да, мистер Вульф. Я знаю о войне в Заливе.

– Нет, не знаете. Бьюсь об заклад, что вы ни черта не знаете об этой войне. А такое понятие, как «гонка вооружений», вам знакомо?

Теперь он пёр бульдозером, будто продавец в магазине. Надо бы придержать его. Я задумчиво глотнул из бокала и сказал:

– Ну как же. Дуайт Эйзенхауэр. Конечно, мне знакомо такое понятие. Я и сам был его частью, если вы еще не забыли.

– Со всем моим уважением, мистер Лэнг, вы были всего лишь ничтожной его частью. Слишком ничтожной – простите меня за такие слова, – чтобы иметь представление о том, частью чего вы были.

– Что ж, вам виднее.

– Попробуйте-ка угадать: какой из мировых предметов потребления самый важный? Настолько важный, что от него зависит производство и сбыт всего остального. Нефти, золота, продовольствия. Ну как? Угадали?

– У меня такое чувство, что вы сейчас скажете, будто это оружие.

Вульф перегнулся через стол – на мой взгляд, слишком резко и чересчур близко.

– Именно, мистер Лэнг. Это крупнейшая мировая индустрия, и любое правительство любой страны об этом знает. Если вы политик и если вам вдруг вздумалось перейти дорогу военной индустрии, в любом ее проявлении, вы перестанете быть политиком уже на следующее утро. А может случиться и так, что утром вы не проснетесь совсем. И неважно, пытаетесь вы провести закон о регистрации владельцев огнестрельного оружия в штате Айдахо или хотите остановить продажу истребителей Ф-16 иракским ВВС. Вы наступаете им на ногу, они

наступят вам на голову. Точка.

Вульф откинулся на спинку стула, утирая вспотевший лоб.

– Мистер Вульф. Я понимаю, насколько странными могут казаться вам многие вещи здесь, в Англии. Я понимаю, что мы, должно быть, кажемся вам нацией деревенщин, для которых слова «горячий» и «холодный» означают лишь то, что течет у них дома из крана. Пусть так, но я должен сказать вам, что вы далеко не первый, от кого я слышу подобные вещи.

– Вы можете дослушать до конца? – вмешалась вдруг Сара, и я даже слегка подпрыгнул от гневных ноток в ее голосе. Когда я решился взглянуть на нее, она пристально, не отрываясь, смотрела мне прямо в глаза, и губы ее были плотно сжаты.

– Вы когда-нибудь слышали о «блефе Столтого»? – спросил Вульф.

Я снова перевел взгляд на него:

– Столтого... нет, не думаю.

– Неважно. Так вот, Анатолий Столтой был генералом Красной армии. Начальником Генерального штаба при Хрущеве. Всю свою жизнь он занимался только тем, что пытался убедить США, будто у русских ракет в тридцать раз больше, чем у нас. В этом заключалась его работа. Труд всей его жизни.

– Ну и как? Получилось?

– Для нас – да.

– Нас?..

– В Пентагоне прекрасно знали, что все это чушь, от начала до конца. Да-да, знали. Что ничуть не помешало им воспользоваться этим блефом как предлогом для наращивания вооружений – самого крупного из всех, что видел мир.

Возможно, это из-за вина, но мысли мои беззастенчиво тормозили, и я никак не мог взять в толк, к чему он все-таки клонит.

– Что ж, – сказал я. – С этим ведь надо что-то сделать, правда? Так, куда же я это дел свой ежедневник? Ага, вот, в следующую среду вас устроит?

Со стороны Сары донеслось легкое шипение. Ну и пусть. Возможно, по части дерзости я слегка перебрал, но, черт возьми, зачем мне вся эта лабуда?

Вульф на мгновение прикрыл глаза, видимо набираясь терпения из неведомого мне источника. И затем очень медленно спросил:

– Что, по вашему мнению, нужно военной индустрии больше всего на свете?

Я исполнительно поскреб макушку:

– Заказчики?

– Война, – ответил он. – Конфликт. Беспорядки.

Ну вот вам пожалуйста. Да здравствует теория!

– Я понял. Вы пытаетесь убедить меня, что войну в Заливе развязали производители оружия?

Честное слово, я изо всех сил старался быть учтивым.

Вульф ничего не ответил. Он просто сидел, чуть склонив голову набок, и смотрел на меня так, словно сомневался: «А действительно ли это тот, кто мне нужен?» У меня-то на этот счет не было абсолютно никаких сомнений.

– Нет, серьезно, – не унимался я. – Вы на это намекаете? Мне правда очень важно знать, что вы думаете. Я хочу разобраться, в чем тут дело.

– Вы видели тот сюжет по телевизору? – неожиданно спросила Сара. – Про «умные» бомбы, ракеты «Патриот» и все такое?

– Видел.

– Производители оружия, Томас, вставляют этот сюжет в рекламные ролики и крутят на всех оружейных выставках, по всему миру. Люди гибнут, а они используют их смерть в рекламных целях. Это грязно и отвратительно.

– Да, согласен. Наш мир – довольно жуткое местечко, и, конечно, было бы лучше перебраться жить куда-нибудь на Сатурн. Но какое отношение это имеет конкретно ко мне?

Покуда Вульфы обменивались многозначительными взглядами, я отчаянно пытался скрыть ту огромную жалость, что испытывал к этой парочке. Судя по всему, эти двое с головой погрязли в теории заговора, и впереди их ждет одна лишь скукотища из газетных вырезок и

поездок на конференции, на которых собираются такие же маньяки. И что бы я ни сказал, с выбранного курса им уже не свернуть. Так что самым лучшим решением будет отстегнуть им пару фунтов на ножницы с клеем и двигать к себе домой.

Я как раз прикидывал, как бы попростойнее сформулировать предлог для ухода, когда Вульф вдруг потянулся к своему портфелю. Открыв его, он вынул пачку больших глянцевых фотографий.

Верхнее фото он протянул мне. Я взял.

Вертолет в воздухе. Судить о его габаритах было трудно, но ничего подобного я в жизни не видел. И ни о чем таком не слышал. У вертолета было два несущих винта, вращавшихся в параллельных плоскостях на одной мачте, а хвостовой винт отсутствовал вообще. По сравнению с основным корпусом фюзеляж выглядел чересчур кургузым. И ни единого опознавательного символа. Вертолет был абсолютно черный.

Я посмотрел на Вульфа, ожидая пояснений, но тот молча протянул мне следующее фото. Снимок был сделан сверху, так что был виден задний план – городской пейзаж, что меня слегка озадачило. Тот же самый или очень похожий вертолет неподвижно завис между двумя безликими многоэтажками. Можно было разглядеть, что по размеру машина небольшая, возможно даже одноместная.

Третья фотография представляла собой гораздо более крупный план, и вертолет уже стоял на земле. Теперь было понятно, что машина сугубо военная: с оружейной стойки позади кабины свисало нагромождение жутковатого на вид снаряжения. Ракеты «Гидра», ракеты «Хеллфайер» типа «воздух-земля», пулеметы пятидесятого калибра и целая уйма прочих железяк. Да, серьезная игрушка для серьезных мальчиков.

– Откуда это у вас? – спросил я.

Вульф покачал головой:

– Не имеет значения.

– А по-моему, еще как имеет. Знаете что, мистер Вульф? У меня очень сильные подозрения, что вам эти фотографии иметь не положено.

Вульф откинул голову назад, давая понять, что терпение его на исходе.

– Откуда у меня фотографии – это абсолютно неважно. Важен сам предмет. Это очень серьезный вертолет, мистер Лэнг. Уж поверьте мне. Очень и очень серьезный.

И я поверил ему. А с чего бы мне не поверить?

– Вот уже двадцать лет, как Пентагон занимается программой «ЛВ», – продолжал Вульф.

– В надежде найти подходящую замену для «кобр» и «супер-кобр», используемых американскими ВВС еще со времен войны во Вьетнаме.

– «ЛВ»? – переспросил я неуверенно.

– Легкий вертолет, – ответила Сара с таким видом, будто это известно даже ребенку.

Вульф-старший продолжал давить:

– Этот вертолет – отклик на данную программу. Производится он американской корпорацией «Макки» и предназначается для использования в операциях против повстанцев. Террористов. Рынок сбыта, помимо закупок Пентагоном, – это полицейские силы по всему миру. Однако при цене в два с половиной миллиона долларов за штуку сбывать их не так-то просто.

– Да уж, – согласился я.

Я еще раз взглянул на снимки и порылся в мозгах в поисках какой-нибудь умной фразы.

– А зачем два винта? Не слишком они тут перемудрили?

Я заметил, как они переглянулись, но что означают эти переглядывания, не понял.

– Вы ведь ничего не смыслите в вертолетах, да? – спросил Вульф.

Я пожал плечами:

– Ну, они шумные. И очень часто падают. Вот, пожалуй, и все.

– Они медленные, – опять вмешалась Сара. – Медленные и потому уязвимые в бою. Современный штурмовой вертолет развивает скорость не более двухсот пятидесяти миль в час.

Я хотел было прокомментировать, что, мол, по мне, так это довольно шустро, но Сара еще не закончила.

– А современный истребитель делает милю за пять секунд.

Конечно, я мог позвать официанта, попросить у него бумагу с карандашом и умножить в столбик, но вместо этого я с умным видом кивнул, как бы приглашая ее продолжать.

– И скорость обычного вертолета ограничена... – она заговорила медленнее, точно угадав, что я не очень силен по части умножения трехзначных чисел в уме, – возможностями винта.

– Само собой, – ответил я и поудобнее устроился на стуле, готовясь к лекции.

Разумеется, большая часть из того, что Сара наговорила, благополучно влетела у меня в одно ухо и вылетела в другое, но, если я правильно уяснил, суть сказанного сводилась к следующему.

Сечение лопасти вертолета, по словам Сары, более или менее идентично самолетному крылу. Благодаря такой форме лопасти образуется перепад воздушного давления между ее верхней и нижней поверхностями и, как следствие, возникает подъемная сила. Однако, в отличие от самолета, подъемная сила у вертолета носит неравномерный характер, и чем быстрее он движется, тем больше эта неравномерность. Так что в конце концов вертолет сначала переворачивается, а затем благополучно грохается с небес на землю. Что, по словам Сары, один из существенных недостатков вертолетов.

– Итак, что же сделали люди из «Макки»? Они нацепили на одну ось два винта, вращающихся в разных направлениях. И неравномерность давления, производимая одним винтом, компенсировалась неравномерностью от другого. В результате вертолет может развивать скорость почти в два раза выше обычного. Кроме того, отпала надобность в хвостовом винте, а значит, и в самом хвосте. Меньше габариты, выше скорость, больше маневренность. Эта машина легко сможет делать больше четырехсот миль в час.

Я медленно кивнул, стараясь показать, что впечатлен, но в меру.

– Все это, конечно, замечательно. Однако любая ракета типа «земля–воздух» летит со скоростью почти тысяча миль в час. (Сара изумленно посмотрела мне в глаза. Мол, да кто я вообще такой, чтобы оспаривать ее технические познания?) То есть я хочу сказать: ну и что? Вертолет остался вертолетом, и его по-прежнему сбить что сплунуть. Непобедимым он от этого не стал.

На секунду Сара прикрыла глаза, видимо формулируя мысль так, чтобы ее понял даже такой кретин, как я.

– Если стрелок – ас, то шанс у него, безусловно, есть. Правда, всего один. Однако в том-то и суть, что времени на подготовку у него не будет. Мишень вцепится ему в горло прежде, чем он успеет продрать глаза ото сна.

Она припечатала меня тяжелым взглядом: мол, дошло наконец?

– Поверьте, мистер Лэнг, это боевой вертолет совершенно нового поколения.

– Хорошо, – согласился я. – Допустим. Что ж, тогда парни в форме наверняка на седьмом небе от счастья.

– О да, Томас, – вставил словечко Вульф. – Они очень, очень, очень довольны этой машиной. Но у парней из «Макки» осталась проблема, пусть и единственная.

Очевидно, кому-то надо сейчас сказать: «А именно?»

– А именно? – сказал я.

– А именно, в Пентагоне не верят в дееспособность новой конструкции.

С полминуты я обдумывал его слова.

– А что, проверить никак нельзя? Скажем, устроить пробный полет? Прокатиться разок-другой вокруг квартала?

Вульф тяжело вздохнул, и я понял, что мы наконец-то подобрались к гвоздю сегодняшней программы.

– Продать эту машину Пентагону, – медленно произнес Вульф, – а также в пять десятков других стран позволит лишь демонстрация вертолета в действии. Во время какой-нибудь крупной антитеррористической операции.

– То есть вы хотите сказать, что им придется ждать следующей мюнхенской Олимпиады?

Вульф с ответом не спешил, смакуя кульминационный момент своего выступления.

– Нет, мистер Лэнг, я хочу сказать не это. Я хочу сказать, что они *сами* собираются устроить вторую мюнхенскую Олимпиаду.

– Зачем вы мне все это рассказываете?

К тому моменту мы уже перешли к кофе, а фотографии благополучно вернулись в папку.

– Если вы правы – хотя лично я крепко завяз в этом самом «если», с проколотой шиной и без запаски, – если вы действительно правы, то что вы собираетесь делать дальше? Написать в «Вашингтон пост»? Сообщить Эстер Ранцен?⁶ Что?

Вульфы, старший и младшая, притихли, и я не мог понять – с чего бы это вдруг. Возможно, они полагали, что выложат мне свою роскошную теорию – и дело сделано? Что я тут же ринусь в самую гущу врагов, на ходу затачивая ножичек для масла и грозя им гнусным оружейникам всего мира?

Ну уж нет! Да и с какой стати?

– Скажите, Томас, вы считаете себя хорошим человеком?

Вопрос задал Вульф, который по-прежнему смотрел куда-то в сторону.

– Нет, не считаю.

Сара подняла глаза.

– А каким тогда?

– Я считаю себя высоким человеком, – сказал я. – Человеком без денег. Человеком с сытым желудком. Человеком с мотоциклом. – Я сделал паузу, чувствуя на себе ее взгляд. – И вообще, что вы имеете в виду под словом «хороший»?

– Полагаю, «хороший» – это тот, кто на стороне ангелов, – ответил Вульф.

– Ангелов не существует. Мне очень жаль, но это так.

Опять затишье. Вульф медленно потряхивал головой, будто признавая, что, мол, да, есть и подобная точка зрения, жаль только, что она такая неутешительная.

Сара вздохнула и встала из-за стола:

– Прошу меня простить.

Мы с Вульфом вцепились в стулья, собираясь вскочить, но Сара оказалась в центре зала прежде, чем нам удалось хоть на дюйм оторвать от сидений наши зады. Подплыв к официанту, она что-то шепнула ему на ухо, согласно кивнула на его ответ и взяла курс на сводчатый проход в дальнем конце зала.

– Томас, – сказал Вульф. – Давайте поставим вопрос иначе. Кое-какие дурные люди готовятся совершить кое-какие дурные дела. Можем ли мы рассчитывать на вашу помощь?

Он замолчал.

– Послушайте, вопрос по-прежнему остается, – сказал я. – Что вы планируете делать? Просто скажите. Чем вам не нравится вариант с прессой? Или с полицией? Или с ЦРУ? Ну что может быть проще? Телефонный справочник, пара монет – и дело в шляпе.

Вульф раздраженно затряс головой и забарабанил пальцами по столу.

– Похоже, вы совсем не слушали меня, Томас. Я повторяю еще раз: здесь затронуты интересы. Самые крупные интересы в мире. Капитал. А с капиталом нельзя справиться с помощью телефонного справочника и пары вежливых писем местному конгрессмену.

Я поднялся. Меня слегка пошатывало от вина. Или от нашего разговора.

– Вы уходите? – спросил Вульф, по-прежнему не поднимая головы.

– Возможно, – ответил я. – Возможно. – Сказать по правде, я был не совсем уверен, что делать дальше. – Но сначала я наведаюсь в туалет.

Ну да, в данный момент именно туалет мне требовался больше всего на свете. Ибо я пребывал в замешательстве, а уединение в кабинке с фаянсовым сосудом всегда способствует активизации умственной деятельности.

Я медленно прошествовал через зал к арке. В голове моей дребезжал плохо закрепленный багаж, угрожая в любой момент сверзиться на кого-нибудь из соседей-пассажиров. Вот скажите, как тут можно думать о вертолетах, взлетно-посадочных полосах и затяжных путешествиях? Мотать отсюда надо, причем как можно скорее. Даже то, что я взглянул на эти

⁶ Эстер Ранцен – общественный деятель, одна из наиболее известных в Великобритании борцов против насилия над детьми.

фотографии, – и то уже было глупостью с моей стороны.

Я нырнул под арку и увидел Сару: она стояла в нише у телефона-автомата. Наклонившись чуть вперед, Сара почти упиралась головой в стену. Меня она не видела. С минуту я стоял не двигаясь и разглядывал ее шею, волосы, плечи, и – чего уж тут, – возможно, разок-другой взгляд мой скользнул и по ее заднице.

– Привет, – сказал я наконец, расплывшись в идиотской улыбке.

Она резко повернулась. На мгновение мне показалось, что ее лицо исказил страх, – только из-за чего, я не имел ни малейшего понятия. Но еще через миг она улыбнулась и повесила трубку.

– Так что? – Она шагнула ко мне. – Вы с нами?

Некоторое время мы смотрели друг на друга, а затем я опять расплылся в придурковатой улыбке, пожал плечами и приготовился сказать свое любимое «ну», которое говорю всегда, когда пытаюсь подыскать слова. Потренируйтесь дома – и вы увидите, что на звуке «у» ваши губы складываются в трубочку и выпячиваются вперед. Как при свисте. Или как при поцелуе.

Она поцеловала меня.

Она поцеловала меня.

В смысле, я стоял там – губы трубочкой, мозги трубочкой, – а она просто подошла и засунула язык мне в рот. На мгновение я даже решил, что она просто споткнулась, а язык высунула чисто рефлекторно и совершенно случайно угодила им мне в рот. Но почему-то мне это показалось не слишком вероятным. Да и потом, в этом случае она ведь должна была быстренько вытащить свой язык из моего рта, правда? Но она этого не сделала.

Нет, никакой ошибки – она поцеловала меня. Прямо как в кино. Прямо как не в моей жизни. Первые пару секунд я был абсолютно ошарашен, чтобы хоть как-то среагировать. Уж больно много времени прошло с тех пор, как со мной происходило нечто подобное. Если хорошенько напрячь память, то никак не позже времен Рамзеса III: я был простым сборщиком оливок и, как тогда поступил, хоть убей, не помню.

Я ощутил вкус зубной пасты, и вина, и духов, и райских куш в погожий день.

– Так вы с нами? – спросила она опять.

Вопрос прозвучал четко и внятно, и я сообразил, что она все же вытащила свой язык, хотя я все еще ощущал его – во рту и на губах – и знал, что ощущение это останется со мной до конца моих дней.

Я открыл глаза.

Она стояла, смотрела на меня... Да, это определенно была она. Не официант и не вешалка для шляп.

И я ответил:

– Ну...

Мы вернулись за стол. Вульф как раз подписывал чек. Возможно, в мире происходило что-то еще, но я в этом не уверен.

– Спасибо за ужин, – поблагодарил я точно робот.

Вульф с улыбкой отмахнулся:

– Не за что, Том.

Он был очень доволен, что я ответил «да». «Да» в смысле «да, я подумаю».

Хотя о чем *конкретно* мне надо было подумать, вряд ли кто-то мог точно сказать. Однако мой ответ, похоже, вполне удовлетворил Вульфа, и на какое-то время у каждого из нас появилась своя причина для хорошего настроения. Я взял папку и вновь принялся просматривать фотографии – одну за другой.

Маленький, быстрый и яростный.

По-моему, Сара тоже была вполне довольна, хотя вела себя так, словно ничего особенного не произошло, кроме славного ужина и милой, приятной беседы о всякой ерунде.

Яростный, быстрый и маленький.

Вполне может быть, что там, под этой внешней невозмутимостью, неистово бурлил кипящий водоворот эмоций и лишь присутствие отца мешало ей приподнять крышку.

Маленький, быстрый и яростный.

Я бросил думать о Саре.

Картинки со зловещим аппаратом мелькали перед моими глазами, и я словно стряхивал с себя наваждение. Но одновременно погружался в другое. Знаю, прозвучит странно, но нагота этой машины – ее внешнее уродство, ее ничем не прикрытая агрессивность, ее абсолютная безжалостность – все это будто перетекало с бумаги в меня, холодя мою кровь.

Вульф, похоже, догадался, что я чувствую.

– У него еще нет официального названия, – сказал он. – Но временно он обозначен как «вертолет для контроля городских территорий и поддержания правопорядка».

– ВКГТиПП, – проговорил я бездумно.

– Да вы, как я погляжу, еще и буквы знаете? – сказала Сара, почти улыбнувшись.

– Отсюда и рабочее название прототипа, – добавил Вульф.

– То есть?

Они молчали. Я оторвал взгляд от снимков и поднял голову. Вульф ждал, когда наши взгляды встретятся.

– «Аспирантура», – сказал он.

7

Один женский волос может вытянуть больше, чем сотня пар быков.

Джеймс Хауэлл

Я бросал «кавасаки» из стороны в сторону, несясь по набережной Виктории – просто так, без всякого умысла. Прочистить ему трубы, а заодно и себе.

Я не стал ничего говорить Вульфам о телефонном звонке – том самом, с мерзким американским выговором на другом конце линии. «Аспирантура». Слово могло означать все, что угодно, – даже аспирантуру. Да и звонивший мог оказаться кем угодно. Когда имеешь дело с апологетами теории заговора – неважно, с поцелуями или без, но как раз с *ними* я и имел сейчас дело, – абсолютно незачем распространяться о совпадениях. Зачем лишний раз волновать людей?

Ресторан мы покинули в состоянии дружественного перемирия. Уже на тротуаре Вульф сжал мне локоть и посоветовал пережевать это ночью. Клянусь, я чуть не подпрыгнул от неожиданности, поскольку в тот момент созерцал задницу Сары. Но как только до меня дошло, что он все-таки имеет в виду нечто другое, я пообещал непременно так и поступить. А затем, чисто из вежливости, спросил, как мне с ним связаться в случае необходимости. Хитро подмигнув, Вульф ответил, что найдет меня сам, – что мне не шибко-то понравилось.

Безусловно, имелась одна, причем весьма веская, причина, почему я желал сохранить его благосклонность. Да, возможно, он слегка того, а доченька его – не более чем смазливый фифа, вывернутая мехом внутрь. Однако я не мог отрицать очевидного факта: эта парочка определенно обладала каким-то шармом.

Что я пытаюсь сказать? Да только то, что они взяли да и поделились со мной этим своим шармом, оставив довольно приличную его часть на моем банковском счету.

Только, пожалуйста, не поймите меня превратно. Вообще я не больно жаден до денег. Нет, я не хочу сказать, что я из тех, кто работает за спасибо. Я беру за свои услуги – ровно столько, сколько они стоят – и страшно злюсь, если мне недоплачивают. Но при всем том могу честно заявить: за длинным фунтом я не гонюсь. И никогда не делал ничего такого, к чему не лежала бы, хотя бы самую чуточку, моя душа, просто ради того, чтобы поиметь побольше. Такие, как Полли, – он сам об этом говорил, причем неоднократно – большую часть времени (когда не спят) проводят либо за добыванием денег, либо в мыслях о том, как бы их добыть. Полли без зазрения совести берется за самые неприятные, гадкие, даже аморальные дела, если точно знает, что в конце пути его ждет чек на кругленькую сумму. Он просто скажет: «Ну, что там у тебя? Давай выкладывай!»

Но я сделан из другого теста. Выкроен по другим лекалам. У денег есть только одно положительное свойство, одно-единственное: на них можно купить массу всевозможных

вещей. В остальном это невероятно пошлая, вульгарная и гадкая штука, которая мне абсолютно не по душе.

Зато вещи, как таковые, мне очень даже по душе.

Конечно, пятидесяти тысячам, которые предложил Вульф, никогда не стать для меня ключом к вечному счастью. Это я понимал прекрасно. Их не хватит, чтобы купить виллу где-нибудь на Антибах и даже снять ее более чем дня на полтора. И все же приятно иметь их под рукой. На душе от них как-то покойно. И о сигаретах в кармане можно не тревожиться.

И если ради этого ощущения покоя и комфорта придется провести пару-тройку вечеров на страницах романа Роберта Ладлэма, периодически срывая поцелуи красивой женщины, – что ж, я как-нибудь переживу.

Уже перевалило за полночь, и движение на набережной поутихло. Дорога была сухой, мотоцикл просил о хорошем галопе, так что я переключился на третью скорость и поддал газку предоставив вселенной закручиваться вокруг заднего колеса, а сознанию самому разбираться, на кого оно хочет походить – на капитана Кёрка⁷ или бессребреника в духе героев Чехова. Когда впереди показался Вестминстерский мост, скорость была где-то под сто десять. Я положил руку на рукоять тормоза и перенес вес тела набок, готовясь вильнуть вправо. Светофор перед площадью переключился на зеленый, и темно-синий «форд» тронулся с места, так что я чуть подбавил газу, собираясь с ходу обойти его на повороте по внешней полосе. Но стоило нам поравняться, как «форд» вдруг вильнул влево, и я с трудом ушел от столкновения.

В тот момент я подумал, что водитель «форда» меня просто не заметил. Я подумал, что это обычный чайник за рулем.

Время – весьма забавная штука.

Когда-то я знал одного военного летчика, который рассказывал, как им со штурманом пришлось катапультироваться из дорожущего «Торнадо GR1» на высоте триста футов, прямо над долинами Йоркшира, из-за того, что он назвал «птичьей атакой». (Что, на мой взгляд, довольно несправедливо, поскольку может сложиться впечатление, будто во всем виновата бедная пичуга, которая по злобе и совершенно сознательно вознамерилась протаранить двадцать тонн металла, со скоростью звука несущихся ей навстречу.) Как бы там ни было, суть истории в том, что пилот со штурманом провели в комнате для допросов час с четвертью, пересказывая следователям – которые, кстати, ни разу их не перебили – все, что они видели, слышали, чувствовали и делали в момент столкновения.

Целый час с четвертью.

А «черный ящик» – после того, как его в конце концов откопали среди обломков – показал, что между моментом, когда несчастная птаха впечаталась в двигатель, и моментом катапультирования прошло менее четырех секунд.

Четыре секунды. То есть бац, раз, два, три, свежий воздух.

Вообще-то я ни на грош не поверил той истории. А кроме того, пилот был жилистым коротышкой с голубыми глазами, от взгляда которых бросает в дрожь. И я никак не мог заставить себя принять его сторону, а не сторону бедной птицы.

Однако сейчас я готов был поверить ему.

Готов потому, что водитель «форда» и не подумал уйти вправо. Я успел прожить сразу несколько жизней – причем далеко не все оказались воплощением грез, – пока он прижимал меня к чугунной ограде Палаты общин. Я тормозил – и он тормозил. Я ускорялся – он давил на газ. А когда я накренил мотоцикл, пытаясь вписаться в поворот, он толкнул меня в плечо стеклом пассажирского окошка. Меня швырнуло на ограду.

Да, я могу битый час распинаться о проклятом заборе. И еще гораздо дольше – о том, как до меня наконец дошло, что за рулем «форда» сидит вовсе не чайник Нет, совсем даже напротив, за рулем «форда» сидел ас.

Это был не «ровер», что само по себе уже кое-что означало. Должно быть, у водителя

⁷ Персонаж сериала «Звездный путь» («Стар трек»), промышляющий контрабандой оружия.

имелась рация, с помощью которой его и вывели на позицию, поскольку на набережной меня никто не обгонял. Когда я оказался вплотную к машине, человек на пассажирском месте в упор глядел на меня, но даже не подумал предупредить водителя: мол, осторожно, не задень мотоциклиста. У них было два зеркала заднего вида, что отродясь не входило в базовую комплектацию ни на одном из «фордов».

Где-то в области паха полоснуло резкой болью. Она-то и привела меня в чувство.

Уверен, во время своих путешествий вы не раз отмечали, что мотоциклисты лишены такой привилегии, как ремни безопасности. Это и хорошо, и плохо одновременно. Хорошо потому, что вряд ли кому захочется оказаться пристегнутым к пяти сотням фунтов раскаленного металла, когда мотоцикл свалится и заскребет по дороге. А почему плохо? Да потому, что при резком торможении мотоцикл останавливается, а вот мотоциклист – нет. Мотоциклист продолжает двигаться до тех пор, пока его гениталии не встретятся с бензобаком, а из глаз фонтаном не брызнут слезы, не позволяя разглядеть то, из-за чего, собственно, и пришлось тормозить.

То есть ограду.

Крепкую, без шуток, чугунную ограду с изящными изгибами. Ограду, вполне достойную окружать прародительницу всех парламентов. Ограду, которую весной 1940-го обязательно снесли бы, чтоб переплавить на «спитфайры», «харрикейны», «веллингтоны», «ланкастеры» – и какой там был еще самолет, ну, тот, что с расщепленным хвостом? Не «бленхейм», случаем?

Если бы она, конечно, была здесь в 1940-м. Но в 1940-м ее здесь не было. Ее установили лишь в 1987-м, чтобы не позволить чокнутым ливийцам мешать парламентскому процессу – на своих семейных «пежо» с багажниками, начиненными мощнейшей взрывчаткой.

Эта ограда, моя решетчатая услада, стояла здесь не просто так. Ее поставили, чтобы защищать демократию. Ее ковали руки мастеровых по прозвию Тед или Нед, а может, и Билл.

Это была ограда, достойная героев.

Я отключился.

Лицо. Очень крупное лицо. Очень-очень крупное, но кожи едва-едва на крошечную мордашку, так что все в нем казалось каким-то натянутым. Натянутая челюсть, натянутый нос, натянутые глаза. Каждая мышца, каждая связка выпирала и бугрилась. И оттого лицо напоминало переполненный лифт. Я на минутку прикрыл глаза, и лицо исчезло.

Возможно, я проспал целый час, а у лица хватило терпения только на пятьдесят девять минут. Как знать. Но когда я снова открыл глаза, передо мной был один лишь потолок. Значит, я в помещении. А это, в свою очередь, значит, что меня перевезли или перенесли. Я было подумал о Мидлсекской больнице, но быстро сообразил, что здесь все несколько иначе.

Я попытался пошевелить различными частями тела. Очень осторожно, избегая тревожить голову: мало ли, а вдруг сломана шея? Со ступнями все вроде было в порядке – разве что находились они далековато. Но до тех пор, пока они пребывали не далее шести футов и трех дюймов от макушки, жаловаться, в общем-то, было грех. Левое колено ответило на послание уведомлением о вручении, что меня весьма порадовало. Но вот с правым дело обстояло как-то не так. Оно было слишком толстым и слишком горячим. Ладно, вернемся к нему позже. Теперь бедра. Левое – в порядке, правое не так чтобы очень. Член – вроде нормально, но с уверенностью можно сказать, лишь пошурудив его. Яички. О, да тут совершенно другая история! Их даже шурудить не надо было, сразу стало ясно мои бедные яички в плачевном состоянии. Их было как-то слишком много, и болели они как-то слишком сильно. Живот и грудь заслужили четверку с минусом, но правая рука напрочь завалила экзамен. Совсем не двигалась. Собственно, как и левая, хотя плечами я еще так-сяк подергать мог. Почему я, собственно, и допер, что нахожусь не в отделении имени Уильяма Хойла. Да, возможно, в наши дни в больницах Минздрава и исповедуют культ силы, но даже там пока не привязывают пациентов к кроватям без особых на то оснований.

Оставив шею с головой на потом, я погрузился в глубокий сон – настолько глубокий, насколько может себе позволить человек с семью яичками.

Лицо вернулось – еще более натянутое. На сей раз оно что-то жевало, и мышцы на щеках и шее выпирали точно на рисунке из анатомического атласа Грея. Вокруг губ пристали крошки, и время от времени изо рта выстреливал жутко розовый язык, увлакивая крошки в пещеру, одну за другой.

– Лэнг?

Теперь язык всюду обрабатывал ротовую полость, пробегаясь по деснам, из-за чего губы собрались в трубочку так, что на мгновение я даже испугался, не собираются ли меня поцеловать. Особой взаимности я не испытывал.

– Где я?

С мазохистским удовлетворением я отметил болезненный клекот в своем голосе.

– Ага, – сказала лицо.

Наверное, будь у него достаточно кожи, оно улыбнулось бы. Но вместо этого лицо исчезло. Скрипнула дверь.

– Он очнулся, – громко сказал все тот же голос.

Дверь осталась открытой. Это могло означать лишь одно: тот, кто контролирует комнату, контролирует и коридор. Если, конечно, за дверью находился коридор. С тем же успехом там мог находиться и трап, ведущий в космический корабль. Или из него. Возможно, я лежал внутри звездолета, готового взлететь, и через несколько секунд Земля останется далеко-далеко позади.

Шаги. Две пары ног. Одна на резине, другая на коже. Жесткий пол. Кожаные шаги медленнее. Кожаный здесь главный. Резиновый на подхвате: придерживает дверь, давая пройти Кожаному. Резиновый – это лицо. Резиновое Лицо. Легко запомнить.

– Мистер Лэнг?

Кожаный остановился у кровати. Если это была кровать. Я лежал с закрытыми глазами, брови чуть сдвинуты, изображая боль.

– Как вы себя чувствуете?

Американец. Что-то больно много американцев в моей жизни за последнее время. Видимо, таков нынче обменный курс.

Кожаный двинулся вокруг кровати – я слышал хруст песчинок под ботинками. Пахнет лосьоном после бритья. Чересчур резко. Если мы станем друзьями, обязательно посоветую ему сменить парфюм. Но не сейчас.

– В детстве мне всегда хотелось иметь мотоцикл, – сказал голос. – И обязательно «харлей». Но мой старик объявил, что мотоциклы слишком опасны. И когда я научился водить, то в первый же год четырежды разбил машину, назло ему. Он был порядочным мудаком, мой старик.

Время шло. И я ничего не мог с этим поделать.

– По-моему, у меня сломана шея, – прохрипел я.

Глаза я по-прежнему держал закрытыми, и хрип получился очень даже натуральный.

– Да? Очень жаль. Расскажите-ка лучше о себе, мистер Лэнг. Кто вы? Чем занимаетесь? В кино ходить любите? А книги? С королевой когда-нибудь чаевничали? Поговорите со мной.

Я выждал, пока ботинки отвернутся, и медленно открыл глаза. Он был вне поле зрения, так что я сосредоточился на потолке.

– Вы доктор?

– Нет, Лэнг, я не доктор. Уж кто-кто, но не доктор, это точно. Я просто сучий потрох – вот кто я такой.

Откуда-то из глубины комнаты донесся ехидный смешок, и я догадался, что Резиновое Лицо все так и торчит у двери.

– Прошу прощения?

– Сучий потрох. Вот кто я такой. Такая уж у меня работа. Да и жизнь у меня такая. Но давайте-ка лучше поговорим о вас.

– Мне нужен доктор, – сказал я. – Моя шея...

К глазам подступили слезы, сдерживать их я не стал. Чуток посопел, чуток покашлял – в общем, устроил эдакое веселенькое шоу.

– Хотите знать правду? – сказал голос. – Мне глубоко насрать на вашу шею.

Я твердо решил не советовать ему насчет лосьона. Никогда в жизни.

– Меня интересует совсем другое, – продолжал голос. – Много-много чего другого.

А слезы все подступали.

– Послушайте, я не знаю, кто вы такой и где я нахожусь...

Я замолчал, попытавшись приподнять голову.

– Исчезни, Риччи, – приказал голос. – Пойди проветришься.

Со стороны двери послышался хрюк, и два ботинка покинули комнату. Оставалось предположить, что Риччи удалился вместе с ними.

– А теперь слушайте сюда, мистер Лэнг. Вам вовсе не надо знать, кто я такой и тем более где вы находитесь. Расклад следующий: я спрашиваю, вы отвечаете. А не наоборот. Ясно?

– Но...

– Вы что, не слышали, что я сказал?

Передо мной вдруг возникло совсем другое лицо. Гладкая, выскобленная кожа и волосы, как у Полли. Мягкие и чистые, они были расчесаны до какого-то нелепого совершенства. На вид что-то около сорока, и, вероятнее всего, по два часа в день он проводит на велотренажере. Ему подходило только одно определение. «Ухоженный». Он тщательно осмотрел меня, и, судя по тому, как взгляд его завис над моим подбородком, я догадался, что там у меня довольно впечатляющая рана. Это меня слегка приободрило: шрамы – очень полезная штука, когда нужно, чтобы лед тронулся. Наконец наши взгляды встретились, но и только. Никаких искр взаимного понимания между нами не проскочило.

– Ну ладно, – сказал он и отодвинулся от меня.

Похоже, было раннее утро. Он только что побрился. Единственное оправдание столь резкому благоуханию парфюма.

– Вы встречались с Вульфом, – сказал Ухоженный. – И с его безумной дочерью.

– Да.

Пауза. Я знал, что угодил ему своим ответом, поскольку улыбка слегка нарушила ритм его дыхания. Начни я все отрицать – мол, вы ошиблись номером, моя не говори английски, – и он тотчас дотумкал бы, что я с ним играю. Ну а начни я колотиться – глядишь, он и примет меня за придурка. В конце концов, все факты свидетельствовали именно об этом.

– Ладно. Так. А не поделитесь, о чем вы с ними толковали?

– Ну, – я сосредоточенно наморщил лоб, – он спрашивал меня про службу в армии. Я, кстати, служил в армии.

– Охренеть. Так он уже знал или это вы ему сообщили?

Еще одна свежая мысль придурка.

– Честно говоря, я и сам не уверен. Хотя теперь, после того как вы об этом упомянули, думаю, он был уже в курсе.

– И девушка тоже?

– Ну откуда мне знать? Да я на нее не особо-то и глядел.

Хорошо, что меня не проверяют на детекторе лжи. А то стрелка зашкалила бы так, что приземлилась бы где-нибудь в соседней комнате.

– Он интересовался моими планами – спрашивал, чем собираюсь заняться. В общем, так, ерунда всякая.

– Вы из разведки?

– Что?!

Мой возглас вроде как снимал этот вопрос, но Ухоженный не унимался:

– В армии. Когда воевали с террористами в Ирландии. Вы были связаны с разведкой?

– Господи, ну конечно же нет.

Я самодовольно улыбнулся – будто мне польстила сама эта идея.

– Что тут смешного?

Я перестал улыбаться.

– Ничего. Просто... ну, вы знаете.

– Нет, не знаю. Потому и спрашиваю. Так вы состояли в военной разведке?

Я испустил тяжкий вздох, прежде чем ответить.

– Ольстер был системой. Вот и все. Все, что происходило там, происходило до этого уже

сотню раз. Главное – система. Люди вроде меня там просто, ну, вы знаете, просто так, для количества. В общем, я таскался по барам. Играл в сквош. Зубоскалил. Короче, развлекался на всю катушку.

Наверное, я слегка увлекся, но ему, похоже, было до лампочки.

– Послушайте, моя шея... я не знаю, с ней что-то не то. Мне правда очень нужен доктор.

– Он плохой человек, Том.

– Кто?

– Вульф. Очень плохой. Я не знаю, что он вам наплел о себе. Но могу предположить, что Вульф ни словечком не обмолвился о тридцати шести тоннах кокаина, которые он переправил в Европу за последние четыре месяца. А? Рассказал он об этом? (Я попытался покачать головой.) Вот то-то и оно. Я почему-то так и думал, что он забудет об этом упомянуть. А ведь это плохо. Плохо с большой буквы «П», так ведь, Томми? Вульф – дьявол во плоти, и он торгует коксом. Да. Звучит как слова из песенки. Что там у нас рифмуется с коксом?

Я ничего не ответил. Кожаные ботинки принялись прогуливаться взад-вперед.

– Томми, ты никогда не замечал, что плохих людей всегда тянет друг к другу, а? Нет? А я замечал. Причем это происходит сплошь и рядом. Уж не знаю, но, по-моему, друг с дружкой они чувствуют себя как дома – общие интересы, один и тот же знак зодиака – все, что угодно. Я видел это тысячу раз. Тысячу! – Ботинки остановились. – И вот что я тебе скажу, Томми. Когда такой парень, как ты, вдруг начинает браться с паразитами навряд Вульфа, это заставляет меня поглядывать на тебя с подозрением.

– Знаете что, – сказал я довольно нахально, – с меня хватит. Я не скажу больше ни слова до тех пор, пока не придет доктор. И вообще, я понятия не имею, о чем вы тут распинаетесь. И вообще, я знаю о Вульфе ровно столько же, сколько о вас, то есть ничего. И вообще, у меня шея сломана.

Нет ответа.

– Я требую доктора, – повторил я, изо всех сил стараясь, чтобы мой протест походил на вопли британского туриста на французской таможне.

– Нет, Том. Я думаю, не стоит попусту тревожить доктора.

Его голос звучал ровно, но я понял, что Ухоженный возбужден. Скрипнула кожа, потом открылась дверь.

– Не отходи от него. Ни на минуту. Захочешь в сортир – кликни меня.

– Постойте! – крикнул я. – Что значит «попусту»? Я ранен. Мне больно, черт бы вас побрал!

Ботинки скрипнули в мою сторону.

– Все может быть, Томми. Очень может быть.

Но кому это надо – мыть за собой одноразовые тарелки?

Вряд ли можно найти хоть что-то положительное в ситуации, в которой я оказался. Но есть такое правило: после любого боя – и неважно, победили вы или проиграли, – еще раз мысленно прокрутить события, дабы извлечь урок. Что я и делал, покуда Риччи Резиновое Лицо торчал у двери, привалившись к стене.

Во-первых, Ухоженный знал много, и узнал он это очень быстро. Значит, у него имелись помощники или хорошая связь. Или и то и другое вместе. Во-вторых, он не сказал: «Кликни Игоря или кого-нибудь из парней». Он сказал: «Кликни меня». А это, скорее всего, означало, что из экипажа на борту нашего звездолета находились только Ухоженный да Риччи.

И наконец, третье и самое важное на тот момент. Из нас троих я единственный знал наверняка, что шея у меня не сломана.

8

*Записался я в солдаты, чтобы славу заслужить,
И за шесть несчастных пенсов каждый день мишенью быть.*
Чарльз Дибдин

Прошло сколько-то времени. Возможно, прошло даже очень много времени – и наверняка так оно и было, – но после падения с мотоцикла я начал с подозрением относиться ко времени вообще и к тому, как оно себя ведет. После очередной встречи с ним так и хотелось похлопать себя по карманам – на месте ли все.

Определить хоть что-то в этой комнате было просто нереально. Свет – искусственный и все время включен. Звуков – ноль. Конечно, немного помогло бы, услышь я, скажем, бряканье бутылок в корзинке молочника или крики вроде «„Ивнинг стандарт“, вечерний номер, только что принесли». Но всего в жизни иметь невозможно.

Единственным хронометрическим прибором, что имелся у меня в распоряжении, был мой мочевого пузырь, который подсказывал, что после ресторана минуло часа четыре. И его подсказки слабо вязались с результатами дедукции в отношении лосьона Ухоженного. Хотя, опять же, все эти современные дешевые пузыри могут запросто оказаться чертовски ненадежной штуковиной.

Риччи выходил из комнаты всего лишь раз – притащить себе стул. Пока его не было, я попытался освободиться, связать простыни узлами и спуститься по ним на землю, но прежде, чем Риччи вернулся, достиг лишь одного успеха – почесал себе ляжку. Разместившись поудобнее, Риччи затих. Я заключил, что заодно он притащил себе чтиво. Однако звука перелистываемых страниц я тоже не услышал, – значит, либо он из тех, кто читает по слогам, либо он сидел и увлеченно пялился на стенку. Или на меня.

– Мне нужно в туалет, – прохрипел я.

Тишина.

– Я говорю, мне нужно...

– Пасть заткни!

Отлично. Я почувствовал себя гораздо лучше, уже точно решив, что сотворю с Риччи.

– Послушайте, вы должны...

– Ты слышал, что я сказал? Пасть заткни. Хочешь ссать – ссы под себя.

– Риччи...

– Эй, ты, мать твою, тебе кто разрешал называть меня Риччи?

– А как же мне вас называть?

Я закрыл глаза.

– Никак. Пасть заткни – и лежи. Лежи – и ссы. Усек?

– Я не хочу ссать.

Готов поклясться, я почти услышал, как обе его извилины затерлись одна об другую.

– Чего?

– Мне надо по-большому, Риччи. Знаешь, такая древняя британская традиция. И если тебе хочется сидеть в одной комнате со мной, пока я сру, – дело твое. Я просто подумал, что будет по-честному, если я тебя предупрежу.

Какое-то время Риччи обмозговывал мои слова; я уверен, что слышал, как он морщит в напряжении нос. Затем заскрипел стул и резиновые боты зашаркали в мою сторону.

– Никакого сортира, и только попробуй обосрись мне! – Лицо снова появилось в поле моего зрения – такое же натянутое, как и раньше. – Ты слышал? Будешь лежать, заткнешь свою...

– У тебя ведь нет детей, правда, Риччи?

Он нахмурился. На его лице это выглядело поистине гигантским усилием. Брови, мышцы, сухожилия – все оказалось задействованным в этом единственном, глуповатом выражении.

– Чего?

– По правде говоря, у меня самого нет детей. Зато есть крестники. И им нельзя просто взять и сказать, что, мол, не делайте этого. Без толку.

Нахмуренность усилилась.

– Что еще за хреноту ты гонишь?

– Нет, серьезно, я пробовал им говорить. Вот представь: едешь ты с детьми в машине и одному вдруг приспичило покакать. И ты ему говоришь: потерпи, заткни там пробкой, что ли, короче, подожди, пока мы куда-нибудь доедем. Но все впустую. Уж если организму приспичило, значит, ему приспичило.

Нахмуренность слегка разгладилась, что было очень даже кстати, а то меня начала уже утомлять эта натянутость.

Он склонился ко мне так, что наши носы практически соприкоснулись:

– Слышь, ты, кусок говна...

Но дальше продвинуться ему не удалось. В аккурат на «говне» я резко взбрыкнул правой ногой и вмазал ему коленом в морду. На миг он замер – отчасти от неожиданности, отчасти от самого удара, – а я, не теряя времени, вскинул левую ногу и зацепил его за шею, словно крюком. Покуда я гнул его голову, он ухватился рукой за спинку кровати, пытаюсь устоять. Но, судя по всему, бедняга Риччи понятия не имел, сколь крепок может быть захват ногами. Знаете, ноги – это страшная сила.

Шее с ними не сравниться.

Надо признать, держался Риччи вполне достойно. Делал все, что полагается в таких случаях: то пытался вцепиться мне в пах, то молотил ногой в сторону моего лица. Вот только если ты хочешь, чтобы из всего этого вышел хоть малюсенький толк, организму нужен воздух, а у меня – совершенно случайно – не было никакого желания угощать Риччи воздухом. Спротивление его выгибалось дугой – сначала резко вверх, к своему пику через злость, бешенство и ужас, а затем долго и плавно вниз, к полной бессознательности. Последний взбрык, и я еще добрых пять минут сдавливал его шею: на его месте лично я обязательно притворился бы мертвым, как только понял, что игра окончена.

Но Риччи не притворялся. Он был мертв.

Мои руки стягивали ремни, так что пришлось немного попотеть. Единственным доступным инструментом были зубы, и к тому моменту, когда все закончилось, я чувствовал себя так, словно сжевал пару брезентовых палаток. Попутно я получил неоспоримое доказательство, что подбородок мой нуждается в медицинском уходе: первое же касание о пряжку – и я подумал, что сейчас пробью головой крышу. Немного успокоившись, я опустил глаза и увидел кровь, оставшуюся на ремнях, – где-то темную и уже подсохшую, а где-то ярко-красную, совсем свежую.

Когда все было уже позади, я откинулся на спину, задыхаясь от напряжения, и попытался втереть хоть немного жизни в затекшие кисти. Затем медленно сел, осторожно перекинул ноги через край кровати и встал.

Не завопил я лишь из-за многообразия боли. Она шла сразу из стольких мест, говорила сразу на стольких языках, оделась в такой ослепительный гардероб экзотических костюмов, что секунд пятнадцать я просто не мог двинуться с места, отвесив челюсть от изумления. Вцепившись в край кровати, я зажмурился и не открывал глаза до тех пор, пока оглушительный рев не превратился в ворчливое бормотание. После чего произвел повторную инвентаризацию. Обо что бы я там ни ударился, но ударился я правой стороной. Колено, ляжка и голень едва не заходились в крике, и их пронзительные вопли стали лишь резче от недавнего соприкосновения с головой Риччи. Ощущение в ребрах было такое, словно их сначала вынули из моего тела, а затем впили обратно, но не в том порядке. А шея, хоть и не была сломана, но практически не двигалась. И наконец, яички!

Эти-то изменились точно! Я просто не мог поверить, что это те самые яички, что были при мне всю мою жизнь и которые я считал своими закадычными друзьями. Теперь они стали крупнее, гораздо-гораздо крупнее, и к тому же совершенно не той формы.

Мне оставалось лишь одно.

Есть такой способ – кстати, прекрасно известный специалистам боевых искусств, – который помогает снять неприятные ощущения в мошонке. Им частенько пользуются в японских *додзё*, когда партнер по спаррингу несколько переусердствует и засандалит ногой в область гениталий.

В таких случаях делают следующее: нужно подпрыгнуть дюймов на шесть и приземлиться на пятки, при этом изо всех сил напрягая мышцы ног. Пусть всего лишь на мгновение, но благодаря такому упражнению увеличивается нагрузка на мошонку. Не знаю, почему этот способ должен срабатывать, но, как ни странно, срабатывает. Хотя бывает, что и

нет. Мне пришлось проделать это несколько раз – изобразить попрыгунчика-хромоножку. Поразительно, но постепенно, мало-помалу боль отступила.

А затем я наклонился – осмотреть тело Риччи.

Ярлык на его костюме возвещал о талантах некоего «Фалькуса, одежда на заказ», но ничего более не сообщал. В правом кармане брюк обнаружилось шесть фунтов и двадцать пенсов; в левом – перочинный нож с рукояткой «под камуфляж». Рубашка была из белого нейлона, а резиновые боты оказались «бакстерами» на четыре дырки, из кожи цвета «бычьей крови». Вот, в общем-то, и все. Больше ничто не выделяло Риччи из людской массы. Ни единой мелочи, от которой участился бы пульс у востроглазого сыщика. Ни талончика на автобус. Ни читательского билета. Ни газетной страницы с частными объявлениями, одно из которых обведено жирным черным фломастером.

Лишь одна деталь была не самой обычной – портупея с кобурой «Бьянчи» и новехоньким девятимиллиметровым «глоком-17» внутри.

Возможно, вам доводилось читать хоть что-то из всей той чуши, что пишут про «глок-17». Например, о том, что его корпус выполнен из какого-то там модного полимера, а потому пара-другая журналистов в свое время чрезвычайно озаботилась: мол, подобную игрушку любой дурак пронесет незамеченной через металлодетектор в аэропорту. Поверьте, все это полная мура. Затвор, ствол и большая часть внутренностей у «глока» металлические, а семнадцать патронов «парабеллум» не так-то просто выдать за запасные блоки к губной помаде. Что у «глока» действительно не отнимешь, так это большую емкость магазина при весьма легком весе, высокой точности и поистине ни с чем не сравнимой надежности. Благодаря чему, собственно, пистолет-пулемет «глок-17» и стал любимым оружием домохозяек всего мира.

Я взвел затвор, вгоняя патрон в патронник. Предохранителя на «глоке» нет. Ты просто целишься, жмешь на спусковой крючок и улепетываешь со всех ног. Пушка как раз по мне.

Очень осторожно я приоткрыл дверь в коридор. Никакого звездолета. Обычный белый коридор и семь обычных дверей. Все закрытые. В конце коридора – окно, вид из которого замечательно подходил как минимум пятидесяти городам. За окном – день.

Для каких бы целей ни строили это здание, по назначению оно не использовалось уже давно. В коридоре было грязно, вдоль стен валялся разный хлам: картонные коробки, груды бумаг, мешки с мусором, а где-то ближе к центру – даже горный велосипед без колес.

Вообще, разведка вражеского здания – это игра, требующая как минимум трех игроков. А еще лучше – шести. Тот, что слева от сдающего, проверяет комнаты; еще двое – на подстраховке; остальные трое наблюдают за коридором. Вот как это делается обычно. Но если ситуация складывается так, что приходится играть в одиночку, правила игры абсолютно другие. Каждую дверь нужно открывать очень медленно, одновременно перепроверяя, что творится у тебя за спиной, украдкой заглядывать в щелочку у дверных петель, – в общем, на десять ярдов коридора при таком раскладе уходит не меньше часа. Именно так говорится во всех инструкциях, написанных на данную тему.

Кстати, насчет инструкций. У меня сложилось такое впечатление, что мой противник их тоже читал.

Вытянув перед собой руку с пистолетом, я зигзагом пронесся по коридору, поочередно распахивая все семь дверей, пока не достиг противоположного конца, где и нырнул под подоконник, готовый разрядить полный магазин в любого, кто высунет голову. Но голову никто не высунул, и вообще ничего не высунул.

Зато теперь все двери были нараспашку, и первая слева от меня вела на лестницу. Я видел несколько футов перил, над ними – зеркало. Сжавшись в комок и припадая к земле, я нырнул в дверной проем, угрожающе размахивая «глоком». Опять никого.

Я резко ткнул стволом «глока» в середину зеркала – раздался звон бьющегося стекла. Я поднял с пола внушительный осколок и порезал левую руку. Вообще-то это получилось нечаянно – говорю на тот случай, если вы вдруг удивились.

Поднеся осколок к лицу, я изучил отражение своего подбородка. Рана выглядела более

чем неприятной.

Я вернулся в коридор и приступил к медленному методу разведки: подкрадывался к краю дверной коробки, просовывал зеркало в проем и медленно поворачивал, чтобы захватить комнату целиком. Способ довольно неуклюжий, да и абсолютно бесполезный: стены из тонкого гипсокартона не смогли бы остановить даже вишневую косточку, которой щелкнул трехлетний карапуз. Но все же так было спокойнее, чем торчать в дверях во весь рост, выкрикивая что-нибудь вроде «Ау-у-у?!»

Первые две комнаты оказались в том же состоянии, что и коридор. Грязные и заваленные хламом. Сломанные пишущие машинки, разбитые телефоны, трехногие стулья. Я как раз размышлял над тем, что ни в одном из великих музеев мира не найти ничего более антикварного с виду, чем ксерокс десятилетней давности, когда услышал какой-то звук. Человеческий звук. Точнее, стон.

Я замер. Звук не повторился, так что я еще раз проиграл его в голове. Стон шел из соседней комнаты, вниз по коридору. Мужской стон. Там явно кто-то занимался сексом или страдал от боли. Или то была ловушка.

Я скользнул обратно в коридор и, перебравшись к соседней двери, залег у стены. Выставив зеркало вперед, я отрегулировал его положение. На стуле посреди комнаты сидел мужчина, его голова бессильно свесилась на грудь. Невысокий, тучный, средних лет и привязанный к стулу. Кожаными ремнями.

Спереди на его рубашке темнела кровь. Много крови.

Если это и была ловушка, то именно сейчас близился тот самый момент, когда по замыслу противника я должен подскочить к нему со словами «О боже! Я могу вам чем-нибудь помочь?» Так что я остался на месте и продолжал наблюдать. За мужчиной и за коридором.

Он не проронил больше ни звука. Да и коридор не сделал ничего такого, чего обычно не делают коридоры. Понаблюдав еще как минимум минуту, я отбросил зеркало в сторону и заполз в комнату.

Мне кажется, я понял, что это Вульф, еще в ту самую секунду, когда услышал стон. То ли потому, что узнал его голос, то ли потому, что все это время думал: раз уж Ухоженному удалось подловить меня, ему ничего не стоило схватить и Вульфа.

И тем более Сару.

Я закрыл дверь, подперев ее двуногим стулом. Остановить это никого не могло, но зато давало мне возможность выпустить три, а то и все четыре пули до того, как откроется дверь. Я опустился перед Вульфом на колени – и тут же выругался, скривившись от острого приступа боли. Отодвинувшись назад, я опустил взгляд на пол. Возле ног Вульфа валялись семь или восемь масляных с виду болтов и гаек. Я наклонился, чтобы смахнуть их в сторону.

Но это были не гайки и не болты. И это было не масло. Я топтал коленями его зубы.

Развязав ремни, я попытался приподнять Вульфу голову. Оба его глаза были закрыты, но я не мог точно сказать, из-за чего: то ли из-за того, что он без сознания, то ли потому, что кожа вокруг глазниц жутко раздулась. Рот пузырился кровавой слюной, а дыхание просто леденило душу.

– Все будет в порядке, – сказал я. Ни на йоту не поверив себе. И сомневаюсь, чтобы Вульф поверил. – Где Сара?

Вульф не ответил, но я видел, как он пытается открыть левый глаз. Он откинул голову назад, и какое-то едва слышное бормотание прорвало несколько пузырей. Я наклонился вперед и взял его руки в свои.

– Где Сара?

Волосатый кулак тревоги стиснул мне гортань. Какое-то время Вульф не двигался, и я уже было подумал, что он отключился, но тут его грудь напряглась, а рот открылся, будто в зевке.

– Ну что, Томас? – Голос его напоминал слабый скрежет, а дыхание становилось все хуже и хуже с каждой секундой. – Ты...

Он замолчал, пытаясь всосать хоть немного воздуха.

Я знал, что ему нельзя говорить. Что нужно велеть ему замолчать – поберечь силы. Но я

не смог. Мне хотелось, чтобы он продолжал. Продолжал говорить. О чем угодно. О том, как ему плохо; о том, кто это сделал; о Саре; о скачках в Донкастере. Обо всем, что имеет хоть какое-то отношение к жизни.

– Я – что?

– Ты хороший человек?

По-моему, он улыбнулся.

Какое-то время я продолжал наблюдать за ним, соображая, что же делать дальше. Если я не вытащу его отсюда, он наверняка умрет. Думаю, где-то в глубине души мне даже хотелось, чтобы он умер: тогда я смог бы хоть что-то сделать. Отомстить. Убежать. Рассердиться.

Но уже через миг, еще не успев сообразить, что происходит, я отпустил его руки, подхватил «глок» и бочком, согнувшись, переместился в угол.

Потому что кто-то пытался открыть дверь.

Стул продержался толчок или два, а затем отлетел в сторону под мощным пинком. Дверь распахнулась, и в проеме возник человек. Он был выше, чем мне помнилось, – вот почему я не сразу, а лишь через несколько десятых секунды сообразил, что это Ухоженный и что он целится из пистолета прямо в центр комнаты. Вульф начал вставать со стула – хотя, может, он просто валился вперед, – и в ту же секунду раздался оглушительный грохот, завершившийся серией плоских одиночных хлопков: это я всадил шесть пуль в голову и туловище Ухоженного. Пинком выбив оружие из обмякшей руки, я нацелил «глок» ему в лоб. Гильзы звонкой каплей разлетелись по полу коридора.

Я вернулся назад, в комнату. Вульф находился в шести футах от того места, где я его оставил; он лежал на спине в густеющей на глазах черной луже. Сразу я даже не въехал, как это его тело переместилось так далеко, пока не опустил глаза и не увидел оружие Ухоженного.

Это был «МАС-10». Жуткая полуавтоматическая штуковина, которой абсолютно без разницы, во что попадать; способная опустошить свой тридцатипатронный магазин меньше чем за пару секунд. Ухоженный умудрился всадить в Вульфа большую часть из этих тридцати: старика буквально разорвало в куски.

Я наклонился вперед и всадил еще одну пулю прямо в рот Ухоженному.

Следующий час ушел на обход здания. Облазив его сверху донизу, я выяснил, что задняя стена выходит на Хай-Холборн, что когда-то здесь размещалась довольно крупная страховая фирма и что теперь здание пришло в самое жутчайшее запустение, какое только можно вообразить. Хотя о последнем я скорее догадывался. Как правило, оружейная пальба, за которой не следует вой полицейских сирен, означает, что дома никого нет.

Выбора у меня не было: «глок» пришлось оставить в комнате. Я перетащил тело Риччи в комнату, где находился Вульф, уложил его на пол, протер концом рубашки рукоятку и курок «глока» и вложил его в руку Риччи. Затем поднял «МАС» и выпустил три пули ему в туловище, после чего положил ствол рядом с Ухоженным.

Сцена – в том виде, в каком я ее оставил – выглядела, в общем-то, бессмыслицей. Но ведь и в реальной жизни смысла не больно-то много, и в запутанные ситуации часто веришь гораздо охотнее, чем в простые и очевидные. По крайней мере, я на это надеялся.

Затем я уединился в «Соверене» – привокзальной ночлежке весьма сомнительной чистоты, – где и провел следующие два дня и три ночи, дожидаясь, пока подсохнет короста на подбородке, а синяки на теле приобретут приятные цвета. За окном народ Британии торговал крэком, спал сам с собой за деньги и устраивал пьяные дебоши, о которых на следующее утро не помнил ровным счетом ничего.

И все это время я не переставал думать о вертолетах, об оружии, об Александре Вульфе, о Саре Вульф и еще о множестве других интересных вещей.

Хороший ли я человек?

Сапог, седло, на лошадь – и вперед!

Браунинг

– Аспирантура? Какая аспирантура?

Девушка была миленькой, более того, шикарной до потрясения, и я спросил себя: интересно, как долго она здесь задержится? Полагаю, место секретарши в американском посольстве на Гросвенор-сквер дает вполне сносное жалованье, которого хватит на целый грузовик нейлоновых чулок, но работать здесь наверняка жуткая скучища! Скучнее годового балансового отчета.

– Аспирантура, – повторил я. – Мистер Рассел Барнс.

– Он вас ждет?

Максимум полгода, решил я. Ее давно уже все утомило: и такие, как я, и это здание, и весь окружающий мир.

– Очень надеюсь, что да. Сюда сегодня звонили из моей конторы. Им ответили, что со мной встретятся.

– Мистер Соломон, верно?

– Верно.

Она пробежалась глазами по каким-то спискам.

– Одно «м», – подсказал я услужливо.

– И вы из?..

– Конторы, из которой звонили сегодня утром. Прощу прощения, но мне кажется, я уже это говорил.

Ей было скучно даже повторить свой вопрос. Она лишь пожала плечами и принялась заполнять гостевой пропуск.

– Карл?

Карл был не просто Карлом. Это был настоящий КАРЛ. Дюйма на полтора выше меня и явно тягал железо в свободное время, которого у него, судя по всему, хватало. А еще он был морским пехотинцем США и носил мундир – причем такой новехонький, что я бы не удивился, суетись сейчас кто-то у его ног, подшивая отвороты брюк.

– Мистер Соломон, – сказала секретарша. – Комната 59 Ю. К Барнсу, Расселу.

– Расселу Барнсу, – поправил я, но ни один из них не обратил на поправку никакого внимания.

Карл провел меня сквозь целый ряд отнюдь не дешевых проверок службы безопасности, где другие Карлы долго шарили по мне металлоискателями и гофрировали пальцами мою одежду. Особенно их заинтересовал мой портфель и расстроило его содержимое – одинокий экземпляр «Дейли миррор».

– Портфель у меня просто для солидности, – охотно пояснил я.

Непонятно почему, но их мои слова вполне устроили. Наверное, скажи я охранникам, что портфелем запасся, дабы выносить секретные бумаги из иностранных посольств, они наперебой стали бы хлопать меня по спине и даже вызвались бы поносить портфель за меня.

Карл проводил меня к лифту и отступил на шаг в сторону, покуда я входил внутрь. Музыка здесь звучала едва слышно. Не будь это посольством, я мог бы поклясться, что они завели «Нетопыря из преисподней» Джонни Мэтиса⁸. Карл вошел следом и, прокатив карточку через электронный считыватель, вдавил обтянутым безукоризненной перчаткой пальцем несколько кнопок на панели снизу.

Пока лифт мчал нас вверх, я собирался с мыслями, готовясь к весьма непростому интервью. Я неустанно повторял себе, что делаю лишь то, что положено делать в ситуации,

⁸ Джонни Мэтис – американский певец, исполнитель лирических баллад. Пик его популярности пришелся на конец 1950-х.

когда оказываешься унесенным в море. «Плыви по течению, а не против него. Рано или поздно, но тебя обязательно вынесет на берег». Мы вышли на шестом этаже, и я проследовал за Карлом по отполированному до блеска коридору к кабинету 59 Ю. «Барнс, Рассел П. Заместитель директора по исследовательским работам, Европа».

Карл вежливо дождался, пока я постучу. Когда дверь открылась, я едва сдержался, чтобы не сунуть пару монет ему в перчатку и не попросить заказать мне столик в «Л'Эпикур». К счастью, он остановил меня яростным салютом и, крутанувшись на каблуках, направился обратно по коридору со скоростью ровно сто десять шагов в минуту.

На своем веку Рассел П. Барнс, похоже, успел пошататься по миру. Не надо быть большим знатоком людей, чтобы понять с первого взгляда: тебе никогда не удастся выглядеть как Рассел П. Барнс, если полжизни ты просидишь за письменным столом, а оставшуюся половину будешь лакать коктейли на посольских приемах. На вид ему было где-то под пятьдесят. Он был высокий и сухощавый, а его загорелое лицо являло собой настоящую давку шрамов и морщин, с боем отвоевывающих друг у друга каждый квадратный дюйм поверхности. Увидев Барнса, я первым делом вспомнил О'Нила и подумал, что тот наверняка мечтает стать вот таким же.

Барнс бросил на меня быстрый взгляд поверх очков-половинок, но тут же вернулся к чтению, по ходу помечая что-то на полях дорогой авторучкой. Каждая клеточка его тела буквально кричала о мертвых вьетконговцах, вооруженных до зубов контраст и о том, что «сам генерал Шварцкопф⁹ зовет меня просто Расти».

Перевернув страницу, он вдруг неожиданно рывкнул:

– Слушаю.

– Мистер Барнс. – Я поставил портфель возле стула и приветственно протянул руку.

– Как и написано на двери.

Он продолжал читать. Я же продолжал стоять с протянутой рукой.

– Здравствуйтесь, сэр.

Пауза. Я знал, что он обязательно клянет на «сэра». Принюхавшись, Барнс почуял запах собрата по оружию и медленно поднял голову. Затем довольно долго смотрел на мою руку, прежде чем протянуть свою. Сухую как пыль.

Затем он моргнул в сторону стула, и я сел. Усаживаясь, я успел глянуть на фотографию на стене. Как я и предполагал: Бушующий Норман собственной персоной, в какой-то камуфляжной пижаме и с длинной надписью от руки прямо под подбородком. Почерк был слишком мелкий, чтобы разобрать написанное с моего места, но я готов был поставить все свое состояние, что там имелись такие слова, как «пинком» и «под зад». Рядом висело чуть более крупное фото самого Барнса – в парашютном комбинезоне и с шлемом под мышкой.

– Британец?

Очки со шлепком полетели на стол.

– До мозга костей, мистер Барнс, – ответил я. – До мозга костей.

Я знал, что на самом деле он имел в виду британскую армию. Мы обменялись кривыми военными улыбками, в которых ясно читалось, как сильно мы оба ненавидим все эти грязные куски дерьма, которые вяжут порядочных людей по рукам и ногам, называя это политикой. Вдоволь натешившись, я представился:

– Давид Соломон.

– Чем могу быть полезен, мистер Соломон?

– Как вам, наверное, уже докладывала ваша секретарша, сэр, я представляю министерство мистера О'Нила. У мистера О'Нила появилась пара вопросов, на которые, как он надеется, сможете ответить вы.

– Валяйте.

Слово сорвалось с его губ с такой легкостью, что я невольно задумался, сколько же раз и в скольких различных ситуациях ему приходилось его употреблять.

⁹ Норман Шварцкопф – генерал армии США, командовавший первой операцией против Ирака в 1991 году, в период президентства Джорджа Буша-старшего; у журналистов получил прозвище Бушующий Норман.

– Это касается «Аспирантуры», мистер Барнс.

– Да.

Вот так. «Да». То есть никаких тебе «вы имеете в виду тот план, согласно которому некая группа неизвестных замышляет финансирование террористической акции с целью увеличения объемов сбыта антитеррористической боевой техники»? Хотя, откровенно говоря, я не очень-то на это рассчитывал. Ладно, пусть не буквально так: для начала меня вполне устроило бы просто признание вины. Но от короткого «да» помощи было ровно ни на грош.

– Мистер О'Нил очень надеялся, что вы, возможно, пожелаете поделиться с нами своими мыслями по данному вопросу.

– Неужели?

– Так точно, – ответил я твердым голосом. – Он надеялся, что вы окажете нам любезность и просветите нас по поводу вашей собственной интерпретации недавних событий.

– О каких недавних событиях вы говорите?

– Мне бы не хотелось на данном этапе вдаваться в детали, мистер Барнс. Я уверен, вы отлично понимаете, что я имею в виду.

Он улыбнулся – где-то в пещере рта блеснуло золото.

– Вы имеете какое-нибудь отношение к снабжению, мистер Соломон?

– Абсолютно никакого, мистер Барнс. – Я попытался добавить в голос нотку уныния. – Моя жена даже продукты в магазине и те мне не доверяет покупать.

Его улыбка поблекла. В кругах, где вращался Рассел П. Барнс, супружество было тем, чем порядочные вояки занимаются при закрытых дверях. Если вообще занимаются.

На столе мягко зажужжал телефон. Он рывком поднес трубку к уху:

– Барнс.

Он взял авторучку и несколько раз щелкнул колпачком. Покивав головой, Барнс повесил трубку. При этом он продолжал смотреть на авторучку, и я понял, что снова моя очередь говорить.

– Я думаю, можно сказать, однако, что нас очень беспокоит безопасность... – тут я сделал паузу, дабы подчеркнуть эвфемизм, – двух американских граждан, в настоящее время проживающих на британской территории. Фамилия – Вульф. Мистер О'Нил хотел бы знать, не получали ли вы случайно какой-либо информации, которая могла бы помочь нашему министерству в обеспечении их защиты?

Скрестив руки на груди, он откинулся на спинку стула:

– Охренеть можно!

– Сэр?

– Говорят, если долго сидеть и ничего не делать, удача сама приплывет тебе в руки.

Я постарался изобразить озадаченность:

– Я дико извиняюсь, мистер Барнс, но мне кажется, вы меня недопоняли.

– Давненько я не встречал такого количества дерьма, да еще в одном стакане.

Где-то тикали часы. Довольно быстро. Слишком быстро, как мне показалось, чтобы действительно отсчитывать секунды. Хотя это ведь была американская территория, так что, вполне возможно, американцы когда-то решили, что секунды – это, мать их, слишком уж медленно и хорошо бы ускорить минуту секунд, скажем, до двадцати? Тогда у нас, мать вашу, будет больше часов в одном, мать их, дне, чем у этих пидоров-англичашек.

– Так есть у вас какая-нибудь информация, мистер Барнс? – спросил я, не давая ему сбить меня с намеченного курса.

Но он вовсе не собирался допускать, чтобы его подгоняли.

– Откуда же у меня возьмется информация, мистер Соломон? Это ведь не у меня, а у вас целая армия пехотинцев. А я всего лишь слушаю то, что говорит мне О'Нил.

– Ну уж. Что-то я сомневаюсь.

– Неужели?

Что-то здесь было не так. Я не имел ни малейшего представления – что, но что-то было очень сильно не так.

– Ладно, давайте оставим это, мистер Барнс. Допустим, что в данный момент в нашем Министерстве образовался легкий пехотный некомплект. Эпидемия гриппа. Летние отпуска. В

общем, будем считать, что наши пехотинцы, в силу временно истощившихся ресурсов, на мгновение вдруг потеряли след двух этих личностей.

Барнс пощелкал костяшками пальцев и наклонился через стол.

– Знаете, мистер Соломон, я даже представить себе не могу, как такое могло произойти.

– А я и не говорю, что это произошло. Я лишь выдвигаю гипотезу.

– Тем не менее я никак не могу согласиться с вашими допущениями. Лично мне представляется, что у вас как раз, наоборот, служащих скорее даже перебор.

– Прошу прощения, но я вас не понимаю.

– Мне так кажется, что ваш персонал повсюду, причем гоняется за собственным хвостом.

Часы все продолжали тикать.

– Что вы имеете в виду, конкретно?

– Что я имею в виду, конкретно, так это то, что коль ваш департамент может позволить себе нанять сразу двух Давидов Соломонов на одну и ту же работу, значит, бюджет у вас такой, о котором мне остается лишь мечтать.

Ух ты.

Он встал из-за стола и медленно двинулся вокруг него. Нет, не угрожающе – просто разминал ноги.

– А может, и это еще не все? Может, у вас там целая дивизия Давидов Соломонов? А? – Он сделал паузу. – Я звонил О'Нилу. Давид Соломон в настоящий момент находится в самолете, следующем в Прагу, и никаких других Давидов Соломонов, судя по словам О'Нила, у него нет. Так что, похоже, все вы, Давиды Соломоны, просто делите между собой одну зарплату.

Он дошел до двери и открыл ее со словами:

– Майк, группу «Е» сюда. Срочно. – Барнс повернулся ко мне и, скрестив руки на груди, оперся спиной о косяк. – У вас примерно сорок секунд.

– Ладно. Мое имя не Давид Соломон.

Группа «Е» состояла из двух Карлов: по одному с каждого боку от моего стула. Майк занял позицию у двери, а Барнс вернулся за свой стол. Я же изо всех сил изображал удрученного неудачника.

– Меня зовут Гласе. Теренс Гласе. – Я постарался, чтобы имя прозвучало как можно прозаичнее. Настолько прозаично, чтобы никому и в голову не могло прийти, что такое можно выдумать. – У меня своя картинная галерея на Корк-стрит. – Я залез в верхний карман и вытащил карточку – ту, что вручила мне хорошо воспитанная блондинка. И протянул ее Барнсу: – Вот. Последняя. В общем, Сара работает на меня. То есть работала. – Тяжко вздохнув, я сполз чуть ниже. Человек, поставивший након и в момент потерявший все свое состояние. – Последние несколько недель она вела себя... Даже не знаю, как бы это лучше сказать. Она выглядела какой-то озабоченной. Даже испуганной. Говорила какие-то странные вещи. А потом в один прекрасный день просто не вышла на работу. Исчезла. Где я только не искал. Бесплезно. Пытался звонить ее отцу, несколько раз, но, похоже, он тоже исчез. Тогда я решил залезть к ней в стол и среди всякого разного хлама нашел одну папку.

При упоминании о папке Барнс едва заметно напрягся, и я поспешил развить успех:

– «Аспирантура». Так было написано на обложке. Сначала я подумал, что это что-нибудь из истории искусств, но ошибся. Честно говоря, я вообще не понял, о чем там. Что-то про бизнес. То ли промышленный, то ли еще какой. Там были и ее собственные пометки. Про человека по имени Соломон. И ваше имя тоже. Американское посольство. Я... Можно начистоту?

Барнс молча смотрел на меня. На его лице не отражалось ничего, кроме шрамов и морщин.

– Только не говорите ей. То есть я хочу сказать, она об этом еще не знает, но... я до смерти влюблен в нее. Уже несколько месяцев. В общем-то, именно поэтому я и взял ее к себе на работу. Ведь я вполне могу обходиться в галерее в одиночку, но мне просто хотелось быть поближе к ней. И я не смог придумать ничего другого. Знаю, вы сочтете меня слабаком, но... вы ведь знаете ее? В смысле, вы когда-нибудь видели ее?

Барнс не ответил. Он вертел в руках карточку – ту, что я дал ему, – и, приподняв бровь, вопросительно смотрел на Майка. Я не оборачивался, но спиной чувствовал, что все это время Майк был чем-то занят.

– Глазе, – слышался чей-то голос. – Все сходится.

Какое-то мгновение Барнс сидел, поджав губы, а затем принялся смотреть в окно. Если бы не часы, то можно было сказать, что в комнате поразительно тихо. Ни телефонных звонков, ни клацанья печатных машинок, ни обычного городского шума с улицы. Должно быть, окна тут были с четверным остеклением.

– А О'Нил?

Я постарался принять вид побитого котенка:

– Что О'Нил?

– Откуда вы узнали о нем?

Я пожал плечами:

– Из папки, откуда же еще. Я же вам сказал: я прочел бумаги. Хотел выяснить, что с ней могло случиться.

– Почему же было не рассказать мне все с самого начала? К чему была вся эта хренотень?

Я поднял глаза на Карлов и рассмеялся:

– С вами не так-то просто встретиться лично, мистер Барнс. Несколько дней я пытался до вас дозвониться. Но мои звонки переводили в визовый отдел. Наверное, они решили, что я пытаюсь заполучить «грин-карту». Женившись на американке.

Последовало долгое молчание.

На самом деле более дурацкую историю придумать было трудно, но я ставил – признаюсь, рискованно – на «крутизну» Барнса. Я углядел в нем самонадеянного мачо, застрявшего в чужой идиотской стране, и понадеялся на его твердую убежденность в том, что всё вокруг – такой же идиотизм, как и мой рассказ. Если не больший.

– А с О'Нилом вы пытались проделать то же самое?

– По информации Министерства обороны, человек с такой фамилией в их штате не числится, а насчет пропавших людей, мол, лучше официально обратиться в полицию по месту жительства.

– Что вы и сделали?

– Что я и попытался сделать.

– В каком участке?

– Бэйсуотер. – Я знал, что проверять они не будут. Барнсу просто хотелось посмотреть, насколько быстро я отвечу. – Полиция сказала, что мне надо подождать несколько недель. Похоже, они считают, что Сара вполне могла найти себе еще одного любовника.

Я был страшно доволен своей версией. Знал, что он клянет наверняка.

– *Еще* одного?

– Ну... – Я постарался покраснеть. – Хорошо. Просто любовника.

Барнс кусал губы. Я выглядел таким жалким, что ему ничего не оставалось, как поверить мне. Лично я бы себе точно поверил, а уж кому-кому, а мне не так-то просто угодить.

Наконец он принял решение:

– Где сейчас папка?

Я с удивлением посмотрел на него, якобы не понимая, с чего это вдруг какая-то папка может кого-то заинтересовать.

– Там же, в галерее. А что?

– Как она выглядит?

– Ну, как сказать... галерея как галерея. Картинная.

Барнс сделал глубокий вдох. Судя по всему, я ему надоел до чертиков.

– Как выглядит папка?

– Обычная папка. Картонная...

– Иисус-Мария! – простонал Барнс. – Какого она цвета?

Я на секунду задумался:

– Желтая, кажется. Да, точно. Желтая.

– Майк. По коням.

– Минутку... – Я попытался было встать, но один из Карлов оперся на мое плечо, и я сразу же передумал. – Что вы собираетесь делать?

Но Барнс уже вернулся к своим бумагам. Он даже не взглянул в мою сторону.

– Поедете с мистером Лукасом в вашу контору и передадите ему папку. Вам все понятно?

– И какого черта я должен это делать? – Я не знал наверняка, как в таких ситуациях ведут себя галерейщики, но решил немного покапризничать: – Я пришел к вам для того, чтобы выяснить судьбу одной из своих служащих, а вовсе не для того, чтобы вы копались в ее личных вещах!

Дальше все получилось так, будто он вдруг глянул в свою повестку дня и увидел, что последним пунктом там значится: «показать всем, какой я крутой мужик».

– Послушай, ты, пидор сраный!

На мой взгляд, он явно перегнул палку. Честное слово. Карлы послушно замерли: полюбоваться всплеском начальнического тестостерона.

– Две вещи. Во-первых. Пока мы не увидим папку своими глазами, мы не можем знать, ее это вещь или наша. Во-вторых. Чем охотнее ты будешь делать то, что я тебе, мать твою за уши, говорю, тем больше у тебя шансов снова увидеть эту свою похотливую сучку. Я ясно выразился?

Майк, кстати, оказался вполне приятным пареньком. Под тридцать, университетский диплом, и очень толковый. Видно было, что подобные наезды ему совсем не по душе, и от этого он нравился мне еще больше.

Мы направлялись на юг, вниз по Парк-лейн, в светло-голубом «линкольне-дипломате», выбранном из тридцати точно таких же на посольской парковке. Лично мне это показалось слишком уж показухой – чтобы дипломаты пользовались машинами под названием «дипломат», но кто его знает, а вдруг американцам просто нравятся подобные лейблы? Не исключено, что, скажем, рядовой страховой агент-американец ездит на чем-нибудь вроде «шевроле-страховка». Все как-то меньше забот с выбором.

Я сидел сзади, развлекаясь с пепельницами, в то время как один из Карлов в штатском устроился рядом с Майком впереди. В ухе у Карла торчал наушник, провод которого исчезал где-то под рубашкой. Черт его знает, к чему он там подсоединился.

– Приятный человек – мистер Барнс, – сказал я наконец.

Майк посмотрел в зеркало заднего вида. Карл же повернул голову буквально на дюйм – судя по диаметру его шеи, на большее он просто был не способен. Мне даже захотелось извиниться перед ним за то, что нарушил его гантельный распорядок.

– И работник, наверное, хороший. Мистер Барнс. Продуктивный.

Майк бросил быстрый взгляд на Карла, видимо размышляя, стоит ли отвечать. Но все-таки ответил:

– Мистер Барнс действительно замечательный человек.

Вероятнее всего, Майк на дух не переносил Барнса. По крайней мере, будь я на его месте – точно не переносил бы. Но Майк был славным малым и честным профессионалом, изо всех сил старавшимся быть еще и преданным боссу, так что я решил, что с моей стороны нечестно вытягивать из него что-то еще в присутствии Карла. И принялся забавляться с электрическими стеклоподъемниками.

В сущности, машина была совершенно не оборудована для той работы, что ей приходилось выполнять, то есть на задних дверцах стояли не какие-нибудь, а самые обыкновенные замки, так что я легко мог выйти на первом же светофоре. Но я этого не сделал. Более того, мне даже не хотелось этого делать. Не знаю почему, но во мне вдруг проснулся какой-то задор.

– Точно, замечательный, – сказал я. – Очень подходящее слово. Именно так я бы и сказал. Ну, в смысле, это вы так сказали, но вы ведь не будете возражать, если я тоже так буду говорить?

Я действительно развлекался вовсю. Редкий случай в моей жизни.

Мы свернули сначала на Пикадилли, а уже затем – на Корк-стрит. Майк опустил

солнцезащитный козырек, за который спрятал карточку Гласса, и прочел вслух номер дома. Я вздохнул с облегчением, что он не спросил его у меня.

Мы притормозили напротив номера сорок восемь, и еще до того, как машина остановилась, Карл уже был на тротуаре. Рывком распахнув заднюю дверцу, он принялся профессионально осматривать улицу в обе стороны, пока я выбирался наружу. Я чувствовал себя как минимум президентом.

– Сорок восемь, верно? – уточнил Майк.

– Верно, – подтвердил я.

Я нажал кнопку звонка, и все втроем мы замерли в ожидании. Через несколько секунд у двери появился довольно живенький, щеголеватого вида коротышка и тут же занялся замками и задвижками.

– Доброе утро, джентльмены, – сказал он. Очень низким, грудным голосом.

– Доброе утро, Винс, – ответил я, переступая порог галереи. – Как твоя нога?

Живчик был чересчур англичанином, чтобы начать выяснять: кто такой Винс? какая нога? и, кстати, о чем это вы тут толкуете? Вместо этого он просто вежливо улыбнулся и отступил на шаг, пропуская Майку с Карлом вслед за мной.

Вчетвером мы проследовали к центру зала, осматривая висевшую на стенах мазню. Картины и в самом деле были ужасны. Я был бы крайне удивлен, узнай, что он продает хотя бы по одной в год.

– Если вас что-то заинтересует, так уж и быть, уступлю процентов десять, – сказал я Карлу. Тот растерянно моргнул.

Из глубины помещения возникла уже знакомая мне симпатичная блондинка – на этот раз в красной ночнушке и с сияющей улыбкой на лице. Но тут она заметила меня – и ее породистый подбородок буквально отвалился на еще более породистую грудь.

– Вы кто?

Майк обращался к живчику. Карл продолжал таращиться на картины.

– Я – Теренс Гласе, – ответил живчик.

Это был великий момент. Из тех, что не забываются никогда. Пять человек стояли посреди галереи, причем только у нас с Глассом рты оставались закрытыми, у всех же остальных челюсти отвисли чуть ли не до пола. Первым в себя пришел Майк:

– Минуточку. Ведь это вы – Гласе.

Он повернулся ко мне, на лице его читалось полное отчаяние. Перед глазами его замелькали перспективы сорокалетней карьеры с полной пенсией и бесчисленными командировками на Сейшелы.

– К сожалению, – ответил я, – это не совсем так.

Я опустил глаза в пол, пытаясь отыскать следы собственной крови, но там было идеально чисто. Этот Гласе либо действительно большой спец по выведению пятен, либо тот еще жук по части левых исков о возмещении убытков.

– Что-нибудь не так, джентльмены?

Гласе явно почуял, что назревают неприятности. Мало того, что мы не саудовские короли, так еще выходит, что мы вовсе не покупатели.

– Вы... тот самый убийца. Тот, который...

Блондинка отчаянно пыталась подыскать нужные слова, но я не дал ей закончить:

– Я тоже рад нашей встрече.

– Господи боже! – воскликнул Майк, поворачиваясь к Карлу, который в свою очередь повернулся ко мне.

Да-а, неслабый парнишка!

– Ну, я прошу прощения за это маленькое недоразумение, – сказал я. – Но раз уж все так вышло, то почему бы вам просто не развернуться и не свалить отсюда куда подальше?

Карл сделал шаг в мою сторону. Однако Майк перехватил его за локоть и, поморщившись, посмотрел мне в глаза:

– Одну секунду. Если вы не... То есть вы хоть понимаете, что вы наделали? – Думаю, это от растерянности он молотил такую чушь. – Господи!

Я взглянул на Гласса, потом на блондинку:

– Исключительно ради того, чтобы вы немного успокоились, а то, я смотрю, вы никак не сообразите, что же тут происходит. Я вовсе не тот, кем вы меня считаете. И не тот, кем меня считают они. Вы... – я ткнул пальцем в сторону Гласса, – тот, кем меня считают они, а вы... – палец нацелился в блондинку, – с вами мне очень хотелось бы побеседовать, когда разойдутся все остальные. Всем все понятно? Вопросы будут?

Но никто почему-то не поднял руку. Я церемонно поклонился и двинулся к двери.

– Нам нужна папка.

Это был Майк.

– Какая папка?

– Папка. «Аспирантура».

Он все еще не догонял ситуацию, отставая как минимум круга на два. Я не мог винить его за это.

– Должен огорчить вас, господа, но никакой папки не существует. Ни с названием «Аспирантура», ни какой-либо другой.

Лицо Майка вытягивалось на глазах, мне было его искренне жаль.

– Послушайте, – я решил хоть немного сгладить ситуацию, – я находился на пятом этаже, в кабинете с двойными стеклами, на территории Соединенных Штатов Америки. Мне надо было как-то вырваться оттуда, так что единственное, что я смог придумать в тот момент, – это завести речь о какой-нибудь папке. Я решил, что это должно заинтересовать всех.

Еще одна долгая пауза. Гласе зацокал языком так, словно в последнее время неприятности подобного рода происходили вокруг него уж больно часто. Карл глянул на Майка:

– Мне взять его?

Голос у него оказался на удивление писклявым. Майк кусал губы.

– Вообще-то Майк здесь ничего не решает, – сказал я. Оба удивленно уставились на меня. – Я хочу сказать, что я сам решаю, брать меня, как тут кое-кто выразился, или не брать.

Карл продолжал пялиться на меня, оценивающе прищурившись.

– Послушай, – сказал я ему, – давай начистоту. Ты, конечно, мужик здоровый, не спорю, и я даже уверен, что по количеству отжиманий тягаться с тобой мне будет трудновато. Тут я тобой восхищаюсь. Обществу нужны люди, умеющие отжиматься. Это для общества очень важно.

Его подбородок угрожающе пополз вверх. «Давай-давай, мистер, поговори мне еще». И я повиновался.

– Но драка – это совсем другое дело. Абсолютно. И так уж получилось, что в драке я очень хорош. Это вовсе не значит, что я круче тебя, сильнее или мужественнее – называй как хочешь. Просто драться я умею – вот и все.

Я видел, что Карлу очень неуютно от того, как пошла вдруг беседа. Вероятнее всего, его учили в школе немного другим словам, типа «слышь, ты, козел, я те щас глаз на жопу натяну» и т. д. и т. п. Вот на такое он знал, как реагировать. Но не более.

– В общем, вот что я вам скажу, парни, – закончил я как можно дружелюбнее. – Если вам не хочется потом краснеть за себя, то вы сейчас просто пойдете и плотно перекусите где-нибудь подальше отсюда.

Что после недолгих перешептываний и обменов взглядами они в конце концов и сделали.

Часом позже я сидел в какой-то итальянской кафешке на пару с той самой блондинкой, которую предлагаю в дальнейшем именовать Ронни, поскольку так зовут ее друзья, в число которых, судя по всему, только что попал и я.

Майк убрался, поджав хвост, зато у Карла на лице отчетливо читалось: «Ладно, кореш, мы с тобой еще встретимся». Я радостно помахал ему рукой на прощанье, но про себя решил, что не буду считать свою жизнь неудавшейся, если никогда больше с ним не увижусь.

Широко распахнув глаза, Ронни выслушала купированную версию последних событий – за вычетом того, что касалось мертвецов, – и в целом откорректировала свое мнение обо мне до такой степени, что теперь я казался ей офигенно классным парнем. Приятная перемена. Я заказал еще по чашечке кофе и откинулся на спинку стула, купаясь в лучах ее восхищения.

Ронни слегка нахмурила бровки:

– То есть вы не знаете, где сейчас Сара?

– Понятия не имею. Возможно, с ней все в порядке и она просто на время где-нибудь затаилась. А возможно, совсем наоборот и у нее серьезные неприятности.

Ронни тоже откинулась на спинку стула и уставилась куда-то в окно. Я видел, что Сара ей небезразлична – так серьезно выглядело ее волнение. Но тут она вдруг глотнула кофе и пожала плечами:

– По крайней мере, вы не отдали им папку.

Да, вот вам одна из тех опасностей, когда говоришь людям неправду. Они сразу начинают путаться в том, что есть на самом деле, а чего нет. Хотя стоит ли удивляться?

– Вы меня не поняли, – осторожно попытался объяснить я. – Никакой папки не существует. Я сказал им про папку, поскольку был уверен, что они захотят перепроверить мои слова прежде, чем арестовать меня, или сбросить в реку, или сделать что-то еще – то, что они обычно делают с такими, как я. Видите ли, конторский люд свято верит во всякие папки. Папки для них – это всё. Если сказать, что у тебя есть папка, они охотно купятся на это. – Такой вот я великий психолог. – Но боюсь, что именно этой папки не существует в природе.

Ронни выпрямилась, она вдруг как-то оживилась. Два маленьких розовых кружочка зарделись у нее на щеках. Надо сказать, весьма приятственное зрелище.

– Но она существует.

Я даже потряс головой – убедиться, что мои уши по-прежнему на месте.

– Прошу прощения?

– «Аспирантура». Папка Сары. Я видела ее.

10

*Хотя бывалой силы не вернуть,
А хочется той силой прихвастнуть.*

Чосер

Мы с Ронни договорились встретиться в половине пятого, когда галерея закроется, оставив за порогом бурлящие толпы опоздавших любителей изобразительного искусства, которым придется теперь всю ночь глотать слюнки – на тротуаре в своих спальных мешках, с чековыми книжками наготове.

Нельзя сказать, чтобы я так уж активно старался заручиться ее помощью, но Ронни оказалась рискованной девчонкой, которая, по какой-то непонятной причине, учуяла комбинацию славных деяний и захватывающих приключений и не смогла устоять. Я не стал разубеждать ее и рассказывать, что до сих пор это был коктейль из дырок от пуль и расплюснутых мошонок. Кто знает, вдруг девушка окажется полезной. Во-первых, на сегодняшний день я остался без колес, а во-вторых, как я уже давно заметил, мне вообще лучше думается, когда рядом есть кто-то, кто может думать за меня.

Несколько часов я убил в Британской библиотеке, пытаясь разузнать про американскую корпорацию «Макки». Большую часть времени я потратил на борьбу с каталожной системой. Однако минут за десять до того, как библиотека закрылась, мне все же удалось раскопать бесценную информацию. Оказывается, Макки – это фамилия шотландского инженера, вместе с Робертом Адамсом работавшего над созданием самозарядного капсюльного револьвера. Эту славную машинку изобретатели представили на Большой выставке в Лондоне в 1851 году. Я даже не стал утруждаться записями на эту тему.

Буквально за минуту до моего ухода перекрестные ссылки вывели меня на скучнейший фолиант под названием «Клыки тигра», написанный неким Дж С. Хаммондом, майором (в отставке). Из фолианта выяснилось, что в свое время Макки основал собственную компанию, впоследствии выросшую до таких размеров, что ей удалось войти в пятерку крупнейших поставщиков «материальной части» для Пентагона. Штаб-квартира компании в настоящий момент размещалась в Венсоне, штат Калифорния, а сумма валового дохода, полученного компанией за прошлый год, имела на конце столько нулей, что мне не хватило места на руке

записать их все.

Я как раз возвращался на Корк-стрит, продираясь сквозь толпы вечерних покупателей, когда до меня донесся призывный крик торговца газетами. Возможно, впервые в жизни я действительно смог разобрать хоть что-то из того, что обычно кричат газетные торговцы. Я почти уверен, что остальные прохожие услышали что-нибудь вроде: «Рой биты стрелки в сети», но лично мне не потребовалось читать заголовки, чтобы понять истинный смысл его слов: «Трое убитых в перестрелке в Сити». Я купил газету и на ходу погрузился в чтение.

В настоящий момент ведется «тщательное полицейское расследование» по делу о трех мужских трупах, обнаруженных в одном из пустующих административных зданий в центре финансового района Лондона. Все трое скончались в результате огнестрельных ранений. Тела, ни одно из которых на данный момент так и не опознано, были найдены неким мистером Деннисом Фолксом (51 год), местным охранником и отцом троих детей, возвращавшимся на свой пост после визита к дантисту. Представитель полиции отказался выдвигать версии мотива, стоящего за этим тройным убийством, но, судя по всему, нельзя исключать версию наркотиков. Фотографий в газете не было. Зато в избытке имелись бессвязные разглагольствования на тему роста уровня смертности от наркотиков за последние два года. Швырнув газету в урну, я побрел дальше.

Деннису Фолксу кто-то очень хорошо заплатил, насчет этого у меня не было никаких сомнений. Скорее всего, Ухоженный. Обнаружив своего благодетеля мертвым, Фолкс сообразил, что ничем не рискует, и позвонил в полицию. Я очень надеялся, что история про дантиста не выдумка. Поскольку если это не так, то полиция сделает все, чтобы крайне усложнить бедняге остаток жизни.

Ронни ждала в своей машине напротив входа в галерею. Это был ярко-красный «TVR Гриффит», с пятилитровым мотором V8 и выхлопной трубой, рев которой слышали, наверное, аж до самого Пекина. Не могу сказать, чтобы это был идеальный выбор транспортного средства для скрытого наружного наблюдения, но (а) я сейчас был не в том положении, чтобы выпендриваться, и (б) вряд ли кто-то захочет оспаривать безусловную прелесть того, чтобы усесться в спортивный кабриолет, управляемый сногшибательной красоткой. Чувство такое, будто влезаешь в метафору.

Ронни пребывала в прекрасном настроении, что, кстати, отнюдь не означало, будто она не видела газетной заметки о Вульфе. Хотя, даже если и видела и знала, что Вульф мертв, по ней этого никто бы не заметил. Ронни обладала тем, что в старину именовали «жилкой». Несколько веков родословной селекции – с небольшими колебаниями туда-сюда – наградили ее высокими скулами и склонностью к рискованным заварушкам. Я живо представил себе пятилетнюю девчонку, скачущую через восьмифутовые барьеры на своем пони по кличке Уинстон – семьдесят попыток с риском для жизни, ежедневно, перед завтраком.

Ронни отрицательно покачала головой на мой вопрос, нашла ли она что-нибудь у Сары в столе, но зато выжала из меня все соки своими вопросами, не прекращавшимися ни на секунду вплоть до самой Белгравии. Мне, правда, так и не удалось расслышать ни одного – спасибо выхлопной трубе «TVR», – но тем не менее я исправно кивал и качал головой – в зависимости от того, что казалось мне в тот момент наиболее уместным.

Когда мы наконец добрались до Лайалл-стрит, я проорал, чтобы Ронни проезжала мимо дома, не останавливаясь, и не гладела по сторонам. Сам же достал кассету «AC/DC», воткнул в магнитола и врубил громкость на максимум. Видите ли, я исходил из принципа, что чем ты заметнее, тем ты незаметнее. Будь у меня выбор, я, конечно же, руководствовался бы совсем иным правилом – чем ты заметнее, тем ты заметнее, но выбор – это как раз одна из тех вещей, в которых я тогда испытывал острый дефицит. Нужда – мать самообмана.

Когда мы поравнялись с домом Вульфа, я сделал вид, что ковыряюсь в глазу, якобы поправляя контактную линзу. Это дало мне возможность как следует рассмотреть обстановку. Возле дома было пусто. Хотя, опять же, нельзя сказать, чтобы я ожидал увидеть людей с футлярами для скрипки, прогуливающих у крыльца.

Мы объехали вокруг квартала, и я жестами дал Ронни понять, чтобы она припарковалась в паре сотен ярдов от дома. Она заглушила двигатель, и следующие несколько мгновений у меня

буквально звенело в ушах от внезапно грянувшей тишины. Затем Ронни повернулась ко мне, и я заметил, что розовые кругляшки вернулись на ее щеки.

– Что дальше, босс?

Она и вправду вживалась в роль.

– Я пройду мимо дома, а там будет видно.

– Понятно. А я?

– Лучше, если ты останешься здесь. (Ее лицо уныло вытянулось.) На тот случай, если мне вдруг понадобится быстро сматываться, – добавил я, и лицо тут же втянулось обратно.

Ронни открыла сумочку и, покопавшись, извлекла оттуда маленькую медного цвета коробочку. Она вложила коробочку мне в руку.

– Что это? – спросил я.

– Сигнализация от насильников. Надо просто нажать вот сюда.

– Ронни...

– Возьми. Если я услышу, то сразу пойму, что тебя нужно подвезти.

Улица выглядела настолько заурядной, насколько может выглядеть улица, где каждый из домов тянет как минимум на пару миллионов фунтов. Стоимость одних лишь машин, выстроившихся вдоль тротуаров, вероятно, превышала валовой внутренний продукт многих маленьких стран, причем вместе взятых. Дюжина «мерседесов», дюжина «ягуаров» и «даимлеров», пяток длинных «бентли-седанов» и один «бентли-кабриолет», три «кастон-мартина», три «феррари», один «дженсен», одна «ламборджини».

И один «форд».

Темно-синий, он стоял задом ко мне на другой стороне улицы – вот почему я не заметил его, когда мы делали первый круг. Две антенны. Два зеркала заднего вида. Глубокая царапина в половину переднего крыла со стороны водителя. Царапина из разряда тех, что остаются после бокового столкновения с большим мотоциклом.

Один человек на пассажирском сиденье.

Первым моим чувством было облегчение. Раз они следят за домом, то скорее всего добраться до Сары им пока не удалось. Но с другой стороны, Сара может находиться у них, а они просто послали человека за ее зубной щеткой. Это в том случае, если зубы у нее еще остались.

Ладно, все равно пока нет смысла переживать по этому поводу. Я решительно двинулся к «форду».

Если вам когда-либо доводилось проходить подготовку по военной теории, то, вероятно, вам читали лекцию о том, что называется «петлей Бойда». Был такой малый, потративший кучу времени на изучение воздушных боев во время войны в Корее. Бойд анализировал типовые схемы «событийных цепочек» – или, говоря языком дилетантов, «цепочек событий», – пытаясь понять, как это пилоту А удалось сбить пилота Б, как себя после этого чувствовал пилот Б и кто из этих двоих накануне завтракал рыбой с рисом. В основе теории Бойда лежало, на мой взгляд, крайне поверхностное наблюдение, выражавшееся в том, что, когда пилот А совершал то или иное действие, пилот Б реагировал на него; А делал что-то еще, Б реагировал снова и т. д. и т. п. В результате получалась своеобразная петля из действий и ответных реакций. Или «петля Бойда». «Если разобраться – классная, похоже, штука», – наверняка подумаете вы. Однако момент истины, своего рода «эврика» Бойда, благодаря которой имя его и по сей день на слуху практически во всех военных академиях мира, настал тогда, когда до Бойда вдруг дошло, что если пилот Б может сделать сразу два дела за тот промежуток времени, что ему обычно требуется на одно, он как бы попадает «внутри петли» и правые силы торжествуют.

«Теория Лэнга» – фактически означающая то же самое, если говорить о цене вопроса – заключается в том, чтобы успеть еще разок врезать в морду противнику раньше, чем тот сумеет отбить удар.

Я подошел к «форду» сзади, со стороны водителя, и, остановившись, принялся осматривать дом Вульфа. Человек в «форде» не глядел на меня. Чего бы он никогда не сделал, будь он обыкновенным штатским, так как обыкновенные штатские обязательно смотрят на

других людей, когда им нечем заняться. Наклонившись, я постучал в окошко. Человек повернулся и посмотрел на меня долгим, пристальным взглядом. Мало-помалу пристальность сошла на нет, но я видел, что он не узнал меня. Ему было за сорок, и он явно был не дурак выпить.

– Вы – Рот? – рывкнул я, изо всех сил стараясь подражать американскому акценту. Получилось почти похоже, хотя это всего лишь мое личное мнение.

Он отрицательно покачал головой. Я продолжал:

– Рот был здесь?

– Да кто, на хрен, такой этот Рот?

Я ожидал, что он окажется американцем, но произношение у него было в высшей степени лондонским.

– Вот дерьмо! – ругнулся я, выпрямляясь и вновь переводя взгляд на дом.

– А вы кто?

– Дэллоуэй, – ответил я, неодобрительно хмурия брови. – Вас разве не предупредили обо мне? (Он снова покачал головой.) Вы что, отлучались из машины? Пропустили вызов? – Я пёр напролом, давя темпом и громкостью, и человек в «форде» растерялся. – Что, и новости не слышали? Газету хотя бы почитали, черт бы вас побрал?! Три трупа, причем Лэнга среди них нет. (Он уставился на меня.) Вот дерьмо! – повторил я. На тот случай, если он не расслышал в первый раз.

– И что дальше?

Сигару для мистера Лэнга. Я сделал его! Некоторое время я задумчиво покусывал губы, но все же решил рискнуть:

– Вы здесь один?

Он кивнул в сторону дома:

– Микки внутри. – Посмотрел на часы. – Мы сменимся с ним через десять минут.

– Сменитесь прямо сейчас. Мне нужно войти. Кто-нибудь появлялся?

– Нет.

– А телефон?

– Один звонок. Женский голос, около часа назад. Спрашивал Сару.

– Ясно. Пошли.

Все, я внутри его «петли Бойда» – в этом не было никаких сомнений. Удивительно, что можно сделать с человеком, если грамотно взять первую ноту. Он выбрался из машины, страстно желая продемонстрировать, как быстро он умеет выбираться из машин, и держался рядом, пока я уверенно шагал к дому. Я достал из кармана ключи от своей квартиры, но тут же велел себе остановиться.

– Надеюсь, вы договорились о стуке? – спросил я, когда мы достигли входной двери.

– Чего?

Я раздраженно закатил глаза:

– О стуке. Об условном сигнале. Очень не хочется, чтобы Микки продырявил мне брюхо, когда мы войдем в эту чертову дверь.

– Нет, мы просто... В смысле, обычно я просто кричу: «Микки!»

– Надо же! Клево! И кто ж из вас такой умный? – Я специально хватил через край, пытаюсь заставить его ощетиниться, чтобы он еще охотнее демонстрировал свою полезность. – Давай!

Он прижался губами к щели для газет и прохрипел:

– Микки. – Затем покосился на меня, словно извиняясь, и добавил: – Это я.

– Ага, теперь ясно, – ухмыльнулся я. – Это чтоб он понял, что это ты. Круто.

После небольшой паузы послышался щелчок дверного замка, и я решительно шагнул внутрь.

На Микки я старался не смотреть, чтоб до него сразу же дошло, что он здесь никто. Одного быстрого взгляда было достаточно, чтобы сказать: ему тоже за сорок и он тощий как жердь. На нем были кожаные полуперчатки и револьвер. Ну и наверное, еще что-то там из одежды, – видимо, я просто не обратил на это внимания.

Револьвер был «смит-энд-вессоном» – никелированный, с коротким стволом и закрытым

ударником на затворе. Очень удобно для стрельбы сквозь карман. Вероятно, 638-я облегченная модель или что-то очень похожее. Довольно подлая хреновина. Вы спросите: а могу ли я назвать хотя бы одно оружие, которое было бы честным, порядочным и справедливым? Конечно же, нет. Любое оружие выстреливает в человека куском свинца с целью нанести ему увечье. И тем не менее у каждого ствола свой собственный, индивидуальный характер. Так что одно оружие все равно оказывается подлее какого-нибудь другого.

– Ты Микки? – спросил я, деловито осматривая холл.

– Да.

Микки оказался шотландцем, и он отчаянно пытался уловить хоть какой-нибудь знак от своего партнера, кто же я, черт возьми, такой. Судя по всему, Микки мог стать проблемой.

– Привет от Дейва Картера.

С Дейвом Картером мы учились в одной школе.

– Ага, – сказал он. – Ясно.

Бинго! Две «петли Бойда» – и всего за пять минут. В головокружительном вихре триумфа я прошел к столику в прихожей и загадочно проговорил в трубку телефона:

– Гвиневра. Я на месте.

Положив трубку обратно на рычаг, я двинулся к лестнице, проклиная себя за то, что зарвался. Невозможно, чтобы они купились на такую откровенную лажу. Но когда я повернулся, оба по-прежнему торчали на месте, точно две послушные овечки, с мордами, на которых так и читалось: ты начальник, я дурак.

– Какая здесь спальня девушки? – отрывисто бросил я. Овечки обменялись нервными взглядами. – Вы ведь проверяли комнаты, правда? Так какая же из них, черт возьми, та, что с кучей кружевных подушек и постером Стефана Эдберга на стене?

– Вторая слева, – ответил Микки.

– Спасибо.

– Только...

Я снова остановился.

– Что опять?

– Там нет никакого постера...

Я наградил обоих мастерски исполненным испепеляющим взглядом и продолжил подъем по ступенькам.

Микки оказался прав: никакого постера Стефана Эдберга в комнате не было. Как не было и кучи кружевных подушек. От силы штук восемь. Зато был запах «Флер де флер», в концентрации один к миллиарду, и я почувствовал внезапный, физически ощутимый укол беспокойства с толикой желанием. Впервые я осознал, как сильно мне хочется защитить Сару – от чего угодно и от кого угодно.

Хотя, возможно, все это была не более чем обычная чушь из рыцарских романов про прекрасных принцесс, и рано или поздно настанет день, когда мои гормоны сами собой переключатся на совершенно иной предмет. Но в ту минуту, когда я стоял среди ее спальни, единственным моим желанием было спасти Сару. И не только потому, что она была хорошей, а плохие парни – не очень. Просто она мне нравилась. Очень нравилась.

Ну ладно, все, хватит нюни распускать.

Я прошел к ночному столику, снял трубку с телефона и засунул ее нижнюю часть под одну из кружевных подушек. Если кто-то из овечек вдруг осмелеет и ощутит потребность сделать «звонок другу», я это услышу. Зато меня услышать они не смогут – благодаря подушке.

Для начала я прошелся по шкафам, пытаясь угадать, не исчезла ли какая-нибудь существенная часть одежды. То там, то сям попадались пустые вешалки, но их было явно недостаточно, чтобы говорить о спланированном отъезде.

Туалетный столик являл беспорядочное нагромождение расчесок и баночек. Крем для лица, крем для рук, крем для носа, крем для глаз. На мгновение я даже задумался, насколько это, должно быть, ужасно – как-нибудь, вернувшись домой навеселе, перепутать и по ошибке намазать руки кремом для лица или, наоборот, лицо – кремом для рук.

В ящиках туалетного столика этого добра обнаружилось еще больше. Полный набор

инструмента и смазочных материалов для современной женщины класса «Формула-1». И ни намека на папку.

Задвинув ящики на место, я прошел в ванную. Шелковый пеньюар – тот самый, что был на Саре в ночь нашей первой встречи, – висел на двери. На полочке над раковиной – зубная щетка.

Я вернулся в спальню и, остановившись, принялся осматриваться – в надежде увидеть хоть какой-нибудь знак. То есть не какой-то конкретный знак – я вовсе не ожидал увидеть, скажем, адрес, выведенный на зеркале губной помадой, – я просто надеялся хотя бы на что-то, что должно было находиться в комнате, но не находилось, или, напротив, не должно было находиться, но находилось. И хотя никаких знаков я так и не увидел, что-то все равно меня насторожило. Я еще немного постоял посреди комнаты, прислушиваясь, прежде чем я понял – что именно.

Я не слышал, чтобы мои овечки разговаривали. Это было неправильно. Уж кому-кому, а им-то было что сказать друг другу. В конце концов, я – Дэллоуэй, а Дэллоуэй – что-то новенькое в их жизни. Им просто полагалось обсуждать меня.

Я бросился к окну и выглянул на улицу. Дверца «форда» была открыта, и оттуда торчала чья-то нога – похоже, овечки-поддавохи. Устроившись с комфортом, мой приятель связывался с кем-то по рации. Я вытащил трубку из-под подушки и вернул ее на место, при этом я чисто автоматически выдвинул ящичек ночного столика. Ящичек был крошечным, но мне показалось, что содержимого в нем больше, чем во всей комнате. Я продрался сквозь хаос из бумажных платков, ватных шариков, еще бумажных платков, маникюрных ножничек, наполовину съеденной плитки шоколада, еще бумажных платков, щипчиков, и еще бумажных платков, и еще, – да что, черт возьми, с ними делают эти женщины? Едят они их, что ли? И там, на самом дне, уютно примостившись поверх очередного слоя бумажных платков, лежал небольшой, но довольно увесистый сверток, перетянутый замшевым шнурком. «Вальтер ТРН». Маленький и соблазнительный, как и сама Сара. Я отщелкнул обойму и проверил. Полный магазин.

Опустив пистолет в карман, я набрал полные легкие Нины Риччи и вышел из комнаты.

С тех пор как мы поговорили в последний раз, ситуация с овечками явно изменилась. Причем к худшему. Входная дверь была открыта; Микки стоял подле, привалясь к стене, правая рука опущена в карман. Поддавоху же я разглядел на ступеньках крыльца: он зыркал по сторонам, осматривая улицу. Услышав мои шаги на лестнице, он повернулся.

– Ничего, – сказал я, но тут же вспомнил, что я – американец. – Ни хрена. Закройте дверь, а?

– Два вопроса.

Это был Микки.

– Да? Ну валяй, только покороче.

– Кто, мать твою, такой Дейв Картер?

Я не видел особого смысла рассказывать ему, что Дейв Картер был чемпионом школы по игре в мяч и что по окончании он сразу же уехал в Хоув – работать в электротехнической фирме своего отца. И потому просто сказал:

– А второй вопрос?

Микки переглянулся с Поддавохой, который уже подтянулся к двери и теперь загораживал мне путь к свободе.

– Кто, мать твою, ты сам?

– Дэллоуэй, – ответил я. – Может, вам на бумажке записать? Какого хрена с вами происходит, а, ребята?

Моя правая рука проскользнула в карман, правая рука Микки проделала то же самое. Я знал: реши он выстрелить в меня – выстрела я даже не услышу. Но все равно я как-то умудрился засунуть руку в правый карман. Жаль только, что «вальтер» я положил в левый. Так что я вытащил руку обратно – очень-очень медленно, сжав пальцы в кулак. Микки наблюдал за мной, словно удав за кроликом.

– Гудвин говорит, что никогда о тебе не слышал. И никого сюда не посылал. И никому не говорил, что мы здесь.

– Гудвин – выживший из ума ленивый сукин сын, – отрезал я раздраженно. – Каким боком он вообще тут замешан?

– Абсолютно никаким, – ответил Микки. – А хочешь знать – почему?

Я кивнул:

– Да, я хочу знать – почему.

Лицо Микки расплылось в улыбке. Зубы у него были ужасные.

– Потому что его не существует, – сказал он. – Я его только что выдумал.

Ну вот вам и пожалуйста. Теперь в петлю попался я сам. Что посеешь, то и пожнешь.

– Я спрашиваю еще раз, – сказал он, делая шаг в мою сторону, – кто ты такой?

Мои плечи опустились. Игра окончена. Руки вытянулись вперед, словно умоляя: наденьте мне наручники, офицер.

– Вы хотите знать мое имя? – спросил я.

– Да.

Но он его так и не узнал: наш диалог прервал невероятно мощный, разрывающий барабанные перепонки рев. Отрикошетив от пола и потолка прихожей, рев вернулся с удвоенной силой, сотрясая мозги и туманя взор.

Зажмурившись, Микки дернулся вдоль стены, а руки Поддавохи сами собой взметнулись к ушам. В те полсекунды, что они мне подарили, я успел рвануться в открытую дверь и с ходу врезать правым плечом Поддавохе в грудь. Потеряв равновесие, тот отлетел к перилам. Я вильнул влево, выскочил на волю и понесся по улице с такой скоростью, с какой не бегал лет, наверное, с шестнадцати. Если бы я смог оторваться от «смит-энд-вессона» хотя бы ярдов на двадцать, у меня появился бы шанс.

Сказать по правде, я даже не знаю, стреляли они в меня или нет. После того невероятного звука, что произвела маленькая медная коробочка Ронни, мои уши были просто не в состоянии обрабатывать информацию такого рода.

Единственное, что я знал наверняка, – это то, что меня не изнасиловали.

11

Нет греха, кроме глупости.

Оскар Уайльд

Ронни доставила нас до своей квартиры у Кингз-роуд. Прежде чем выйти из машины, мы раз десять проехали мимо ее дома то в одну, то в другую сторону. Нет, мы не проверялись на предмет слежки, – мы просто искали, где бы припарковаться. Было как раз то самое время дня, когда все лондонцы, имеющие машины (то есть подавляющее большинство), горько расплачиваются за потакание собственным слабостям, – время останавливается, начинает крутить назад или вытворяет то, что никак не вписывается в рамки обычных правил, по которым живет вселенная, – и все эти рекламные ролики с их сексуальными «спортстерами», несущимися по пустынным проселкам, уже не вызывают ничего, кроме раздражения. Хотя лично меня они как раз не раздражают – ведь у меня мотоцикл. Два колеса – хорошо, четыре – плохо.

Когда же ей удалось наконец втиснуть «TVR» в свободную щель, мы было даже подумали, а не взять ли такси назад до ее квартиры, но все же решили, что в такой чудный вечер не дурно и прогуляться. Вернее, это Ронни хотелось прогуляться. Людям вроде Ронни всегда хочется прогуляться, тогда как людям вроде меня всегда хочется людей вроде Ронни. В общем, каждый взял ноги в руки и мы двинулись в путь. По дороге я кратко отчитался о стычке на Лайалл-стрит; она выслушала, восторженно постанывая. Ронни вцеплялась в мои слова так, как раньше не вцеплялся никто, особенно женщины. Те обычно отпускают руку и тут же падают, подворачивая лодыжку, при этом ты же еще и остаешься виноватым.

Но Ронни была не такой, как все. Наверное, потому, что и я казался ей не таким, как все.

Когда мы в конце концов добрались до квартиры, Ронни отперла входную дверь и, отступив на шаг, спросила – писклявеньким таким, девчачьим голоском, – не мог бы я войти

первым. Секунду я смотрел на нее. Вероятно, она всего лишь хотела проверить, насколько все серьезно, словно не была до конца уверена ни в чем, в том числе и во мне. Так что я напустил на лицо грозное выражение и Клинтон Иствудом прочесал квартиру насквозь – распахивая двери ногой и резко дергая за дверцы шкафов, – пока она стояла в коридоре, алея румянцем.

– О боже! – воскликнул я, добравшись до кухни.

Охнув, Ронни рванулась вперед и выглянула из-за косяка.

– Это «болоньезе»?

Я протянул ей деревянную ложку, полную чего-то очень старого и слипшегося.

Неодобрительно фыркнув, Ронни звонко расхохоталась, и я тоже расхохотался, и мы стали похожи на парочку давних друзей. Я бы даже сказал, близких друзей. Естественно, я не мог не спросить:

– И во сколько он вернется?

Посмотрев на меня, Ронни слегка зарделась и принялась выскребать засохшие остатки «болоньезе» из кастрюли.

– Вернется *кто*?

– Ронни. – Я попытался встать прямо перед ней, и у меня почти получилось. – Ты, конечно, девчушка крепкая, но на сорок четвертый грудь у тебя все равно не тянет. А даже если и тянула бы, ты все равно не стала бы прятать ее в целую кучу абсолютно идентичных пиджаков в полоску.

Она метнула взгляд в сторону спальни, вспомнила про шкафы, а затем вернулась обратно к раковине и пустила в кастрюлю струю горячей воды.

– Что-нибудь выпьешь? – спросила она, не оборачиваясь.

Пока я раскидывал кубики льда по полу, она откупорила бутылку водки и в конце концов решила-таки рассказать о своем бойфренде, который – хотя я и сам мог бы догадаться – работает на товарной бирже в Сити, остается у Ронни не каждую ночь, а если даже остается, заявляется не раньше десяти. Если б мне давали по фунту каждый раз, когда женщина говорила мне такое, в моей копилке гремело бы уже три монеты – по меньшей мере. Последний раз бойфренд вернулся в семь («Раньше никогда такого не было») и огрел меня стулом.

Из тона Ронни, да и из слов тоже я сделал вывод, что их отношения складываются не самым головокружительным образом, а посему придержал свое любопытство и сменил тему.

Мы удобно устроились на диване – кубики льда мелодично позвякивали в стаканах, – и я приступил к изложению чуть более полной версии событий, начиная с Амстердама и заканчивая Лайалл-стрит, но оставляя за кадром «Аспирантуру» с вертолетами. Однако даже в таком раскладе история получилась презанятной. В ней было полно отчаянно храбрых поступков, причем для полноты картины я добавил и того, чего не было, но очень даже могло быть, – просто чтоб не дать ее пылким восторгам угаснуть. Когда я закончил, она слегка наморщила лобик.

– Но папку-то ты так и не нашел?

Вид у нее был явно разочарованный.

– Нет, не нашел. Но это вовсе не означает, что ее там нет. Если бы Сара действительно хотела спрятать папку в доме, понадобилась бы как минимум бригада сыскарей и целая неделя, чтобы обыскать дом как следует.

– Ну, в галерее я проверила, там точно ничего нет. Правда, она оставила кое-какие бумаги, но в основном все по работе. – Ронни прошла к столу и открыла свой портфель. – Зато я нашла ее дневник, если это хоть как-то поможет.

Я даже не знаю, шутила она или говорила вполне серьезно. Скорее всего, Ронни просто начиталась Агаты Кристи и искренне верила, что дневник жертвы – верное средство.

Но дневник Сары оказался исключением из правил. Это был простой ежедневник формата А4, в кожаном переплете, произведенный каким-то обществом по борьбе с кистозными фиброзами и мало что поведавший о своей хозяйке. Она очень серьезно относилась к работе, почти не ходила на бизнес-ланчи, не ставила кружочков вместо точек над буквой «i», но зато машинально рисовала мультяшных кошечек, разговаривая по телефону. Нельзя сказать, чтобы Сара активно планировала свою жизнь на ближайшие месяцы, а последняя запись вообще была

весьма лаконичной: «ЧЭД ОК 7.30». Просмотрев еще раз предыдущие недели, я обнаружил, что до этого с ЧЭД все было ОК еще три раза: один раз в 7.30 и два – в 12.15.

– Есть какие-нибудь мысли, кто бы это мог быть? – спросил я у Ронни, показывая запись.

– Чарли? Чез? Честер, Чарити, Чармиан?

На этом мой запас мужских и женских имен на «Ч» полностью иссяк Ронни нахмурилась:

– А зачем было писать среднюю букву?

– Сам не пойму.

– То есть если имелся в виду, скажем, Чарли Дунс, то почему не написать просто «ЧД»?

Я опустил взгляд на страницу:

– Чарли Этерингтон-Дунс? Черт его знает. Тебе виднее.

– Что это значит?!

Ронни оказалась на удивление обидчивой.

– Прости, я лишь хотел сказать... ну, раз уж ты целые дни проводишь бок о бок с нелепыми типами вроде...

Я прикусил язык. По всему было видно, что Ронни мои шутки не нравятся.

– Да, и еще у меня нелепый голос, нелепая работа, и мой дружок работает в Сити.

Она вскочила и пошла плеснуть себе еще водки. Мне она добавки не предложила, так что у меня сложилось ощущение, будто я расплачиваюсь за чужие грехи.

– Послушай, я не хотел тебя обидеть. Честное слово, я не имел в виду ничего обидного.

– Я ничего не могу поделаться со своим голосом, Томас. И со своей внешностью тоже!

Она наполнила рюмку и протянула мне.

– И не надо ничего делать! У тебя замечательный голос, а выглядишь ты еще лучше!

– Ох, перестань, пожалуйста.

– Буквально через минуту, – сказал я. – Слушай, а чего ты так завелась?

Глубоко вздохнув, Ронни села на место.

– Да потому что меня это бесит – вот почему. Половина моих знакомых вообще не воспринимает меня всерьез из-за моего голоса, а другая половина, наоборот, относится ко мне серьезно *исключительно* из-за моего голоса. И со временем это начинает раздражать.

– Ну, может, это прозвучит немного льстиво, но лично я отношусь к тебе *очень* серьезно.

– Правда?

– Святая правда! Чрезвычайно серьезно. – Я немного выждал. – И мне абсолютно неважно, что ты самая обычная выпендрейница.

Она смотрела на меня довольно долго, так что я даже начал подумывать, уж не ляпнул ли опять что-то не то и не полетит ли в меня что-нибудь увесистое. Но тут она неожиданно расхохоталась, и я почувствовал себя гораздо лучше. Надеюсь, она тоже.

Около шести часов зазвонил телефон, и по тому, как Ронни держала трубку, я понял, что звонит ее дружок – известить о времени своего визита. Она не отрывала взгляда от пола и то и дело «дакала» в трубку – то ли потому, что рядом был я, то ли из-за того, что их отношения уже перешли в такую стадию. Я подобрал куртку и отнес свой стакан на кухню. Вымыл и тщательно вытер – на тот случай, если она вдруг забудет сделать это сама, – и как раз ставил стакан в буфет, когда вошла Ронни:

– Ты еще позвонишь?

Она выглядела немного грустной. Наверное, я тоже.

– Конечно.

Я оставил ее шинковать луковицу, готовясь к возвращению своего товарного брокера, и сам закрыл за собой дверь квартиры. Судя по всему, уговор был такой: она готовит ему ужины, а он ей – завтраки. Учитывая, что Ронни относилась к разряду людей, для которых пара грейпфрутовых долек – уже верх кутежа, он явно не остался внакладе.

Честное слово. Такие уж мы, мужики.

Такси доставило меня в Вест-Энд по Кингз-роуд, и в половине седьмого я уже околачивался перед зданием Министерства обороны. Двое полицейских пристально наблюдали за моими хождениями взад-вперед, однако я предусмотрительно запасся картой и одноразовым

фотоаппаратом и с предельно бестолковым видом снимал голубей – дабы как можно меньше напрягать полицейские мозги. Гораздо больше подозрений я вызвал у продавца в сувенирной лавке, потребовав карту, причем абсолютно неважно, какого города.

Больше никаких подготовительных мероприятий я не проводил, и уж естественно, мне не хотелось, чтобы мой голос засекли по входящим звонкам в министерстве. Я делал расчет на то, что О'Нил – типичный трудоголик, и первая же рекогносцировка подтвердила, что я прав. Седьмой этаж, угловой кабинет. Керосинка полуночника О'Нила пылала всюду. Казенный тюль, украшающий окна всех «засекреченных» правительственных зданий, возможно, и способен защитить от телеобъективов, но не в состоянии скрыть свет из окна, который прекрасно виден с улицы.

Давным-давно, еще в безрассудные времена «холодной войны», в какой-то из контор, надзирающих за вопросами безопасности, нашелся умник, издавший предписание не выключать свет в кабинетах, являющихся «потенциальной мишенью», все двадцать четыре часа в сутки: якобы тогда вражеские агенты не смогут отследить, кто, где и как долго остается на работе. Поначалу идею встретили одобрительными кивками и похлопываниями по спине, а многие даже завистливо шептали, что, мол, «этот Каррутерс далеко пойдет, помяните мое слово», – пока на коврики у дверей соответствующих финотделов не шлепнулись первые пухлые конверты со счетами за электричество. После чего новой идее – на пару с Каррутерсом – было быстренько указано на дверь, причем в весьма грубой форме.

О'Нил вышел из министерства ровно в десять минут восьмого. Кивнув охранникам, полностью его проигнорировавшим, мой подопечный окунулся в сумерки Уайтхолла. Он помахивал портфелем, что само по себе уже было странно: никто никогда не разрешил бы ему вынести из здания что-то важнее пары обрывков туалетной бумаги. Хотя, возможно, О'Нил из тех чудачков, что таскают портфели просто для солидности. Не знаю.

Я дал ему несколько сотен ярдов форы и только тогда направился следом. Мне потребовалось немало усилий, чтобы сдерживать шаг, поскольку О'Нил загребал ногами необычайно медленно. Казалось, будто он наслаждается погодой, – вот только повода к подобному наслаждению не было.

Лишь когда он пересек Мэлл и подбавил прыти, до меня наконец дошло, что он просто прогуливается. Эдакий уайтхоллский тигр, рыщущий в поисках добычи, – хозяин над всем, что попадает в поле его зрения, посвященный в страшные тайны государства, каждая из которых сразила бы наповал любого из остолопов-туристов, узнай он (или она) ее. Но после того как джунгли остались позади, а впереди открылись просторы обычной саванны, действие перестало иметь особый смысл и О'Нил перешел на обычный шаг. Это был человек, достойный сочувствия, – найдись у вас время на сочувствие.

Не знаю почему, но я ожидал, что он отправится прямо домой. Я живо представлял себе домик с террасой где-нибудь в Патни и многострадальную женушку, что встретит его рюмкой хереса и запеченной треской, а затем вернется к уюту и его рубашкам. Сам же О'Нил, устроившись перед телевизором, примется похрюкивать и качать головой, будто лишь одному ему известен тот истинный и мрачный подтекст, что скрывается за каждым словом диктора новостей. Однако вместо этого О'Нил проскакал по ступенькам мимо здания Института современного искусства, направляясь к Пэлл-Мэлл и клубу «Травеллерз»¹⁰.

Мне не было никакого резона соваться внутрь. Поэтому я просто стоял и наблюдал сквозь стеклянные двери, как О'Нил просит консьержа проверить почтовый ящик. Тот оказался пуст. Увидев, что О'Нил скидывает пальто и направляется к бару, я рассудил, что могу спокойно оставить его там на некоторое время.

В киоске на Хеймаркет я купил гамбургер с жареной картошкой и принялся бродить по улице, жуя на ходу и наблюдая за людьми в ярком тряпье, что толпились перед заведениями, в которых шли музыкальные шоу, – по-моему, они шли здесь со дня моего появления на свет. Мало-помалу мною овладело уныние. Я вдруг сообразил, что поступаю точь-в-точь как О'Нил:

¹⁰ Фешенебельный клуб, членами которого являются многие английские дипломаты и бизнесмены, обязательное условие членства – хоть раз в жизни удалиться от Лондона не меньше чем на 500 миль.

начинаю смотреть на ближнего свысока, с тем устало-циничным чувством, что можно выразить одной фразой: «Болваны вы несчастные, если бы вы только знали». Встряхнувшись, я взял себя в руки и зашвырнул гамбургер в урну.

О'Нил вышел в половине девятого и направился по Хеймаркет в сторону Пикадилли. Дальше – вверх по Шафтсбери-авеню, откуда свернул налево, в Сохо, где звонкое щебетание театралов уступало дорогу басовой пульсации баров с девочками и стриптиз-клубов. В дверях торчали огромные усищи с подвешенными к ним здоровенными харями; когда я проходил мимо, хари с усами принимались призывно нашептывать что-то про «супер-секси-шоу».

О'Нила тоже пытались заманить то в одну, то в другую дверь, но, судя по всему, шагал он вполне целенаправленно, а потому ни разу даже не повернул головы. Пару раз он вильнул – сначала вправо, потом влево – и наконец достиг вожделенного оазиса. Назывался оазис «Шала». Свернув к двери, О'Нил уверенно шагнул внутрь.

Я дошел до конца улицы, минуту послонялся без дела, затем повернул назад – полюбоваться интригующим фасадом «Шалы». Вокруг двери, разбросанные в случайном беспорядке, красовались слова «Шоу», «Девочки», «Эротика», «Танцы» и «Секс» – точно приглашая попробовать свои силы и составить из них предложение. За стеклом у входа было пришпилено с полдюжины выцветших снимков женщин в нижнем белье. В дверях лениво торчала какая-то пигалица в обтягивающей кожаной юбочке. Я улыбнулся ей так, чтобы сразу стало понятно: сам я из Норвегии и, да, «Шала» – как раз то место, где усталый норвежец может расслабиться после тяжелого лондонского дня. С тем же успехом я мог проорать, что сейчас поднимусь к ним с огнеметом наперевес, – сомневаюсь, чтобы она сподобилась хоть глазом моргнуть. Точнее, смогла бы моргнуть, учитывая количество туши на ее ресницах.

Выложив пятнадцать фунтов, я заполнил членскую карточку на имя «Ларс Петерсен, отдел по борьбе с проституцией, Нью Скотленд-Ярд» и спустился в подвал, сгорая от нетерпения увидеть собственными глазами, что же за шоу, девочек, эротику, танцы и секс обещает эта самая «Шала».

«Шала» оказалась заурадной забегаловкой. Самого что ни на есть низкого пошиба. Похоже, руководство сего развлекательного заведения давным-давно решило сэкономить на уборщицах и просто убавить свет: я никак не мог отделаться от ощущения, что ковровые дорожки липнут к подошвам моих башмаков. Штук двадцать столиков теснились вокруг маленькой сцены, на которой под оглушительную музыку энергично изгибалась троица девиц с абсолютно стеклянными глазами. Потолок был таким низким, что самой длинной девице приходилось выплясывать, скособочившись. Поразительно – особенно если учесть, что все три были абсолютно голыми, а изгибались они под писклявости «Би Джиз», – но проделывали они это с изрядной степенью достоинства.

О'Нил сидел за столиком у самой сцены. Похоже, он положил глаз на девчонку слева – бледного заморыша, которому явно не помешал бы большой стейк, пирог с почками и часов десять крепкого сна. Стеклянный взгляд девушки приклеился к стене бара.

– Что будем пить? – Человек с фурункулами на шее перегнулся через стойку.

– Виски, пожалуйста, – сказал я и повернулся к сцене.

– Пять фунтов.

Я развернулся к нему.

– Не понял?

– Пять фунтов за виски. Деньги вперед.

– Обойдешься, – отрезал я. – Сперва – виски. Потом – деньги.

– Деньги вперед.

– Пошел ты в жопу!

Я улыбнулся, чтоб сгладить обиду. Он налил мне виски. Я заплатил ему пять фунтов.

Просидев у бара еще минут десять, я сделал вывод. О'Нил пришел полюбоваться шоу, ни для чего больше. Он не смотрел ни на часы, ни на дверь и потягивал свой джин с такой развязностью, что у меня не осталось никаких сомнений – человек просто отдыхает. Я прикончил выпивку и подсел за его столик.

– Можно, я сам догадаюсь? Она ваша племянница и занимается этим только для того, чтобы получить актерский профбилет и попасть в Королевский шекспировский театр.

О'Нил вытаращился на меня.

– Здравсьте, – сказал я, устраиваясь поудобнее.

– Что вы здесь делаете? – спросил он раздраженно.

По-моему, он чувствовал себя немного неловко.

– Минуточку, – сказал я. – Все как раз наоборот. Это вы должны сказать «здравсьте», а я – спросить «что вы здесь делаете?».

– Черт бы вас побрал, Лэнг! Где вы пропадали?

– Ох, где я только не пропал! Вы же знаете, «я просто лепесток, гонимый ветром осенью ненастной». Разве этого нет в моем деле?

– Вы шпионили за мной.

– Фу-у. «Шпионил» – какое гадкое слово. Мне больше по душе «шантаж».

– Что?

– Хотя нет, вы правы, оно означает нечто совершенно другое. Ладно, пусть будет «шпионил».

О'Нил нервно зыркнул по сторонам, выглядывая моих подельников. А может, он озирался в поисках своих подельников. Прекратив озираться, он наклонился ко мне и зашипел:

– У вас очень, очень серьезные неприятности, Лэнг. И по справедливости я должен вас об этом предупредить.

– Да, наверное, вы правы. И одна из неприятностей – этот вонючий гадюшник. Да еще в компании государственного чиновника высокого ранга, который, как я понимаю, хотел бы оставаться инкогнито, по меньшей мере часок-другой.

О'Нил откинулся на спинку стула, лицо его расплзлось в ехидной гримасе. Брови полезли вверх, губы оттопырились. Я вдруг сообразил, что это такая улыбка. Только министерско-оборонного извода.

– О господи, – сказал он. – Вы и вправду пытаетесь меня шантажировать. Как это трогательно.

– Да что вы?

– У меня здесь назначена встреча. И не я выбирал место для randevu. – Он заглотнул третью по счету порцию джина. – Так что я буду вам невероятно признателен, Лэнг, если вы свалите куда-нибудь в другое место, пока я не позвал вышибалу.

Визгливые песенки «Би Джиз» сменились психоделическим грохотом, и О'Нилова племянница, выдвинувшись вперед, затрясла вагиной прямо перед нашими носами, почти попадая в такт музыке.

– Ну, даже не знаю, – протянул я. – Мне, в общем-то, и тут неплохо.

– Я должен предупредить вас, Лэнг. В данный момент ваш кредит в моем личном банке и так практически на нуле. У меня очень важная встреча, и, если вы попытаетесь ее сорвать или причините мне иные неудобства, я закрою его вам окончательно. Я достаточно ясно выразился?

– Капитан Мэйнуоринг¹¹. Вот кого вы мне сейчас напомнили.

– Лэнг, я последний раз...

Он осекся, увидев «вальтер» Сары. Думаю, на его месте я поступил бы точно так же.

– Кажется, вы говорили, что не носите оружие, – сказал он после долгой паузы.

О'Нил явно нервничал, но виду пока не подавал.

– Я всего лишь жертва моды. Кто-то шепнул, что оружие нынче – последний писк, вот я и поддался веянию.

Я стянул куртку. Племянница изгибалась уже в нескольких футах, по-прежнему гипнотизируя взглядом стену.

– Вы не станете стрелять здесь, Лэнг. Вы же не безумец.

Я скатал куртку и сунул пистолет в одну из складок.

– Зря вы так думаете. Еще какой безумец. Бешеный Пес Лэнг – вот как меня называли раньше.

– Еще немного, и я...

¹¹ Незадачливый вояка из английского телевизионного сериала «Армия папаш», которого сыграл Артур Лоу.

Пустой бокал О'Нила взорвался. Осколки разлетелись по столу, посыпались на пол. Его лицо вдруг стало мертвенно-бледным.

– Г-господи...

Все-таки чувство ритма – великая вещь. Или оно у вас есть, или его у вас нет. Я выстрелил под один из грохочущих аккордов и шуму произвел не больше, чем если бы лизнул почтовую марку. Вот племянница непременно бабахнула бы под какой-нибудь неударный звук и завалила всю операцию.

– Еще стаканчик? – спросил я, закуривая, дабы замаскировать запах горелого пороха. – Я угощаю.

Грохот внезапно стих, и девчачья троица ускакала со сцены, освободив место парочке, чей номер был построен исключительно на хлыстах. Я почти уверен, что это были брат с сестрой – с разницей в возрасте лет, по меньшей мере, в сто. Из-за низкого потолка хлыст парня был всего фута три длиной, но орудовал он им так, словно там имелись все тридцать три фута, упоенно настегивая сестренку под завывания Фредди Меркьюри.

О'Нил сдержанно потягивал новый джин-тоник.

– Итак, – продолжал я, выверяя позицию куртки на столе, – от вас мне нужна всего одна вещь, и только-то.

– Иди ты к черту!

– Непременно пойду, причем обязательно проверю, чтобы и вам там комнатку приготовили. Но сейчас мне необходимо знать, что вы сделали с Сарой Вульф.

Его стакан замер. О'Нил озадаченно посмотрел на меня поверх него.

– Что я с ней сделал? С чего это вы вдруг решили, что я с ней что-то сделал?

– Она исчезла.

– Исчезла? Прямо мелодрама какая-то. Не проще ли сказать, что это вы никак не можете ее найти? А?

– Ее отец мертв. Вы знали об этом?

Он долго не сводил с меня взгляда.

– Да, знал. Но вот что интересно: откуда *ты-то* про это знаешь?

– Сначала вы.

Но О'Нил смелел прямо на глазах, он даже не вздрогнул, когда я пододвинул куртку поближе к нему.

– Это ты убил его, Лэнг. – В его голосе мешались злоба и самодовольство. – Я прав, да? Томас Лэнг, отважный солдат удачи, довел-таки дело до конца и пристрелил человека. Что ж, мой дорогой друг, вам будет стоить больших трудов выпутаться из этого переплета. Надеюсь, вы это понимаете?

– Что такое «Аспирантура»?

Злобу и самодовольство точно рукой стерли с его лица.

Не похоже, чтобы он собирался ответить, так что я решил прессовать дальше:

– Хорошо, тогда я сам расскажу вам, что такое «Аспирантура», а вы будете ставить мне оценки за точность по десятибалльной шкале.

О'Нил сидел не шелохнувшись.

– Начнем с того, что «Аспирантура» означает разные вещи для разных людей. Для одних это разработка и сбыт военно-воздушной техники нового типа. Очень секретной – без сомнения. Очень неприятной – аналогично. Очень незаконной – навряд ли. Но для других, и вот тут-то и начинается самое интересное, «Аспирантура» – это не что иное, как подготовка некоей террористической операции, которая позволит производителям этой самой техники похвастать любимой игрушкой. Уничтожив при этом кучу людей. И заработав пузатенький мешок с денежками – за счет нескончаемого потока восторженных покупателей. Очень секретных, очень неприятных и очень, очень, в десятой степени очень незаконных покупателей. На след этой второй группы как раз и удалось выйти Александру Вульфу. Решив, что не может допустить, чтобы это сошло им с рук, он начал портить им жизнь. И тогда вторая группа – кое-кто из ее членов, вероятно, занимает не последние посты в определенных разведслужбах – начала склонять имя Вульфа на разных вечеринках и коктейлях, рифмуя со словом «наркоторговля» – дабы очернить Вульфа и подорвать в зародыше любую его затею. Но трюк не сработал, и тогда

они стали угрожать ему смертью. Когда же не сработало и *это*, они и в самом деле убили его. А заодно, возможно, и его дочь.

О'Нил по-прежнему сидел неподвижно.

– Но вот кого мне по-настоящему жаль во всем этом деле, – продолжал я, – помимо Вульффов, разумеется, – так это тех, кто искренне *думает*, будто принадлежит к первой группе, но все это время был соучастником и оказывал всестороннюю помощь группе номер два. Эти бедолаги, если можно так выразиться, все это время держали скунса за хвост.

О'Нил смотрел куда-то поверх моего плеча. Впервые за время нашей беседы я не мог определить, о чем он сейчас думает.

– Вот, собственно, и все, – сказал я. – По-моему, мы замечательно размялись, а теперь, любезная Юдифь, послушаем, что скажут судьи.

Но О'Нил молчал. Я повернулся, чтобы посмотреть, что же столь увлекательное происходит за моей спиной. Вышибала у двери указывал в сторону нашего столика. Он отступил в сторону, и на его месте возникла сухощавая и властная фигура Барнса, Рассела П.

Он направлялся прямо к нам.

Я уложил их обоих на месте и успел на ближайший самолет в Канаду, где сочетался законным браком с милейшей женщиной по имени Мэри-Бэт и открыл маленькую гончарную мастерскую.

По крайней мере, именно так мне следовало поступить.

12

*И не находит он приятности в силе жеребцовой,
Как не услаждают его взор ноги мужеские.*
«Книга общей молитвы», 1662

– Ну и ушлый же вы тип, Лэнг! Если вы, конечно, понимаете, что я хочу сказать.

Мы с Барнсом сидели в очередном «линкольне-дипломате» – а может, и в том же самом, но в таком случае кто-то потрудились вычистить пепельницы. Машина была припаркована у моста Ватерлоо. Огромная светящаяся вывеска по соседству возвещала о бесценном даре Национального театра: сценической версии «Эх, мама, то ли еще будет!» в постановке сэра Питера Холла. Или что-то вроде того.

На сей раз впереди, в пассажирском кресле, восседал О'Нил, а за рулем снова был Майк Лукас. Честно говоря, меня очень удивило, что он до сих пор не в грузовом отсеке самолета рейсом на Вашингтон, упакованный в брезентовый мешок. По-видимому, Барнс решил дать ему еще один шанс после фиаско на Корк-стрит. Вообще-то вины Майка в этом фиаско не было, но в кругах подобного сорта вина и виновность мало связаны друг с другом.

Еще один «дипломат» пристроился позади нас, набитый Карлами. Карлами с очень могучими шеями. Похоже, им зачем-то позарез понадобился мой «вальтер», так что я вручил его им.

– Кажется, я догадываюсь, что вы хотели сказать, мистер Барнс, и принимаю это как комплимент.

– Да мне насрать, мистер Лэнг, что вы там принимаете. Глубоко насрать! – Он посмотрел в боковое окошко. – Господи, сколько же дерьма приходится разгребать!

О'Нил, прокашлявшись, повернулся к нам:

– Мистер Барнс хотел сказать, Лэнг, что вы влезли в операцию, чрезвычайно значительную по степени сложности. Здесь задействованы такие нити, о которых вы и понятия не имеете. И тем не менее своими действиями вы крайне усложнили нам все дело. – О'Нил рисковал, вставляя это свое «нам», но Барнс оставил его оплошность безнаказанной. – Мне кажется, я могу быть с вами откровенным...

– Да пошли вы! – перебил его я. О'Нил слегка порозовел. – Сейчас меня волнует лишь одно – безопасность Сары Вульф. Все остальное для меня – просто гарнир.

Барнс снова посмотрел в окошко.

– Шли бы вы домой, Дик, – сказал он.

Возникла небольшая заминка. О'Нил обиженно сопел. Его отправляли в постель без сладкого, несмотря на примерное поведение.

– Я думаю...

– Я сказал – идите домой. Я вам позвоню.

Никто не двинулся с места. Покуда Майк, перегнувшись, не дотянулся до ручки и не открыл дверцу. О'Нилу ничего не оставалось, как подчиниться.

– Что ж, прощайте, Дик, – сказал я. – Нет таких слов, чтобы выразить, как мне было приятно. Надеюсь, помянете меня добрым словом, когда будете смотреть, как мой труп вылавливают из реки.

Вытянув за собой портфель, О'Нил хлопнул дверцей и, не оглядываясь, побрел вверх по ступенькам моста.

– Прогуляемся, Лэнг.

Я даже не успел ответить, а Барнс уже выбрался из машины и не спеша зашагал вниз по набережной. Взглянув в зеркало, я поймал взгляд Майка.

– Замечательный человек, – вздохнул я.

Майк повернул голову, наблюдая за удаляющимся Барнсом, затем снова посмотрел в зеркало. Я взялся за ручку дверцы, но вылезать не спешил.

– Будьте осторожней. – В голосе Майка не было радости. Ни намека.

– С чем конкретно?

Он слегка вжал голову в плечи и прикрыл рукой рот, чтобы никто не смог прочесть по движению губ, о чем он говорит:

– Я не знаю. Богом клянусь, не знаю. Но от всего этого очень сильно воняет...

Звук захлопнувшихся автомобильных дверей заставил его замолчать. Я коснулся его плеча:

– Спасибо.

И выбрался наружу. Парочка Карлов приблизилась к машине с обеих сторон. Оба застыли, раздувая на меня свои шеи. Барнс стоял ярдах в двадцати, дожидаясь, пока я нагоню его.

– Честно говоря, я предпочитаю Лондон ночью, – сказал он, когда мы зашагали в ногу.

– Я тоже. Река очень красивая.

– Да бросьте вы. Я предпочитаю Лондон ночью, потому что ночью его почти не видно.

Я рассмеялся, но тут же замолчал, сообразив, что Барнс не шутит. В его взгляде читалась неприкрытая злоба, и до меня вдруг дошло: а ведь не исключено, что в Лондон его сослали в наказание за какие-нибудь грешки. И вот теперь бедолага вынужден торчать здесь, ежедневно страдающий от жгучей душевной боли и вымещая злость на моем родном городе.

Мои размышления прервал Барнс:

– О'Нил говорил, что у вас возникла своя маленькая теория. Некая мыслишка, которую вы никак не можете выбросить из головы. Это так?

– Именно.

– Может, поделитесь со мной?

Особых причин отказывать ему у меня не было, так что я еще раз повторил речь, произнесенную перед О'Нилом в «Шале», прибавив чуток в одном месте, чуток убавив – в другом. Барнс слушал, не выказывая особого интереса, а под конец даже вздохнул. Долгим таким, усталым вздохом, словно хотел сказать: «Господи, ну и что же прикажете мне с вами теперь делать?»

– Откровенно говоря, – добавил я, не желая, чтобы у него остались хоть какие-то сомнения насчет моих чувств, – я думаю, вы просто опасная, лживая, продажная мушиная какашка девятидневной давности. И я с удовольствием прихлопнул бы вас прямо здесь, но, боюсь, положение Сары от этого только ухудшится.

Однако даже эти слова, похоже, не слишком его задели.

– Вот как, – спокойно сказал Барнс. – Теперь насчет того, что вы только что наговорили.

– А что насчет этого?

– Разумеется, вы все это изложили на бумаге? А копии рассовали по конвертам и передали

своему адвокату, в банк, вашей матери и английской королеве? И вскрыть только в случае вашей смерти? Я прав?

– Естественно. У нас, кстати, еще и телевидение имеется, если вы не в курсе.

– Ну, тут бы я поспорил. Сигарету?

Он вытащил пачку «Мальборо» и предложил мне. Какое-то время мы курили на пару, и я даже подумал, как это все-таки странно, когда двое людей, до смерти ненавидящих друг друга, могут, посасывая тлеющие бумажки, вступать в совершенно нормальный акт общения.

Барнс, прислонившись к балюстраде, смотрел на темную гладь Темзы. Я держался чуть позади – на всякий случай, а то вся эта дружба может зайти слишком далеко.

– О'кей, Лэнг, – наконец заговорил Барнс. – Я не буду с вами играть, поскольку вы далеко не идиот. Речь идет о деньгах. – Он отшвырнул окурочок. – Об очень больших деньгах. А мы всего лишь чуть-чуть пошумим, устроим эдакую небольшую возню. У-у! Что в этом такого страшного?

Я решил, что для начала стоит опробовать спокойный подход. Если же не сработает, попробую другой: столкну его на хер в реку и сделаю ноги.

– Это страшно, – начал я медленно, – потому что мы оба родились и выросли в демократической стране, где с желаниями народа вообще-то принято считаться. И мне почему-то кажется, что сейчас народ не желает, чтобы его правительство убивало своих или чьих-то чужих граждан лишь для того, чтобы набить собственный карман. Возможно, в следующую среду народ и скажет, что это здорово. Но сейчас они хотят совсем обратного.

Я сделал последнюю затяжку и щелчком отправил окурочок в воду. Мне показалось, он падал бесконечно долго.

– После такой замечательной речи, Лэнг, – сказал Барнс после долгой паузы, – на ум приходят две вещи. Во-первых. Ни вы, ни я не живем в демократической стране. Свободное голосование раз в четыре года и демократия – это не одно и то же. Отнюдь. И во-вторых. Кто это вам сказал, что мы набиваем собственный карман?

– Ах, ну да, конечно! – Я хлопнул себя по лбу. – Как же это я сам не допер?! Разумеется, вы собираетесь передать всю выручку в Фонд защиты детей. Такой гигантский акт милосердия, а я даже не заметил. Александр Вульф, наверное, прослезится от умиления. – Я понемногу отклонился от спокойного подхода: – Ой, простите, я ж совсем забыл, что его внутренности как раз сейчас отскребают от стены в Сити. Так что вряд ли он сможет выразить всю глубину своей благодарности. А вам, мистер Барнс... – я даже ткнул в него пальцем, – давно пора проверить свои треханые мозги.

И с этими словами я зашагал прочь, вниз по реке. Оба Карла наострили наушники, готовые отрезать мне путь к отступлению.

– А куда, по-вашему, все это идет, а, Лэнг? – Барнс не двинулся с места, просто слегка повысил голос. Я остановился. – Когда какой-нибудь арабский плейбой заваливается в долину Сан-Мартин и скупает полсотни боевых танков М-1 «Абрамс» заодно с полдюжиной Ф-16. Выписывая чек на полмиллиарда зеленых. Куда, по-вашему, идут все эти деньги? Думаете, мне? Или, может, Биллу Клинтону? Дэвиду, мать его, Леттерману? Куда?

– Скорей скажите, сделайте милость.

– Я скажу, Лэнг. Хотя вы и сами прекрасно знаете куда. Эти деньги идут американскому народу. Двумстам пятидесяти миллионам простых американцев.

Я быстренько прикинул. Делим на десять, два в уме...

– То есть каждый получает по две тысячи? Вы это хотите сказать? Каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок? – Я втянул воздух сквозь зубы. – И почему это все так непохоже на правду, а?

– Благодаря этим деньгам, – невозмутимо продолжал Барнс, – двести пятьдесят тысяч человек имеют рабочие места. Благодаря этим рабочим местам они обеспечивают жизнь еще тремстам тысячам. Благодаря этому полумиллиарду долларов все эти люди могут купить кучу нефти, кучу пшеницы, кучу «ниссанов-микра». А другие полмиллиона людей будут продавать им эти самые «ниссаны-микра», третьи полмиллиона – ремонтировать эти «ниссаны», мыть их стекла, проверять, как накачаны шины. А еще полмиллиона – строить дороги, по которым будут тащиться все эти долбаные «микры». И очень скоро наберется сто пятьдесят миллионов

добрых демократов, которым нужна именно такая Америка. Америка, которая делает то, что у нее получается лучше всего. То есть оружие.

Я смотрел на реку, от этого человека голова у меня буквально плыла.

– То есть получается, что ради блага всех этих добрых демократов труп там, труп сям – вроде и не такое уж большое дело? Вы к этому клоните?

– Точно. И вы не найдете ни одного доброго демократа, кто стал бы мне возражать.

– Я думаю, Александр Вульф – стал бы.

– Да плевать!

Я продолжал смотреть на реку. Вода казалась теплой и вязкой.

– Я серьезно, Лэнг. Хрен с ним, с Вульфом! Один против миллионов. Решает все равно большинство. Это и есть демократия. А хотите знать еще кое-что?

Я повернулся к Барнсу теперь мы стояли лицом к лицу, и его морщины каньонами извивались в мелькании неоновых огней.

– Есть еще два миллиона американцев, о которых я намеренно умолчал. Хотите знать, что случится с ними уже в этом году?

Он шел прямо на меня. Медленно, уверенно.

– Станут юристами?

– Они умрут, Лэнг. – Похоже, эта мысль совершенно его не волновала. – Старость, автокатастрофа, лейкемия, сердечный приступ, пьяная драка, падение из окна – кто знает от чего, мать их, еще? Два миллиона американцев умрут в этом году. А теперь скажите: вы, лично вы прольете хотя бы слезинку по каждому из них?

– Нет.

– А почему, черт возьми, нет? В чем тогда разница? Смерть есть смерть, Лэнг.

– Разница в том, что я не имею к этим смертям никакого отношения.

– Да бросьте вы! Вы же были солдатом, трахни меня Иисус! – Теперь мы стояли вплотную, нос к носу, и Барнс уже орал во всю глотку. – Вас учили убивать во имя своих соотечественников. Что, разве это неправда? – Я хотел ответить, но он не дал мне и рта раскрыть. – Так правда это или нет?!

Странно, но дыхание у него отдавало сладостью.

– Это очень дурная философия, Расти. Очень. Да прочтите вы хоть одну книжку, ради всего святого!

– Демократы не читают книжек, Лэнг. Народ не читает книг. Народу плевать на философию. Народ волнует только одно. Все, что народу нужно от своего правительства, – это зарплата, которая все растет и растет. Год от года, они хотят, чтобы зарплата становилась все больше и больше. Стоит ей остановиться – и народ моментально устроит себе другое правительство. Вот чего хочет народ. Вот чего он хотел всегда, во все времена. Вот, друг мой, что такое демократия.

Я сделал глубокий вдох. Даже несколько глубоких вдохов – про запас, поскольку в самом скором времени с дыханием у меня могли возникнуть серьезные проблемы.

Барнс не сводил с меня взгляда, явно проверяя, дам я слабинку или нет. Так что я просто повернулся и зашагал прочь. Карлы двинулись мне навстречу, но я не сбавлял шаг, считая, что без сигнала Барнса они все равно не станут ничего делать. Через пару шагов он, должно быть, все-таки дал сигнал.

Первый Карл схватил меня за руку, но я легко высвободился из захвата, вывернув ему кисть и с силой толкнув книзу. Карл упал. Второй Карл успел зайти мне за спину и обхватил за шею. Я наступил ему на ногу и врезал локтем по яйцам. Карл отшатнулся и отпустил меня. Но первый Карл уже вскочил на ноги, так что я оказался зажат в клещи. Мне до ужаса захотелось сделать Карлам больно-пребольно, чтобы запомнили до конца дней своих.

Но внезапно Карлы, словно ничего и не произошло, шагнули в сторону и как ни в чем не бывало принялись отряхиваться. Похоже, я упустил, как Барнс что-то им сказал. Он подошел к нашей теплой компании и встал между Карлами.

– Что ж, Лэнг, все ясно. Мы вам надоели. Вы меня совсем не любите, и сердце мое разбито. Впрочем, все это уже не имеет никакого значения.

Он вытряхнул из пачки очередную сигарету, но мне на этот раз не предложил.

– Раз уж вам так хочется досаждать нам, Лэнг, – сказал он, спокойно выдувая дым через ноздри, – то нелишне будет узнать, во что это вам обойдется.

Он кивнул кому-то за моей спиной.

– Умри, – сказал Барнс.

И улыбнулся мне.

«Ну вот, – подумал я. – Это уже становится интересным».

Примерно час мы ехали по шоссе М4 и свернули с него где-то у Ридинга. Я бы с удовольствием ответил вам поточнее – на каком конкретно перекрестке и сколько второстепенных дорог мы сменили после, – но, поскольку большую часть путешествия я провел на полу «дипломата» с вжатым в коврик лицом, поступающая информация разнообразием не отличалась. Коврик был темно-синим и пах лимоном, если это вам как-то поможет.

Последние пятнадцать минут пути машина шла медленнее, но это могло быть из-за движения, или тумана, или стада жирафов на дороге. Почему мне было знать?

Когда же под колесами зашуршал гравий, я понял: скоро. Попробуйте соскрести гравий с обычной подъездной английской дорожки – едва наберется на дорожную косметичку. «Еще секунда-другая, – думал я, – и я окажусь снаружи. А там кричи не кричи, никто все равно не услышит».

Но эта дорожка оказалась необычной.

Эта дорожка все длилась и длилась. А потом она снова длилась и длилась. А затем, когда я уже подумал, что мы сворачиваем за угол, она опять длилась и длилась.

И наконец мы все же остановились.

А затем поехали снова, и дорожка вновь длилась и длилась.

Я даже засомневался, что это вообще дорожка. Возможно, «линкольны-дипломаты» специально проектируют так, чтобы они распадались на множество мельчайших кусочков, стоит им превысить гарантированный пробег, и то, что я слышал – все эти постукивания о днище, – было вовсе не гравием, а осколками автомобильной подвески.

Но тут мы действительно остановились. И я понял, что остановка конечная, поскольку башмачище, до сего момента безмятежно покоившийся на моей шее, вдруг воодушевился настолько, что решил соскользнуть с нее и вылезти из машины. Приподняв голову, я выглянул в приоткрытую дверцу.

Дом был огромный. Настоящий дворец. Разумеется, в конце столь длинной подъездной дорожки глупо было ожидать затрапезную халупу два на два, – и все-таки размеры домины потрясали воображение. Скорее всего, конец девятнадцатого века, с мешаниной более ранних стилей, в которую набросали немало французского. Ну не набросали, конечно, – любовно выложили, отделали, стесали, закруглили – возможно, те же самые парни, что ваяли парламентскую решетку.

Мой дантист держит на столике в приемной целую кипу номеров «Сельской жизни», так что я примерно представляю, на сколько может потянуть такой домишко. Сорок спален, в часе езды от Лондона. Сумма, недоступная моему воображению.

От нечего делать я начал прикидывать, сколько же надо лампочек, чтобы осветить такое местечко, но тут один из Карлов схватил меня за шиворот и выдернул из машины с такой легкостью, будто я был сумкой для гольфа, причем почти без ключек.

13

Любой человек старше сорока – негодяй.
Джордж Бернард Шоу

Меня провели в комнату. Красную. С красными обоями, красными шторами и красным ковром. Мне сообщили, что здесь можно посидеть. Я слегка подивился тому, что у комнаты столь узкое предназначение. Здесь не только посидеть можно было, но и ставить оперы, устраивать велогонки и отрываться по полной с играми в «летающую тарелочку». Причем проделывать все одновременно. Даже не сдвигая мебель.

В такой комнате мог даже пойти дождь.

Какое-то время я поболтался у двери, разглядывая картины, пепельницы и тому подобное, но вскоре мне это наскучило, и я решил отправиться в дальний угол, к камину. Где-то на полпути пришлось остановиться и немного передохнуть – все-таки годы берут свое, – но не успел я присесть, как двойные двери вдруг распахнулись и до меня донеслось бормотание одного из Карлов и местного мажордома, облаченного в черный пиджак и серые брюки в полоску.

Оба то и дело поглядывали в мою сторону. Закончив бурчать, Карл кивнул и попятился из комнаты.

Мажордом двинулся в мою сторону – на мой взгляд, без какого-либо умысла – и где-то с двухсотметровой отметки окликнул:

– Не хотите ли чего-нибудь выпить, мистер Лэнг?

– Виски, пожалуйста, – прокричал я в ответ. Пусть знает наших.

Преодолев стометровку, дворецкий тормознул у одного из промежуточных столиков, открыл серебряный портсигар и вытащил сигарету. Закурив, прислуга продолжила свой путь.

По мере приближения мне удалось рассмотреть его получше. Где-то за пятьдесят, приятной, хотя и несколько комнатной наружности и с каким-то необыкновенным лоском в лице. Свет торшеров и канделябров, отражаясь, играл у дворецкого на лбу, словно тот был намазан маслом. Однако я почему-то сразу понял, что никакое это не масло и даже не сальные выделения, а самый настоящий аристократический лоск.

До меня оставалось еще ярдов десять, когда он с улыбкой протянул руку. Сам того не сознавая, я вскочил на ноги, готовый принять его словно старого друга.

Его рукопожатие оказалось горячим и сухим. Сжав мой локоть, он направил меня обратно на диван, а сам примостился рядом. Наши колени почти соприкоснулись. Если он всегда садится так близко к гостям, то я должен сказать, что средства, вбуханные в комнату, явно не оправданы.

– Умри, – во второй раз за вечер услышал я.

В комнате повисла пауза. Уверен, вы сами понимаете – почему.

– Прошу прощения?

– Наим Умре, – сказал он, а затем какое-то время терпеливо наблюдал за мной, пока я перестраивал буквы у себя в голове. – Очень рад. Очень.

Голос у него был мягкий, выговор – образованный. У меня возникло такое чувство, что с тем же успехом он может заговорить еще на дюжине других языков. Умре стряхнул пепел с сигареты куда-то в направлении вазы и наклонился ко мне:

– Рассел мне много о вас рассказывал. Должен признаться, в душе я не раз вам аплодировал.

Теперь, разглядев его хорошенько вблизи, я мог точно сказать две вещи о мистере Умре: он не был мажордомом, а лоск на его лице свидетельствовал о больших деньгах.

Нет, его не купили за деньги. Просто этот лоск и был деньгами. Деньгами, которые мистер Умре вдыхал, ел, носил, на которых ездил. Денег было так много, что они сочились сквозь поры его кожи. Вы, наверное, подумаете, что такого не бывает, но поверьте, деньги сделали его настоящим красавцем.

Мистер Умре весело рассмеялся.

– Нет, честно. Вы знаете, Рассел – очень достойный человек. Я вполне серьезно: очень, очень достойный. Но иногда мне кажется, что неудачи ему только на пользу. Я бы сказал, он несколько склонен к самонадеянности. Что же до вас, мистер Лэнг, то у меня такое чувство, что вы – как раз то, что нужно людям вроде Рассела.

Черные глаза. Черные-пречерные. С черной окантовкой у век – по идее, это должно было являться тушью, но не являлось.

– Вы, – продолжал Умре с широкой улыбкой, – кажется, мешаете очень многим. Думаю, именно поэтому Господь и привел вас к нам, мистер Лэнг. Как вы полагаете?

Тут уже рассмеялся я. Хрен знает почему, ведь он не сказал ничего смешного. И все равно, я сидел и хихикал, словно какой-нибудь пьяненький дурачок.

Где-то открылась дверь, и перед нами вдруг возник поднос с виски, доставленный

горничной в черном. Мы взяли по стакану. Горничная дождалась, пока Умре утопит свой скотч в содовой, а я слегка орошу свой. И удалилась, так ни разу и не улыбнувшись и даже не кивнув на прощанье. И не проронив ни звука.

Я приложился к стакану и захмелел еще до того, как сделал первый глоток.

– Вы торгуете оружием, – сказал я.

Не знаю, какой реакции я ожидал, но какой-нибудь ожидал – это точно. Он мог бы вздрогнуть, покраснеть, рассердиться, приказать пристрелить меня – поставьте галочку в любой из этих клеток, – но не произошло ничего. Он даже не сделал паузы. И продолжал так, словно много лет знал, что я собирался сказать:

– Совершенно верно, мистер Лэнг. За мои грехи.

Класс! Круче просто некуда. «Выпьем за мои грехи». Богатая фраза – такая же богатая, как и он сам.

Умре опустил глаза, явно скромничая:

– Да, я продаю и покупаю оружие. И должен сказать, на мой взгляд, успешно. Вы, разумеется, осуждаете меня, как и многие ваши сограждане, – в этом-то и заключается одно из наказаний за подобную профессию. Ноша, которую мне придется нести до конца моих дней. Если выдержу, конечно.

Он явно издевался надо мной, но почему-то слова его не звучали как издевка. Они звучали так, словно мое осуждение и впрямь сделает его несчастным.

– Я проанализировал свою жизнь и свое поведение с помощью многих и многих друзей – людей, кстати, весьма религиозных. И полагаю, что готов держать ответ перед Господом. На самом деле – заранее предвидя ваш вопрос – только перед *ним* я и буду держать ответ. Так что – если вы, конечно, не против, – может, мы все-таки продолжим нашу беседу?

И он снова улыбнулся. Такой теплой, очаровательной, извиняющейся улыбкой. Умре вел себя как человек, давно привыкший иметь дело с подобными мне: словно он был хорошо воспитанной кинозвездой, а я попросил у него автограф в самый неподходящий момент.

– Красивая мебель.

Мы совершали турне по комнате. Разминая ноги, наполняя свежим воздухом легкие, давая усвоиться плотному ужину, которым нас не угостили. Для полноты картины не хватало лишь пары борзых, мельтешащих у ног, да калитки, на которую можно было бы опереться. Но коль уж ее не было, я старался довольствоваться мебелью.

– Это – Буль.

Умре указывал на деревянный шкафчик под моим локтем. Я кивнул – как киваю всегда, когда мне называют какое-нибудь растение с затейливым имечком, – и учтиво склонился к замысловатой бронзовой инкрустации.

– Берут лист фанеры и лист бронзы, склеивают друг с другом, а затем вырезают по шаблону. А вон тот, – Умре указал на аналогичный шкафчик, – наоборот, *contre* Буль. Видите? Точный негатив. Зря ничего не пропало.

Понимающе кивая, я глядел то на один шкафчик, то на другой, пытаюсь представить, сколько ж у меня должно быть мотоциклов, чтобы я наконец решил начать тратить бабки на подобный хлам.

Очевидно, Умре нагулялся достаточно, так как свернул обратно к дивану. Его походка ясно давала понять, что ларчик любезностей почти пуст.

– Два абсолютно противоположных варианта одного и того же предмета, мистер Лэнг. – Он потянулся за следующей сигаретой. – Если угодно, то можно сказать, что эти два шкафчика очень сильно напоминают нашу с вами маленькую проблему.

– Да, угодно. – Я ждал, но он явно не собирался развивать мысль дальше. – Разумеется, для начала мне хотелось бы знать, хотя бы в общих чертах, что вы имеете в виду.

Умре в упор взглянул на меня. Лоск был по-прежнему на месте, так же как и комнатная красота. Но вот общительность – та угасала на глазах, шипя на жаровне и никого больше не согревая.

– Я имею в виду «Аспирантуру», мистер Лэнг. Естественно.

Он выглядел удивленным.

– Естественно, – повторил я.

– Начнем с того, что я оказался в несколько затруднительном положении по отношению к определенной группе людей.

Теперь он стоял прямо передо мной, широко раскинув руки, словно приглашая в мир своей мечты, – таким жестом обожают пользоваться нынешние политики. Я же снова бездельничал на диване. Больше ничего, собственно, и не изменилось. Ну разве что где-то неподалеку кто-то жарил рыбные палочки. Запах не вполне вписывался в окружающую обстановку.

– Эти люди, – продолжал он, – по большей части мои друзья. Люди, с которыми я веду дела уже много-много лет. Люди, которые мне доверяют; которые знают, что могут на меня рассчитывать. Вы меня понимаете?

Само собой, он спрашивал не о том, понимаю ли я их взаимоотношения. Он просто хотел знать, значат ли еще хоть что-то такие понятия, как «доверие» и «надежность», в том захолустье, где живу я. И я кивнул, подтверждая, что да, я мог бы написать эти слова по буквам, в случае крайней необходимости.

– В знак дружбы я пошел на определенный риск. Что для меня большая редкость.

Я решил, что это шутка, и улыбнулся. Похоже, он остался доволен.

– Я лично выступил гарантом в сделке, связанной с продажей некоего товара.

Он замолчал и посмотрел на меня, ожидая ответной реакции. Но, не дождавшись, добавил:

– Думаю, вы понимаете, о какой продукции идет речь?

– Вертолеты, – сказал я.

В сложившейся ситуации не было никакого смысла изображать болвана.

– Именно, вертолеты. Должен признаться, они мне и самому не нравятся, но, говорят, кое-какие функции они выполняют необычайно хорошо.

По-моему, он забавлялся, держа меня за полного дурака, – прикидывался, будто его воротит от этих грязных, вульгарных, измазанных маслом машин, благодаря которым он имеет этот дом – и не исключено, что еще дюжину таких же. Поэтому я решил чуток поставить его на место – от имени всех нас, простаков:

– Еще бы. Ваши вертолеты могут стереть с лица земли средних размеров деревушку меньше чем за минуту. Вместе со всеми ее обитателями, естественно.

На секунду Умре прикрыл глаза, словно сама мысль о подобных вещах заставляла его страдать. Хотя, возможно, так оно и было. Но если он и страдал, то очень недолго.

– Как я уже упоминал, мистер Лэнг, я не считаю, что обязан оправдываться перед вами. Меня несколько не интересует, как будет использован мой товар. Меня – ради моих друзей и ради меня же самого – интересует только одно: чтобы товар нашел своего покупателя.

Он сплел пальцы в замок и замолчал. Будто теперь все это являлось исключительно моей проблемой.

– Так дайте рекламу, – посоветовал я. – В каком-нибудь женском журнале.

– Хм. – Он смотрел на меня как на идиота. – Нет, вы не бизнесмен, мистер Лэнг.

Я пожал плечами.

– А вот я, знаете ли, как раз наоборот. И уж поверьте, я свой рынок знаю. Я, например, не осмелюсь давать вам советы насчет того, как лучше...

Тут он понял, что угодил впросак. Интересно, что я умею делать лучше всех?

– Управлять мотоциклом? – галантно подсказал я.

Умре улыбнулся:

– Как скажете.

Он снова сел на диван. На этот раз в отдалении от меня.

– Товар, с которым я имею дело, требует несколько более утонченного подхода, чем реклама в женском журнале. Если вы, к примеру, изобрели новую мышеловку, то и рекламируете вы ее как новую мышеловку. С другой стороны... – Он вытянул руку и уставился на тыльную сторону ладони. – С другой стороны, если вам нужно продать змееловку, то ваша первая задача – доказать, что змеи – это плохо. И их надо отлавливать. Вы понимаете, о чем я?

А уже позже, гораздо позже, вы демонстрируете свой товар. Логично?

Он терпеливо улыбнулся.

– Итак, – сказал я, – вы собираетесь профинансировать некую террористическую акцию, чтобы ваша игрушка появилась в вечерних новостях.

Я это знаю. И Расти знает, что я это знаю.

Я взглянул на часы, изображая, будто через десять минут у меня встреча со следующим торговцем оружием. Но Умре был не из тех, кого можно подгонять или, наоборот, притормаживать.

– Именно это, в сущности, я и собираюсь сделать, – подтвердил он.

– Ну и какова же во всем этом моя роль? После того как вы мне все выложили, что, по-вашему, я должен делать с этой информацией? Записать в свой ежедневник? Сложить об этом песню? Что?

Секунду Умре смотрел мне прямо в глаза, а затем глубоко вдохнул и медленно и осторожно выдохнул через нос. Этот человек в свое время явно брал уроки правильного дыхания.

– Вы, мистер Лэнг, и проведете для нас эту террористическую акцию, – сказал он.

Пауза. Долгая пауза. С головой что-то неладное. Стены огромной комнаты словно сжимаются внутрь и тут же выстреливают обратно, заставляя меня почувствовать себя еще мельче, еще ничтожнее.

– Ага, – пробормотал я.

Еще пауза. Запах рыбных палочек все сильнее.

– А мое мнение случайно спросить не забыли? – прохрипел я. Гортань почему-то отказывалась повиноваться. – А что, если, чисто гипотетически, я отвечу: «А не пошли бы вы в жопу со всеми вашими дружками»? Чего мне ждать в этом случае? По нынешним ценам?

Теперь пришел черед Умре смотреть на часы. Казалось, ему вдруг стало невыносимо скучно. Он больше не улыбался.

– Это, мистер Лэнг, не та альтернатива, на обдумывание которой вам стоит тратить свое время. Таково мое глубокое убеждение.

Я почувствовал холодок в области шеи и быстро обернулся: в дверях стояли Барнс с Майком Лукасом. Барнс выглядел расслабленным. Майк – нет. Умре кивнул им. Американцы подошли к нам и встали по разные стороны дивана. Лицом ко мне. Умре не глядя протянул руку к Майку, ладонью вверх.

Откинув полу пиджака, тот вытащил пистолет. «Штаер», кажется. 9 мм. Хотя это и неважно. Аккуратно вложив пистолет в руку Умре, Майк взглянул на меня. Глаза его расширились, адресуя мне некое важное послание, расшифровать которое я был не в силах.

– Мистер Лэнг, вам нужно поразмыслить о безопасности двух человек. О вашей собственной, естественно, и о безопасности мисс Вульф. Мне неизвестно, какое значение вы уделяете собственной безопасности, но полагаю, что, будучи джентльменом, вы непременно озаботитесь безопасностью девушки. И я хотел бы, чтобы вы озаботились очень серьезно. – На лице Умре вдруг заиграла широкая улыбка, словно худшее было уже позади. – Но я, конечно же, не жду, что вы сделаете это без какого-либо толчка извне.

Умре взвел курок и посмотрел на меня, горделиво вскинув красивую голову. Пальцы его непринужденно обхватывали пистолет. Мои ладони вмиг вспотели, в горле вообще творилось черт-те что. Я ждал. А что мне еще оставалось?

Секунду-другую Умре словно оценивал меня взглядом. А затем вскинул руку, вдавил ствол в шею Майка и дважды выстрелил.

Это произошло столь быстро, столь неожиданно и было столь абсурдно, что я чуть не расхохотался. Только что передо мной стояло три человека. Пиф-паф – и вот теперь осталось только двое. Это и в самом деле было смешно.

В штанах вдруг стало мокро. Немного. Но ощутимо.

Я сморгнул. Умре уже успел передать пистолет Барнсу, и тот подавал знаки кому-то у двери, у меня за спиной.

– Зачем он это сделал? Зачем вообще делать такие страшные вещи?

Я думал, что это мой голос, но это был голос Умре. Тихий, спокойный, полный самообладания.

– Это было ужасно, мистер Лэнг. Ужасно. Ужасно потому, что для этого не было никаких причин. А ведь мы всегда пытаемся найти причину смерти. Разве не так?

Я поднял глаза, но взгляд не фокусировался. Лицо Умре плыло, то появляясь, то исчезая – как и его голос, который одновременно звучал и у меня в ухе, и за сотню миль отсюда.

– Или давайте скажем по-другому. Хотя у паренька и не было никаких причин умирать, зато у меня имелась причина убить его. По-моему, так уже лучше. Я убил его, мистер Лэнг, только для того, чтобы продемонстрировать вам одну вещь. Всего одну. – Он сделал паузу. – Показать, что я могу это сделать.

Он глянул вниз, на тело Майка.

Зрелище было хуже некуда. Раскаленная ударная волна обезобразила рану, обугленная плоть вздулась и почернела. Я отвел глаза, не в силах смотреть на это.

– Вы понимаете, что я говорю? – Умре чуть наклонился вперед. – Этот человек был аккредитованным американским дипломатом, служащим Государственного департамента США. У него наверняка были друзья, жена, – возможно, даже дети. Естественно, такой человек не мог бы исчезнуть бесследно, правда? Вот так вот взять – и испариться?

У моих ног уже суетились какие-то люди, оттаскивая тело Майка Лукаса.

Я с усилием заставил себя вслушаться в то, что говорил Умре.

– Мистер Лэнг, взгляните правде в глаза. А правда состоит в том, что если я захочу, чтобы человек исчез, то так оно и произойдет. Я могу пристрелить человека прямо у себя в доме, и он истечет кровью на моем ковре потому, что я так хочу. И никто, слышите, никто меня не остановит. Ни полиция, ни тайные агенты, ни друзья мистера Лукаса. И уж конечно же, не вы. Вы слышите меня?

Я поднял на него глаза. Теперь я видел его лицо гораздо четче. Черные глаза. Лоск.

Умре поправил галстук.

– Что ж, мистер Лэнг, надеюсь, теперь у вас есть причина задуматься о безопасности мисс Вульф?

Я молча кивнул.

Они отвезли меня, придавленного к коврику «дипломата», обратно в Лондон и вытряхнули из машины где-то к югу от Темзы.

Я прошел по мосту Ватерлоо и побрел вдоль Стрэнда, то и дело останавливаясь и изредка опуская монеты в руки восемнадцатилетних попрошаек. Мне так хотелось, чтобы этот отрезок реальности оказался сном. Господи, никогда мне так не хотелось, чтобы явь оказалась сном.

Майк Лукас сказал, чтобы я был осторожен. Он рисковал, говоря мне это. Мы не были знакомы, и я не просил его идти на риск ради меня, но он все равно пошел, поскольку был профессионалом и достойным человеком, которому не нравилась та трясина, в которую он угодил. И он не хотел, чтобы она затянула и меня тоже.

Пиф-паф.

Обратной дороги нет. И мир не остановился.

Мне было жалко себя. Жалко Майка Лукаса – да и попрошаек тоже жалко. Но больше всех – самого себя, и с этим пора было кончать. Я повернул домой.

У меня больше не было причин беспокоиться насчет своей квартиры: все, кто последнюю неделю дышал мне в спину, теперь дышали мне прямо в лицо. Возможность уснуть в собственной постели была, пожалуй, единственной положительной стороной всей этой истории. Так что я решительно зашагал в направлении к Бэйсуотер, пытаясь отыскать в происходящем забавную сторону.

Это оказалось нелегко, и я, кстати, до сих пор не уверен, что мне это действительно удалось. Просто я всегда стараюсь так поступать, когда дела идут не ахти. Ведь что значит – сказать, что дела идут не ахти? Не ахти по сравнению с чем? Вы тут же ответите: да хотя бы по сравнению с тем, как они шли пару часов назад – или пару лет назад. Однако суть-то совсем не в этом. Если взять две машины без тормозов, несущиеся прямо на кирпичную стену, и одна из

них врезаются на мгновение раньше другой, разве можно сказать, что второй машине повезло больше?

Беда и смерть. Каждую секунду нашей жизни они нависают над нами, стараясь нас достать. По большей части промахиваясь. Тысячи миль по скоростному шоссе – и ни одного прокола в переднем колесе. Тысячи вирусов, проползающих сквозь наши тела, – и ни один так и не зацепился. Тысячи роялей, летящих на мостовую, через минуту после того, как мы прошли мимо. Или через месяц – без разницы.

И раз уж мы не бухаемся на колени, чтобы возблагодарить небо всякий раз, когда беда проходит стороной, то какой смысл ныть и стонать, когда она все же настигает нас?

Мы ведь все равно умрем – или никогда не родимся. И жизнь – лишь один затянувшийся сон.

Вот. Это и есть забавная сторона.

14

*Так и свобода редко пробуждается,
Ударом гулким лишь однажды бьет,
Как чье-то сердце, негодую, разрывается,
Чтоб показать, что все еще живет.*

Томас Мур

Стоило мне свернуть на свою улицу, как в глаза тотчас бросились две вещи, которые я совершенно не ожидал там увидеть. Первой был мой «кавасаки» – весь в крови, синяках и царапинах, но в общем и целом во вполне сносном состоянии. Второй неожиданной вещью оказался ярко-красный спортивный «TVR».

Ронни спала, положив голову на руль и натянув на голову пальто. Открыв пассажирскую дверцу, я скользнул на сиденье рядом. Она приподняла голову и сонно уставилась на меня.

– Добрый вечер, – сказал я.

– Привет. – Несколько раз моргнув, она перевела взгляд на окно. – Черт! Который час? Я тут совсем задубела.

– Двенадцать сорок пять. Не хочешь зайти?

Она немножко подумала.

– Довольно нахальное предложение с твоей стороны, Томас.

– Нахальное? Это ведь как посмотреть, не так ли?

Я открыл дверцу.

– Это как?

– А вот так. Ты приехала сюда сама? Или это я перенес сюда улицу и расставил ее вокруг твоей машины?

Ронни еще немножко подумала и сказала:

– Убила бы сейчас за чашку чая.

Мы молча сидели на кухне, прихлебывали чай и курили. Мысли Ронни были где-то далеко, моя неразвитая интуиция подсказывала, что она недавно плакала. Либо плакала, либо пыталась добиться от своей туши какого-то необычного эффекта, что-то вроде «размазанных катышков». Я предложил ей виски, но Ронни не проявила к выпивке интереса. Тогда я вылил в свой стакан все четыре оставшиеся в бутылке капли и постарался растянуть их на подольше.

Я пытался мысленно сосредоточиться на Ронни, выкинув из головы Барнса с Умре: во-первых, она была расстроена, а во-вторых, была здесь, в моей комнате. А те двое – нет.

– Томас, могу я тебя кое о чем спросить?

– Конечно.

– Ты голубой?

Нет, ну надо, а? Первый же мяч – и сразу мимо ворот. По идее, нам полагалось беседовать о кино и театре, о любимых горнолыжных трассах, наконец.

– Нет, Ронни, я не голубой. А ты?

– Нет.

Она не сводила глаз со своей кружки. Но я предпочитаю чайные пакетики, так что вряд ли ей удалось бы найти ответы в узорах чайной гущи.

– А что случилось с как его там? – спросил я, закуривая.

– Филип. Он спит. Или гуляет где-нибудь. В общем, не знаю. Да и знать не хочу, если честно.

– Ну-ну, Ронни. Мне кажется, это только слова.

– Нет, я серьезно. Мне вообще насрать на Филипа.

Всегда испытываешь какое-то странное возбуждение, когда воспитанная девочка вдруг начинает грязно ругаться.

– Вы поссорились.

– Мы расстались.

– Вы просто поссорились, Ронни.

– Могу я остаться у тебя на ночь?

Я моргнул. А затем, чтобы убедиться, что мне это не привиделось, моргнул еще раз.

– Ты хочешь спать со мной?

– Да.

– Ты имеешь в виду, не просто спать одновременно со мной? Ты имеешь в виду, в одной постели?

– Ну пожалуйста.

– Ронни...

– Если хочешь, я не буду снимать одежду. Томас, не заставляй меня еще раз говорить «пожалуйста». Это ужасно вредно для женского самолюбия.

– Зато ужасно полезно для мужского.

– Ох, замолчи! – Она спрятала лицо в кружку. – Ты мне таким совсем не нравишься.

– Ха, – ответил я. – Значит, сработало.

В конце концов мы встали и отправились в спальню.

Между прочим, она и в самом деле осталась в одежде. Так же как и я – опять же, между прочим. Мы лежали рядом на кровати и какое-то время молча созерцали потолок. А потом, рассудив, что уже вполне насозерцался, я протянул руку и взял ее ладонь в свою. Она была сухой и теплой – и очень приятной на ощупь.

– О чем ты думаешь?

Честно говоря, я не помню, кто из нас спросил это первым. К рассвету мы оба повторили этот вопрос раз по пятьдесят.

– Ни о чем.

И это мы тоже повторили немало раз.

Ронни была несчастлива – в этом все дело. Не могу сказать, что она *излила* мне историю своей жизни. История выходила из нее разрозненными обрывками, с длинными пробелами и слегка напомнила сумбурную беседу где-нибудь в обществе книголюбов. Но к тому времени, когда жаворонок принял вахту у соловья, узнал я довольно много.

Ронни была средним ребенком в семье. Наверняка многие из вас сейчас скажут: «Ну вот, теперь сразу все встает на свои места», но я, например, тоже средний, и меня это особенно никогда не беспокоило. Отец Ронни работал в Сити, угнетая несчастных бедняков, да и братья по обе стороны, похоже, держали курс в том же направлении. Когда Ронни была еще подростком, мать ее прониклась страстной любовью к рыболовству и с тех пор по шесть месяцев в году потакала своей страсти на далеких водных просторах. А отец Ронни в это время заводил любовниц. Правда, куда заводил – она так и не уточнила.

– О чем ты думаешь? – На этот раз спросила она.

– Ни о чем.

– Ну же.

– Я не знаю. Просто... думаю.

Я слегка погладил ее по руке.

– О Саре?

Я знал, что она это спросит. И это несмотря на то, что я намеренно подавал ей мяч под ракетку и больше ни разу не упоминал о Филипе.

– В том числе. – Я чуть сжал ее руку. – Давай посмотрим правде в глаза: ведь я почти не знаю ее.

– А ей ты нравишься.

Я не смог удержаться от смеха.

– Ну, это кажется астрономически маловероятным. В первый раз, когда мы встретились, она подумала, что я хочу убить ее отца, а в последний – потратила большую часть вечера на то, чтобы обвинить меня в трусости перед лицом врага.

Поцелуи я решил вынести за скобки. По крайней мере, пока.

– Какого врага?

– Это длинная история.

– У тебя очень приятный голос.

Я повернул голову на подушке и посмотрел на нее:

– Знаешь, Ронни, в нашей стране, когда кто-нибудь о чем-нибудь говорит, что это длинная история, это значит, он вежливо дает понять, что не будет ее рассказывать.

Я проснулся. Что означало, что я все-таки уснул. Правда, понятия не имею, когда это произошло. Первая мысль в момент пробуждения – в доме пожар.

Выпрыгнув из постели, я понесся на кухню. Ронни жарила бекон на сковороде. Дым резвился в солнечных лучах, а где-то поблизости трещало Радио-4. Ронни была в моей единственной чистой рубашке. Поначалу я даже слегка разозлился, так как берег рубашку для особого случая – например, к совершеннолетию моего внука, – но рубашка ей очень шла, так что я решил промолчать.

– Тебе бекон как больше нравится?

– С хрустом, – солгал я, заглядывая через ее плечо. Ну а что тут было еще говорить?

– Если хочешь, можешь пока приготовить кофе, – сказала она и повернулась обратно к сковороде.

– Да, кофе. Точно.

Я начал свинчивать крышку с банки растворимой бурды, но Ронни зацокала языком и кивком указала на буфет, который ночью, похоже, посетила добрая фея покупок, оставив после себя целую кучу всякой всячины.

Я сунулся в холодильник, и передо мной предстала чья-то чужая жизнь. Яйца, сыр, йогурт, несколько стейков, молоко, масло, две бутылки белого вина. Все это ни разу не побывало ни в одном из моих холодильников, за все тридцать шесть лет. Я наполнил чайник водой и шелкнул выключателем.

– Тебе придется позволить мне расплатиться с тобой за все это.

– Ох, да когда ж ты наконец повзрослеешь?!

Ронни попыталась разбить яйцо о край сковородки одной рукой, получился замечательный «собачий завтрак». А собаки у меня как раз не было.

– Разве тебе не нужно в галерею? – поинтересовался я, зачерпывая ложку «черного, обжаренного „Мелфорда“ к завтраку» из банки и высыпая в кружку. Все это было очень и очень необычно.

– Я позвонила Терри и сказала, что у меня сломалась машина. Мол, отказали тормоза, так что я даже не знаю, на сколько опоздаю.

Какое-то время я обдумывал ее слова.

– Да, но если у тебя отказали тормоза, разве ты не должна, наоборот, приехать раньше?

Ронни рассмеялась и поставила передо мной тарелку чего-то черно-бело-желтого. Выглядело неопишимо, но на вкус оказалось обалденным.

– Спасибо тебе, Томас.

Мы шли через Гайд-парк – просто так, без какой-то определенной цели. Сначала мы держались за руки, но потом расцепились, словно гулять за ручку – это обычная ерунда. День

выдался солнечным и теплым, и Лондон казался удивительно красивым.

– Спасибо мне за что?

Ронни опустила глаза и легонько пнула что-то на земле, чего, вероятнее всего, там не было.

– За то, что не пытался заняться со мной любовью вчера ночью.

– Всегда пожалуйста.

На самом деле я не знал, каких слов она ждала от меня, и вообще что это было – начало разговора или его конец.

– Спасибо за то, что поблагодарила меня, – добавил я.

Вот теперь получилось больше похоже на конец.

– Прекрати, пожалуйста.

– Нет, правда. Я очень тебе признателен. Я каждый день не пытаюсь заняться любовью с миллионами женщин, и до сих пор ни одна даже не пискнула в знак благодарности. А тут совсем другое дело. Приятное разнообразие.

Мы погуляли еще немного. Какой-то шальной голубь ринулся было прямо на нас, но в последний момент резко свернул в сторону и умчался прочь, точно вдруг сообразив, что мы вовсе не те, за кого он нас принял. Пара лошадей рысью прошла по Роттен-Роу; на спине у каждой восседало по мужчине в твидовой куртке. Королевская конная гвардия, вероятно. Лошади выглядели чрезвычайно смышленными.

– У тебя кто-нибудь есть, Томас? Сейчас?

– Думаю, ты имеешь в виду женщин?

– Угадал. Ты спишь с кем-нибудь?

– Под словом «спишь» ты имеешь в виду?..

– Отвечай немедленно, а то я позову полицейского.

Она улыбалась. Благодаря мне. Именно я заставил ее улыбаться, и это было очень приятное чувство.

– Нет, Ронни, сейчас я не сплю ни с одной женщиной.

– А с мужчинами?

– И с мужчинами не сплю. И с животными. И с хвойными деревьями.

– А почему, можно спросить? И даже если нельзя.

Я вздохнул. В действительности я и сам не знал ответа, но даже ответ я правду, с крючка мне все равно не соскочить. И я заговорил, не имея ни малейшего представления о том, что из этого может выйти:

– Потому что от секса больше неприятностей, чем удовольствия. Потому что мужчинам и женщинам нужно разное, и в конце кто-то всегда остается внакладе. Потому что мне не часто предлагают, а сам я терпеть не могу просить. Потому что я небольшой мастер в этих делах. Потому что я привык быть один. И потому что я не могу больше придумать никаких причин.

Я остановился, чтобы перевести дыхание.

– Хорошо. – Ронни развернулась и пошла спиной вперед, глядя мне в лицо. – И какая же из причин настоящая?

– Номер два, – ответил я, немного подумав. – Нам нужно разное. Мужчины хотят секса с женщиной. Затем они хотят секса с другой женщиной. Затем – с третьей. А затем они хотят кукурузных хлопьев и немного поспать, после чего опять хотят секса, теперь уже с четвертой женщиной, а потом с пятой, и так пока не умрут. Женщины же... – Тут я подумал, что, описывая противоположный пол, стоит быть поосторожнее в формулировках. – Женщины хотят отношений. Возможно, они их никогда не получают, или все же получают, но прежде им придется переспать со множеством мужчин, но у них есть цель. У мужчин же цели нет. Настоящих целей. Поэтому они придумывают искусственные и расставляют их по разные стороны большой поляны. А потом придумывают футбол. Или лезут в драку, или стараются разбогатеть, или начинают воевать, или находят себе еще целую кучу всяких идиотских занятий, лишь бы хоть как-то компенсировать отсутствие цели.

– Полная хрень! – сказала Ронни.

– Кстати, о хрене. Это второе главное различие.

– Неужели ты и вправду думаешь, что я хочу, чтобы у нас с тобой были отношения?

Ну и коварство!

– Я не знаю, Ронни. Я бы не осмелился даже пытаться угадать, чего тебе нужно от жизни.

– Очередная хрень. Возьми себя в руки, Томас.

– А может, тебя?

Ронни остановилась. А затем расплылась в улыбке:

– Вот это уже другой разговор.

Мы нашли телефонную будку, и Ронни позвонила в галерею. Сказала, что вся уже на нервах из-за машины и страшно устала и ей просто необходимо отлежаться всю вторую половину дня. Затем мы сели в машину и покатали обедать в «Клариджез».

Я знал, что рано или поздно придется рассказать Ронни кое-что из того, что случилось, и кое-что из того, что должно случиться. Вероятно, придется немного солгать – не только ради меня, но и ради нее же самой – и, кроме того, придется говорить о Саре. Вот почему я тянул, откладывая этот разговор.

Ронни мне нравилась, очень нравилась. Возможно, будь она какой-нибудь принцессой, томящейся в черном замке на черной горе, я даже влюбился бы в нее. Но Ронни не была принцессой. Она сидела напротив, трещала как сорока, заказывала дуврскую камбалу с салатом «роке», пока струнный квартет в национальных тирольских костюмах пощипывал и попиливал что-то из Моцарта в холле позади нас.

Я осторожно огляделся, прикидывая, где тут могут прятаться мои преследователи. Теперь их можно было ждать где угодно и в каком угодно количестве. Однако явных кандидатов поблизости не обнаружилось – если только ЦРУ не перешло на вербовку семидесятилетних вдовушек с лицами, вываленными в чем-то очень похожем на крахмал.

В любом случае, слезка меня беспокоила меньше, чем прослушка. «Клариджез» мы выбрали наугад, так что установить подслушивающее оборудование заранее у них не было никакого шанса. Я сидел спиной к остальной части зала, так что даже от ручного направленного микрофона толку было немного.

Наполнив большие бокалы вполне пригодным для питья «Пуйи-Фуиссе» – выбор Ронни, – я приступил к рассказу.

Начал с того, что отец Сары мертв и что я сам видел, как он умер. Мне хотелось поскорее разделаться с самым неприятным: сначала столкнуть Ронни в яму, а потом медленно вытянуть ее оттуда. Так сказать, дать ее природной «жилке» немного времени, чтобы включиться в работу. Кроме того, не хватало еще, чтобы Ронни подумала, будто я испугался.

Она восприняла рассказ достойно. Гораздо лучше, чем дуврскую камбалу, которая так и лежала на тарелке нетронутой, с печалью в единственном глазу – мол, «я что-то не то сказала?», – пока официант не унес ее со стола.

К тому времени, когда я закончил, струнный квартет успел разделаться с Моцартом и переключился на мелодию из «Супермена», а винная бутылка торчала из ведерка днищем кверху. Нахмурившись, Ронни смотрела на скатерть перед собой. Я знал, что ей хочется пойти и кому-нибудь позвонить, или врезать по чему-нибудь кулаком, или заорать на всю улицу, что мир – дерьмо и как можно спокойно сидеть и есть, или ходить по магазинам, или смеяться? Я хорошо понимал ее, поскольку сам чувствовал то же самое с тех пор, как увидел Александра Вульфа, летящего через всю комнату от выстрела какого-то идиота.

Наконец Ронни заговорила, и голос ее дрожал от гнева:

– И ты собираешься сделать это? Сделать то, что они велют?

Я едва заметно пожал плечами:

– Да, Ронни, именно это я и собираюсь сделать. Пойми, мне не хочется, но, по-моему, все остальные варианты еще хуже.

– И ты называешь это достаточным оправданием?

– Да, называю. Именно этим большинство людей оправдывает большинство своих поступков. Если я не соглашусь на их условия, они, вероятнее всего, убьют Сару. Они уже убили ее отца, так что теперь их вряд ли что-то остановит.

– Но ведь погибнут люди!

В ее глазах стояли слезы, и если бы не сомелье, подкраившийся, чтобы впарить нам еще

бутылку «Пуйи», я, возможно, и обнял бы ее за плечи. А так я лишь пожал ее руку через стол.

– Люди погибнут в любом случае, – сказал я, ненавидя себя за то, что похож сейчас на Барнса. – Не сделай я этого, они найдут кого-нибудь другого или придумают что-то еще. Результат будет тот же, но Сара умрет. Вот что это за люди.

Ронни снова уткнулась в скатерть, и я видел: она понимает, что я прав. Но все равно проверяет, не забыли ли мы чего – подобно человеку, надолго покидающему родной дом перед дальней дорогой. Газ – перекрыт, телевизор – выключен из розетки, морозилка – разморожена.

– А как же ты? Если они такие, как ты говоришь, то что же будет с тобой? Ведь они убьют тебя, разве не так? Поможешь ты им или нет, они все равно убьют тебя.

– Да, Ронни, скорее всего, они попытаются это сделать. Я не могу лгать тебе об этом.

– А о чем можешь?

Отличная реакция, только не думаю, что она действительно хотела задать такой вопрос.

– Это далеко не первый раз, когда меня пытаются убить, Ронни. До сих пор у них не получилось. Я знаю, ты считаешь меня лентяем, неспособным даже купить себе продукты, но зато я могу позаботиться о себе другими способами. – Я сделал паузу – посмотреть, не улыбнется ли она. – В конце концов, найду какую-нибудь шикарную блондинку со спортивной машиной. Вот она-то и позаботится обо мне.

Ронни подняла глаза и почти улыбнулась.

– У тебя уже есть одна такая, – сказала она и полезла за кошельком.

Пока мы сидели в ресторане, пошел дождь, и, поскольку Ронни оставила верх машины открытым, нам пришлось нестись по Мэйферу со всех ног, чтобы спасти ее кожаные кресла от «Коннолли».

Я как раз возился с защелками складной крыши, пытаюсь разобраться, как бы половчее заполнить шестидюймовый промежуток между рамой и лобовым стеклом, когда почувствовал на плече чью-то руку.

– А ты еще что за ком с горы? – спросил незнакомый голос.

Медленно выпрямившись, я оглянулся. Он был примерно моего роста и не так уж далеко обогнал меня по возрасту. Зато в смысле богатства обскакал изрядно: сорочка с Джермин-стрит, костюм с Савил-Роу, а выговор – из одной из самых дорогих частных школ. Ронни вынырнула из багажника, где она пыталась сложить автомобильный чехол.

– Филип.

В общем-то, ничего другого я и не ожидал услышать.

– Что это за хрен? – снова спросил Филип, не сводя с меня глаз.

– Здравствуйте, Филип.

Я старался быть вежливым. Честное слово, старался.

– Иди в жопу! – ответил Филип. И повернулся к Ронни: – Это и есть тот говнюк, что выдул мою водку?

Группка туристов в ярких анораках остановилась и заулыбалась, глядя на забавную тройцу и, видимо, надеясь, что мы просто старые добрые друзья. Я тоже на это надеялся, но иногда одной надежды мало.

– Филип, прошу тебя, не будь занудой.

Ронни с силой захлопнула багажник и обошла машину. Я же, напротив, постарался отодвинуться, а потом и убраться с глаз долой. Быть втянутым в чужую предсвадебную склоку – последнее дело. Но от Филипа оказалось не так-то просто отвертеться.

– Ты куда это, мудила, намылился?

– Туда.

– Филип, перестань.

– Слышь, ты, член с ушами, кто ты такой, а?

Правой рукой он цапнул меня за лацкан. Крепко цапнул, но не более. Я посмотрел на его руку, затем перевел взгляд на Ронни, давая ей возможность помешать тому, что назревало.

– Филип, пожалуйста, не будь таким идиотом.

Безусловно, это была самая неудачная из всех неудачных фраз, что Ронни могла придумать. Когда мужчина сам загоняет себя в угол, последнее, чем можно его притормозить, –

это обзывать его идиотом. Я бы на ее месте извинился, или погладил бы его по головке, или улыбнулся. В общем, сделал бы все, дабы подавить прилив тестостерона.

– Я задал тебе вопрос, – не унимался Филип. – Ты кто такой? Чтобы лакать из моего бара и отираться в моем доме?

– Уберите руку, пожалуйста, – сказал я. – Вы помните мне куртку.

Видите, очень благоразумно. Никаких запугиваний, никаких яростных воплей – ничего такого, что могло бы дать лишний повод. Простая забота о куртке. Очень по-мужски.

– Да по барабану мне твоя куртка! Ты что, не понял, урод?

Что ж, значит, так тому и быть. Теперь, когда все дипломатические каналы испробованы, придется выбрать насилие.

Сначала я просто оттолкнул его от себя. Он, разумеется, и не подумал отцепиться – обычное дело в такой ситуации. Тогда я отступил назад и чуточку в сторону, так, что ему пришлось вывернуть кисть. Как бы невзначай я положил ладонь на его пальцы, вцепившиеся в мой лацкан, выставил локоть и через миг с силой надавил им на его руку. Если кому интересно, в айкидо такой прием называется «никкио» – колоссальная боль практически без усилий.

Лицо Филипа цветом стало походить на свежевывпавший снег. Он пригнулся, отчаянно пытаясь ослабить давление на лучезапястный сустав. Я отпустил его прежде, чем он рухнул на колени – в расчете, что чем меньше унижений выпадет на его долю, тем меньше он будет ерепениться. А еще мне совсем не улыбалось, чтобы Ронни до вечера простояла подле него на коленях, причитая: «Ну же, ну, кто тут у нас храбрый мальчик?»

– Прошу прощения, – сказал я и неуверенно улыбнулся, словно и сам не понял, как это все вдруг произошло. – Вы в порядке?

Филип схватился за поврежденную руку и ненавидяще зыркнул на меня, но мы оба прекрасно знали, что продолжения не последует. Хотя он вовсе не был уверен, что я сделал ему больно ненароком.

Ронни быстро протиснулась между нами и ласково положила руку ему на грудь.

– Филип, ты все не так понял.

– Неужели?

– Это просто бизнес.

– Да ну! Ты трахаешься с ним. Я же не идиот.

Последняя ремарка заставила бы любого нормального обвинителя моментально вскочить на ноги, но Ронни лишь повернулась ко мне и заговорщически подмигнула.

– Это Артур Коллинз, – сказала она и стала ждать, пока Филип наморщит лоб. Что он в конце концов и сделал. – Он написал тот триптих, что мы видели в Бате. Помнишь? Ты тогда еще сказал, что он тебе нравится.

Филип посмотрел на Ронни, потом на меня, затем снова на Ронни. Земля успела чуток повернуться, пока мы дождались, когда он все это пережует. Одна его часть чувствовала себя неловко, но зато другая, гораздо большая его часть, явно вздохнула с облегчением: ведь теперь у него появилась возможность ухватиться за вполне уважительную причину больше не наезжать на меня. «И вот, ну вы меня знаете, я уже готов вырубить этого козла, чтоб он ползал передо мной на коленках, умоляя о пощаде, – и надо же, какой прокол! Чувак, оказывается, вообще не при делах. Вот это хохма! Филип, ты просто супер!»

– Тот, что с овцами? – пробурчал он, поправляя галстук и выдергивая манжеты хорошо отработанным движением.

Я посмотрел на Ронни, но та и не подумала прийти мне на помощь. Пришлось выкручиваться самому:

– Вообще-то с ангелами. Но многие почему-то путают их с овцами.

Похоже, такой ответ вполне устроил Филипа. Физиономия его расплылась в улыбке:

– Черт, мне так неудобно. Что вы обо мне подумали, а? Я-то решил... ну, теперь ведь это уже неважно, правда? Просто какой-то парень... ладно, не берите в голову.

И так далее в том же духе. Я лишь широко раскинул руки, словно показывая, что прекрасно все понимаю и что сам точно так же ошибаюсь раза по три-четыре на дню.

– Вы не возражаете, мистер Коллинз? – спросил Филип, беря Ронни под локоток.

– Пожалуйста, пожалуйста.

Теперь мы с Филипом были просто-таки закадычными приятелями.

Они отошли в сторонку, а я вспомнил, что прошло уже как минимум минут пять с тех пор, как я последний раз курил. Надо было поправить положение. Цветастые анораки все еще тревожно болтались неподалеку, и я помахал им, словно говоря, что, мол, да, Лондон действительно сумасшедшее местечко и вам, ребята, лучше тут не задерживаться, так что всего вам хорошего.

Филип пытался отыгаться на Ронни – это было очевидно. Однако, вместо того чтобы поставить на «прости меня, пожалуйста», он поставил на гораздо более слабую позицию – «ладно, на этот раз я тебя прощаю». И зря. Я всегда говорил, что более сильная карта в конечном итоге дает более крупную взятку. Лицо Ронни исказилось гримасой согласия пополам со скукой. Она то и дело бросала на меня быстрые взгляды, дабы показать, как ее все это достало.

Я улыбнулся ей, как раз когда Филип полез в карман и вытащил какие-то бумажки. Длинные прямоугольнички. Билеты на самолет. Билеты класса «на все выходные, только ты и я, море шампанского и горы секса». Протянув один билет Ронни, он поцеловал ее в лоб – очередная ошибка, – помахал Артуру Коллинзу, заслуженному художнику Западной Англии и окрестностей, и зашагал вниз по улице.

Ронни проводила его взглядом и не спеша вернулась ко мне.

– Ангелы, – сказала она.

– Артур Коллинз, – парировал я.

Посмотрев на билет, она тяжело вздохнула:

– Он считает, что нам нужно еще раз попытаться все наладить. Мол, наши отношения ему слишком дороги и все такое.

Я ахнул в притворном ужасе, и мы принялись разглядывать тротуар.

– Значит, он везет тебя в Париж, да? Немного старомодно, сказал бы я, будь это мое дело.

– В Прагу, – поправила Ронни, и в моем мозгу бренькнул колокольчик. Ронни открыла билет. – Филип говорит, что Прага – это новая Венеция.

– Прага, – эхом отозвался я. – Слыхал, в этом сезоне она где-то в Чехословакии.

– В Чешской Республике. Филип очень педантичен в таких вопросах. Мол, Словакия – это полная фигня, с Чехией и рядом не лежала. Он заказал номер в гостинице рядом с центральной площадью.

Ронни вновь взглянула в раскрытый билет, и, клянусь, я своими ушами слышал, как вздох застрял у нее в горле. Я проследил за ее взглядом, но не увидел ни одного тарантула, ползущего по ее рукаву.

– Что-то не так?

– ЧЭД, – сказала она, захлопывая билет.

Я нахмурил брови.

– А что с ним? – Я никак не мог понять, к чему она клонит, хотя колокольчик в мозгу уже буквально надрывался. – Ты знаешь, кто он?

– С ним все ОК, не так ли? Согласно ежедневнику Сары, с ЧЭД все ОК, верно?

– Верно.

– Верно. – Она протянула мне билет. – Название авиакомпании.

Я посмотрел.

Возможно, мне давно следовало это знать. Возможно, это знали все, кроме нас с Ронни. И тем не менее, согласно распечатке агентства «Санлайн Трэвел», выписанной на имя мисс Р. Крайтон, национальная авиакомпания новой Чешской Республики обозначалась буквами ЧЭДОК.

Вот так две линии моей жизни сошлись в Праге.

В Прагу улетела Сара, в Прагу же посылали меня американцы для выполнения первой стадии операции, которую они упорно называли «Сухостой». Они настаивали на этом названии, хотя я сразу же сказал, что считаю его просто кошмарным. Но то ли к названию приложила руку какая-то шишка, то ли все бумаги уже были подготовлены, но они напрочь отказывались уступать. «„Сухостой“, Том, и никакой самодеятельности».

Сама операция – по крайней мере официально – представляла собой довольно примитивную стандартную схему: внедриться в группу террористов и, закрепившись, начать портить жизнь. Им самим, их поставщикам, спонсорам, а также сочувствующим и любимым. Ничего уникального, даже отдаленно. Спецслужбы всего мира постоянно пользуются такой схемой – каждый раз с переменным неуспехом.

Вторая же линия – линия Сары, Барнса, Умре и «Аспирантуры» – была не чем иным, как продажей вертолетов отвратительным тиранам, деспотам и их правительствам. И я сам присвоил ей кодовое имя. Я назвал ее «О боже!».

И вот – обе линии сошлись в Праге.

Я должен был вылететь в пятницу вечером, что означало шесть дней американских инструктажей плюс пять ночей чаепитий и зарукодержаний с Ронни.

Старина Филип улетел в Прагу в тот же день, когда я едва не сломал ему запястье, – ударить по рукам кое с кем из влиятельных бархатных революционеров. Ронни он оставил совершенно сбитой с толку и почти несчастной. Возможно, до моего появления ее жизнь и не состояла из захватывающих виражей американских горок, но нельзя сказать, чтобы она напоминала пыточную дыбу. Так что внезапный рывок в мир террора и заказных убийств – да еще на пару со стремительно распадающимися любовными отношениями – не способствовал тому, чтобы Ронни чувствовала приятную расслабленность.

Один раз я ее даже поцеловал.

«Сухостойные» инструктажи проходили в пустующем особняке из красного кирпича постройки тридцатых годов, где-то на окраине Хенли. В особняке было что-то около двух квадратных миль паркетного пола, где каждая третья паркетина скукожилась от сырости, и лишь в одной из уборных работал бачок.

Мебель – несколько стульев и письменных столов плюс раскладушки – они привезли с собой и раскидали по дому, особо не задумываясь. Большую часть времени я проводил в гостиной: смотрел слайды, слушал магнитофонные записи, зубрил на память адреса и пароли, а также изучал свою новую биографию – батрака с фермы в Миннесоте. Нельзя сказать, что это напомнило мне школьные годы, поскольку вкалывать приходилось куда как больше, чем в бытность мою подростком, и все же атмосфера была до боли знакомой.

Каждый день я сам доставлял себя туда на своем «кавасаки», ремонт которого они для меня организовали. Они хотели, чтобы я и ночевал там, но я сказал, что перед отъездом мне необходимо как следует глотнуть лондонской атмосферы. Похоже, мои слова пришлись им по вкусу. Американцы уважают патриотизм.

Состав обитателей особняка беспрестанно менялся, но меньше шести человек там никогда не бывало. На побегушках у них был некто Сэм, периодически навещался старина Барнс, да еще несколько Карлов вечно торчали на кухне, глушили травяной чай и раздували накачанные шеи. А еще там были специалисты.

Первый назвался Смитом. Это было настолько неправдоподобно, что я без раздумий ему поверил. Толстенький коротышка в очках и тесной жилетке, он долго ностальгировал о шестидесятых и семидесятых – с его точки зрения, золотом веке терроризма. Для него те времена, похоже, состояли исключительно из мотаний за Баадерами, Майнхофами и «Красными бригадами» по всему земному шару. Словно фанатка-малолетка, таскающаяся за семейкой Джексон во время их мирового турне. Постеры, значки, фотки с автографами и прочая лабуда.

Революционеры-марксисты сильно разочаровали Смита: в начале восьмидесятых большинство из них завязали с террором, набрали ссуд под закладные и застраховали свои жизни. Разве что итальянские «Красные бригады» – те хоть иногда собирались, чтобы тряхнуть

старинной. Всякий там «Светлый путь» и ему подобные из Центральной и Южной Америки его вообще не интересовали. Для него они значили не больше, чем классический джаз для фанатов Стиви Уандера, а потому не заслуживали того, чтобы вообще о них упоминать. Я, конечно, вставил пару-тройку эффектных, на мой взгляд, аргументов по поводу ИРА, но Смит лишь соорудил морду Чеширского кота и быстренько сменил тему.

Еще там был Goldman – долговязый, тощий и явно получавший удовольствие от того, что не получает от своей работы никакого удовольствия. Судя по всему, Goldman был завернут на этикетке. У него на все имелось два ответа – как надо и как не надо что-то делать, – начиная с того, как вешать трубку телефона, и кончая тем, как слюнявить почтовую марку. Никаких отклонений не допускалось. Один день, проведенный в его обществе, – и я чувствовал себя Элизой Дулитл.

Goldman велел мне откликаться на имя Даррелл. Я спросил, нельзя ли мне самому придумать себе псевдоним, но он ответил, что нельзя, поскольку Даррелл уже внесен во все annales операции «Сухостой». Тогда я спросил, не слышал ли он о «Типпексе», но тот ответил, что это глупейшее имя и что мне лучше просто привыкнуть к тому, что теперь я Даррелл.

Трэвис ведал боевыми искусствами, и когда ему намекнули, что у него всего час, он лишь глубоко вздохнул, велел беречь глаза и яйца и тут же свалил.

В последний день перед отлетом явились плановики – двое мужчин и две женщины, одетые как банкиры и с огромными портфелями в руках. Я попытался пофлиртовать с дамами, но те шарахались от меня как от прокаженного. Кстати, тот из мужчин, что пониже, по-моему, был совсем не против.

Луис – тот, что повыше, – оказался самым нормальным из всех, он же в основном и говорил. Похоже, Луис неплохо знал свое дело. При этом он ни разу не проговорился, что же это за дело. Что лишний раз доказывало, как хорошо он его знал. Он называл меня Том.

Очевидным для меня было одно и только одно. «Сухостой» – отнюдь не импровизация, а эти люди – не любители, которые накануне полистали детскую книжечку про международный терроризм. До того, как меня втащили на подножку, этот поезд находился в пути уже не один месяц.

– Скажите, Том, название «Кинтекс» вам о чем-нибудь говорит?

Луис закинул ногу на ногу и наклонился ко мне на манер Дэвида Фроста¹²

– Абсолютно ни о чем, Луис. Я – девственно чистый кусок холста.

Я закурил очередную сигарету – просто чтобы лишний раз их позлить.

– Вот и славно. Первое, что вам следует усвоить, – хотя мне кажется, вы это уже и так знаете, – идеалистов в мире больше не осталось.

– Кроме нас с вами, Луис.

Одна из женщин нетерпеливо взглянула на часы.

– Согласен, Том. Кроме нас с вами. Все эти так называемые борцы за свободу, освободители, архитекторы новой зари – вся эта публика сгинула вместе с брюками клеш. Нынешние террористы – сплошь бизнесмены (Недовольное женское покашливание из глубины комнаты). И бизнес-леди. А террор – весьма перспективная карьера для современного молодого человека. Нет, я абсолютно серьезно. Заманчивые возможности, поездки по всему свету, представительские расходы, досрочный выход на пенсию. Будь у меня сын, я бы сказал ему или юриспруденция, сынок, или терроризм. И давайте не будем кривить душой возможно, от террористов вреда даже меньше.

Судя по всему, это была шутка.

– Вам, наверное, интересно, откуда берутся деньги? – Он вопросительно вздернул брови, а я закивал, точно дебилный ведущий из детской телепередачи. – Что ж, есть, скажем, плохие ребята, такие, как сирийцы, ливийцы или кубинцы, которые до сих пор считают террор чем-то вроде отрасли государственной промышленности. Они по-прежнему выписывают

¹² Невероятно популярный в 60-е годы английский журналист, впоследствии переключился на режиссуру и продюсерскую деятельность.

шестизначные чеки и, если в результате какое-нибудь из американских посольств получает в окно кирпичом, радуются как дети. Однако в последние десять лет все эти ребята отошли на второй план. Сегодня главное – прибыль, а когда дело касается прибыли, все дороги ведут в Болгарию.

Он откинулся на спинку стула, что послужило сигналом для одной из женщин. Настал ее выход, и она, не мешкая, принялась читать по бумажке, прицепленной к планшету, – хотя наверняка знала роль назубок и планшет был своего рода моральным подспорьем.

– «Кинтекс» – якобы государственное торговое агентство, базирующееся в Софии, со штатом в пятьсот двадцать девять человек. Официально агентство занимается экспортно-импортными операциями. На самом же деле «Кинтекс» тайно контролирует более восьмидесяти процентов наркотрафика из стран Ближнего Востока в Западную Европу и Северную Америку. Часто сделки происходят в обмен на легальные и нелегальные партии оружия, далее перепродаваемые ближневосточным террористам. Точно так же перепродается и героин – избранным кругам, занимающимся трафиком в Центральной и Восточной Европе. Персонал, задействованный в операциях, в основном состоит не из болгар, но в его распоряжении имеются все необходимые складские и жилые помещения на черноморском побережье – в Варне и Бургасе. «Кинтекс», уже под вывеской «Глобус», также участвует в отмывании прибыли от продажи наркотиков по всей Европе, обменивая наличные на золото и драгоценные камни и перераспределяя финансы своим клиентам через сеть предприятий в Турции и Восточной Европе.

Она посмотрела на Луиса, словно спрашивая, надо ли продолжать, но Луис, взглянув на меня, заметил, что мои глаза уже подернулись поволокой, и едва заметно покачал головой:

– Милые ребятки, не правда ли? Как и те, что вложили пистолет в руки Мехмета Али Агджи. (Мне, кстати, и это имя мало о чем говорило.) Того, что стрелял в папу Иоанна Павла Второго в восемьдесят первом. Об этом, вообще-то, писали в газетах.

Я изобразил что-то вроде «ну да, как же, помню» и затряс головой, демонстрируя, сколь глубоко я впечатлен.

– «Кинтекс», – продолжал он, – это как супермаркет, где есть все, Том. Нужно устроить беспорядки, стереть с лица земли пару стран, загубить несколько миллионов жизней – просто возьмите кредитку и дуйте напрямиком в «Кинтекс». Дешевле не найдете.

Луис улыбался, но я понимал, что на самом деле он буквально пышет от праведного гнева. Так что я на всякий случай огляделся вокруг – и точно: над головами остальной троицы пылал огонь той же праведной ярости.

– Так это с «Кинтексом», – спросил я в надежде услышать «нет», – имел дело Александр Вульф?

– Точно, – ответил Луис.

Вот когда до меня вдруг дошло, что ни один из них, даже Луис, не имеет ни малейшего понятия о том, что такое «Аспирантура», – как, собственно, и о том, чего на самом деле ждут от операции «Сухостой». Сказать по правде, это было жуткое открытие. Эти люди действительно верили, что ведут прямую и честную войну с наркотерроризмом – или террорнаркотиками, или как они там это дерьмо называют – в интересах Дядюшки Сэма и Тетушки Всего Остального Мира. Для них это было заурядное цэрэушное дело, без всяких там причуд. Они внедряли меня в одну из второстепенных террористических групп, по простоте душевной веря, что в один из свободных вечеров я обязательно протиснусь в телефонную будку и сообщу им целую кучу имен и адресов.

Водить машину меня учили слепые инструкторы, и осознание этого меня немного потрясло.

Они подробно изложили план внедрения, заставляя повторять каждую стадию по миллиону раз. Я думаю, их очень беспокоило, что, будучи англичанином, я не в состоянии удержать в голове более одной мысли одновременно. А увидев, что я довольно легко въехал во все с первого раза, долго хлопали друг дружку по спине и как заведенные талдычили: «Отличная работа».

После тошнотворного ужина из мясных фрикаделек с «ламбруско», поданного вконец изнуренным Сэмом, Луис с напарниками упаковали свои портфели и, покачав сначала мою руку, а затем покачав головами, влезли в свои автомобили и укатили назад, по вымощенной желтым кирпичом дороге. Я даже не помахал им вслед.

Вместо этого я объявил Карлам, что желаю прогуляться, и прошел через садик позади дома, откуда к реке спускалась чудная лужайка и открывался вид на самый прекрасный из всех изгибов Темзы.

Ночь выдалась теплая, и на противоположном берегу еще тусовались юные парочки и пожилые собачники. Неподалеку пришвартовалось несколько прогулочных катеров. Вода тихонько пошлепывала по обшивке, а иллюминаторы мягко и гостеприимно светились желтым. Смеялись люди, и я даже отсюда чувствовал запах их консервированного супа.

Я был в дерьме по самые уши.

Барнс появился сразу после полуночи. На этот раз он являл собой совершенно иное зрелище по сравнению с нашей первой встречей. Братья Брукс куда-то исчезли, и теперь он выглядел так, словно собирался прямо сейчас нырнуть в джунгли Никарагуа. Штаны цвета хаки, темно-зеленая саржевая рубашка, высокие ботинки «Ред-Уинг». Командирские часы на брезентовом ремешке сменили парадный «Ролекс». У меня было такое чувство, что пару секунд он точно провел перед зеркалом, вооружившись камуфляжной краской. Морщины казались глубже обычного.

Он отпустил Карлов, и мы вдвоем расположились в гостиной, где он выставил полбутылки «Джека Дэниелза», блок «Мальборо» и зажигалку «Зиппо» камуфляжной раскраски.

– Как там Сара? – спросил я.

Наверное, это был дурацкий вопрос, но я должен был его задать. В конце концов, это она являлась причиной, из-за которой я ввязался во всю эту кутерьму, и если бы вдруг выяснилось, что нынче утром Сара попала под автобус или умерла от малярии, я бы мигом вышел из игры. Понятное дело, Барнс ни за что не сказал бы, случись с ней хоть что-нибудь, но всегда оставался шанс догадаться по его лицу.

– Нормально, – ответил он. – С ней все хорошо.

Он разлил бурбон в два стакана и пустил один ко мне по паркетному полу.

– Я хочу поговорить с ней. (Он даже не поморщился.) Мне нужно точно знать, что она в порядке. Что она жива и здорова.

– Я же сказал: с ней все хорошо.

Он глотнул виски.

– Я слышал, что вы мне сказали. Но вы – психопат, чье слово не стоит и жалкого ошметка блевотины.

– Вы мне тоже не очень-то симпатичны, Том.

Мы сидели друг против друга, пили виски и курили, но атмосфера явно выпадала, за рамки идеальных отношений «агент–куратор» – и с каждой секундой выпадала все дальше и дальше.

– Знаете, в чем ваша проблема? – спросил вдруг Барнс.

– Да, я прекрасно знаю, в чем моя проблема. Моя проблема покупает одежду по каталогу «Л. Л. Бин» и сидит сейчас прямо передо мной.

Он сделал вид, что не слышал. А может, так оно и было на самом деле.

– Ваша проблема, Томас, в том, что вы – британец. – Он принялся забавно вращать головой. Время от времени в шее хрустела какая-нибудь косточка, и Барнс буквально расплывался от удовольствия. – Все, что неправильно в вас, неправильно и на всем вашем богом забытом, зассанном и засранном острове.

– Минуточку, – вставил я. – Я не ослышался? Какой-то придурочный америкашка указывает, что не так в моей стране?

– Вы – нация кастратов, Томас. Куда делись нормальные мужики с яйцами? Возможно, когда-то они и водились, но потом вывелись. Я не знаю, да мне и по фиг.

– Но-но, Расти, полегче. Должен предупредить, что в моей стране под словом «яйца» мы

понимаем мужественность. Мы не хотим знать, что под этим понимают американцы, у которых встает каждый раз, когда они произносят «дельта», или «удар», или «надрать задницу». Тут между нами серьезные культурные различия. А под культурными различиями, – должен признаться, кровь у меня чуток вскипела, – мы имеем в виду не расхождения по части нравственных ценностей. Мы имеем в виду: ебать вас всех в жопу посудным ершом!

Тут он не выдержал и расхохотался. Какой-какой, но подобной реакции я от него не ожидал. На самом деле я очень надеялся, что он попытается ударить меня, так чтобы я смог врезать ему кулаком в шею и умчаться на своем мотоцикле в ночную тьму и со спокойной душой.

– Что ж, Томас, надеюсь, мы достаточно выпустили пар? Как вам, получше?

– Гораздо лучше, спасибо.

– Мне тоже.

Он встал, чтобы наполнить мой стакан, а затем бросил мне на колени сигареты и зажигалку.

– Я буду говорить прямо, Томас. Сейчас вы не можете ни увидеться, ни поговорить с Сарой. Это просто невозможно. Но я прекрасно понимаю, что вы и пальцем не пошевелите, пока не увидите ее. Логично?

Я отхлебнул виски и выбил сигарету из пачки.

– Она ведь не у вас, да?

Он снова рассмеялся. Пора было с этим заканчивать. Как угодно.

– А я никогда и не говорил, что она у нас. А вы что думали? Что мы держим ее в каком-нибудь тайном месте, прикованной наручниками к батарее? Ну же, окажите нам хоть немного доверия, а? Мы этим на жизнь зарабатываем. И дело свое знаем.

Он плюхнулся обратно на стул и вновь принялся хрустеть шейей. Жаль, что я не мог ему помочь. Хотя бы самую малость.

– Сара там, где мы всегда сможем достать ее, если понадобится, – продолжал он. – Скажем, сейчас, когда вы ведете себя как настоящий британский пай-мальчик, такой надобности у нас нет. О'кей?

– Нет, не о'кей. – Я вдавил окурок в пепельницу и выпрямился во весь рост. Похоже, Барнса это ничуть не взволновало. – Или я увижу ее собственными глазами – удостоверюсь, что с ней все в порядке, – или я выбываю из игры. Причем не просто выбываю. Возможно, я даже прикончу вас прямо здесь – просто чтобы доказать, насколько серьезно я выбываю из игры. О'кей?

И я начал медленно приближаться. Я предполагал, что он может позвать Карлов, но меня это ничуть не беспокоило. Дойди дело до худшего, мне хватило бы и пары секунд, тогда как Карлам понадобилось бы не меньше часа, чтоб привести в действие свои потешные туши. Вот тут-то я и понял, почему он так спокоен.

Все это время рука его была в портфеле, стоявшем сбоку, и, когда она вынырнула снова, я отметил, как блеснул серый металл. Пистолет был большой. Барнс небрежно держал его в районе своего паха, нацелив точно в область моего живота, а расстояние между нами было не больше восьми футов.

– Смотри-ка, Пиноккио! – воскликнул я. – Кажется, у мистера Барнса вот-вот случится эрекция. Это у вас там на коленках случайно не «кольт-дельта-элит»?

На этот раз он ничего не ответил. Просто смотрел.

– Десять миллиметров, – не унимался я. – Пушка для тех, у кого либо пенис с ноготок, либо проблемы по части стрельбы.

Я лихорадочно соображал, как преодолеть эти восемь футов, чтобы он не успел всадить в меня пулю. Задача сложная, но, в принципе, выполнимая. Конечно, если ты мужик с яйцами. И останешься с ними.

Должно быть, он прочел мои мысли, так как взвел курок. Очень медленно. Надо признать, щелчок прозвучал убедительно.

– Вы знаете, что такое «Глейзер», а, Томас?

Он говорил очень мягко, почти мечтательно.

– Нет, Расти. Я не знаю, что такое «Глейзер». Это, случаем, не ваша надежда уморить

меня занудством, вместо того чтобы просто меня пристрелить? Кончайте!

– Пуля «Глейзер», Томас, – это такая маленькая чашечка из меди. Заполненная зарядом чистого свинца в жидком тефлоне. – Он подождал, пока я переварю, хотя прекрасно знал, что все это мне хорошо известно. – При ударе «Глейзер» гарантированно отдает мишени девяносто пять процентов своей энергии. Никаких ран навывлет, никаких рикошетов – один сплошной нокдаун. – Немного помедлив, он глотнул виски. – Большие-большие дырки, Томас.

Должно быть, мы оставались в таком положении довольно долго: Барнс – вкушающий виски, и я – вкушающий жизнь. Я чувствовал, что вспотел, лопатки нещадно чесались.

– О'кей, – сказал я наконец. – Возможно, я не стану убивать вас именно сейчас.

– Рад слышать, – ответил Барнс после довольно долгого молчания. Но «кольт» даже не шелохнулся.

– Большая дырка в моем теле вряд ли вам сильно поможет.

– Но и не сильно навредит.

– Мне нужно поговорить с ней, Барнс. Я здесь только из-за нее. Если я с ней не поговорю, то ваша затея потеряет всякий смысл.

Прошла еще пара сотен лет, прежде чем мне вдруг показалось, что Барнс улыбается. Я не знал – чему и когда появилась улыбка. Это было все равно как сидеть в кино перед началом сеанса и пытаться определить, действительно свет потихоньку гаснет или тебе это только кажется.

И тут меня словно стукнуло. Вернее сказать, приласкало. «Флер де флер» от Нины Риччи, в концентрации один к миллиарду.

Мы сидели на берегу реки. Только я и она. Само собой, Карлы тоже топтались где-то неподалеку, но Барнс велел им держать дистанцию, и они ее держали. Лунный свет разрезал воду прямо до места, где мы сидели, озаряя лицо Сары теплым, молочным сиянием.

Она выглядела ужасно и в то же время потрясающе. Чуть похудела и явно плакала больше, чем нужно. Они рассказали ей о смерти отца двенадцать часов назад, и сейчас мне больше всего на свете хотелось обнять ее за плечи. Но почему-то я подумал, что это будет не к месту. Сам не знаю почему.

Какое-то время мы молчали, глядя поверх речной глади. На прогулочных катерах погасили свет, настало время уток. По обе стороны лунного пятна река была темна и недвижна.

– Вот, – сказала она.

– Да, – сказал я.

Снова наступило долгое молчание. Каждый из нас думал о том, что нужно сказать. Это было как большой бетонный шар, который тебе позарез надо поднять. И вот ты все ходишь и ходишь кругами в поисках подходящего места, чтобы ухватиться, а его там просто нет.

Сара сделала заход первой:

– Скажи честно. Ведь ты не поверил нам?

Она едва не засмеялась, и я едва не ответил, что ведь и она не поверила мне, когда я говорил, что не пытался убить ее отца. Но вовремя остановился.

– Нет, не поверил.

– Ты подумал, это шутка? Пара сбрендивших янки, которым всюду мерещатся призраки?

– Что-то вроде того.

Она разрыдалась, и мне пришлось пережить, пока шквал утихнет. Дождавшись, я прикурил две сигареты и одну протянул ей. Она глубоко затянулась и затем каждые несколько секунд щелчком стряхивала несуществующий пепел в реку. Я же изо всех сил делал вид, что не наблюдаю за ней.

– Сара. Прости меня. За все. За все, что случилось. И за тебя. Я хочу... – Хоть убей, но я никак не мог придумать, что сказать. Просто чувствовал, что должен говорить. – Я хочу все исправить. Хоть как-то. То есть я знаю, что твой отец...

Она подняла на меня глаза и улыбнулась – так, словно хотела сказать, чтобы я не переживал.

– Но ведь всегда есть выбор, – продолжал я нести ахинею, – как поступить – правильно или неправильно. И неважно, что произошло. На этот раз я хочу поступить правильно, Сара. Ты

понимаешь?

Она молча кивнула. Что с ее стороны было чертовски вовремя, поскольку я не имел ни малейшего понятия, о чем говорю. Мне хотелось сказать ей так много, но моих мозгов катастрофически не хватало, чтобы грамотно рассортировать слова. Почтовое отделение за три дня до Рождества – вот что напоминала сейчас моя голова.

Она тяжело вздохнула.

– Он был хорошим человеком, Томас.

Ну что на это ответишь?

– Я уверен. Мне он понравился.

И это было правдой.

– Я поняла это только год назад. Знаешь, ведь о родителях, ну, вроде как никогда не думаешь, что они такие-то или какие-то иные, правда? Что они хорошие или плохие. Они просто родители. Они просто есть. – Она замолчала. – Пока их не станет.

Мы снова уставились на реку.

– А твои родители живы?

– Нет. Мой отец умер, когда мне было тринадцать. Сердечный приступ. А мама – четыре года назад.

– Прости, мне очень жаль.

Даже не верилось. Она старалась быть вежливой посреди всего этого.

– Ничего. Ей было шестьдесят восемь.

Сара прижалась ко мне, и я вдруг понял, что говорю почти шепотом. Даже не знаю почему. Возможно, из уважения к ее горю, а может, мне просто не хотелось, чтобы мой голос потревожил ее внезапное спокойствие.

– Скажи, а что ты чаще всего вспоминаешь, когда думаешь о своей матери?

Это был не ритуальный вопрос. Похоже, Саре действительно хотелось услышать ответ. Словно она и вправду не прочь была узнать историю моей жизни.

– Чаще всего? Время с семи до восьми вечера, каждый день.

– Почему?

– Она выпивала джин с тоником. Ровно в семь. Один стакан. И на этот час становилась самой счастливой, самой веселой женщиной из всех, кого я знал.

– А потом?

– Потом? Грустной. По-другому и не скажешь. Она вообще была очень грустной, моя мама. Из-за отца – да и из-за себя тоже. Будь я ее лечащим врачом, прописывал бы ей джин с тоником по шесть раз в день. – На какое-то мгновение мне даже показалось, что я вот-вот расплачусь. Но это прошло. – А у тебя?

Ей не нужно было надолго задумываться, но она все равно выждала какое-то время, прокручивая воспоминания в голове и заставляя себя улыбнуться.

– А у меня о матери счастливых воспоминаний нет. Она начала трахаться со своим тренером по теннису, когда мне было двенадцать, а следующим летом исчезла вообще. Самое лучшее, что когда-либо случалось в нашей жизни. Мой отец... – она даже закрыла глаза от теплоты воспоминания, – учил нас с братом играть в шахматы. Нам тогда было лет восемь или девять. Майкл был очень сообразительный – схватывал все налету. Я, конечно, тоже была девчонка толковая, но Майкл все равно был лучше. Пока мы учились, отец играл с нами без королевы. Он всегда играл черными и всегда без королевы. И даже потом, когда у нас с Майклом стало получаться все лучше и лучше, он все равно не ставил ее на доску. Так и продолжал играть без королевы, даже когда Майкл начал ставить ему мат в десять ходов. Дошло до того, что Майкл тоже стал играть без королевы и все равно выигрывал. Но папа упорно стоял на своем, проигрывая партию за партией, и так ни разу и не сыграл полным комплектом фигур.

Она рассмеялась и откинулась назад, опершись локтями о землю.

– На пятидесятилетний юбилей отца Майкл подарил ему черную королеву в маленькой деревянной коробочке. Отец не смог сдержать слез. Правда, странно? Видеть, как твой отец плачет? Я думаю, ему слишком нравилось наблюдать, как мы набираемся опыта и сил. И нравилось наблюдать, как мы побеждаем.

И тут слезы подкатили гигантской волной и с грохотом накрыли ее худенькую фигурку, сотрясая так, что она едва могла дышать. Я лег рядом и обнял ее: крепко прижал к себе, защищая от всего, что творилось вокруг.

– Все хорошо, – шептал я. – Все хорошо.

Но конечно же, все было плохо. Еще как плохо.

16

*Бессмертным языком она вибрирует умело,
Божественно, о да! Но вечно не по делу.
Эдвард Юнг*

Пражский рейс был охвачен паникой из-за бомбы. Никакой бомбы, но очень много паники.

Мы только-только расселись по креслам, как из динамиков раздался голос пилота, приказывающий всем пассажирам покинуть самолет – и как можно скорее. Никаких вам «леди и джентльмены, от имени компании „Бритиш эруэйз“» или чего-нибудь в этом роде. Просто выметайтесь, и в темпе.

Нас загнали в какой-то сиреневый отстойник, где стульев оказалось на десяток меньше, чем пассажиров, никакой музыки, да к тому же не разрешали курить. Хотя мне лично как раз разрешили. Обильно наштукатуренная дамочка в униформе велела немедленно потушить сигарету, но я объяснил, что я астматик, а сигарета – мое травяное лекарство для расширения сосудов, которое мне предписано принимать в стрессовых ситуациях. Естественно, я тут же стал объектом всеобщей ненависти, причем курильщики явно ненавидели меня сильнее некурящих.

Когда же мы наконец прошаркали обратно в самолет, все пассажиры, как один, заглянули под свои кресла, опасаясь, что полицейская собачка именно сегодня подцепила насморк и куда-нибудь завалилась та самая маленькая черная сумочка, которую так и не нашли саперы.

Был такой случай. Один человек обратился к психиатру: его буквально сводило от ужаса, когда нужно было куда-нибудь лететь. В основе его фобии лежало глубокое убеждение, что на какой бы самолет он ни сел, там непременно окажется бомба. Психиатр попробовал как-то переориентировать его фобию, но не смог. И тогда решил послать пациента к специалисту по статистике. Потыкав в калькулятор, статистик сообщил, что шансы против того, что на борту следующего рейса окажется бомба, равны полмиллиона к одному. Однако паникера это все равно не обрадовало – он был по-прежнему убежден, что обязательно окажется именно на том самолете, единственном из полумиллиона. Статистик снова потыкал в калькулятор и сказал: «Хорошо, тогда ответьте мне: вы будете чувствовать себя в безопасности, если шансы против того, что на борту окажутся две абсолютно не связанные друг с другом бомбы, составят десять миллионов к одному?» Человек поначалу выглядел озадаченным, а потом сказал: «Да, это, конечно, здорово, но мне-то от этого какая польза?» На что статистик спокойно ответил: «Все очень просто. В следующий полет возьмите бомбу с собой».

Я рассказал эту историю бизнесмену из Лестера в сером костюме, сидевшему в соседнем кресле. Но тот почему-то даже не улыбнулся. Вместо этого он вызвал стюардессу и сказал, что, похоже, у меня в багаже бомба. Мне пришлось еще раз рассказывать свою историю стюардессе, а затем второму пилоту, который слушал, сердито шевеля бровями. Да чтоб я еще хоть раз попытался завязать вежливый разговор с соседом?! Да никогда в жизни!

Возможно, я неверно оценил, как люди относятся к бомбам на самолетах. Все может быть. Хотя более вероятным объяснением можно считать следующее: я был единственным на рейсе, кто знал, откуда исходил ложный звонок насчет бомбы и что он означал.

Это был первый, пробный, чуть неуклюжий шаг в антитеррористической операции «Сухостой».

Пражский аэропорт оказался лишь немногим больше вывески «Пражский аэропорт» на его фасаде. Ее чудовищные, сталинские масштабы заставили меня задуматься: а не водрузили ли вывеску еще до того, как придумали радионавигацию, чтобы пилоты без труда могли разглядеть ее, пролетая над серединой Атлантики?

Внутри... ну а что внутри? Аэропорт есть аэропорт. И абсолютно неважно, в какой стране мира вы находитесь. Каменные полы, чтобы возить багажные тележки; сами багажные тележки; киоски с ремнями из крокодиловой кожи, которые никто, за тысячи лет цивилизации, ни разу так и не купил – и никогда не купит.

Похоже, новость о счастливом избавлении чехов из ненасытной советской утробы пока не дошла до сотрудников иммиграционной службы, которые сидели в своих стеклянных будках, продолжая вести «холодную войну» каждым щелчком своих глаз, с отвращением перескакивающих от фотографии в паспорте к самому представителю загнивающего империализма. Я как раз и был самым что ни на есть империалистом, поскольку по глупости вырядился в гавайскую рубашку, которая, как я полагаю, лишь акцентировала мой декаданс. Что ж, в следующий раз буду умнее. Если только к следующему разу не найдется кто-то, кто разыщет ключ от стеклянных клеток и сообщит этим бедолагам, что теперь они с Евро-Диснейлендом по одну сторону баррикад. Я решил попытаться выучить, как будет по-чешски «я буду чертовски скучать».

Обменяв немного денег, я вышел на улицу взять такси. Вечер выдался прохладный, а из-за широких сталинских луж, разбрызгивавших по небу серо-голубые отражения новеньких неоновых реклам, он казался еще прохладнее. Я обогнул здание аэропорта, и ветер тут же приветственно кинулся мне навстречу, облизнув лицо отдающим соляжкой дождем, а затем игриво запрыгал вокруг ног, дергая за брючины. Секунду я постоял, впитывая своеобразие окружающего мира и с тяжестью в душе сознавая, что мир этот совсем-совсем иной – во всех смыслах и отношениях.

В конце концов я нашел такси и на беглом английском объяснил водителю, что мне нужно к Вацлавской площади. Теперь-то я знаю, что такая просьба фонетически идентична фразе на чешском: «Я обычный придурок-турист, так что, пожалуйста, обдерите меня как липку». Машина оказалась «татрой», а водитель – полным придурком: он гнал как сумасшедший, что-то весело мурлыча себе под нос, словно человек, только что сорвавший хороший куш на футбольном тотализаторе.

Это был один из самых замечательных городских видов, какие когда-либо попадались мне на глаза. Оказывается, Вацлавская площадь – вовсе никакая не площадь, а широченный бульвар, спускающийся под уклон от впечатляющего своими размерами здания Национального музея. Даже если бы я вообще ничего не знал об этом месте, то все равно бы ощутил его значимость. Сама история, древняя и современная, прошла по этой полумиле серо-желтого булыжника крупными мазками, оставив свой неповторимый запах. *L'Air Du Temps de Praha*. Пражские весны, лета, осени и зимы. Они приходили и уходили и, вероятно, придут и уйдут еще не раз.

Когда таксист объявил, сколько с меня, мне пришлось потратить несколько минут, объясняя, что вообще-то я не собирался покупать его автомобиль – я всего лишь хотел расплатиться за те пятнадцать минут, что провел в нем. На что получил ответ, что это лимузинный сервис. По крайней мере, он несколько раз повторил слово «лимузин» и очень много пожимал плечами. В конце концов таксист согласился умерить свои запросы до всего лишь астрономических. Я закинул сумку на плечо и зашагал в город.

Американцы велели мне самому найти себе жилье, а единственный беспроигрышный способ выглядеть как человек, потративший кучу времени на поиски жилья, – это потратить кучу времени на поиски жилья. Поэтому я перешел на умеренный походный марш и примерно за два часа обошел Прагу-1 – центральный район старого города. Двадцать шесть церквей, четырнадцать галерей и музеев, опера – где еще мальчишкой Моцарт ставил свой первый спектакль «Дон Джованни», – восемь театров и «Макдоналдс». Перед последним растянулась

очередь ярдов на пятьдесят.

Я зашел в несколько пивных – приобщиться к новой для меня среде. Среду подавали в высоких, прямых стаканах с надписью «Будвайзер». Я пил пиво и наблюдал за тем, как ходит, говорит, одевается и развлекается современный чех. Большинство официантов принимали меня за немца-туриста – довольно простительная ошибка, учитывая то, что город ими буквально кишел. Они передвигались группами человек по двенадцать, с огромными рюкзаками и толстенными ляжками, растягиваясь длинной вереницей, когда переходили улицу. Хотя, конечно, для большинства немцев Прага – это несколько часов езды на быстром танке, так стоит ли удивляться, что они относятся к этому городу как к задворкам своего сада?

В кафе у реки я заказал тарелку вареной свинины с кнедликами, а затем, послушавшись совета супружеской пары из Уэльса за соседним столиком, отправился на прогулку через Карлов мост. Мистер и миссис Уэльс уверяли, что это поистине бесподобное сооружение, однако разглядеть его мне так и не удалось – спасибо тысячам уличных музыкантов, что задрапировали собой каждый ярд парапета и поголовно распевали что-нибудь из Боба Дилана.

Жилье я нашел в «Злата Праге» – невзрачного вида пансиончике на горе неподалеку от замка. Хозяйка предложила на выбор комнату большую, но грязную, либо маленькую, но чистую, и я остановился на большой и грязной, подумав, что убраться смогу и сам. Но очень быстро осознал свою опрометчивость. Ведь я и свою-то квартиру толком ни разу в жизни не убирал.

Распаковав вещи, я улегся на кровать и закурил. Я думал о Саре, о ее отце и о Барнсе. И еще я думал о своих родителях, о Ронни, вертолетах, мотоциклах, немцах и гамбургерах из «Макдоналдса».

О чем я только не думал.

Когда я проснулся, часы показывали восемь. Шум за окошком свидетельствовал о том, что город, потягиваясь, нехотя берется за работу. Единственный незнакомый звук шел от трамваев, с шипением и грохотом прокладывающих себе путь через бульжные мостовые и городские мосты. Я прикидывал, остаться ли мне в гавайской рубашке или все же переодеться.

В девять часов я уже шагал по центральной площади, не зная, как отделаться от назойливого усача-коротышки, зазывавшего меня на экскурсию в конной пролетке. Похоже, я был просто обязан поверить в подлинность его антикварной колымаги, но даже при беглом осмотре она напомнила мне британский «мини-моук», из которого вынули двигатель, а в дырки для фар всунули лошадиные оглобли. Раз десять я сказал «спасибо, не надо» и один раз – «пошел на хрен».

Я искал кафе с большими зонтами «Кока-Кола» над столиками. Именно так мне сказали. «Как доберешься, Том, сразу увидишь кафешку с зонтами „Кока-Кола“ над столиками». Не сказали мне другого – то ли забыли, то ли просто не сообразили, – что кока-кольный парнишка отличается просто фантастической добросовестностью, и эти самые зонты понатыкал по меньшей мере в двадцати заведениях. Тогда как его конкурент из «Кэмел» отметился лишь дважды, так что хладный труп этого нерадивого бездельника наверняка гниет где-нибудь в сточной канаве, тогда как пронира кока-колыцик обзавелся почетной медной дощечкой и личным местом на парковке перед штаб-квартирой родной компании в Юте.

Кафе я обнаружил через двадцать минут. «Николас». Два фунта за чашечку кофе.

Они говорили, чтобы я сразу же прошел внутрь, но утро было такое замечательное, и абсолютно не хотелось корчить дрессированную обезьяну, так что я устроился за столиком на улице – с видом на площадь и снующих мимо немцев. Я заказал кофе – и тут же отметил, как из кафе выскочила парочка типов и оккупировала столик по соседству. Оба были молодые, тренированные и в солнцезащитных очках. Ни один даже не покосился в мою сторону. Вероятно, парни проторчали внутри не меньше часа, занимая выгодную для встречи позицию, а я взял и все испортил.

Отлично.

Я пододвинул стул поудобнее и на минутку прикрыл глаза, давая солнцу возможность протиснуться сквозь вороньи лапки ресниц.

И тут услышал знакомый голос.

– Командир. Какое редкое и необычное удовольствие.

Я обернулся. Человек в коричневом плаще шурился на меня сверху вниз.

– У вас не занято?

Соломон уселся, не дожидаясь ответа. Я смотрел на него в безмолвном изумлении. Через какое-то время мне все-таки удалось немного прийти в себя и я сказал:

– Привет, Давид.

Пока он сигнализировал официанту, я выбил сигарету из пачки. Время от времени я быстро взглядывал на очкариков, но стоило мне повернуть голову, как они тут же принимались тарашиться куда-то вдаль.

– *Кава, просим,* – сказал Соломон с очень неплохим, на мой взгляд, акцентом. И повернулся ко мне. – Хороший кофе, ужасная еда. Так я и писал в своих открытках.

– Это не ты.

– Не я? А кто же?

Я не мог оторвать от него взгляда. Все это было более чем неожиданно.

– Ладно, спрошу иначе. Это ты?

– В смысле, я ли это сижу сейчас перед вами? Или я – тот, с кем вы должны встретиться?

– Давид.

– И то и другое, сэр. – Соломон отклонился назад, давая официанту возможность сгрузить кофе с подноса. Сделав маленький глоток, он одобрительно причмокнул губами. – Мне оказана честь быть вашим инструктором, командир, все то время, пока вы будете находиться на данной территории. Надеюсь, наши отношения окажутся полезными для обеих сторон.

Я легонько кивнул в направлении очкариков:

– А эти с тобой?

– Отличная мысль, командир. Не скажу, что они от нее в восторге, но ничего не поделаешь.

– Американцы?

Он утвердительно кивнул:

– Стопроцентные. Вся эта операция очень и очень совместная. Гораздо более совместная, чем все наши операции за последнее время. В общем, это даже хорошо.

Я ненадолго задумался.

– Но почему они мне ничего не сказали? Я имею в виду, ведь они в курсе, что мы знакомы, так почему не сказать мне?

Он пожал плечами:

– Разве мы не всего лишь зубчики в гигантской шестеренке, а, сэр?

О да.

Разумеется, мне хотелось расспросить Соломона.

Мне хотелось вернуться к самому началу – восстановить все, что нам известно о Барнсе, О'Ниле, Умре, «Сухостое» и «Аспирантуре», – чтобы мы вдвоем смогли установить тригонометрию всей этой неразберихи и, возможно, даже разметить курс на выход из нее.

Однако были кое-какие причины, по которым я не мог этого сделать. Основательные, серьезные причины, они нагло тянули руки вверх, требуя, чтобы их выслушали. После того как я все расскажу, Соломону останется одно из двух: либо поступить правильно, либо поступить неправильно. Правильный поступок, вероятнее всего, приведет к тому, что нас с Сарой убьют, и уж точно никак не предотвратит катастрофу. Да, он может задержать операцию, из-за него ее даже могут перенести на другое время и другое поле, но остановить ее правильный поступок не в силах. Ну а о поступке неправильном лучше не думать вовсе. Потому что неправильный поступок означал бы, что Соломон играет за другую команду, а при таком раскладе, как известно, дружба дружбой, а табачок врозь.

Словом, я предпочел придержать язык и просто слушать, как Соломон пробегается по убористому тексту, поясняя, каких действий от меня ожидают в течение ближайших сорока восьми часов. Он говорил быстро, но спокойно, и за полтора часа мы успели довольно много – исключительно благодаря тому, что Соломон не повторял через фразу «это очень важно», как

это делали американцы. Очкарики все пили кока-колу.

До вечера я был предоставлен самому себе, и поскольку все шло к тому, что свободное время мне теперь выпадет очень и очень не скоро, я решил потратить его как можно экстравагантнее. Я пил вино, читал старые газеты, слушал что-то из Малера на открытой площадке – другими словами, развлекался как истинный джентльмен на отдыхе.

В одном из баров я познакомился с француженкой. Она сказала, что работает в компьютерной компании, а я полюбопытствовал, не желает ли она заняться со мной сексом. Но она лишь пожала плечами, чисто по-французски, что я интерпретировал как «нет».

Назначено мне было на восемь вечера, а потому я вполне намеренно проторчал в кафе до десяти минут девятого – гонял по тарелке очередную порцию вареной свинины с кнедликами и курил без меры. Оплатив счет, я окунулся в вечернюю прохладу и наконец-то ощутил, как в предвкушении действия встряхнулся пульс.

Я знал, что у меня нет причин чувствовать себя хорошо. Я знал, что работа, которая мне предстоит, практически невыполнима, что передо мной долгий и каменистый путь, где заправочных станций – раз и обчелся, и что все мои шансы выйти сухим из воды растаяли без следа.

Но по какой-то – сам не знаю по какой – причине я чувствовал себя превосходно.

Соломон ждал в условленном месте с одним из очкариков. Хотя сейчас, разумеется, очков на нем не было, поскольку дело шло к ночи, так что пришлось оперативно придумывать ему новую кличку. Уже через несколько мгновений он превратился в Неочкарика. Все-таки есть, наверное, во мне что-то индейское.

Я извинился за опоздание. Соломон улыбнулся и ответил, что я как раз вовремя, – я даже скрипнул зубами от раздражения, – а затем все троим мы влезли в грязный, серый дизельный «мерседес» – причем Неочкарик сел за руль – и покатали к восточному выезду из города.

Через полчаса мы покинули предместья Праги и дорога сузилась до двух полос, по которым мы и двигались неторопливым аллюром. Нет более надежного способа завалить секретную операцию в тылу врага, как попасться на превышении скорости. Похоже, Неочкарик усвоил этот урок довольно хорошо. Мы с Соломоном перекидывались редкими замечаниями по поводу окружающих пейзажей: сколько тут зелени, и как местами похоже на Уэльс – хотя я не уверен, что кто-то из нас там бывал. Но по большей части мы молчали. За окнами мелькала Европа, а мы развлекались, рисуя на запотевших стеклах: Соломон – цветочки, я – веселые рожицы.

Еще через час появились указатели на Брно. Вот ведь названьице! Что на глаз, что на слух. Но я почему-то был уверен, что так далеко мы не поедem. Мы свернули на север, к Костелеце, а затем, почти сразу же – снова на восток, по еще более узкой дороге, вообще без всяких указателей. Что, похоже, подводило итог нашему путешествию.

Попетляв несколько миль по темному сосновому бору, Неочкарик переключился на габариты, что окончательно сбilo нам скорость. Еще через несколько миль он погасил свет совсем и велел мне затушить сигарету: она, мол, мешает его ночному видению.

И тут, совершенно неожиданно, мы прибыли.

Они держали его в подвале деревенского дома. Как долго – я не мог сказать. Зато я мог сказать, что осталось уже недолго. Он был примерно моего возраста, примерно моего роста и, вероятно, весил примерно с меня до того, как они перестали его кормить. Они сказали, что его зовут Рикки и что он из Миннесоты. Но они не сказали, что Рикки напуган до безумия и очень хочет обратно в Миннесоту, – это было ясно и без слов. Страх буквально плескался в его глазах, не заметить его мог только слепой.

Рикки бросил, когда ему стукнуло семнадцать. Бросил школу, бросил семью, бросил практически все, что только может бросить молодой пацан. Но очень скоро он обзавелся альтернативными вещами, которые помогли ему почувствовать себя гораздо увереннее. Во всяком случае, на какое-то время.

Однако сейчас в Рикки не осталось и следа уверенности. Скорее всего, потому, что его угораздило вляпаться в ситуацию, не слишком способствующую уверенности: когда ты совершенно голый сидишь в погребе чужого дома, в чужой стране, окруженный плящущимися на тебя чужаками, одни из которых увлеченно причиняют тебе боль, а другие дожидаются своей очереди. Я понимал, что в мозгу у Рикки сейчас мелькают кадры из сотен кинофильмов, где главный герой, связанный по рукам и ногам, расправляет плечи и, гордо откинув голову, с дерзкой ухмылкой посылает своих мучителей на три буквы. И Рикки, как и миллионы таких же подростков, сидит во тьме кинотеатра, вздохнув постигая урок: вот как должны вести себя настоящие мужчины, попавшие в беду. Сначала они сносят все мучения, а затем они мстят.

Однако, будучи мальцом не шибко умным – «простым как ситцевые трусы», или как там говорят у них в Миннесоте, – Рикки упустил из виду те важные преимущества, что имелись у целлулоидных богов. На самом деле преимущество было лишь одно – но зато какое! В фильмах все было не по-настоящему. Честное слово. Все там – лажа.

В реальной жизни – и тут я заранее прошу прощения, если вдруг разрушаю чьи-то дорогие сердцу иллюзии, – люди, оказавшись в ситуации Рикки, никого не посылают на три буквы. Они не красуются, дерзко ухмыляясь, не плюют врагам в лицо, и уж само собой, естественно, определенно, категорически не освобождаются от веревок одним-единственным рывком. В реальной жизни они дрожат, рыдают, умоляют о пощаде и зовут маму. У них льется из носа, их ноги трясутся, и они хныкают как дети. Вот каковы все мужчины – да, собственно, и все люди – и вот что такое реальная жизнь.

Прошу меня простить, но так оно и есть.

Когда-то мой отец выращивал на своем огорожке клубнику. Он накрывал ее сеткой от птиц. Но время от времени какая-нибудь пичуга, углядев на земле что-то жирное, красное и сладкое, набиралась смелости, ныряла под сетку, хватала ягоду и тут же рвала когти. И иногда птичке удавалось справиться с первыми двумя пунктами – нет, я серьезно, никаких проблем, все работало как часы, – но с третьим они лажались по полной. Птицы застревали в мелкой сетке, и дальше были сплошь пронзительные вопли и лихорадочное хлопанье крыльями, а отец, отрываясь от картофельной борозды, подзывал меня свистом и посылал освободить застрявшую птицу. Очень-очень осторожно. Прижать, распутать и отпустить на волю.

Это занятие я ненавидел больше всех остальных дел на планете детства.

Страх пугает. Это самая жуткая из всех эмоций, за которыми мне доводилось наблюдать. Одно дело – и, кстати, зачастую то еще дело – птица в припадке ярости; но птица в припадке страха – этот трепещущий, дергающийся сгусток пернатой паники с широко раскрытыми глазенками – это совсем, совсем другое дело, с которым я никогда не хотел больше встречаться. Но пришлось.

– Дерьмо вонючее!

Это был один из американцев. Он только что вошел на кухню и сразу же занялся чайником.

Мы с Соломоном переглянулись. Минуло уже двадцать минут с тех пор, как они увели Рикки, а мы все так и сидели за столом, не вымолвив ни слова. Я знал, что Соломон потрясен не меньше моего, а он знал, что я об этом знаю, так что мы просто сидели, занимаясь каждый своим делом: я – уставившись в стену, он – царапая стул ногтем большого пальца.

– И что с ним теперь будет? – спросил я наконец, не сводя глаз со стены.

– Не ваша проблема, – сказал американец, высыпая ложку кофе в кофейник. – Да и вообще уже ничья, после сегодняшнего.

Сейчас мне кажется, что он даже засмеялся, но тогда я вряд ли услышал его смех.

Рикки был террористом. Так думали про него американцы и потому люто его ненавидели. Они ненавидели любых террористов, но Рикки – особенно. Он отличался от прочих, потому что был американским террористом, – и это заставляло их ненавидеть его пуще всех остальных террористов. Американский террорист – это же не лезет ни в какие ворота. До взрыва в Оклахома-Сити для среднестатистического американца бомбометание в общественных местах было всего лишь одним из старомодных европейских обычаев – чем-то вроде корриды или

балета. А если обычай и разносился куда из Европы, то, разумеется, на восток – к верблюжьим жокеям, сыновьям и дочерям ислама. Взрывы в супермаркетах и посольствах, снайперская стрельба по членам правительства, угоны «боингов» во имя чего угодно, кроме денег, – все это было решительно не по-американски и не по-миннесотски. Но Оклахома-Сити изменил многое, причем к худшему, и теперь Рикки приходилось сполна расплачиваться за свою идеологию.

Рикки был американским террористом, и он подвел свою команду.

В Прагу я вернулся с рассветом, но до постели не добрался. Вернее, до постели-то я добрался, но в нее не лег. Я сидел на краю кровати – с наполняющейся пепельницей и пустеющей пачкой «Мальборо» в руках – и тупо смотрел в стену. Будь в комнате телевизор, я, возможно, таранился бы в него. А может, и нет. Десятилетней давности мыльная опера, дублированная на немецкий, не намного интереснее пустой стенки.

Они сказали, что полиция явится в восемь, но уже в начале восьмого я услышал, как первый башмак ступил на первую ступеньку. Эта маленькая хитрость, по-видимому, должна была гарантированно обеспечить заспанные глаза и полную растерянность с моей стороны – на тот случай, если я вдруг окажусь не в состоянии убедительно все это изобразить. Ну что за люди – никакой веры.

Их набралось не меньше десятка – и все в форме. Мальчишки явно перестарались, устроив настоящее шоу: пинком выбили дверь, а потом громко орала и сшибали все вокруг. Их вожак немного говорил по-английски, но, видимо, все же недостаточно, чтобы понять фразу «пустите, мне больно». Они сволокли меня вниз по лестнице на глазах у побледневшей хозяйки – которая, вероятно, надеялась, что времена, когда жильцов ни свет ни заря запикивают в «воронок», канули безвозвратно. Взъерошенные головы остальных моих соседей по пансиону испуганно выглядывали в приоткрытые двери номеров.

В отделении меня сначала продержали в какой-то комнате – ни тебе кофе, ни сигарет, ни дружелюбных лиц, – а затем, после очередных окриков, оплеух и тычков, затолкали в камеру: *sans* ремня, *sans* шнурков.

Хотя в целом ребята сработали весьма эффективно.

В камере оказалось еще двое обитателей – оба мужчины, и оба даже не потрудились встать, когда я вошел. Один, вероятно, не смог бы, даже если бы и очень захотел. Лично я за всю свою жизнь ни разу не надирался до такого состояния. Ему было под шестьдесят, и он пребывал в полной отключке. Алкоголь сочился у него отовсюду, а голова свесилась на грудь так низко, что с трудом верилось, что у него вообще имеется позвоночник, на котором держится все остальное.

Второй был помоложе, посмуглее, в футболке и штанах цвета хаки. Он взглянул на меня всего лишь раз – с головы до ног и обратно – и захрустел костяшками пальцев. Я поднял алкаша со стула и переложил, не слишком аккуратно, в угол камеры. Затем уселся напротив Футболки и закрыл глаза.

– Дойч?

Я не мог сказать, как долго я проспал, поскольку часы у меня тоже отобрали – по-видимому, на случай, чтобы я не умудрился придумать какой-нибудь способ повеситься на них, – но затекшая задница подсказывала, что прошло не меньше двух часов.

Алкаш куда-то исчез, а Футболка сидел на корточках сбоку от меня.

– Дойч? – еще раз вопросительно повторил он.

Я отрицательно покачал головой и снова прикрыл глаза, в последний раз затягиваясь самим собой, прежде чем шагнуть в новую личность.

Я услышал, как Футболка чешется. Долгие, медленные, задумчивые почесывания.

– Американ?

Я кивнул, по-прежнему не открывая глаз, – и вдруг почувствовал непривычное спокойствие. Насколько же, оказывается, легче быть кем-то другим.

Футболку продержали еще четыре дня, меня – десять. Мне не разрешали бриться и курить, да и еда, похоже, весьма активно не поощрялась теми, кто ее готовил. Пару раз меня

допрашивали насчет бомбы на лондонском рейсе и предлагали взглянуть на фотографии – для начала на пару-тройку конкретных, а затем, когда ребята явно начали терять интерес, на всю картотеку правонарушителей, – но я взял себе за правило не особо вглядываться и зевал при каждой оплеухе, которой меня награждали.

На десятую ночь меня отвели в белую комнату и сфотографировали с сотни разных ракурсов. После чего вернули ремень и шнурки с часами. Они даже предложили мне побриться. Но поскольку рукоятка казенной бритвы выглядела намного острее лезвия, да и щетина явно способствовала моему перевоплощению, от бриться я отказался.

На улице было темно; темно и холодно. Небо жалко пыжилось, пытаюсь приснуть на землю, но выходило лишь что-то вроде «ох, отстаньте вы все от меня со своим дождем». Я брел не спеша, словно мне плевать на дождь – да и вообще на все, что еще может предложить жизнь на этом свете, – и надеялся, что долго ждать не придется.

Ждать не пришлось совсем.

Это оказался «порш-911», темно-зеленого цвета. И особого подвига в том, что я углядел его, не было: на улицах Праги «порш» – такая же диковина, как и я сам. Примерно сотню ярдов он медленно катил рядом со мной, а затем, похоже решившись, с ревом рванул вперед и затормозил у перекрестка. Когда мне до него оставалось ярдов десять, пассажирская дверца вдруг резко распахнулась. Я замедлил шаг, проверился спереди и сзади и сунул голову в салон – взглянуть на водителя.

Лет сорок пять, квадратная челюсть и волосы с проседью – символ успеха. Ребята из маркетинговой группы «Порш» с радостью выставили бы такого в качестве образца «типичного владельца» – если только он и в самом деле был владельцем. Что маловероятно, учитывая его профессию.

Хотя, конечно, в тот момент мне не полагалось знать о его профессии.

– Подвезти?

В принципе, он мог быть откуда угодно – вероятно, оттуда он и был. Заметив, что я обдумываю – то ли его предложение, то ли его самого, – водитель расщедрился на улыбку мол, ну что, по рукам? Очень хорошие зубы.

Я заглянул в салон. На крошечном заднем сиденье, сложенный чуть не пополам, ютился Футболка. Само собой, сейчас он был без футболки – сейчас на нем было нечто зловеще фиолетово-обтягивающее. Несколько секунд он наслаждался моей удивленной рожей, а затем кивнул – вроде как «здрасьте» и «залезай» в одном флаконе. Я послушался. Одним игривым рывком водитель отпустил сцепление и втопил газ, так что мне пришлось лихорадочно цепляться за открытую дверцу. Похоже, обоих это очень развеселило. Футболка, которого почти наверняка не звали Хьюго, как он представился, сунул мне под нос пачку «Данхилла». Я взял сигарету и вдавил прикуриватель.

– Куда едем? – поинтересовался водитель.

Я пожал плечами и ответил, что можно и в центр, хотя, в общем-то, без разницы. Он кивнул и принялся мурлыкать себе под нос. По-моему, Пуччини. А может, и Майкла Джексона. Я сидел и молча курил – так, будто для меня это дело привычное.

– Кстати, я – Грэг.

Водитель улыбнулся, а я подумал: дело, похоже, идет на лад.

Он оторвал руку от руля и протянул мне. Я пожал ее – коротко, но по-дружески – и взял паузу – показать, что я сам себе хозяин и говорю только тогда, когда мне хочется.

Через какое-то время он повернулся и посмотрел на меня. Тверже и строже. И уже не так дружелюбно. И тогда я ответил.

– А я – Рикки.

Часть вторая

Да это ж несерьезно!

Джон Макинрой

Теперь я – часть команды. Мы – группа. И мы – каста. Шесть наций, три континента, четыре религии и два пола – вот кто мы такие. Мы – счастливое братство. Плюс одна сестра – тоже счастливая и со своим отдельным туалетом.

Мы много работаем, много играем, много пьем – и спим тоже много. На самом деле мы вообще можем много чего. С оружием мы обращаемся так, что сразу становится ясно эти ребята знают, как обращаться с оружием, а наши политические дискуссии не оставляют никаких сомнений эти ребята смотрят в перспективу.

Мы – «Меч правосудия».

Лагерь мы меняем каждые две недели, так что на сегодняшний день мы, можно сказать, похлебали из рек Ливии, Болгарии, Южной Каролины и Суринама. Нет, разумеется, не в буквальном смысле – воду для питья нам доставляют в пластиковых бутылках дважды в неделю вместе с сигаретами и шоколадом. Похоже, на данный момент «Меч правосудия» определился в своих пристрастиях – «Бадуа». Водичка эта «слабо газированная», а значит, умудряется как-то примирять в себе и шипучую, и выдохшуюся фракции.

Не буду отрицать, последние несколько месяцев по-своему изменили каждого из нас. Тяжелая физподготовка, рукопашный бой, отработка способов связи, стрельба из разных видов оружия, тактическое и стратегическое планирование – все это поначалу проходило в жесткой атмосфере подозрительности и соперничества. К счастью, теперь все позади и на их месте буйным цветом расцвел искренний и грозный *esprit de corps*. Наконец-то, после тысячи повторов, мы научились понимать шутки друг друга, случались и любовные интриги, слава богу, мирно угасавшие сами собой, так и не успев толком разгореться. И еще мы по очереди готовим, искренне восхищаясь кулинарными способностями друг друга и встречая каждое коронное блюдо дружескими кивками и хором восторженного мычания. К примеру, мое коронное – я так понимаю, самое популярное из всех – это гамбургеры с картофельным салатом. А весь секрет в сыром яйце.

Сейчас середина декабря, и мы скоро отправляемся в Швейцарию, где планируем немного покататься на лыжах, немного развезаться – и заодно немного пострелять в одного голландского политика.

В общем, мы веселимся на всю катушку, живем хорошо и чувствуем свою значимость. Казалось бы, чего еще желать от жизни?

Нашего командира – в той мере, в которой мы признаем концепцию командирства, – зовут Франциско. Для одних – Фрэнсис, для других – Сиско. Для меня же – в моих секретных донесениях Соломону – он просто «Лесник». Франциско говорит, что родился в Венесуэле, что он пятый из восьми детей, а в детстве переболел полиомиелитом. У меня нет оснований сомневаться хоть в одном из его утверждений. Полагаю, именно полиомиелитом объясняется иссохшая правая нога и водевильная хромота, которая, кажется, то появляется, то исчезает в зависимости от его настроения. Латифа уверяет, что он красивый. Наверное, она права – если только вы любитель оливковой кожи и ресниц в три фута длиной. Он невысок и мускулист, и если б я искал актера на роль Байрона, то, вероятнее всего, позвонил бы Франциско – причем не в самую последнюю очередь из-за того, что актер он и в самом деле классный.

Для Латифы Франциско – героический старший брат, умный, чуткий, великодушный. Для Бернарда – беспощадный и хладнокровный профессионал. Для Сайруса и Хьюго – пылкий идеалист, которому всегда всего мало. Для Бенджамин – гипотетический схоласт, поскольку Бенджамин верует в Бога и хочет быть точно уверенным в каждом шаге. Ну а для Рикки, анархиста из Миннесоты с бородой и акцентом, Франциско – реальный кореш, любитель пива, рок-н-ролльщик и авантюрист, знающий наизусть почти весь репертуар Брюса Спрингстина. Он и правда может сыграть любую роль.

Если и существует настоящий Франциско, то, по-моему, однажды я видел его. Это было

на рейсе Марсель–Париж. Система такова, что путешествуем мы парами, но садимся отдельно друг от друга.

В тот раз я расположился в полудюжине рядов позади Франциско, сидевшего в кресле у прохода. Какой-то мальчонка лет пяти в передней части салона вдруг взялся хныкать и канючить. Мать отстегнула парнишку от кресла и повела к туалету, как самолет вдруг слегка качнуло, и мальчик нечаянно толкнул Франциско в плечо.

Франциско ударил его.

Несильно. И не кулаком. Будь я адвокатом, возможно, мне даже удалось бы убедить присяжных, что это был не более чем крепкий толчок, чтобы помочь ребенку удержать равновесие. Но я не юрист, и Франциско действительно его ударил. Не думаю, что это заметил кто-нибудь еще, а сам малыш так испугался, что даже перестал плакать. Эта реакция, да еще направленная на пятилетнего ребенка, достаточно много поведала мне о Франциско.

Ну, если не принимать во внимание этот случай, – бог свидетель, у всех выпадают черные дни – мы довольно неплохо ладим друг с другом. Нет, правда. Мы даже насвистываем за работой.

То единственное, что может нас сгубить – как сгубило практически каждое совместное предприятие в истории человечества, – еще не претворилось в жизнь. Поскольку мы – «Меч правосудия», зодчие нового порядка и знаменосцы свободы – абсолютно сознательно и добровольно моем посуду вместе.

Не знал, что такое вообще возможно.

Деревня Мюррен – ни машин, ни мусора, ни задержек по оплате счетов – прячется в тени трех знаменитых горных вершин. Это Юнгфрау, Менх и Айгер. Если вас интересуют разного рода легенды, то вы наверняка с удовольствием послушаете и эту. Рассказывают, что Монах (то есть Мёнх) всю свою жизнь занимается исключительно тем, что сторожит целомудрие Юной Леди (она же Юнгфрау) от посягательств злобного Великана (иными словами, Айгера). И с работой этой он успешно и без видимых усилий справляется аж со времен олигоцена, когда безжалостная геология, собственно, и вымугузила из себя три эти каменные глыбы.

Мюррен – маленькая деревушка практически без шансов когда-нибудь стать больше. Добраться сюда можно только вертолетом либо «канаткой», а потому количество пива с сосисками, которое можно поднять на гору для подкрепления сил ее обитателей и туристов, неограничено. Что, по большому счету, вполне устраивает местное население. В деревне три гостиницы, около дюжины пансионатов и сотня разбросанных по всему склону сельских домиков и шале, причем каждый увенчан той самой ненормально высокой наклонной крышей, благодаря которой все швейцарские строения выглядят вкопанными в землю. Правда, если учесть помешательство швейцарцев на ядерных бомбоубежищах, вполне возможно, что так оно и есть.

Хотя деревенька была зачата и выпестована каким-то англичанином, сегодня ее трудно назвать чисто английским курортом. Летом сюда съезжаются немцы и австрияки – побродить пешком и покрутить педали по окрестностям, а зимой собираются толпы лыжников: итальянцев, французов, японцев, американцев – в общем, всех, кто владеет международным языком богатых бездельников – языком горных лыж.

Швейцарцы же болтаются тут круглый год – делают деньги. Как известно, условия для этого вида спорта особенно хороши с ноября по апрель – при наличии нескольких магазинчиков лыжного снаряжения и пунктов обмена валюты. И как никогда высоки надежды, что на следующий год – кстати, давно пора – делание денег станет одним из олимпийских видов спорта. Швейцарцы втайне лелеют надежды на «золото».

Но есть и еще одна вещь, благодаря которой деревушка Мюррен стала особенно привлекательной для Франциско. Не забывайте, что это наш первый выход в свет, и все мы немножко нервничаем – даже Сайрус, а уж он-то у нас закаленный, как сталь. Все дело в том, что в силу своих размеров, национальной принадлежности, законопослушности и труднодоступности Мюррен не держит ни одного полицейского.

Даже на полставки.

Мы с Бернардом прибыли еще утром и зарегистрировались каждый в своей гостинице: он

– в «Юнгфрау», я – в «Айгере».

Молоденькая консьержка долго изучала мой паспорт – так, словно видела эту штуку впервые в жизни, – и еще минут двадцать мы с ней разбирали поистине феноменальный список вещей, которые непременно нужно узнать о вас управляющему любой швейцарской гостиницы, прежде чем вам позволят переспать на одной из их коек. Кажется, на секунду я застрял, припоминая имя отца моего школьного учителя географии, и определенно засомневался насчет почтового индекса повитухи, принимавшей роды у моей прабабушки, – зато все остальное прошло без сучка без задоринки.

Я распаковал вещи и переоделся в яркую оранжево-желто-сиреневую ветровку – именно такие полагается носить на лыжном курорте, если не хочешь бросаться в глаза. Выйдя из гостиницы, я бодро зашагал вверх по склону к деревне.

День выдался просто отменный – в такие дни понимаешь, что ведь может же Господь иногда и погоду нормальную сострять, и пейзаж красивый слепить. На спусках для начинающих было практически пусто – оставался еще целый час лыжного времени, прежде чем солнце нырнет за Шилтхорн и люди вдруг вспомнят, что находятся на высоте семь тысяч футов над уровнем моря в самый разгар декабря.

Я сидел на свежем воздухе перед баром и делал вид, будто пишу открытку. Время от времени я бросал взгляды на стадо фантастически юных французских детишек, паровозиком скользивших по склонам за своей инструкторшей. Каждый был размером с огнетушитель, и на каждом – не меньше чем на три сотни фунтов гортекса¹³ и гагачьего пуха. Длинной змейкой они вились за своей амазонистой лидершей – одни стоймя, другие согнувшись, а третьи вообще были такими мелкими, что невозможно было различить, стоймя они или согнувшись.

Я прикинул, как долго еще осталось ждать, прежде чем на лыжных склонах появятся беременные мамы, съезжающие прямо на своих круглых животах – выкрикивая технические инструкции и напевая что-нибудь из Моцарта.

Дёрк Ван дер Хоу прибыл в «Эдельвейс» в восемь часов того же вечера, в компании своей шотландки-жены Роны и двух юных дочурок. Путешествие было долгим – все-таки шесть часов от двери до двери, – и Дёрк чувствовал себя усталым, раздраженным и толстым.

Нынешние политики – люди, как правило, нетолстые: то ли потому, что стали больше работать, то ли просто современный электорат все же предпочитает выбирать тех, кто легко помещается в телеэкран. Но Дёрк выглядел так, будто намеренно противился общей тенденции. Он был физическим напоминанием о прошлом веке, когда политикой занимались с двух до четырех, прежде чем втиснуть пузо в фасонные брюки перед вечерним пикетом с фуа-гра. На нем был спортивный костюм и ботинки на меху – совершенно обычное дело, если ты голландец, – а на грудях болтались очки на розовом шнурке.

Они с Роной торчали посреди фойе, дирижируя перемещениями своего роскошного багажа, вдоль и поперек исписанного словами «Луи Вуиттон». Их дочери недовольно таранились в пол, глубоко погруженные в свой неистовый подростковый ад.

Я наблюдал из бара. Бернард – от газетного киоска.

«Завтра – пробная репетиция, – сказал вчера Франциско. – Делайте все на средней, даже на малой скорости. Если возникнет проблема или хотя бы намек на проблему, остановитесь и еще раз все перепроверьте. Генеральную репетицию – в полном темпе и с лыжной палкой вместо ружья – проведем послезавтра. Завтра же – просто попробуем».

Команда состояла из меня, Бернарда и Хьюго. Латифа оставалась в резерве – которым, как мы все надеялись, воспользоваться не придется, так как она не умела кататься на лыжах. Как, впрочем, и Дёрк – в Голландии найдется не много холмов выше сигаретной пачки. Но голландец заплатил за свой отпуск, а кроме того, договорился с фотокорреспондентом, который должен запечатлеть измученного заботами государственного деятеля на отдыхе, – и вообще будь он трижды проклят, если хотя бы не попробует.

¹³ Трехслойный водонепроницаемый материал, широко используемый в спортивной одежде.

Мы наблюдали, как Дёрк и Рона берут напрокат снаряжение, что-то бурча себе под нос и притопывая лыжными ботинками, потом мы наблюдали, как они тащатся вверх по склону «для малышей», то и дело останавливаясь, чтобы восхититься чудесными видами и заодно поправить сбрую, далее мы наблюдали, как Рона примеривается, готовая устремиться вниз, а Дёрк находит сто пятьдесят причин, чтобы не двигаться с места. И когда у нас уже начало зудеть во всех местах оттого, что приходится так долго торчать без дела на одном месте, мы, наконец, узрели, как заместитель министра финансов Голландии с побледневшим от напряжения лицом скатывается футов на десять вниз по склону и тяжело плюхается на задницу.

Мы с Бернардом переглянулись. Впервые за все время, прошедшее с нашего приезда. Мне даже пришлось отвернуться и почесать колено.

Когда же я снова, взглянул на Дёрка, он тоже смеялся. Это был смех, в котором так и читалось: «Посмотрите на меня! Я – свихнувшийся от адреналина фанат бешеных скоростей. Я жажду опасности так же, как другие мужчины жаждут вина и женщин. Я готов идти на любой риск, и по справедливости меня давно уже не должно быть в живых. Я живу временем, взятым взаймы».

Они повторили упражнение трижды, каждый раз взбираясь на фут выше прежнего. Но вскоре ожирение взяло верх над Дёрком, и они решили прерваться на обед. Покуда супруги ковыляли по снегу в направлении кафе, я повернулся к горе – взглянуть, как там дела у дочурок. Мне надо было оценить, насколько хорошо те стоят на лыжах и, соответственно, насколько далеко от папы с мамой они могут уйти в обычный день. Я рассуждал так: окажись дочки неловкими и неуклюжими, они непременно будут болтаться где-нибудь у покатых спусков, в пределах родительской досягаемости. Ну а будь от девчонок хоть какой-то толк и если они и вправду ненавидят Дёрка с Роной хотя бы вполтину того, как мне показалось, то сейчас они наверняка уже где-нибудь в Венгрии.

Признаков их присутствия я не обнаружил и уже собирался повернуть обратно, как мое внимание привлек силуэт на гребне прямо надо мной. Человек всматривался в долину и находился слишком далеко, чтобы я мог разглядеть черты его лица. Но все равно он до абсурда бросался в глаза. И не потому, что был без лыж, без палок, без ботинок, без очков и даже без шерстяной шапочки.

Что делало его заметным – так это коричневый плащ, купленный по рекламному объявлению с последней страницы «Санди экспресс».

18

Какая ночь! Как будто день больной.

Шекспир «Венецианский купец»

– Кто спускает курок?

Соломону пришлось ждать ответа.

На самом деле ему приходилось ждать каждого моего ответа, поскольку я выписывал круги по катку, а Соломон стоял в сторонке. На очередной круг мне требовалось примерно полминуты, так что простора для раздражения у Соломона было предостаточно. И не то чтобы я нуждался в огромном просторе – ну, вы понимаете. Дайте мне малюсенький-премалюсенький просторчик – и я доведу до белого каления кого угодно.

– Ты имеешь в виду метафорический курок? – спросил я, пронсясь мимо.

На секунду я обернулся Соломон улыбнулся, чуть задрал подбородок, – словно гордый родитель, во всем потакающий своему чаду, – а затем вновь вернулся к партии в керлинг, за которой якобы наблюдал все это время.

Еще круг. Динамики надрывались живенькой швейцарской «ум-ца-ца».

– Я имею в виду курок, курок, сэр. Настоящий.

– Я спускаю.

И я снова был далеко.

Надо сказать, я определенно втягивался в эти фигурно-коньковые кренделя. Я даже попытался подражать повороту с перехлестом ног, как это делала юная немочка впереди, и

получилось довольно-таки неплохо. Мне даже почти удавалось держаться с ней вровень, что чертовски согревало душу. Немочке было что-то около шести.

– А винтовка?

Опять Соломон. Он говорил, сложив руки перед ртом – точно согревал дыханием.

На сей раз ждать ответа ему пришлось дольше, так как я брякнулся на лед в дальнем конце катка, и на пару секунд мне даже удалось убедить себя, что у меня перелом таза. Но я ошибся. А жаль. Это разом решило бы все проблемы.

Наконец я кое-как доковылял до Соломона.

– Прибудет завтра.

Что было не совсем правдой. Однако при данных обстоятельствах на правду ушло бы как минимум недели полторы.

Винтовка не прибывала завтра. Большая часть ее находилась уже здесь.

Во многом именно по моему наущению Франциско согласился на «PM L96A1». Название, конечно, так себе, его и запомнить-то сложно, но «PM», получившая в британской армии кличку «сопля» – по-видимому, из-за своего зеленого цвета, – делает свое дело очень даже неплохо. А дело ее простое – выпустить пулю калибра 7,62 мм с такой точностью, чтобы с шестисот ярдов гарантировать попадание в цель. Любому опытному стрелку, практикующему активный отдых. То есть мне.

Но, несмотря на все гарантии производителей «сопли», я сразу предупредил Франциско, что если стрелять придется хотя бы на дюйм дальше чем с двухсот ярдов – а при встречном ветре и того меньше, – то я «пас».

Ему удалось раздобыть «соплю» в сборном варианте – или, как сказали бы изготовители, в виде «снайперской винтовки для тайных операций». Иными словами, поставляется она по частям, большинство из которых уже прибыли в деревню. Компактный снайперский прицел – под видом 200-миллиметрового объектива на фотокамере Бернарда, со спрятанным внутри держателем; затвор временно служил рукояткой на бритвенном станке Хьюго; а Латифа умудрилась протащить по два патрона «ремингтон магнум» в каждом из каблучков своих непомерно дорогуших лакированных туфель. Не хватало лишь ствола, вот он-то и должен был не сегодня-завтра прибыть в Венген на крыше «альфа-ромео» Франциско – вместе с множеством других длинных металлических штукочин, которыми обычно пользуются спортсмены-лыжники.

Курок я привез сам, в кармане брюк. Наверное, просто из-за недостатка воображения.

Мы решили обойтись без цевья и приклада, поскольку и то и другое довольно сложно скрыть – да, откровенно говоря, и незачем. Так же, как и опору. В конечном счете любое огнестрельное оружие – не более чем железная трубка, кусочек свинца и щепотка пороха. Лишняя пара железяк и куча углеродистого волокна не сделают человека, в которого вы попали, мертвее. Единственный дополнительный ингредиент, необходимый, чтобы оружие стало действительно смертельным, – и, слава богу, ингредиент этот все еще не так-то легко найти даже в нашем мире, погрязшем в грехах, – человек, у которого хватит воли и желания навести оружие на цель и выстрелить. Кто-нибудь вроде меня.

Соломон ничего не сообщил о Саре. Вообще ничего. Как она, где она. А ведь мне даже хватило бы, скажи он, во что она была одета, когда они виделись в последний раз. Но он не сказал ни слова.

Возможно, это американцы велели ему ничего не говорить. Ни хорошего, ни плохого. «Слушай сюда, Давид, слушай и запоминай. Наш анализ личности Лэнга указывает на ярко выраженный негативный профиль ответных реакций на входящие амурные данные». Или что-то вроде того. Между делом вставляя свое любимое «ну, а теперь пора надрать кое-кому задницу». Но Соломон знает меня достаточно и может сам решать, что говорить, а что – нет. А он не сказал ничего. То есть либо у него действительно нет никаких новостей о Саре, либо новости есть, но плохие. Хотя опять же, возможно, самая веская причина его молчания – ведь всем известно, что самое простое всегда оказывается самым правильным, – заключается в том, что я ничего не спросил.

Сам не знаю – почему.

Позднее я размышлял об этом, лежа в ванне своего номера в «Айгере», подкручивая краны ногой и подбавляя пинту-другую горячей воды каждые четверть часа. Может, мне просто стало страшно? Возможно. А может, я побоялся затягивать тайные свидания с Соломоном, опасаясь за его жизнь и за свою, конечно? Такое тоже возможно, хотя и несколько сомнительно.

Или, может... К этому объяснению я пришел под самый конец, до того осторожно обходя его, пристально вглядываясь и время от времени тыкая в него острой палкой, желая убедиться наверняка, что оно вдруг не кинется и не укусит меня. И так, может, мне просто все стало безразлично? Что, если все это время я лишь притворялся перед самим собой, будто именно из-за Сары подвергаю себя нынешним испытаниям? А вдруг сейчас настало время признаться себе, что именно здесь я встретил настоящих друзей? И именно с ними я открыл для себя самую важную цель? И что именно теперь, когда я стал частью «Меча правосудия», у меня появилось гораздо больше причин вылезать по утрам из постели?

Нет, это было попросту невозможно.

Даже абсурдно.

Я забрался под одеяло и моментально забылся сном утомленного путника.

На улице мороз. Первое, что я отметил, распахнув шторы. Сухой и серый морозец – из разряда «не забывай, что ты в Альпах, сынок». Это меня немного обеспокоило. С одной стороны, из-за такого холода многие не захотят выбираться из-под одеял, и это нам очень даже на руку. Но с другой – из-за холода мои пальцы замедлятся до 33 об/мин, прицельная стрельба превратится в проблему. И что еще хуже, на таком холоде звук выстрела раскатится гораздо дальше.

Кстати, уж если речь зашла о стрельбе, то «сопля», по большому счету, не такой уж и шумный инструмент – не то что М-16, которая пугает людей до смерти за мгновение до того, как смерть их как раз и настигнет. И все равно, коль уж вам довелось взять в руки этот инструмент и все ваши мысли заняты тем, как бы поточнее совместить перекрестье прицела с фигурой какого-нибудь европейского государственного деятеля, то хотите вы того или нет, но шум будет иметь значение. И еще какое! На самом деле вам захочется, чтобы вся окрестная публика – если ее, конечно, не затруднит – буквально на секундочку отвернулась и посмотрела в другую сторону. Вы ведь знаете, что стоит вам щелкнуть курком – и в полумиле застынут на полпути к губам чашки, наострятя уши, изумленно вздернутся брови и из нескольких сотен ртов на нескольких десятках языков выпрыгнет «эй, а чего это было?». И вы непременно ощутите неловкость, пусть даже и едва заметную. У теннисистов это называется «поперхнуться ударом». Не знаю, как это называется у террористов. Должно быть, «поперхнуться выстрелом».

Я плотно позавтракал – отложив приличный запас калорий на тот случай, если моя диета вдруг радикально изменится в ближайшие двадцать четыре часа и останется таковой до тех пор, пока моя борода окончательно не поседеет, – и отправился в лыжный прокат, размещавшийся в подвале гостиницы. Какое-то французское семейство буквально каталось со смеху, выясняя, кто взял чьи перчатки; куда запропастился крем от солнца и почему лыжные ботинки так ужасно жмут. Я примостился на скамейке как можно дальше от них и не спеша принялся собираться.

Фотокамера Бернарда оказалась тяжелой и неудобной, она больно билась о грудь, намекая на свою фальшивость. Затвор и один из патронов я уложил в нейлоновую сумочку, которую закрепил ремнем на талии. Ствол уютно устроился в одной из лыжных палок. Рукоятка палки была помечена красным мазком – вдруг я не смогу отличить ту, что весит в три раза тяжелее. Остальные три патрона я выкинул в окно еще в номере, рассудив, что лучше обойтись одним. В противном случае меня ожидали бы еще большие проблемы, чем сейчас, а мне такое совсем не улыбалось. Еще минута ушла на чистку ногтей кончиком спускового крючка, после чего я аккуратно завернул кусочек металла в бумажную салфетку и сунул в карман.

Наконец я поднялся, глубоко вздохнул и протопал мимо *la famille* к туалету.

Смертника вырвало обильным завтраком.

Латифа стояла, сдвинув солнцезащитные очки на макушку – что означало «приготовиться», что не означало ничего. Вообще без очков – значит, Ван дер Хоу остались в гостинице и бьют баклуши. Очки на глазах – направляются к лыжным трассам.

На макушке же означало «может, так, а может, и эдак – все может быть».

Я проковылял мимо подножия трассы для начинающих и направился к фуникулеру. Хьюго был уже там, одетый во все бирюзово-оранжевое, его очки также покоились на макушке.

Он посмотрел на меня.

Вопреки многочисленным инструктажам, вопреки нашим суровым кивкам, подтверждавшим тренерские наставления Франциско, – вопреки всему этому Хьюго смотрел прямо на меня. Я сразу понял, что он так и будет пялиться, пока не поймает мой взгляд, и тоже уставился на него, надеясь поскорее покончить со всей этой бодягой.

Его глаза сияли. По-другому просто не скажешь. Сияли веселым задором, как у ребенка в рождественское утро.

Рукой в перчатке он потянулся к уху и поправил наушник от плеера. «Типичный лыжник-дилетант», – неодобрительно пробурчали бы вы себе под нос. Мол, мало ему скользить по одному из красивейших мест на всем белом свете, так нет же – подавай еще и «Металлику». Сказать по правде, меня и самого вывели бы из себя эти его наушники, не зная я, куда они подсоединены на самом деле. На бедре у Хьюго крепился коротковолновый приемник, на который Бернард передавал свой собственный, особый прогноз погоды.

Я от радио отказался. Никто и не подумал спорить. Аргумент был очень простой: если я попадусь – в этот момент Латифа сжала мне локоть, – не возникнет повода искать помощников. Так что все, что у меня было, – это Хьюго и его сияющие глаза.

На самой вершине горы Шилтхорн, на высоте чуть более трех тысяч метров, стоит (или сидит) «Пиц Глория» – изумительный аттракцион из стекла и стали, где в солнечный денек за цену приличной спортивной тачки можно выпить чашечку кофе, наслаждаясь видом сразу как минимум шести стран.

Если у нас с вами есть хоть что-то общее, то большую часть этого солнечного денька вы также пытались бы вспомнить, что же это за шесть стран. Но если у вас все же осталось бы хоть немного времени, вы непременно потратили бы его на решение еще одной загадки: как это мюрренцам удалось затащить стеклянный дворец на такую высоту и сколько же бедолаг закончили свои дни по ходу строительства? Достаточно взглянуть на это сооружение, а затем вспомнить, сколько времени требуется британской строительной конторе, чтобы состряпать пристройку к кухне, и уважение к швейцарцам обеспечено.

Однако претензии ресторана на известность не ограничивались только его месторасположением. Однажды здесь снимался очередной фильм про Джеймса Бонда. С тех пор сценическое имя «Пиц Глория» так и прилипло к этому месту, как, впрочем, и пожизненное право хозяина продавать сувениры с символикой 007 тем, кто еще окончательно не обанкротился после чашечки кофе.

Короче, это было место, которое обязан посетить каждый завернувший в Мюррен, – по возможности, конечно. И накануне вечером, за *boeuf en croute*, семейство Ван дер Хоу дружно решило, что такая возможность у них определенно имеется.

Мы с Хьюго слезли с фуникулера на самом верху и тут же разделились. Я прошел внутрь ресторана и тотчас принялся изумленно открывать рот, тыкать пальцем и восторженно трясти головой, восхищаясь тем, как четко и аккуратно здесь все устроено. Хьюго болтался снаружи, попыхивал сигаретой и поминутно поправлял свои крепления. Он всю изобразил бывшего горнолыжника, которому жизнь не жизнь без крутых склонов и хорошего снега. «А разговаривать со мной все равно бесполезно – басовое соло на этом треке просто мама не горюй!» Я же с удовольствием входил в роль глазающего по сторонам идиота.

Я подписал еще несколько открыток – почему-то все одному и тому же человеку по имени Колин, – то и дело поглядывая вниз на Австрию, Италию, Францию или еще какую-то страну. Официанты уже раздраженно косились в мою сторону. Я прикидывал, потянет ли бюджет «Меча правосудия» вторую чашку кофе, когда мое внимание привлекло какое-то пестрое мельтешение снаружи. Я поднял глаза. От посадочной площадки фуникулера отчаянно

сигналил Хьюго.

В ресторане не осталось ни одного посетителя, кто не заметил бы его прыжков и ужимок. И не только в ресторане. Думаю, их заметили тысячи жителей Австрии, Италии и Франции. В общем, это было столь безнадежно непрофессионально, что окажись тут Франциско, он точно вклеил бы Хьюго добрую затрещину – как не раз делал во время наших тренировок. Но Франциско находился внизу, и Хьюго стремительно приближал нас к катастрофе, цветастым придурком подпрыгивая за окном. Извинить его могло только то, что ни один из многочисленных зевак понятия не имел, кому Хьюго адресует свою экспансивную жестикуляцию. Потому что глаза Хьюго прикрывали солнцезащитные очки.

Первую часть дистанции я преодолел в спокойном темпе. По двум причинам. Во-первых, мне не хотелось сбить дыхание к тому времени, когда понадобится нажать на спусковой крючок. Вторая причина была гораздо важнее: мне не хотелось – я бы даже сказал, отчаянно не хотелось – переломать себе ноги, чтобы потом меня спускали на носилках с прорвой оружейного снаряжения, спрятанного там и тут.

Так что я скользил бочком, не спеша и старательно скругляя повороты. Мягко и очень нежно я преодолевал трудные участки трассы, пока не достиг наконец границы леса. Серьезность трассы немного тревожила. Любому дураку было ясно: Дёрк и Рона недостаточно хорошо подготовлены, чтобы преодолеть ее без падений. Будь я Дёрком, или приятелем Дёрка, или даже просто сочувствующим лыжником, непременно посоветовал бы: «Да ну его! Спустишься лучше на „канатке“ и подыщи себе чего попроще».

Но Франциско в Дёрке не сомневался. Он чувствовал этого человека. И еще Франциско знал про трепетное отношение Дёрка к деньгам (кстати, думаю, это одно из самых ценных качеств для любого министра финансов), а если супруги решат сойти с дистанции, то им придется раскошелиться на обратную дорогу на фуникулере.

Франциско был готов поставить мою жизнь на то, что Дёрк не снимет лыжи.

А чтоб увериться до конца, накануне вечером он подслал в бар «Эдельвейса» Латифу. И пока Дёрк смазывал глотку бренди, Латифа ворковала и курлыкала, восхищаясь храбростью мужчин, готовых оседлать Шилтхорн. Поначалу Дёрк ежился, но хлопающие ресницы Латифы и ее вздымающаяся грудь мало-помалу сделали свое дело. Он пообещал угостить ее коктейлем, если ему удастся спуститься целым и невредимым.

Скрестив пальцы за спиной, Латифа клятвенно пообещала ждать его в «Эдельвейсе».

Хьюго заранее пометил место и теперь стоял там – улыбался, попыхивал сигаретой и вообще расслаблялся. Я проскользнул мимо и остановился в десяти ярдах дальше, в глубине леса, – просто чтобы лишний раз напомнить и себе, и ему, что решения тут принимаю я. Обернувшись, я еще раз осмотрел гору, выверил позицию, углы, прикрытие – и только тогда мотнул головой в сторону Хьюго.

Тот отшвырнул сигарету, пожал плечами и рванул вниз по склону, без всякой нужды превращая каждую крошечную кочку в каскадерский трамплин. Безукоризненно припарковавшись строго параллельно дальней границе спуска в сотне ярдов от меня, Хьюго взметнул высоченный султан снежных брызг. Затем демонстративно отвернулся, расстегнул молнию и принялся орошать камень.

Мне тоже захотелось отлить. Но я чувствовал, что стоит начать – и остановиться я уже не смогу, так и буду стоять и мочиться, пока от меня не останется ничего, кроме жалкой кучки одежды.

Я отсоединил от камеры объектив, снял крышку и, прищулив один глаз, навел на гору. Линза запотела, и изображение было мутным, так что пришлось расстегнуть куртку и засунуть прицел поглубже, отогревая его своим телом.

Вокруг было холодно и тихо – собирая винтовку, я слышал, как дрожат пальцы.

Теперь я видел его. Примерно в полумиле. Он был все таким же толстым. Силуэт – мечта любого снайпера. Если снайперы вообще о чем-нибудь мечтают.

Даже с этого расстояния я видел, что у Дёрка серьезные проблемы. Его мимика вопила об

одном. Короткими, простыми предложениями. «Я. Сейчас. Точно. Сдохну». Зад оттопырился, плечи поникли, а ноги явно задеревенели от изнеможения и страха. Двигался он с какой-то леденящей душу медлительностью.

У Роны получалось чуть лучше, хотя и ненамного. Пусть неуклюже, судорожными рывками, но она делала хоть какие-то успехи, стекая по склону как можно медленней, чтобы не отрываться от своего несчастного мужа.

Я ждал.

Осталось шесть сотен ярдов, я задышал глубоко и часто, заряжая кровь кислородом, чтобы перекрыть краник, когда останется три сотни ярдов. Я старался выдохнуть самым уголком рта – очень осторожно и в сторону от прицела.

Четыре сотни. Дёрк свалился уже, наверное, в пятнадцатый раз и вставать на ноги явно не торопился. Наблюдая, как он пыхтит, стараясь выровнять дыхание, я оттянул рифленую ручку затвора и услышал, как резко и громко клацнул боек. Господи Иисусе, похоже, выстрел обещает быть шумным. Неожиданно я вдруг задумался о снежных лавинах – пришлось даже одернуть себя, чтобы не поддаться диким фантазиям о тысячах тонн снега, которые погребут все вокруг. А что, если мое тело так и не найдут в ближайшие пару лет? И что, если эта куртка напрочь выйдет из моды, когда меня вытащат из-под снега? Я даже моргнул пять раз – специально чтобы успокоить дыхание, зрение и панику. Сегодня слишком холодно для лавин. И еще для лавин нужно много снега – и очень много солнца. Ни солнца, ни обильного снега вокруг не наблюдалось. Надо срочно брать себя в руки. Я вновь прищурился в прицел: Дёрк стоял во весь рост.

И не только. Он смотрел прямо на меня.

По крайней мере, смотрел в мою сторону. Соскребая снег с лыжных очков, пялился на деревья, отделявшие меня от него.

Неужели заметил? Нет, это просто невозможно. Мало того, что я зарылся чуть ли не с головой в большой сугроб, я еще успел прокопать узенький окоп для винтовки. И наконец, что можно высмотреть в мешанине из деревьев? Нет, он не мог меня заметить.

Тогда на что же он смотрит?

Я осторожно повернул голову, проверяя местность на предмет одиноких путников, заблудших горных козлов, хора альпийских пастухов – всего, что могло бы привлечь внимание Дёрка. Затаив дыхание, я тщательно просканировал окрестности взглядом слева направо.

Ничего.

Медленно повернувшись, я опять приложился к прицелу. Влево, вправо, вверх, вниз.

Дёрка нигде не было.

Я высунул голову – как учат не делать ни в коем случае – и принялся отчаянно шарить взглядом по жалящей, слепящей белизне. Рот внезапно наполнился вкусом крови, сердце бешено молотило о грудную клетку.

Вот он. Триста ярдов. Двигается быстрее. Видимо, Дёрк пытался проскочить часть склона с налету, по более пологому участку, и его вынесло на дальнюю часть трассы. Я снова моргнул, вжимаясь правым глазом в прицел.

Когда до цели оставалось ярдов двести, я сделал глубокий, ровный вдох. Подождал, пока легкие заполнятся на три четверти, а затем отсек воздуху путь, задержав дыхание.

Теперь Дёрк траверсировал зигзагом. Пересекая не только склон, но и линию огня. Я легко взял его в прицел, готовый спустить курок в любую секунду. Однако я знал, что это должен быть самый верный из всех выстрелов в моей жизни. Палец прижался к спусковому крючку и замер.

Дёрк остановился примерно в полутора сотнях ярдов. Посмотрел вверх. Посмотрел вниз. И всем корпусом повернулся прямо на меня. Пот струился с него ручьем, Дёрк едва дышал от напряжения, страха и осознания того, что должно произойти. Я навел перекрестье точно в центр его груди. Так, как и обещал Франциско. Так, как и обещал всем остальным.

Нажать. Не тянуть, не дергать. Нажать. Медленно и с любовью. Ну, вы сами знаете как.

*Добрый вечер
Вы смотрите новости «Би-би-си».*
Питер Сиссонс

Мы не покидали Мюррен еще тридцать шесть часов. Это была моя идея.

Я сказал Франциско, что первым делом они кинутся проверять все отбывающие поезда. Любому, кто уедет или попытается уехать из деревни в течение двенадцати часов после покушения, придется ох как несладко – и неважно, виновен ты или нет.

Покусав губы, Франциско благосклонно улыбнулся, выражая свое согласие. Думаю, идея остаться в деревне показалась ему хладнокровной и дерзкой, а хладнокровие и дерзость были как раз теми эпитетами, которые Франциско надеялся когда-нибудь увидеть на первой странице «Ньюсуик» рядом со своим именем. Угрюмое фото и заголовок «Франциско дерзкий и хладнокровный». Или что-то в этом роде.

Однако истинная причина, почему мне хотелось задержаться в Мюррене, крылась в необходимости переговорить с Соломоном. Правда, Франциско я решил об этом не сообщать. Так что мы, каждый по отдельности, слонялись по деревне и вместе со всеми глазели на прибывающие вертолеты. Первой заявила полиция, затем Красный Крест, ну и само собой, целая орава телевизионщиков. Известие о стрельбе облетело деревеньку за пятнадцать минут, но большинство туристов были настолько ошарашены произошедшим, что даже не решались обсуждать это друг с другом. Они просто ходили туда-сюда, наблюдали, хмурили брови и не отпускали от себя своих детишек.

Швейцарцы же расселись по барам и расстроено перешептывались. То ли переживали за убитого, то ли тревожились за свой бизнес – трудно сказать, хотя тревожиться было абсолютно незачем. Уже к сумеркам в бары и рестораны набилось столько народу, сколько я здесь еще не видел. Никто не хотел пропустить очередной домysel, слух или малейший обрывок информации о жутком событии.

В первую очередь во всем обвинили иракцев – похоже, нынче это превратилось в стереотип. Версия продержалась не больше часа – до тех пор, пока какие-то умники не убедили остальных, что иракцы этого сделать просто не могли. Они не смогли бы даже пробраться в деревню незамеченными. Акцент, смуглость, периодические сеансы на коленях лицом к Мекке – что-нибудь из этого наблюдательные швейцарцы непременно заметили бы.

Потом возникла версия пятиборца. Изнуренный двадцатимильным кроссом, бедняга спотыкается и падает в снег. Его спортивная винтовка 22-го калибра самопроизвольно выстреливает, и пуля попадает в герра Ван дер Хоу. Несчастный случай астрономически малой степени вероятности. Какой бы дикой ни казалась эта теория, но она привлекла значительное число сторонников – в основном из-за того, что в ней отсутствовал злой умысел, а злой умысел – это то, чего швейцарцы просто не могут допустить в своем заснеженном горном раю.

Какое-то время обе гипотезы просуществовали параллельно, породив в итоге поистине причудливый гибрид. «Точно, это был иракский пятиборец», – решило общественное мнение. Взбешенный победами скандинавов на прошлой зимней Олимпиаде, некий иракский пятиборец (кто-то даже знал кого-то, кто слышал, как кто-то упоминал какого-то Мустафу) буквально обезумел от зависти. И вероятно, он еще до сих пор где-то поблизости – рыщет по горам, выслеживая рослых, светловолосых лыжников.

А затем наступило затишье. Бары внезапно опустели, кафе закрылись до утра, а озадаченные официанты обменивались удивленными взглядами, убирая одну за другой тарелки с нетронутой едой.

Сказать по правде, я и сам не сразу понял, что произошло.

Но все оказалось крайне просто: не удовлетворившись циркулирующими по деревеньке версиями, туристы ринулись в свои одноместки и двухместки, чтобы преклонить колени пред всемогущим и всевидящим Си-эн-эн. Том Хамилтон, «человек, который всегда на месте», все еще делился с миром преимуществами «последних известий, прямо с места событий».

Сгрудившись вокруг телевизора в баре «Цум Вильден Хирш», Латифа, я и еще с десяток висевших у нас на плечах подвыпивших фрицев внимали теории старины Тома, пытавшегося втолковать доверчивым зрителям, что, «вероятнее всего, данное убийство – дело рук

активистов». Полагаю, именно за это ему и платят двести штук в год. Мне безумно хотелось спросить, как это он умудрился столь беспощадно отмести вероятность того, что это дело рук «пассивистов». Кстати, я мог задать ему вопрос прямо в лоб, поскольку Том занимался своим ремеслом посреди островка яркого вольфрамового сияния буквально в двухстах ярдах от того места, где мы с Латифой изо всех сил старались удержаться на ногах. Еще двадцать минут назад я своими глазами наблюдал, как техник пытался прицепить микрофон на галстук Тома, а тот отгонял его прочь, заявляя, что справится сам, так как не желает, чтобы кто попало испортил ему узел.

Официальное заявление должны были транслировать в десять часов по местному времени. Если Сайрус справился с задачей и заявление дошло до Си-эн-эн, как и планировалось, то телевизионщики что-то уж больно долго копаются. Хотя если вся остальная команда хоть немного похожа на Тома, то, надо думать, они просто до сих пор пытаются прочесть наше заявление. Франциско настоял на том, чтобы мы использовали слово «гегемония», и оно, похоже, несколько выбило ребят из колеи.

Заявление вышло в эфир в одиннадцать двадцать пять. Даг Роуз, ведущий Си-эн-эн, говорил медленно и четко, и в его голосе явно таился подтекст. Что-то вроде: «Господи, парни, до чего ж вы мне все обрыдли!»

«Меч правосудия».

Мам, сюда, скорее! Тут дяденька про нас рассказывает.

Думаю, если бы захотел, то в ту ночь я мог бы переспать с Латифой.

В остальном репортаж состоял из архивной нарезки по истории терроризма, с экскурсом в глубь времен. Бедной телезрительской памяти пришлось вернуться аж к началу прошлой недели, когда группа баскских сепаратистов устроила взрыв в одном из правительственных зданий Барселоны. Потом на экран вылез какой-то бородач, пытавшийся втюхать публике свою книгу о фанатизме, а затем канал вновь вернулся к главной теме дня: сообщить всем, кто смотрит Си-эн-эн, что единственное, чем они должны сейчас заниматься, – так это продолжать смотреть Си-эн-эн. И желательно в каком-нибудь дорогом отеле.

Я лежал в своей постели совершенно один, подпитывал организм виски и никотином и размышлял, что же произойдет, если действительно вдруг оказаться в том самом дорогом отеле, что они рекламируют, и именно в то самое время, когда они рекламируют его? Не будет ли это означать, что ты умер? Или переместился в параллельные миры? Или просто время дало задний ход?

Видите ли, я понемногу хмелел – вот почему и не услышал стук в дверь с первого раза. А может, я и услышал его с первого раза, но убедил себя, что стук длится уже минут десять, а может, и все десять часов, покуда мой мозг вытряхивается из своего си-эн-эн-оцепенения. Я силком заставил себя вылезти из постели.

– Кто там?

Тишина.

Оружия у меня не было – как, собственно, и особого желания воспользоваться им, – так что я просто распахнул дверь. Будь что будет.

В коридоре стоял низенький человечек. Достаточно низенький, чтобы ненавидеть людей моего роста.

– Герр Бальфур?

На какой-то миг я совершенно растерялся. Такого рода растерянность частенько снисходит на агентов, работающих под прикрытием, – когда шарики заскакивают за ролики и бедняги теряют всякое представление о том, кто они по легенде и кто на самом деле, в какой руке держать авторучку и как открывать дверь. Как я заметил, виски очень способствует такой неразберихе.

Сообразив наконец, что на меня смотрят, я прикинулся, будто поперхнулся, и поспешил взять себя в руки. Бальфур – да или нет? Да, Бальфур – это имя, которым я пользовался, но вот только при ком? Я был Лэнгом для Соломона, Рикки – для Франциско, Дарреллом – для большинства американцев, а вот Бальфуром... точно! Бальфуром я был для гостиницы. А коли так – а у меня не оставалось ни малейшего сомнения, что так оно и есть, – то для полиции я

тоже Бальфур.

Я кивнул.

– Следуйте за мной.

Он развернулся и зашагал по коридору. Наскоро прихватив куртку и ключ от номера, я повиновался. Ибо герр Бальфур был лояльным гражданином, беспрекословно выполнявшим все на свете правила и ожидавшим того же от других. Пока мы шли к лифту, я покосился на ноги своего спутника. Он носил ботинки на платформе. Да, он был не просто низеньким, он был низеньким коротышкой.

На улице шел снег (готов допустить, что именно там снег обычно и идет, но хочу напомнить, что в тот момент я только-только начал трезветь), и большие белые перья порхали в воздухе, будто последствия небесной драки подушками, покрывая все вокруг, делая мир мягче и уютнее.

Мы шли минут десять – на каждый мой шаг приходилось семь его, – пока не оказались перед небольшим строением на самом краю деревни. Это было нечто деревянное, одноэтажное и очень древнее. На окнах – широкие ставни, а следы на снегу говорили о приличном количестве народу, наведавшегося сюда за последний час. Хотя это мог быть и один человек, который шнырял туда-сюда.

Прежде чем войти в дом, я испытал какое-то очень странное чувство. Думаю, чувство было бы не менее странным, будь я трезвее. Словно мне не следовало приходить сюда с пустыми руками; словно я должен был что-то принести – золото или, на худой конец, ладан. По поводу мирры я как-то не очень беспокоился, поскольку никогда не знал наверняка, что это такое.

Коротышка остановился у двери черного хода и, резко взглянув на меня через плечо, постучал. Мне почудилось, что прошла целая вечность, прежде чем звякнул засов, за ним – другой, и еще один, и еще. Наконец дверь распахнулась, и на пороге возникла седовласая дама. Секунду она пристально разглядывала Коротышку, еще три секунды – меня, а затем, удовлетворенно кивнув, посторонилась, пропуская нас внутрь.

Дёрк Ван дер Хоу сидел на единственном стуле посреди комнаты и протирал очки. Он был в тяжелом пальто с заправленным под горло шарфом, из-под пальто выглядывали ботинки, раскоряченные здоровенными ножищами. Ботинки были дорогие – черные «оксфорды» с кожаными шнурками. Я заметил это лишь потому, что он как будто и сам изучал их столь же внимательно.

– Томас Лэнг, господин министр, – сказал Соломон.

Он возник из тени и смотрел на меня, а не на Дёрка.

Дёрк не спешил заканчивать с полировкой очков. Наконец, по-прежнему глядя куда-то в пол, он очень аккуратно водрузил их на нос и лишь затем поднял голову и взглянул на меня. Не слишком дружелюбно. Он дышал ртом, словно ребенок, изо всех сил старающийся не почувствовать вкуса брокколи.

– Здравствуйте, – сказал я, протягивая руку.

Дёрк посмотрел на Соломона – так, словно никто не предупредил его, что, возможно, придется до меня еще и дотрагиваться, – а затем нехотя предложил мне нечто вялое и влажное с пятью отростками.

Некоторое время мы пристально смотрели друг на друга.

– Теперь я могу идти? – спросил он.

Мгновение Соломон скорбно молчал, словно все это время не терял надежды посидеть втроем по-приятельски и, может, даже перекинуться партейкой в вист.

– Разумеется, сэр.

Лишь когда Дёрк поднялся, я увидел, что хотя он и правда был толстым – ей-богу, он определенно был толстым, – но нынешняя его толщина не шла ни в какое сравнение с габаритами, какими Дёрк обладал в день прибытия в Мюррен.

Видите ли, с бронжилетами «Лайф-Тек» всегда так. Изумительная штука, когда нужно

сохранить чью-то жизнь. Но фигуре «Лайф-Тек» точно не льстит. Надетый под лыжный костюм, из чуть полноватых он делает настоящих толстяков, а людей вроде Дёрка – тех он вообще превращает в жировые аэроостаты.

Я не мог даже приблизительно предположить, что за сделку с ним заключили. Да и со всем голландским правительством, кстати. Естественно, никто не потрудился сообщить мне. Возможно, Дёрку уже недолго оставалось до пенсии – а то и до увольнения. А может, его застучали в постели сразу с дюжиной школьниц-десятилеток. Или попросту посулили целую кучу денег. Насколько я знаю, такое иногда срабатывает.

Но как бы там ни было, на ближайшие пару месяцев Дёрку, так или иначе, придется уйти в глубокое подполье. Как ради своего блага, так и ради моего. Если, не дай бог, на следующей неделе его туша вдруг всплывет на какой-нибудь международной конференции, скажем с докладом о необходимости введения более гибкого механизма обменных курсов между государствами Северной Европы, то это будет выглядеть более чем странно и, разумеется, вызовет массу кривотолков. Даже Си-эн-эн и те могут допереть, что дело нечисто.

Дёрк ушел, не извинившись. Седовласая дама пропихнула его в дверь, и они с Коротышкой растворились в ночной тиши.

– Как вы себя чувствуете, сэр?

Теперь стул занял я, а Соломон медленно расхаживал вокруг – оценивал моральный дух, стойкость и степень моего опьянения. Задумчиво прижав палец к губам, он делал вид, будто за мной не наблюдает.

– Спасибо, Давид. Я в норме. Как сам?

– Гораздо легче, командир. Да, точно. Прямо камень с души. – Соломон замолчал. На уме у него было явно больше, чем на языке. – Кстати, сэр, должен поздравить вас с отличным выстрелом. Мои американские коллеги хотят, чтобы вы знали.

Соломон улыбнулся, но как-то хиленько, словно вычерпал весь сундучок любезностей и вот-вот собирается открыть второй.

– Что ж, приятно, что порадовал людей, – сказал я. – И что теперь?

Я закурил и попытался пустить кольца, но Соломоновы хождения сбивали мне все игровое пространство. Я проследил, как дым уплывает в сторону – слоисто-бесформенный, – и вдруг сообразил, что Соломон мне так и не ответил.

– Давид?

– Да, командир, – сказал он после очередной паузы. – Что теперь? Безусловно, это вполне резонный и весьма уместный вопрос, и он требует самого обстоятельного и полного ответа.

Что-то явно было не так. Обычно Соломон так не разговаривает. Так обычно разговариваю я – когда выпью. Но чтобы Соломон? Я должен был как-то сдвинуть дело с мертвой точки.

– Ну? Мы сворачиваемся? Дело сделано, плохих парней хватают с поличным, добродетель торжествует, все довольны и счастливы?

Он остановился – где-то за моим правым плечом.

– Вся проблема в том, командир, что как раз с этого момента ситуация становится несколько щекотливой.

Я повернулся и посмотрел ему в глаза. И улыбнулся. Но он не ответил улыбкой.

– Тогда каким же прилагательным можно описать ситуацию, какой она была до сих пор, а? То есть если попытка всадить кому-то пулю в центр бронезилета не считается щекотливой, то...

Но Соломон меня не слушал. Это тоже было на него совсем непохоже.

– Они хотят, чтобы вы продолжали.

Само собой. И я знаю об этом. Захват террористов не является целью данной операции – причем с самого начала. Им нужно, чтобы я продолжал; им нужно, чтобы все продолжалось до тех пор, пока не подготовят декорации для настоящего спектакля. Си-эн-эн, камера, мотор! – все на своих местах, а не через четыре часа после того, как все закончилось.

– Командир, я должен у вас кое о чем спросить, и мне нужен абсолютно искренний ответ.

Нет, мне определенно все это не нравилось. До жути неправильно. Как красное вино к

рыбе. Как смокинг с коричневыми ботинками. Хуже не придумать.

– Валяй.

Соломон и в самом деле выглядел обеспокоенным.

– Вы обещаете отвечать откровенно? Мне необходимо знать это прежде, чем я задам свой вопрос.

– Послушай, Давид. Я не могу ничего обещать. – Тут я рассмеялся, понадеявшись, что он опустит плечи, расслабится и перестанет наконец меня пугать. – Если ты спросишь, правда ли у тебя воняет изо рта, то я отвечу откровенно. Но если ты спросишь... ну, я даже не знаю, практически что угодно, то я, скорее всего, совру.

Похоже, ответ его не устроил. Само собой, он и не должен был его устроить, но что еще я мог ответить?

– Какие у вас отношения с Сарой Вульф?

Вот теперь я был ошарашен по-настоящему. Я вконец запутался и совершенно не понимал, что к чему. А потому просто сидел и наблюдал, как Соломон медленно расхаживает взад-вперед, поджав губы и уткнув глаза в пол, – так обычно держатся отцы, не знающие, как начать разговор о мастурбации со своими сыновьями-подростками. Нет, я вовсе не хочу сказать, что мне доводилось лично присутствовать на подобных мероприятиях, но подозреваю, что в этих случаях полагается обильно краснеть, суетиться и постоянно обнаруживать микроскопические пылинки на рукаве пиджака, требующие самого пристального внимания, причем незамедлительно.

– Почему ты спрашиваешь, Давид?

– Пожалуйста, командир. Просто... – Сегодня явно был не лучший день в его жизни. Он глубоко вздохнул. – Просто ответьте. Прошу вас.

Я наблюдал за ним, чувствуя злость и жалость примерно в равных долях.

– «Во имя нашего прошлого»? Ты это хотел сказать?

– Во имя всего, что может заставить вас ответить на вопрос, командир. Прошлого, будущего – просто ответьте.

Я снова закурил и посмотрел на свои руки, пытаюсь – уже в который раз – дать ответ самому себе, прежде чем отвечать ему.

Сара Вульф. Серые глаза с зеленой прожилкой. Красивые сухожилия. Да, я помню ее.

Что я чувствовал на самом деле? Любовь? Ну разве на это можно вообще ответить? А? Просто я недостаточно знаком с этим состоянием, чтобы вот так вот взять и пришить на грудь ярлык. Любовь – всего лишь слово. Звук. Его ассоциация с конкретным чувством условна, несоизмерима и в конечном счете бессмысленна. Нет, придется вернуться к этому позже, если вы, конечно, не против.

А как насчет жалости? Мне жалко Сару Вульф, потому что... потому что – что? Да, она лишилась сначала брата, затем – отца, а теперь сидит взаперти в башне-темнице и ждет, пока Чайльд-Роланд разберется со своей складной стремянкой. Наверное, ее можно пожалеть – за то, что выбрала меня в качестве своего избавителя.

Дружба? Ради всего святого, я ведь едва знаком с этой женщиной!

Так что же тогда?

– Я люблю ее.

Сначала я услышал, как кто-то ответил за меня, и лишь потом сообразил, что это был я сам.

Соломон прикрыл глаза – так, словно *опять* получил неверный ответ, – а затем медленно и неохотно двинулся к столику у стены. Взяв оттуда небольшую пластмассовую коробочку, он на мгновение застыл, будто все еще сомневался, отдать ли коробочку мне или зашвырнуть ее за дверь прямо в снег. А затем принялся рыться в карманах. Не знаю, что он там искал, но нашлось оно в самом последнем кармане. Я успел подумать, как все-таки приятно видеть, что такое случается не только со мной, но тут Соломон извлек маленький фонарик. Сунув фонарик вместе с коробочкой мне, он повернулся спиной и отошел в сторону, словно предлагая мне самому решать, что с этим делать.

Что ж, я открыл коробочку. Конечно, я открыл ее. А разве не так обычно поступают с закрытыми коробочками, которые вам суют? Вы берете их и открываете. В общем, я поднял

желтую пластиковую крышку – и мое сердце сжалось еще сильнее.

В коробочке было несколько слайдов, и я почему-то уже знал – причем знал наверняка, – что мне не понравится то, что я сейчас увижу.

Выдернув первый слайд, я направил на него фонарик. Сара Вульф. Ошибиться невозможно.

Солнечный день, черное платье, выходит из лондонского такси. Хорошо. Вполне логично. И ничего предосудительного. Сара улыбается – широкой, счастливой улыбкой, – но что с того? Улыбаться еще никто не запрещал. Все нормально. Я и не ждал, что она будет рыдать в подушку круглыми сутками. Так. Смотрим дальше.

Расплачивается с водителем. Опять же – ничего предосудительного. Покатался – заплати. Такова жизнь. Снимали телевиком – как минимум 135-мм, а может, и помощнее. Зачем кому-то надо было утруждать себя?..

Ага, идет от такси к тротуару. Смеется. Таксист пялится на ее задницу. Будь я на его месте, делал бы то же самое. Она всю дорогу пялилась на его шею – так чего б ему теперь не попялиться на ее задницу? Равноценный обмен. Хотя, нет, наверное, не совсем равноценный, но никто и не говорил, что мы живем в идеальном мире.

Я взглянул на спину Соломона. Тот стоял, понутив голову.

Следующий слайд, пожалуйста.

Мужская рука. Точнее, рука и плечо в темно-сером костюме. Тянется к ее талии, а Сара откинула голову, готовая к поцелую. Улыбка еще шире. Ну и что с того? Мы же не пуритане. Разве не может женщина выйти с кем-то пообедать, проявить вежливость, обрадоваться встрече? Не значит же это, что надо, черт возьми, сразу орать и звать на помощь полицию?!

Ага, теперь они обнявшись. Ее голова ближе к камере, так что его лица не видно. Но они определенно обнимаются. По-взрослому в полную силу. Похоже, это не ее банковский менеджер. И что с того?

Идут нам навстречу, все так же в обнимку. Не могу разглядеть его лица из-за случайного прохожего, перекрывшего обзор. Лицо смазано. Но зато ее лицо! А что ее лицо? Что там? Рай? Блаженство? Радость? Восторг? Или простая вежливость? Следующий и последний слайд.

«Ой, здрасьте, – думаю я про себя. – А вот и мы».

– Ой, здрасьте, – восклицаю я вслух. – А вот и мы.

Соломон так и стоит спиной.

Мужчина и женщина идут прямо на камеру, и я знаю обоих. Женщине я только что признался в любви, пусть и не до конца уверенный в своих чувствах. А последние секунды эта уверенность стремительно таяла. Что же до мужчины... да, точно.

Высокий. Интересный. Такими бывают люди, немало повидавшие на своем веку. Дорогой костюм. И улыбка. Они оба улыбаются. Улыбаются с размахом. Улыбаются так откровенно, что кажется, будто у них вот-вот лица треснут пополам.

Разумеется, я хочу знать, с чего бы это они, мать вашу, так веселятся. Если из-за какого-нибудь анекдота, то и я не прочь его послушать и уж тогда сам решу, стоит ли шутка того, чтобы так прижиматься к нему.

Анекдота мне, разумеется, никто не рассказал. Но я почему-то был уверен на все сто, что он бы меня не рассмешил.

Этот тип на снимке, который обнимал мою возлюбленную из башни-темницы, который смешил – не просто смешил, а наполнял ее смехом, удовольствием и, кто знает, может, даже собственными частичками, – был не кем иным, как Расселом П. Барнсом. Собственной персоной.

Тут я предлагаю сделать небольшой перерыв. Увидимся снова после того, как я швырну коробочку со слайдами через всю комнату.

О. Генри

Я рассказал Соломону все. Я просто не мог поступить иначе.

Видите ли, Соломон – очень толковый мужик, один из самых толковых, кого я только знаю, так что было бы глупо не воспользоваться его интеллектом. До фотографий я, в общем-то, действовал сам по себе, в одиночку прокладывая свою борозду. Однако пришло время признать, что мой плуг только и делал, что вихлял из стороны в сторону, пока не напоролся на угол сарая.

Когда я закончил, было уже четыре часа утра. Задолго до этого Соломон развязал свой рюкзак и достал оттуда целую прорву всего, без чего, похоже, не может обойтись ни один Соломон на свете. Термос с чаем и две пластиковые чашки, по апельсину на каждого, нож для кожуры и полфунта молочного шоколада «Кэдбери».

Пока мы ели, пили, курили и осуждали курение, я выложил ему всю историю про «Аспирантуру» – с самого начала и до самой середины. Что на самом деле я вовсе не вкалывал на благо демократии. Что вовсе не трудился ради того, чтобы мирные граждане спокойно спали в своих постелях, а мир во всем мире процветал. Нет, занимался я совсем-совсем другим – торговал оружием, вот чем я занимался.

А значит, и Соломон занимался тем же самым. Я был продавцом оружия, торговым агентом, а Соломон – кем-нибудь из отдела маркетинга. Я знал, что подобное ощущение по душе ему не придется.

Соломон слушал, кивал и задавал нужные вопросы – в нужном порядке и в нужный момент. Я не мог определить, верит он мне или нет, – хотя, с другой стороны, мне и раньше с Соломоном это никогда не удавалось. Да и вряд ли когда-либо удастся.

Закончив рассказ, я откинулся на спинку стула. Я вертел в руках квадратика шоколада и вяло думал о том, что тащить «Кэдбери» с собой в Швейцарию равносильно тому, чтобы заявиться в Ньюкасл с мешком своего угля. Впрочем, нет, не равносильно. Со времен моего счастливого детства качество швейцарского шоколада заметно ухудшилось, и теперь он годится разве что на подарки не особо любимым тетушкам. Зато «Кэдбери» – этот бьет все мировые рекорды, он и лучше и дешевле любого другого шоколада. По крайней мере, на мой взгляд.

– Да уж, командир. История, прямо скажем, та еще!

Соломон уставился в стену. Будь там окно, он, вероятно, уставился бы в него. Но окна не было.

– Точно, – согласился я.

Итак, мы вновь вернулись к фотографиям, размышляя, что же они могут означать. Мы допускали и постулировали; мы предполагали и сыпали всевозможными «может быть», и «а что, если», и «а как насчет этого». И когда снег, напивавшись утренним светом, принялся пропихивать излишки под дверь и сквозь ставни, мы решили, что охватили все возможные точки зрения.

Гипотез у нас получилось три.

Плюс, разумеется, целая куча побочных версий. Однако в тот момент мы чувствовали, что вопрос надо решать с размахом, так что все побочные версии мы смели в три основные кучки, которые распределились так:

он пудрит ей мозги;

она пудрит мозги ему;

никто никому ничего не пудрит, а просто они полюбили друг друга – парочка земляков-американцев, вместе коротающих долгие вечера в чужом городе.

– Если это она пудрит ему мозги, – начал я уже, наверное, в сотый раз, – то с какой целью? То есть чего она хочет этим добиться?

Соломон кивнул, а затем быстро потер лицо руками.

– Посткоитальная исповедь? – Он даже поморщился от собственных слов. – Она записывает его на пленку, снимает на видео или что там еще – и посылает в «Вашингтон пост»?

Мне этот вариант не очень понравился. Соломону, кстати, тоже.

– Довольно хиленькая версия, я бы сказал.

Соломон снова кивнул. Он все еще соглашался со мной больше, чем я того заслуживал. Наверное, просто был рад, что я выдержал и не сломался окончательно – из-за этого и из-за всего остального, – и хотел помассировать мой дух, вернув его в рационально-оптимистическое состояние.

– Значит, это он пудрит ей мозги?

Слегка вздернув брови, Соломон склонил голову набок, точно умная овчарка, подталкивающая меня к загону.

– Возможно. С благосклонным пленником проблем в любом случае меньше, чем с упертым. Наверняка наплел ей с три короба, сказал, что обо всем позаботится. Мол, он на короткой ноге с самим президентом или что-нибудь в этом роде.

В общем, и эта версия звучала ничуть не лучше.

Таким образом, оставалась лишь вероятность номер три.

Итак, что может заставить женщину вроде Сары Вульф встречаться с таким мужчиной, как Рассел П. Барнс? Почему она гуляет с ним, смеется его шуткам, образует вместе с ним зверя с четырьмя ягодицами? Если, конечно, дело зашло так далеко. В чем я лично уже почти не сомневался.

Ладно, допустим, он привлекательный. И в хорошей физической форме. И умен – пусть даже и как-то по-дурному умен. И обладает властью. И хорошо одевается. Да. Но зачем ей-то все это? То есть я хочу сказать, он же старый. Старый настолько, что вполне годится на роль коррумпированного представителя ее правительства.

Я тащился назад в гостиницу, мысленно оценивая сексуальность Рассела П. Барнса. Рассвет мчался к своему высокогорному вокзалу на полных парах, и снег уже всюду пульсировал электрической, свежевывапавшей белизной. Снег забирался под штаны, скрипуче налипал на подошвы, а девственно чистые сугробы словно умоляли занесенную над ними ногу: «Не наступай на меня, ну пожалуйста, не наступай ох!»

Рассел, мать его, Барнс.

Добравшись до гостиницы, я направился прямо к себе в номер, стараясь не шуметь. Тихонько открыв дверь, проскользнул внутрь – и замер. Буквально застыл, не успев снять куртку. После прогулки по альпийскому снегу, накачанный горным воздухом, мой организм был настроен так, что легко улавливал малейшие нюансы комнатных запахов: несвежее пиво из бара, средство для чистки ковра, хлорку из бассейна снизу и практически отовсюду – пляжный запах защитного крема от солнца. И вот теперь этот новый запах. Запах того, чего здесь совсем не должно быть.

Ибо я платил за одноместный, а, как известно, швейцарские отели весьма щепетильны в подобных вопросах.

Прямо на моей кровати, обернувшись простыней и вытянувшись во весь рост, стилизацией под Рубенса возлежала обнаженная, спящая Латифа.

– Где ты был, черт возьми?

Она сидела, натянув простыню до самого подбородка. Я стягивал ботинки, присев на другой край кровати.

– Гулял.

– Куда это? – огрызнулась Латифа, все еще немного помятая со сна и злая оттого, что ее застали в таком виде. – Там снег. Куда, на хрен, можно гулять по такому снегу? Чем ты там занимался?

Я стащил последний ботинок и медленно повернулся к ней лицом.

– Послушай, Латифа. – Не забудьте, что для нее я был Рикки, и потому произносил ее имя как «Ладдифа». – Я убил человека сегодня. Нажал на спусковой крючок и застрелил.

Я отвернулся и вперился в пол – вылитый воин-пиит после битвы, которого тошнит от мерзости увиденного.

Я почувствовал, как натяжение простыни ослабло. Чуть-чуть. Какое-то время Латифа наблюдала за мной.

– И ты что – гулял всю ночь?

Я тяжело вздохнул:

– Гулял. Сидел. Думал. Знаешь, Латифа, человеческая жизнь...

Рикки, как я рисовал его себе, был из тех, кто чувствует себя не совсем в своей тарелке, когда приходится что-то говорить. Так что пусть «человеческая жизнь» повисит в воздухе еще немного.

– Многие умирают, Рикки. Смерть – она повсюду. Убийство – повсюду.

Простыня ослабла еще немного, и я заметил, как ее рука осторожно сместилась к краю постели – поближе к моей руке.

Вот вы мне ответьте: ну почему всегда одно и то же? Почему всегда приходится выслушивать один и тот же аргумент? Мол, все так поступают, и надо быть законченным кретинком, чтобы не помочь общему делу. Мне вдруг захотелось залепить ей пощечину и выложить все как на духу: кто я и что я на самом деле думаю, что убийство Дёрка или кого-то еще не изменит ровном счетом ничего – разве что гребаное эго нашего Франциско, которое и без того разрослось настолько, что уже запросто может вместить в себя всю мировую бедноту, причем дважды, и еще останется свободная комнатка для парочки миллионов буржуа.

Но к счастью, я законченный профессионал, а потому всего лишь кивнул, уронил голову и повздыхал еще с минутку. Наблюдая, как ее рука подкрадывается все ближе.

– Это хорошо, что у тебя тяжело на душе, – сказала Латифа, немного поразмыслив. Совсем немного, но тем не менее. – Если бы ты не чувствовал ничего, значит, нет в тебе ни любви, ни страсти. А без страсти мы – ничто.

«Собственно, как и с нею», – подумал я про себя и начал стягивать рубашку.

Именно фотографии довершили все дело. Заставили понять, что все это время я был лишь резиновым мячиком, скачущим между аргументами других людей. И скакал я так долго, что в конце концов доскакался до того, что мне стало на все плевать. На Умре с его вертолетами и на Сару Вульф с Барнсом. Мне стало плевать на О'Нила с Соломоном, плевать на Франциско с его треханым «Мечом правосудия». Плевать на то, кто выйдет победителем – и в споре, и во всей этой войне.

А больше всего мне стало плевать на самого себя.

Пальцы Латифы коснулись моей руки.

Когда дело доходит до секса, мужчины точно оказываются между твердой скалой и совсем иным местом – мягким, кротким, безвольным, извиняющимся.

Сексуальные механизмы двух полов не поддаются сравнению – в этом-то и заключается жуткая правда. Один – это маленький автомобильчик, удобный для поездок по магазинам, быстрых перемещений по городу и парковок; другой – настоящий «универсал», созданный специально для дальних рейсов с тяжелыми грузами, крупнее, сложнее и новоровистей. Не станете же вы покупать «фиат-панду», чтобы возить мебель из Бристоля в Норвич, а мощную «вольво» – для поездки к косметичке. И не потому, что одна машина лучше, а другая хуже. Они просто разные – вот и все.

Это истина, которую мы никак не хотим признать. Единообразие стало нашей религией, и отношение к еретикам сегодня еще хуже, чем раньше. Но я все равно собираюсь признать эту истину, поскольку всегда чувствовал, что смирение перед лицом фактов было и остается единственным, что позволяет разумному человеку существовать в этом мире. «Смирению склони голову перед фактами, но гордо подними ее пред лицом чужих мнений», – как сказал однажды Джордж Бернارد Шоу.

На самом-то деле он этого не говорил. Мне просто захотелось придать авторитетности собственному наблюдению, так как я знаю, что вам оно не понравится.

Если мужчина хоть на мгновение поддастся демону секса, то... ну, то на то и выйдет. Просто мгновение. Спазм. Событие без продолжения. С другой стороны, сдержись он, припомни он как можно больше названий из каталога цветов «Дюлюкс» – или воспользуйся любым иным способом сдержаться, – и его тут же обвинят в холодной техничности. И в том и в другом случае, если вы обычный гетеросексуал, вам будет чертовски трудно выйти из современной сексуальной дуэли хоть с каким-нибудь достоинством.

Само собой, достоинство в таком деле отнюдь не главное. Но опять же, легко говорить,

когда оно у тебя есть. В смысле, достоинство. Просто сейчас у мужчин его практически не осталось. На сексуальной арене мужчину нынче судят по женским стандартам. Вы можете сколько угодно шипеть, неодобрительно фукать и втягивать воздух сквозь зубы, но так оно и есть. (Да, безусловно, мужчины судят женщин совсем по-иному – смотрят на них свысока, тиранят их, исключают как класс, притесняют, отравляют им жизнь, – однако в вопросах переплетения ног тон задают именно женщины. Так что это «панде» нужно пытаться стать как «вольво», а не наоборот.) Лично я еще ни разу не слышал, чтобы мужчины критиковали женщин за то, что для оргазма тем нужно не меньше четверти часа; а если и критиковали, то делали это без какого-либо высокомерия, эгоцентричности или косвенных обвинений в слабости. Как правило, мужчины сконфуженно сникают, сетуя на то, что, мол, да, такой уж у нее организм; что, мол, ей нужно было от меня лишь одного, а я не смог ей этого дать. Я полное ничтожество и сейчас же уйду – вот только найду второй носок.

По правде сказать, это настолько несправедливо, что граничит с нелепостью. Которая сродни другой нелепости – назвать «фиат-панду» дерьмовой машиной лишь потому, что в ее багажник нельзя впихнуть одежный шкаф. Да, «панду» можно назвать дерьмовой по разным другим причинам – потому что часто ломается, жрет масло или потому, что она едко-зеленая, а через все заднее стекло намалевано патетическое слово «Турбо», – но ее не назовешь дерьмовой в силу одной-единственной характеристики, ради которой эту машину и создавали, – ее миниатюрности. Точно так же, как и «вольво». Разве можно сказать, что эта тачка – дерьмо, раз она не в состоянии протиснуться под шлагбаумом на стоянке возле универсама и дать тебе улизнуть, не заплатив за парковку?

Если хотите, сожгите меня на костре инквизиции, но я все равно не откажусь от убеждения, что две эти машины – просто разные, вот и все. Созданные делать разные вещи, на разных скоростях и на разных типах дорог. Они просто разные. Неодинаковые. Их нельзя сравнивать.

Вот, теперь я сказал, что хотел. И мне ничуть не лучше.

Мы с Латифой занимались любовью дважды перед завтраком и еще разок – после, и часам к десяти мне даже удалось припомнить «жженую умбру», что в сумме составило тридцать одно название – мой личный рекорд.

– Сиско, скажи мне одну вещь?

– Конечно, Рик. Валяй.

Скользнув по мне взглядом, он потянулся к приборной панели и вдавил прикуриватель.

Я задумался на минутку. На долгую, тормозную, миннесотскую минутку.

– Откуда берутся бабки?

Прежде чем он ответил, мы успели проехать пару километров.

Мы сидели в его «альфа-ромео» – только он и я, – отматывая километры Солнечной автострады, соединяющей Марсель с Парижем. И если он еще хоть раз поставит «Рожденного в США», я запросто могу сблевануть.

С момента покушения на Дёрка Ван дер Хоу прошло уже три дня, и «Меч правосудия» чувствовал себя практически неуязвимым: газеты о нас позабыли, а полиция до сих пор чесала свои компьютеризированные, сведения-собирающие головы, при полном отсутствии каких-либо зацепок.

– Откуда берутся бабки, – повторил наконец Франциско, барабаня пальцами по рулевому колесу.

– Да.

За окошком гудело и жужжало шоссе. Широкое, прямое, французское.

– Зачем тебе?

Я пожал плечами:

– Да так... просто... думаю.

Он расхохотался, словно какой-нибудь сумасшедший рок-н-ролльщик.

– А ты не думай, Рикки, дружище. Ты просто делай свое дело. У тебя это хорошо получается. Вот и продолжай в том же духе.

Я тоже рассмеялся, потому что так Франциско заставлял меня почувствовать себя лучше.

Будь он дюймов на шесть повыше, он точно взъерошил бы мне волосы на манер доброго старшего братца.

– Ага. Только я все равно думал...

Я замолчал. Следующие секунд тридцать мы сидели, чуть выпрямившись, пока мимо не промчался полицейский «пежо». Франциско слегка отпустил газ и поехал помедленнее.

– Я думал... ну, типа, когда расплачивался в гостинице... и я подумал, это же большие бабки... ну, нас, типа, шестеро... гостиницы там и все такое... билеты на самолет... куча денег. И я подумал... типа, откуда у нас бабки? Ну, кто-то же за нас платит, так?

Франциско великодушно кивнул, словно помогал мне разрешить трудную проблему с подружкой:

– Конечно, Рикки. Кто-то за нас платит. Кто-то всегда должен платить.

– Во! Я так и думал. Кто-то должен платить. Ну, я, типа, и подумал... в смысле... кто?

Какое-то время он смотрел вперед, а затем медленно повернул голову и взглянул на меня. Долгим взглядом. Таким долгим, что мне пришлось все время отвлекаться на дорогу, чтобы убедиться, что мы сейчас не врежемся в колонну фур-дальнобоев.

А в перерывах еще и успевать глупо хлопать глазами под его пронизывающим взглядом. «Рикки не опасен, – сигнализировал я. – Рикки – честный солдат. Рикки – наивная душа, он просто хочет знать, кто платит ему зарплату. Рикки не представляет, не представлял и никогда не будет представлять никакой угрозы».

Я нервно хихикнул:

– Ты не хочешь посмотреть на дорогу? В смысле, типа... ну, ты знаешь.

На миг Франциско закусил губу, а затем вдруг засмеялся и перевел взгляд на шоссе.

– Помнишь Грега? – спросил он немного нараспев.

Я сморщил лоб. Очень старательно. Рикки не помнит почти ничего, что происходило больше чем несколько часов назад.

– Грег, – повторил он еще раз. – У которого «порш». Тот, что с сигарами. Он еще фоткал тебя на паспорт.

Я выждал еще немного, а затем энергично закивал:

– Грег, точно, помню. У него «порш».

Франциско улыбнулся. Возможно, подумал: «Какая разница, что я ему тут наговорю? Он же все равно забудет это раньше, чем мы доберемся до Парижа».

– Точно. Так вот, этот Грег – очень толковый мужик.

– Да? – удивился я, словно для меня это было что-то новенькое.

– Еще какой. Реально толковый. Толковый мужик с бабками. И не только.

Я снова задумался

– А по мне – так он полный придурок.

Франциско удивленно взглянул на меня, но тут же заржал как лошадь и забарабанил по рулю кулаком.

– Точно, придурок, – орал он. – Придурок долбанутый!

Я заржал вместе с ним, сияя от гордости, что смог рассмешить моего командира. Угомонились мы не сразу. Отсмеявшись, Франциско даже вырубил наконец Брюса Спрингстина. Я чуть не расцеловал его за это.

– Грег работает в паре с еще одним мальцом. – Лицо Франциско вдруг посерьезнело. – Из Цюриха. Они типа финансистов. Крутят бабки, заключают сделки, проворачивают крупные дела. Разные дела. Врубаешься? – Он посмотрел на меня, и я послушно сдвинул брови, демонстрируя работу мысли. Похоже, именно это ему и требовалось. – Ладно, проехали. Короче Грегу звонят. Потом приходят деньги. И делай с ними чего хочешь. Хочешь – в банк клади, не хочешь – трать. По фиг.

– То есть у нас, типа, есть счет в банке? – спросил я, лыбясь во весь рот.

Франциско тоже осклабился:

– Конечно, у нас есть счет в банке, Рикки. У нас целая куча счетов в целой куче банков.

Я покачал головой в изумлении от такой изобретательности, а затем снова сдвинул брови:

– Значит, Грег платит бабки за нас? Но не свои же?

– Нет, не свои. Он их крутит и имеет свою долю. Я думаю, неслабую, судя по тому, что он

рассекает на «поршаке», а мне приходится ковылять на какой-то сраной «альфе». Но это не его бабки.

– А чьи? – спросил я. Наверное, чересчур поспешно. – В смысле, кого-то одного? Или, типа, многих, а?

– Одного.

Франциско вперил в меня еще один – последний, долгий, решающий – взгляд. Проверая, взвешивая, пытаюсь вспомнить, сколько раз я раздражал его и сколько раз он оставался мною доволен. Соображая, достаточно ли я старался, чтобы заслужить бесценную информацию, знать которую мне не полагалось ни по рангу, ни по праву, ни по поводу. Наконец Франциско отвернулся и шмыгнул носом, как он всегда поступал, когда собирался сказать что-то очень важное.

– Я не знаю его имени. То есть его настоящего имени. Но для денежных дел у него свое имя. В смысле, в банках.

– Да?

Я изо всех сил старался, чтобы Сиско не заметил, как я затаил дыхание. Теперь он явно издевался надо мной, растягивая удовольствие.

– Да? – повторил я снова.

– Лукас, – сказал он наконец. – Майкл Лукас.

Я кивнул.

– Круто.

Спустя некоторое время я прислонился головой к окошку и притворился спящим.

Есть одна штука, и Христос про нее знал.

Я предавался размышлениям под монотонное гудение движка, приближавшее нас к Парижу. В любом деле есть своя философия. Просто раньше я об этом как-то не задумывался.

Я всегда полагал, что первым в списке стоит «не убий». Самая главная заповедь. Ну разумеется, еще нельзя пялиться на задницу соседки, прелюбодействовать, сотворять себе кумиров и без почтения относиться к папе с мамой.

Но прежде всего, «не убий». Заповедь с большой буквы. Которую помнят все, потому что она кажется самой правильной, самой истинной и самой абсолютной.

Однако есть еще одна заповедь, о которой все почему-то забывают. «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». Да, конечно, по сравнению с «не убий» это кажется пустяком. Мелочевкой. Примерно как нарушить правила парковки.

Но когда эту заповедь швыряют тебе прямо в лицо, когда кишки твои реагируют раньше, чем мозг, – вот тогда ты внезапно понимаешь: мораль, принципы и ценности – все это не более чем пшик.

Умре прострелил Майку Лукасу горло – и это был один из самых бесчестных поступков, какие я когда-либо видел в жизни – жизни, отнюдь не стерильной. Но оказалось, что есть поступки и похуже. По расчету ли, ради хохмы или в силу административной аккуратности, но Умре не только убил Майку, он оболгал его, забрал у него жизнь не только физическую, но и моральную, он лишил его всего – существования, памяти, репутации, доброго имени. И все это с одной лишь целью – замести собственные следы и повесить все свои будущие преступления на молодого парня из ЦРУ.

И в тот момент, когда я осознал это, для меня изменилось все. С этого самого момента я разозлился уже не на шутку.

21

Похоже, у меня отлетела пуговица с ширинки.

Мик Джаггер

Франциско дал нам десять дней отпуска – отдохнуть и восстановить силы.

Бернард сказал, что собирается в Гамбург. Сообщил он это с такой хитрющей мордой, что

сразу стало ясно – без секса здесь не обойдется. Сайрус уехал в Эвиан-ле-Бен, так как его мать была при смерти, – хотя позднее выяснилось, что при смерти она была в Лиссабоне и Сайрису просто хотелось оказаться как можно дальше, когда она наконец отправится на небеса. Бенджамин с Хьюго улетели в Хайфу – понырять с аквалангом, а Франциско завис в нашей парижской квартире, ломая комедию о командирском одиночестве.

Я же объявил, что собираюсь в Лондон, и Латифа тут же решила ехать со мной:

– Слушай, мы так классно оторвемся! Я покажу тебе кучу мест. Лондон – потрясный город!

И она сладко улыбнулась.

– Да пошла ты! – отрезал я. – На хрена мне, чтоб ты за мной таскалась?!

Да, согласен, грубо, и мне совсем не хотелось так говорить. Однако риск, что какой-нибудь идиот, заметив меня с Латифой на лондонской улице, вдруг заорет во все горло: «Томас, старина, сто лет тебя не видел! А что это с тобой за телка?» – был так велик, что мне даже думать не хотелось об этом. Мне требовалась свобода передвижения, и единственным способом получить ее было сбросить Латифу с хвоста.

Разумеется, можно было насочинять басен про стареньких дедулю с бабулей, про семерых детишек или про визит к личному консультанту-венерологу, но в конечном счете послать ее на три буквы показалось мне проще всего.

Из Парижа в Амстердам я перелетел по паспорту Бальфура, а затем битый час избавлялся от всевозможных американцев, у которых могло хватить ума проследить за мной. И не то чтобы у них были какие-то особые причины. Стрельба в Мюррене убедила большинство из них в том, что со мной можно иметь дело, да и Соломон наверняка порекомендовал ослабить поводок.

И все же я хотел, чтобы в ближайшие несколько дней ни одна бровь не взлетела в изумлении и чтобы никто не смог воскликнуть «а это еще что?», следуя за мной по пятам. Вот поэтому-то, оказавшись в аэропорту Схипхол, я купил и тут же выбросил билет до Осло, обзавелся новой одеждой и солнцезащитными очками и вскоре вышел из туалета Томасом Лэнгом, хорошо известным «пустым местом».

В Хитроу я добрался к шести вечера и поселился в отеле «Пост-Хаус». Кстати, весьма удобное местечко, поскольку расположено недалеко от аэропорта, и одновременно местечко кошмарное, поскольку расположено недалеко от аэропорта.

Я долго отмокал в ванне, а затем плюхнулся на кровать и, вооружившись пачкой сигарет и пепельницей, набрал номер Ронни. Хотелось попросить ее об одной услуге – услуге, о которой прямо в лоб не скажешь, – так что я устроился поудобнее, зная, что разговор предстоит долгий.

Мы и в самом деле долго болтали о том о сем, и это было очень приятно. Приятно само по себе, но вдвойне приятно потому, что за наш разговор придется платить Умре. А также за шампанское со стейком, которые я заказал прямо в номер, и за лампу, которую я разбил, когда запнулся о ножку кровати. Разумеется, я прекрасно понимал, что при его доходах ему хватит на это сотой доли секунды, но на войне надо уметь радоваться и микроскопическим триумфам.

Пока ждешь настоящей, большой победы.

– Прошу вас, мистер Коллинз, присаживайтесь.

Секретарша щелкнула переключателем и проговорила себе под нос:

– Мистер Коллинз к мистери Барраклоу.

Само собой, говорила она вовсе не себе под нос, а в тонюсенький микрофончик, присобаченный к головному телефону, прятавшемуся в гуще ее пышной прически. Но мне потребовалось добрых пять минут, чтобы уяснить это. У меня даже мелькнула мысль, а не предупредить ли здешних служащих, что у их секретарши, похоже, крыша слегка того?

– Минутку – сказала она. То ли мне, то ли микрофону, черт его разберет.

Я сидел в конторе под названием «Смитс Вельде Керкплайн». Играй я в «Эрудита», с таким словечком можно одним махом обеспечить себе победу. Но сейчас я не играл в «Эрудита», а был Артуром Коллинзом, художником из Тонтона.

У меня имелись сомнения, что миляга Филип вспомнит Артура Коллинза, но это было не так уж и важно. Мне нужна была хоть какая-то зацепка, чтобы подняться на двенадцатый этаж,

и личина Коллинза показалась мне лучшим вариантом. Во всяком случае, лучшим, чем «тут какой-то парень утверждает, что однажды переспал с вашей невестой».

Я встал и принялся неторопливо прохаживаться по приемной, взглядом художника оценивая образчики корпоративного искусства, которыми были увешаны стены. По большей части это была массивная серо-бирюзовая мазня с редкими – и очень странными – вспышками алого. Выглядела она так, будто создавалась в какой-нибудь экспериментальной лаборатории – скорее всего, так оно и было – специально для того, чтобы довести до предела чувство уверенности и оптимизма в груди первого, кто решится инвестировать в «СВК». Лично со мной этот номер не прошел, но я-то явился сюда совсем по иным соображениям.

В глубине коридора распахнулась одна из желтых дубовых дверей, и показалась голова Филипа.

Мгновение он щурился, видимо пытаюсь вспомнить, кто же я такой, а затем вышел в коридор.

– Артур. – Видно было, что он все еще колеблется. – Как поживаете?

На нем были ярко-желтые подтяжки.

Стоя ко мне спиной, Филип наливал кофе.

– Меня зовут не Артур, – сказал я, тяжело опускаясь на стул.

Его голова резко дернулась в мою сторону и так же резко вернулась обратно.

– Черт!

Филип потрянул манжетой, затем прокричал в открытую дверь:

– Джейн, дорогуша, принеси, пожалуйста, салфетку!

Он рассматривал кляксу из кофе, молока и размокшего печенья у себя на рукаве. «Да и хрен с ним!» – похоже, решил Филип.

– Простите... Так о чем вы говорили?

Филип осторожно обогнул меня, норовя укрыться за письменным столом. Он сел – очень-очень медленно. То ли потому, что мучился геморроем, то ли опасаясь подвоха с моей стороны. Я улыбнулся, давая понять, что у него геморрой.

– Меня зовут не Артур, – повторил я еще раз.

В кабинете повисло молчание, и тысячи возможных ответов загрохотали в мозгу Филипа, проносясь в его глазах как в окошках игрового автомата.

– О?! – выдал он наконец.

Два лимона и гроздь вишен. Нажмите «рестарт».

– Боюсь, в тот день Ронни солгала вам, – сказал я извиняющимся тоном.

Филип отклонился назад. На лице его застыла невозмутимая, любезная улыбка. «Что бы вы ни сказали – я останусь такой же».

– Неужели? – Пауза. – Как это гадко с ее стороны.

– Вы должны понять: между нами ничего не было. – Я сделал паузу, длительностью ровно в три эти слова, и выдал кульминацию: – На тот момент.

Филип вздрогнул. Заметно.

Само собой, это было заметно. Иначе я бы этого не заметил. То есть я хочу сказать, он не просто вздрогнул, он подпрыгнул – наверняка удовлетворив любого арбитра по вздрагиваниям.

Опустив взгляд на свои подтяжки, Филип заскоблил ногтем медную застежку.

– На тот момент. Понимаю. – Он посмотрел на меня. – Мне очень жаль, но прежде чем мы продолжим нашу беседу, я вынужден спросить ваше настоящее имя. Я имею в виду, если вы не Артур Коллинз...

Он замер, в отчаянии и панике, но не желая этого показывать. По крайней мере, мне.

– Меня зовут Лэнг. Томас Лэнг. И я сразу хочу сказать, что прекрасно понимаю, какой это для вас шок.

Он отмахнулся от моих неумелых извинений и впился зубами в свой кулак.

Пять минут спустя – Филип все еще терзал кулак – открылась дверь и на пороге возникли секретарша с кухонным полотенцем и Ронни.

Обе женщины застыли в дверях, изумленно хлопая ресницами. Разумеется, мы с Филипом моментально вскочили со стульев и тоже изумленно захлопали ресницами. Будь вы

кинорежиссером, точно сломали бы голову, решая, куда поставить камеру. Ронни оказалась первой, кто нарушил немую сцену с персонажами, извивающимися в одном и том же социальном аду.

– Дорогой, – воскликнула она.

Дурачина Филип тут же шагнул ей навстречу.

Однако Ронни устремилась к моей стороне стола, и бедолаге Филипу пришлось изображать некий неопределенный жест, обращенный к секретарше Джейн: мол, вон как все получилось с кофе, и вон как с печеньем, и тебе не трудно побыть умничкой и все такое?

К тому времени, когда он закончил с пантомимой и повернулся к нам, Ронни уже давила меня в страстных объятиях. Я отвечал ей тем же – сообразно обстоятельствам и потому, что мне и самому того хотелось. От Ронни очень приятно пахло.

Немного погодя она чуть ослабила хватку, слегка отстранилась и заглянула мне в глаза. Мне даже показалось, что я увидел слезы, – похоже, она со мной не играла. Затем Ронни повернулась к Филипу:

– Филип... ну, я не знаю, что сказать.

Собственно, это почти все, что она сумела выдать.

Филип поскреб загривок, покраснел – и вернулся к кофейному пятну на манжете. Истинный англичанин.

– Спасибо, Джейн. Оставь нас, пожалуйста, хорошо?

Он говорил, не поднимая глаз. Для ушек Джейн его слова стали настоящей музыкой, и она стремительно ретировалась. Филип изобразил некое подобие галантной улыбки:

– Итак?

– Да, – сказал я. – Итак. – Я улыбнулся ему в ответ. Такой же неуклюже-галантной улыбкой. – Собственно, это все. Мне очень жаль, Филип...

Мы простояли так втроем еще, наверное, целую вечность, словно ожидая, пока из суфлерской будки не прошепчут следующую реплику. Наконец Ронни повернулась ко мне. Ее глаза подсказывали: «Давай, сейчас самое время».

Я глубоко вздохнул.

– Кстати. – Я отцепился от Ронни и шагнул к столу. – Не мог бы я попросить вас... ну... об одной услуге?

Филип выглядел так, словно я только что уронил на него пятиэтажный дом.

– Услуге?

Видно было, что ему ужасно хочется взорваться и сейчас он мысленно взвешивает все «за» и «против».

Ронни неодобрительно зашипела у меня за спиной:

– Не надо, Томас.

Филип посмотрел на нее и едва заметно нахмурился, но она не обратила на него никакого внимания:

– Ты же обещал.

Момент был выбран просто идеально.

Филип втянул носом воздух. Пусть сладости особой он еще не ощущал, но и горечь уже ослабла. Тридцать секунд назад мы объявили себя единственной счастливой парой в этом кабинете, и гляди-ка – похоже, у нас уже намечается размолвка.

– Что за услуга? – спросил он, складывая руки на груди.

– Томас, я же сказала: нет.

Снова Ронни – на этот раз уже довольно раздраженно.

Я не спешил поворачиваться к ней – будто эта ссора у нас далеко не первая.

– Послушай, он ведь может отказаться, не так ли? То есть... господи...

Ронни сделала пару шажков вперед и остановилась практически посередине между нами. Филип опустил глаза на ее бедра. Я видел, что он мысленно оценивает наши позиции. «Нет, не все еще потеряно», – пронеслось у него в мозгу.

– Ты не должен пользоваться своим преимуществом, Томас. – Ронни еще чуточку сдвинулась в сторону Филипа. – Это нечестно. Слышишь? Не сейчас.

– О господи! – простонал я, опуская голову.

– Что за услуга? – повторил Филип. Я чувствовал, как в нем просыпается надежда.

Ронни подвинулась еще ближе:

– Нет, Филип. Не делай этого. Мы сейчас уйдем...

– Послушай. – Я по-прежнему не поднимал головы. – Второго такого шанса может никогда не быть. Я должен спросить его. Это моя работа, помнишь? Задавать вопросы.

В мой голос проникли язвительно-гаденькие нотки. Для Филипа они были точно бальзам на душу.

– Филип, прошу тебя, не слушай его. Прости меня...

Ронни злобно зыркнула в мою сторону.

– Нет-нет, все нормально.

Филип перевел взгляд на меня. Он не спешил, понимая, что сейчас главное не ошибиться.

– А кстати, Томас, что у тебя за работа?

Мило: Томас и «ты». Только уверенный в себе мужчина способен так фамильярничать с типом, который только что умыкнул у него невесту!

– Он журналист.

Ронни опередила меня с ответом. «Журналиста» она буквально выплюнула, будто это было нечто непристойное. Впрочем, если хорошенько подумать...

– Ты журналист, и ты хочешь меня о чем-то попросить? Давай, не стесняйся.

Филип уже улыбался. Милостивый даже к победителю. Истинный джентльмен.

– Томас, мы же договорились. Если ты сейчас спросишь его, то...

Невысказанная угроза повисла в воздухе. Филипу явно хотелось, чтобы Ронни закончила фразу.

– То – что? – отрезал я довольно грубо.

Ронни смерила меня разъяренным взглядом, развернулась и демонстративно уставилась в стену. При этом она нечаянно коснулась Филипа, и я заметил, как тот слегка вздрогнул. Исполнено было гениально. «Осталось совсем чуть-чуть, – думал он. – Главное – не торопиться».

– Я готовлю статью о распаде государства-нации.

Мой голос звучал устало. Всех тех немногих журналистов, с кем мне доводилось общаться, объединяла одна общая черта – состояние вечного изнеможения, вызванное необходимостью иметь дело с людьми, которые гораздо менее интересны, чем они сами. Копия в моем исполнении была не так уж плоха.

– И об экономическом превосходстве многонациональных предприятий над правительственными органами, – невнятно добавил я. Будто каждый болван на свете обязан знать, что нынче это один из самых злободневных вопросов.

– И для какой газеты, Томас?

Я плюхнулся обратно на стул. Теперь они стояли вместе по другую сторону стола, а я сидел – один, опустив плечи. Еще бы пару раз рыгнуть и начать выковыривать из зубов остатки шпината – и Филип окончательно уверится, что победа не за горами. Я сердито дернул плечами:

– Да любой, которая возьмет ее.

Теперь Филип явно жалел меня. Интересно, как это он только мог считать меня серьезным соперником?

– И что тебе нужно? Информация?

Победный выход на финишную прямую.

– Да, точно. Информация о движении денег. Я хочу знать, как можно обходить разные валютные законы, как крутить деньги, чтобы никто ничего не узнал. Мне нужна только общая картина, но есть и парочка конкретных случаев, которые меня интересуют.

С этими словами я и в самом деле тихонько рыгнул.

– Господи, Филип, скажи, чтобы он проваливал отсюда! – взорвалась Ронни, испепеляя меня взглядом. Мне даже стало немного страшно. – Мало того, что он нагло приперся...

– Послушай, не суйся не в свое дело, ладно?! – Я зло посмотрел на Ронни. Со стороны мы выглядели как муж с женой, что несчастливы вместе много-много лет. – Филип же не против. Правда ведь, Фил?

Филип явно вознамерился подтвердить, что он совсем не против, более того, все просто чудесно и замечательно, но Ронни не позволила ему этого сделать. Она едва сдерживала ярость.

– Да он просто старается быть вежливым, тупица! – заорала она. – Филип – воспитанный человек.

– Не в пример мне, да?

– Ты сам это сказал.

– А ты могла бы и промолчать.

– Ой, какие мы обидчивые!

Назревал серьезный скандал. Причем, заметьте, без единой репетиции.

В кабинете повисла долгая, раздраженная пауза, и Филип, похоже, испугался, что все может рухнуть в самый последний момент.

– Ты хотел отследить движение каких-то конкретных денег, Томас? – спросил он. – Или тебя вообще интересуют механизмы?

Бинго!

– В идеале – и то и другое, Фил.

Спустя полтора часа я оставил Филипа вместе с его компьютерным терминалом и списком «реально близких корешей, которые кое-чем ему обязаны» и двинул через Сити к Уайтхоллу. Где поймел совершенно отвратительный ланч с О'Нилом. Хотя еда оказалась очень даже ничего.

Для начала мы поболтали о том о сем, а затем я вкратце пересказал ему всю историю. По ходу рассказа цвет лица О'Нила менялся на глазах, сначала от розового к белому, потом от белого к зеленому. Когда же я изложил свои соображения насчет возможного – и, на мой взгляд, просто потрясающего – завершения дела, он стал совсем серым.

– Лэнг, – прохрипел он, когда принесли кофе, – вы не можете... то есть... я даже представить себе не могу, что вы...

– Послушайте, мистер О'Нил. Я не спрашиваю вашего разрешения. (Он прекратил хрипеть и просто сидел напротив меня, шлепая губами, как рыба без воды.) Я сообщаю, что, по моему мнению, должно произойти дальше. Просто из любезности. – Надо признаться, весьма странное словечко для такой ситуации. – Я хочу, чтобы и Соломон, и вы, и весь ваш департамент смогли выкарабкаться из этой передрыги, не слишком перепачкав рубашки желтком. Вы можете воспользоваться этим шансом, а можете отказаться. Вам решать.

– Но... – Он все еще колебался. – Вы же не можете... то есть... я ведь могу сдать вас полиции.

Похоже, он и сам понял, что ляпнул глупость.

– Разумеется, можете. Если хотите, чтобы ваш департамент разогнали за сорок восемь часов, а кабинеты превратили в вертеп для Министерства сельского хозяйства и рыбоохраны, тогда – вперед! Сдать меня полиции – просто идеальный способ начать процесс. Ну что, вы дадите мне его адрес?

Он пошлепал губами еще немного, но затем словно встряхнулся и, приняв для себя решение, начал украдкой разбрасывать театральные взгляды по всему ресторану – так, будто давал понять остальным обедающим: «Я Не Собираюсь Передавать Этому Человеку Никаких Важных Листочков Бумаги».

Я взял у него адрес, залпом проглотил остатки кофе и поднялся из-за стола. Уже на выходе я обернулся. О'Нил явно прикидывал, как бы смыться в отпуск на весь следующий месяц.

Адрес привел меня в Кентиш-Таун, к одной из муниципальных малоэтажек постройки шестидесятых годов. Свежевыкрашенные деревянные вставки, цветочные ящики на окнах, аккуратно подстриженная живая изгородь и отштукатуренные гаражи с одной стороны. Даже лифт работал.

Я стоял в ожидании на открытой площадке третьего этажа и пытался представить себе, какая же серия вопиющих бюрократических ошибок должна была произойти, чтобы район выглядел настолько ухоженным. Почти везде в Лондоне принято собирать помойные баки с

зажиточных улиц и вываливать их содержимое в микрорайонах, застроенных муниципальными домами, а для довершения картины полагается еще и подпалить парочку «фордов-кортин». Везде, но только не здесь. Здесь было чисто, прилизано, все работало, а люди явно не испытывали ощущения, что достойная жизнь происходит где-то там, за горизонтом. Мне даже захотелось написать кому-нибудь резкое письмо. А затем разорвать его в клочья и расшвырять по всему газону.

В этот момент распахнулась украшенная стеклянными витражами дверь с номером четырнадцать. На пороге стояла женщина.

– Здравствуйте, – сказал я. – Меня зовут Томас Лэнг. Мистер Райнер дома?

Пока я излагал суть дела, Боб Райнер кормил золотых рыбок.

На сей раз он был в очках и желтом свитере для гольфа – что, вероятно, разрешается крутым парням, когда у них выходной. Его жена принесла чай с печеньем. Первые десять минут мы оба чувствовали легкую неловкость. Я поинтересовался, как его голова, а он сказал, что иногда побаливает; тогда я сказал, что мне очень жаль, а он сказал, чтоб я не беспокоился, так как головные боли у него случались и раньше – еще до того, как я его треснул.

– Как думаешь – достать сможешь? – спросил я.

Он постукал пальцами по стеклу аквариума – рыбок, похоже, это несколько не впечатлило.

– Это недешево, – ответил он, немного подумав.

– Ничего.

И это было правдой. Поскольку платить все равно придется Умре.

22

*В Оксфорде – прорва ученых,
Грамотный это народ,
Но кто самый мудрый на свете?
Конечно же, мистер Тоуд!*
Кеннет Грэм

Остаток моей экскурсии по Лондону ушел на разного рода приготовления.

Сначала я напечатал длинное, невразумительное заявление, описывающее, естественно, лишь те моменты моих походов, где я показал себя порядочным и умным человеком. Заявление я передал мистеру Халкерстону из Национального Вестминстерского банка в Суисс-Коттедже. Длинным оно получилось потому, что некогда было сочинять короткое, а невразумительным – потому что в моей печатной машинке не хватает буквы «д».

Халкерстон как-то даже разволновался. Не знаю, то ли из-за меня, то ли из-за толстого коричневого конверта, что я ему всучил. Он спросил, не будет ли у меня каких-то особых инструкций насчет обстоятельств, при которых следует его открыть, и, когда я сказал, что полностью полагаюсь на его здравый смысл, он поспешно положил конверт на стол и попросил кого-то из служащих немедленно забрать его и унести в хранилище.

Остаток полученной от Вульфа суммы я перевел в дорожные чеки.

Почувствовав себя состоятельным человеком, я отправился в уже знакомый «Блиц Электроникс» на Тоттнем-роуд, где провел около часа за беседой о радиочастотах с очень милым человеком в тюрбане. Индус заверил, что «Зеннхайзер Микропорт SK 2012» – это именно то, что мне нужно, и чтобы я не поддавался ни на какие суррогаты. Я и не поддался.

Затем я отправился на восток, в Ислингтон – повидаться со своим адвокатом. Тот долго тряс мне руку и добрую четверть часа убеждал, что мы непременно должны сыграть в гольф еще раз. Я согласился, что это замечательная мысль, но заметил, что, строго говоря, чтобы сыграть в гольф *еще*, нам надо сыграть хотя бы *раз*. Адвокат залился краской и сказал, что, должно быть, спутал меня с неким Робертом Лэнгом. Я ответил, что, мол, бывает, и мы занялись моим завещанием, согласно которому все мое движимое и недвижимое в случае моей смерти отходило Фонду помощи детям.

А затем, когда до возвращения в окопы оставалось сорок восемь часов, я столкнулся с Сарой Вульф.

Когда я говорю «столкнулся», я действительно имею в виду, что столкнулся с ней.

На пару дней я взял напрокат «форд-фиесту». «Фиеста» должна была возить меня по Лондону, покуда я не заключу окончательный мир со своим Создателем и своими Кредиторами; и так уж случилось, что по ходу моей миссии я оказался в желанной близости от Корк-стрит. И вот, без какой бы то ни было причины, в которой я готов был сознаться, я свернул налево, затем направо, а затем еще раз налево – пока не очутился среди галерей, большая часть которых уже закрылась. В памяти всплыли счастливые дни. Разумеется, в реальности они вовсе не были такими уж счастливыми. Просто днями с Сарой. Но мне этого хватало.

Солнце стояло низко и светило ярко. Кажется, из радио сочилось что-то вроде: «Ну разве она не ангел?», когда я на долю секунды повернул голову к дому Гласса. И как раз в тот момент, когда я поворачивал ее обратно, прямо передо мной, откуда-то из-за фургона, вдруг метнулась вспышка голубого.

Да-да, настаиваю, «метнулась». По крайней мере, именно это слово я употребил бы при составлении протокола. Хотя, наверное, «шагнула», «выбрела», «выдвинулась» и даже «вышла» – любой из этих глаголов был бы гораздо ближе к истине.

Я резко – и чересчур поздно – вдавил педаль тормоза и буквально оцепенел от ужаса, наблюдая, как голубая вспышка отпрянула назад, но устояла на ногах, а затем оперлась о капот «фиесты», пока передний бампер скользил прямо к ее голени.

Хотя, по большому счету, беспокоиться было не о чем. Причем абсолютно. Будь на бампере грязь, я бы коснулся ее. Но бампер был чистый, и я ее не коснулся, а потому мигом разозлился. Я рывком распахнул дверцу и наполовину высунулся из машины, собираясь выяснить, какого хрена ей надо, когда вдруг сообразил, что ноги, которые я чуть не переломал, мне явно знакомы. Подняв глаза, я увидел, что у голубой вспышки есть лицо, есть потрясающие серые глаза, от которых взрослый человек вдруг начинает лепетать всякую чушь, будто слюнявый младенец, и есть великолепные зубки, добрая половина которых в настоящий момент была выставлена напоказ.

– Боже! – воскликнул я. – Сара!

Она тарачилась на меня. Лицо ее побелело: наполовину от шока и еще наполовину – тоже от шока.

– Томас?!

Мы смотрели друг на друга.

И пока мы смотрели друг на друга – стоя там, на Корк-стрит, Лондон, Англия, в ярких лучах солнца, под сантименты Стиви Уандера, – мир вокруг нас словно как-то вдруг изменился.

Не знаю, как все произошло, но за эти несколько секунд все покупатели, бизнесмены, строители, туристы и инспекторы дорожного движения со всеми их туфлями, блузками, брюками, платьями, ботинками, носками, часами, машинами, закладными, брачными союзами, аппетитами и амбициями – все они просто растаяли на глазах.

И остались только мы с Сарой. Стоящие там, в очень тихом, почти беззвучном мире.

– Ты в порядке? – спросил я лет примерно через тысячу.

Надо же было что-то сказать. Хотя я и сам не знал, что имел в виду. В смысле, в порядке ли она, потому что я не сделал ей больно? Или потому что ей не сделало больно множество других людей? Сара смотрела на меня так, словно тоже этого не знала, но потом, похоже, решила, что речь все же идет о первом:

– Да, все отлично.

И тут, словно обеденный перерыв вот-вот закончится, статисты из нашего фильма разом задвигались и зашумели. Тараторя, шаркая туфлями, кашляя, роняя разные вещи. Сара осторожно отжалась от капота. Я перевел взгляд – на металле остались вмятины.

– Ты уверена? Ты же, наверное...

– Правда, Томас, я в порядке. – Возникла пауза, которую она использовала, чтобы

поправить платье, а я – понаблюдать, как она это делает. Наконец она взглянула на меня: – А ты?

– Я? Я...

«Ну, – хотел сказать я, – с чего бы начать?»

Мы пошли в паб. «Герцог Какой-то-там-шир-ский», заткнутый в угол бывшей конюшни неподалеку от Баркли-сквер.

Сев за столик, Сара открыла сумочку. Покуда она – как это умеют только женщины – копалась внутри, я спросил, не хочет ли она чего-нибудь выпить. «Виски, и побольше», – был ее ответ. Я не смог припомнить, можно ли давать алкоголь людям, только что пережившим сильное потрясение, но зато я прекрасно знал, что в лондонских пивных не принято спрашивать чай, а потому поспешил к бару и заказал два двойных «Макаллана».

Продолжая наблюдать за ней, за окнами и за дверью.

Не может быть, чтобы они не следили за ней. Просто не может быть.

При тех ставках, что были на кону, я даже помыслить не мог, чтобы они позволили ей бродить по городу без свиты. Для них я был львом (если вы хоть на миг можете в это поверить), а она – козочкой на привязи. Было бы сумасшествием отпустить ее на вольные хлеба.

Если только...

Но никто не входил, никто не пялился сквозь стекла, никто не прохаживался перед входом, искоса заглядывая внутрь. Никто. Я взглянул на Сару.

Она разобралась с сумочкой и теперь сидела, глядя куда-то в центр зала с совершенно отсутствующим лицом. То ли пребывала в транс. То ли размышляла о том, что влипла. Не знаю. Но я ни секунды не сомневался – Сара в курсе, что я за ней наблюдаю. А потому было немного странно, что она не смотрела на меня. Впрочем, странность – это еще не преступление.

Я забрал выпивку и направился обратно к столику.

– Спасибо.

Она взяла бокал и залпом опрокинула в себя.

– Эй, полегче, – сказал я.

На какой-то миг в глазах ее полыхнула ярость, точно я был еще одним из длиннющей очереди желающих встать ей поперек дороги; одним из тех, кто приказывает, что ей делать. Но тут она, похоже, все-таки вспомнила, кто я такой, – или вспомнила притвориться, что вспомнила, – и улыбнулась. Я улыбнулся в ответ.

– Двенадцать лет в дубовой бочке, – бодро начал я, – на каком-нибудь шотландском холме в ожидании своего звездного часа – и на тебе! Даже на язык не попасть! Кому теперь захочется быть солодовым виски?

Что-то я разболтался. Однако, учитывая обстоятельства, я чувствовал, что имею на это право. В меня стреляли, меня избивали, сбрасывали с мотоцикла, сажали в тюрьму, мне лгали, угрожали, со мной трахались, меня сравнивали с грязью, меня заставляли стрелять в посторонних людей. Много месяцев я рисковал жизнью, а через несколько часов снова отправлюсь рисковать. Но теперь уже не только своей жизнью, но и жизнью очень многих людей, кое-кто из которых мне очень нравится.

И причина всего этого – главный приз в финале японской телевикторины, в которой я живу уже не помню сколько, – сидела сейчас прямо передо мной в уютном, теплом лондонском пабе и глушила виски. А снаружи гуляли люди, покупали запонки и высказывались по поводу удивительно хорошей погоды.

Думаю, на моем месте вы бы тоже разболтались.

Мы вернулись к «форду», и я сел за руль. Сара так почти ничего и не сказала, кроме того, что никто за ней не следит и что она в этом абсолютно уверена. А я ответил, что, мол, хорошо, какое облегчение, – но не поверил ей ни на йоту. Я вел машину, то и дело поглядывая в зеркало. Я сворачивал на узкие улочки с односторонним движением, выезжал на пустые автострады, резко перестраивался из ряда в ряд – но не заметил ничего странного. Подумав, что хрен с ними, с расходами, я пронырнул сквозь две двухярусные автостоянки, прекрасно зная, какая это головная боль для преследующего тебя автомобиля. Но никого так и не заметил.

Оставив Сару в машине, я облазил «форд» вдоль и поперек в поисках «маячков». Минут пятнадцать я шарил пальцами под бамперами и колесными арками, пока полностью не убедился, что там пусто. Я даже пару раз прижимался к обочине и проверял небо на предмет грохочущих полицейских вертолетов.

Ничего.

Будь я человеком азартным и будь у меня что поставить на кон, я поставил бы абсолютно все на то, что я чист, хвоста за мной нет и никто за мной не следит.

Что я одинок в их тайном мире.

Часто говорят: «сумерки опустились» или «ночь опустилась». Мне всегда казалось, что это неправильно. Возможно, кто-то, неважно кто, имел в виду опускающееся солнце. Но в таком случае опускаться должен день. «День опустился на медвежонка Руперта». Если вы прочли хотя бы одну книжку, то знаете, что день не опускается и не поднимается. День настаёт. В книжках день настаёт, а ночь опускается.

А в жизни все наоборот – ночь поднимается от земли. День зависает до последнего, энергичный и светлый, никак не желая покидать такую чудную тусовку. А земля постепенно темнеет, и ночь затекает под брюки, обволакивая ваши лодыжки и безнадежно заглатывая завалившуюся куда-то контактную линзу.

Итак, ночь поднималась в лесопарке Хэмпстед-Хит. Мы с Сарой медленно брели рядом, иногда держась за руки, иногда – нет.

По большей части мы шли молча, вслушиваясь в звуки собственных шагов – по траве, по грязи, по камням. То там, то сям мелькали стрижи, проносясь между деревьями и кустами, словно вороватые гомики; а вороватые гомики носились туда и сюда почти как стрижи. В ту ночь жизнь в лесопарке кипела. Хотя, возможно, она каждую ночь там кипит. Казалось, что мужчины повсюду. Поодиночке, парами, тройками и т. д., они приценивались, подавали друг другу сигналы, договаривались и били по рукам – чтобы воткнуться друг в друга, как штепсель в розетку, отдать или получить электрический заряд, а затем вернуться домой и сосредоточиться на очередной серии про инспектора Морса.

«Вот они, мужчины, – думал я. – И вот она, освобожденная мужская сексуальность. Не без любви, но и не с любовью. Быстро, четко, энергично. „Фиат-панда“, по сути».

– О чем ты думаешь?

Сара шла, глядя под ноги.

– О тебе, – почти без запинки среагировал я.

– Обо мне? – Еще несколько шагов. – Хорошо или плохо?

– О, хорошо, разумеется. – Я взглянул на нее, но она все так же хмуро смотрела себе под ноги. – Разумеется, хорошо, – повторил я для верности.

Мы вышли к пруду и остановились. Смотрели на воду, швыряли камешки – словом, отдавали дань древнему инстинкту, что влечет человека к водоемам. Мне вспомнилась наша последняя встреча. Только мы вдвоем, на речном берегу в Хенли. До Праги, до «Меча», до всего остального.

– Томас.

Я повернулся и посмотрел на нее. У меня вдруг возникло ощущение, что все это время она что-то репетировала про себя и теперь ей не терпится высказаться.

– Сара.

Она продолжала смотреть вниз.

– А что, если бросить все и сбежать?

На секунду она замолчала, а затем наконец подняла на меня глаза – эти прекрасные, огромные, серые глаза, – и я увидел в них отчаяние.

– Вдвоем. Убраться отсюда к чертовой матери!

Я вздохнул. В каком-нибудь другом мире это, может, и получилось бы. В другом мире, в другой вселенной, в другое время, будь мы оба другими людьми – нам, может, и удалось бы бросить все и улететь на какой-нибудь залитый солнцем островок посреди Карибского моря. И заниматься сексом, и пить ананасовый сок – нон-стоп, круглый год.

Но сейчас этот номер не пройдет. Все, над чем я так долго размышлял, теперь было мне

известно, и я жалел, что знаю теперь то, что знаю.

Я еще раз глубоко вздохнул.

– Как близко ты знакома с Расселом Барнсом?

Она моргнула.

– Что?

– Я спрашиваю как близко ты знакома с Расселом Барнсом?

Какое-то мгновение она пристально смотрела на меня, а затем издала что-то вроде смешка. Я и сам так делаю, когда чувствую, что пахнет жареным.

– Барнс. – Отведя взгляд в сторону, она небрежно качнула головой, словно я спросил, что ей больше нравится – «пепси» или «кока». – Какого черта.

Я крепко сжал ее локоть и рывком развернул к себе.

– Отвечай на вопрос, черт тебя подери!

Отчаяние в ее взгляде переросло в панику. Я пугал ее. Сказать по правде, я пугал самого себя.

– Томас, я не знаю, о чем ты говоришь.

Что и требовалось доказать.

Последний лучик надежды угас безвозвратно. Когда она солгала мне – здесь, у воды, в поднимающейся ночи, – я понял все.

– Это ведь ты позвонила им, да?

Мгновение она боролась, затем вновь рассмеялась:

– Томас, ты... Черт, да что с тобой такое?!

– Пожалуйста, Сара. – Я продолжал стискивать ее локоть. – Не надо со мной играть.

Теперь она действительно испугалась. Она снова попыталась вырваться. Но я не отпустил.

– Господи боже... – начала она, но я покачал головой, и она замолчала.

А я все качал головой – пока она сердито смотрела на меня, и потом качал – пока она демонстрировала страх. Я ждал, когда она прекратит спектакль. И только тогда заговорил:

– Сара, послушай. Тебе ведь известно, кто такая Мег Райан, правда?

Она кивнула.

– Так вот, за то, что ты тут изображаешь, этой самой Мег Райан отваливают миллионы баксов. Десятки миллионов. А знаешь почему?

Приоткрыв рот, она во все глаза смотрела на меня.

– Да потому, что это не очень-то просто, и на свете найдется не больше дюжины людей, кто может с этим справиться. Так что хватит играть, хватит притворяться и хватит лгать.

Она закрыла рот и прекратила вырываться. Я чуть ослабил хватку, а затем и вовсе отпустил ее локоть. Теперь мы стояли как двое взрослых людей.

– Это ты позвонила им, – повторил я. – Ты звонила им в ту первую ночь, когда я пришел к вам в дом. И ты звонила им из ресторана в тот вечер, когда меня сшибли на мотоцикле.

Мне ужасно не хотелось заканчивать фразу, но кто-то должен был это сделать.

– Ты позвонила им, и они убили твоего отца.

Она проплакала почти час – в парке Хэмпстед-Хит, на скамейке, в лунном свете, в моих объятиях. Все слезы мира стекли по ее лицу и впитались в землю.

В какой-то момент ее рыдания стали такими безудержными, такими громкими, что в отдалении даже начали собираться зрители и перешептываться – не стоит ли вызвать полицию? Почему я обнимал ее? Почему я держал в объятиях женщину, предавшую собственного отца и использовавшую меня, словно кусок бумажного полотенца?

Ума не приложу.

Даже когда рыдания в конце концов ослабли, я не убрал рук и продолжал обнимать ее, чувствуя, как тело Сары вздрагивает от икоты, какая обычно бывает у детей после очередной истерики.

– Он не должен был умереть. – Ее голос вдруг стал четким и сильным, я даже подумал, что он раздался откуда-то со стороны. А может, так оно и было. – Этого вообще не должно было произойти. – Она утерла нос рукавом. – Они пообещали не трогать его. Они сказали, что если его остановить, то ничего не случится. Что мы оба будем в безопасности, и мы оба

будем...

Она запнулась. Несмотря на спокойный голос, я видел, как ее жжет чувство вины.

– Вы оба будете – что?

Она откинула голову назад, демонстрируя свою длинную шею, предлагая ее кому-то, но явно не мне.

А затем рассмеялась.

– Богаты.

На миг я испытал непреодолимое искушение рассмеяться вместе с ней. Настолько нелепо прозвучало это слово. Точно экзотичное имя, название страны или салата. Оно могло означать все что угодно, но только не кучу денег. Это было полной нелепицей.

– Они пообещали, что вы будете богаты?

Сара глубоко вздохнула. Ее веселость уже испарилась.

– Ага. Богатство. Деньги. Они сказали, что у нас будут деньги.

– Сказали кому? Вам обоим?

– О господи. Конечно, нет. Папа никогда бы... – На миг она замолчала, и резкая дрожь пробежала по всему ее телу. Затем она снова откинула голову и закрыла глаза. – Он даже слышать не хотел про такие вещи.

Я видел его лицо. Это твердое, решительное, целеустремленное лицо. Лицо человека, который всю жизнь занимался только тем, что делал деньги, прокладывая себе дорогу, платил по счетам, – и вдруг, пока еще не поздно, обнаружил, что смысл жизни вовсе не в этом. Он увидел свой шанс все исправить.

«Скажите, Томас, вы считаете себя хорошим человеком?»

– Значит, они предложили тебе деньги.

Она открыла глаза и поспешно улыбнулась.

– Они предлагали мне много чего. Все, о чем девушка может только мечтать. Все, что на самом деле у девушки уже было, пока родной отец не задумал ее всего этого лишить.

Мы посидели еще какое-то время – держась за руки, размышляя и разговаривая о том, что она натворила. Но далеко мы не продвинулись.

В начале разговора нам казалось, что это будет самый серьезный, самый сложный и самый долгий разговор в жизни каждого из нас. Однако очень скоро стало ясно, что это не так. Потому что в разговоре нашем не было смысла. Да, нам хотелось так много рассказать друг другу, нам полагалось прорваться через прорву объяснений. И вдруг выяснилось, что в том нет никакой нужды.

Так что я просто продолжу свой рассказ.

Под руководством Александра Вульфа корпорация «Гейн Паркер» производила пружинки, рычажки, дверные защелки, пряжки и множество прочего хлама, давно уже ставшего неотъемлемой частью западной жизни. Они выпускали штучки из пластмассы и штучки из металла, электронику и механику – что-то для розничной торговли, что-то для других производителей, а что-то для правительства Соединенных Штатов.

Для начинающей компании вроде «Гейн Паркер» это было очень хорошо. Если вы можете произвести сиденье для унитаза, которое придется по вкусу самому взыскательному покупателю «Вулворта», то можете считать, что деньги у вас в кармане. Но если вы в состоянии произвести то, что удовлетворит правительство Соединенных Штатов Америки, если вы сумеете выполнить все сертификационные требования на сиденье для военного унитаза – а я вас уверяю, что таковое существует, и навскидку даже могу сказать, что его спецификация занимает как минимум листов тридцать формата А4, – если вы можете сделать это, то считайте, что деньги у вас не только в кармане, но и в другом кармане, и еще в двух задних, и в пиджаке, и в куртке, и так далее и тому подобное, и еще много-много раз.

Между прочим, сиденья для унитазов «Гейн Паркер» как раз не производили. Зато производили какой-то электронный переключатель. Который был очень маленький и делал что-то очень хитрое со всякими там полупроводниками. Помимо того, что без него просто не мог обойтись ни один производитель кондиционерных термостатов, так этот переключатель еще очень неплохо прижился в механизме охлаждения новой модели военного

дизель-генератора. И так уж вышло, что в феврале 1972 года компания «Гейн Паркер» и Александр Вульф стали подрядчиками Министерства обороны США.

Несть числа благам, посыпавшимся на «Гейн Паркер» словно из рога изобилия в результате этого военного заказа. Теперь они не только могли, но даже поощрялись к тому, чтобы требовать по восемьдесят баксов за фиговину, которая в другом месте не ушла бы и за пятерку. Контракт с военными послужил своего рода клеймом гарантированного – без балды, – высочайшего качества, и мировой потребитель этих маленьких и умных штучек повалил гуртом, протапывая широкую гравийную тропу к двери Александра Вульфа.

С этого момента сорваться уже ничто не могло – и не срывалось. Репутация Вульфа в материально-техническом бизнесе неуклонно росла, а вместе с ней рос и его доступ к очень важным персонам, заправлявшим этим (а следовательно, можно смело сказать, что и всем остальным) миром. Ему улыбались, его шуткам смеялись, ему даже составили протекцию на получение членства в гольф-клубе «Сент-Реджис» на Лонг-Айленде. Сильные мира сего звонили ему среди ночи – поболтать о том о сем. Его приглашали покататься на яхте в уважаемом Хэмптонзе и, что гораздо важнее, принимали его ответные приглашения. Сначала они посылали его семье поздравления на Рождество, затем – рождественские подарки, и в конце концов дело дошло до приглашений на банкеты Республиканской партии, с их разговорами о бюджетном дефиците и экономическом возрождении Америки. И чем выше поднимался Александр Вульф, тем больше контрактов падало на него и тем интимнее становился круг обедающих. До тех пор, пока места партийной политике там не осталось совсем. Вместо нее правила бал политика здравого смысла и практического ума – и если вы следили за ходом моей мысли, то наверняка поймете, что я имею в виду.

И вот за одним из таких обедов собрат по индустрии, чье здравомыслие несколько перекошилось благодаря пинте-другой кларета, рассказывает Вульфу сплетню, которую сам случайно услышал. Сплетня оказалась настолько нереальной, что Вульф, разумеется, в нее не поверил. Более того, она его даже позабавила. Позабавила настолько, что он решил поделиться шуткой с одной из очень важных персон во время очередного полуночного разговора по телефону. К его величайшему удивлению, короткие гудки в трубке раздались раньше, чем он дошел до кульминации своего рассказа.

День, когда Александр Вульф решил помериться силами с военно-промышленным комплексом, изменил все: его жизнь, жизнь его семьи, его бизнес. Все менялось прямо на глазах, менялось окончательно и бесповоротно. Потрясенный после долгой спячки военно-промышленный комплекс поднял свою огромную, ленивую лапу и смахнул Александра Вульфа так, словно тот был не более чем простым человечешкой.

Они расторгли все его действующие контракты и аннулировали те, что планировались на перспективу. Они разорили его поставщиков, раскололи его рабочую силу и начали против него следствие по подозрению в уклонении от уплаты налогов. В течение нескольких месяцев они скупили акции его компании и распродали их за несколько часов. Когда же и это не решило вопрос, они обвинили его в наркоторговле. Они даже устроили так, чтобы его исключили из «Сент-Реджис» за то, что он якобы расковырял дерн на лужайке между меткой и лункой.

Но ничто не могло смутить Александра Вульфа, потому что он видел свет, и свет этот был зеленым.

Зато очень многое смущало его дочь, и рассерженный зверь знал об этом. Зверь знал, что Александр Вульф начал свой жизненный путь с немецким языком в качестве родного и Америкой в качестве первой религии, что в семнадцать он торговал из задней двери автофургона плечиками для одежды, что жил в одиночку в подвальной камерке в заштатном городишке под названием Лоуз, штат Нью-Гемпшир, так как родители его умерли, не оставив ему в наследство даже десятки. Вот откуда пришел Александр Вульф, и вот куда он был готов вернуться, если понадобится. Для Александра Вульфа бедность не была чем-то мрачным, чем-то неведомым, чем-то устрашающим.

Но его дочь была совсем иной. Вся ее жизнь состояла из больших особняков, больших бассейнов, больших машин и больших курсов ортодонтальной терапии. Бедность и нищета пугали ее до смерти. Страх перед неведомым делал ее уязвимой – и об этом зверь тоже знал.

И тогда кое-кто сделал ей предложение.

– Вот, – сказала она.

– Именно, – сказал я.

У Сары дробно стучали зубы, и я вдруг осознал, как же долго мы просидели здесь. И как много еще нужно сделать.

– Пожалуй, я лучше отвезу тебя домой, – сказал я, вставая.

Однако, вместо того чтобы подняться следом, она лишь крепче вжалась в скамейку и вся согнулась, обхватив руками живот, словно от боли. Потому что ей и вправду было больно. Когда она снова заговорила, голос ее звучал едва слышно, и мне пришлось присесть на корточки у ее ног, чтобы расслышать, что она говорит. И чем ближе я склонялся, тем ниже опускалась ее голова, избегая моего взгляда.

– Не наказывай меня, Томас, – прошептала она. – Не казни меня за смерть отца, – я могу и сама это сделать, без твоей помощи.

– Я не казню тебя, Сара. Я просто хочу отвезти тебя домой – вот и все.

Она подняла голову и посмотрела на меня. Ее снова захлестывал страх.

– Но почему? Мы же вот они – здесь, сейчас. Вместе. Мы можем делать все что хотим.

Уехать куда угодно.

Я смотрел себе под ноги. Она все еще ничего не поняла.

– И куда же ты хочешь уехать?

– Ну это ведь совсем неважно, так? – Вместе с отчаянием креп и ее голос. – Главное – мы можем. Господи, Томас, ты ведь знаешь, они могли манипулировать тобой, потому что угрожали мне, и манипулировали мной, потому что угрожали тебе. Вот как они это делали. Но теперь – все. Теперь мы можем уехать. Убежать.

Я покачал головой.

– Боюсь, сейчас это уже не так просто. Да в общем-то, никогда и не было просто.

На мгновение я задумался, прикидывая, сколько я могу ей рассказать. Ничего – вот сколько мне следовало ей рассказать. Но пошло оно все!

– Пойми, Сара, речь идет не только о нас. Исчезни мы сейчас – и погибнут другие люди.

Погибнут из-за нас.

– Другие люди? О чем ты? Какие другие люди?

Я улыбнулся ей, надеясь хоть чуточку успокоить.

– Сара... Ты и я...

Я поежился.

– Что?

Я глубоко вздохнул. Иных слов у меня не было:

– Мы должны поступить правильно.

23

*Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает.*
Редьярд Киплинг

Не стоит ехать в Касабланку, ожидая, что все будет как в известном фильме.

На самом деле, если вы не шибко заняты и ваш рабочий график вам позволяет, не стоит ехать в Касабланку вообще.

Нигерию и соседние с ней прибрежные страны часто называют «подмышкой Африки». По мне, так это несправедливо. Могу сказать по опыту, что народ, культура, природа и пиво в этой части света – просто высший класс! Однако если посмотреть на карту – прищурившись, да в затемненной комнате, да в самый разгар какой-нибудь игры вроде: «На что похож этот кусочек побережья?», – то, *возможно*, вы и в самом деле скажете: мол, да, согласен, Нигерия действительно имеет какую-то отдаленно-подмышечную форму.

Не повезло Нигерии.

Но если Нигерия – подмышка, тогда Марокко – плечо. И если Марокко – плечо, тогда

Касабланка – большой, багровый, уродливый прыщ на этом плече – вроде тех, что как назло вскакивают именно в то утро, когда вы с вашей суженой (либо суженым) собираетесь на пляж. Прыщ, который больно трется о бретельку лифчика или подтяжку (в зависимости от того, какого вы рода), и вы клятвенно обещаете себе держаться отныне подальше от свежей зелени.

Касабланка – жирная, беспорядочная и индустриальная, город бетонной пыли и дизельных выхлопов, город, где солнце словно выбеливает цвета вместо того, чтобы делать их ярче. Город, где не на что смотреть, – если только вид полумиллиона бедняков, цепляющихся за жизнь в лачужном муравейнике из картона и рифленого железа – это не то, что заставляет вас паковать сумки и прыгать в самолет. Насколько мне известно, там даже нет ни одного музея.

Я понимаю, у вас может сложиться впечатление, будто мне не нравится Касабланка. Вам может показаться, будто я пытаюсь отговорить вас или принять за вас решение. Но, поверьте, мне нет дела до ваших планов. Просто если у нас с вами есть хоть что-то общее, если вся ваша жизнь прошла в наблюдении за дверью какого-нибудь бара, кафе, пивной, отеля или приемной в стоматологической клинике в надежде, что вот сейчас она распахнется и дуновением ветерка впорхнет Ингрид Бергман в кремовом платье, и посмотрит прямо на вас, и зальется краской, словно хочет сказать: «Ну слава богу, теперь в моей жизни есть хоть какой-то смысл!» – если хоть что-то из этого вызывает отклик в вашей душе, то Касабланка станет для вас одним большим, гребаным разочарованием.

Мы разделились на две команды. Светлокожих и темнокожих.

Франциско, Латифа, Бенджамин и Хьюго были «темными», а Бернард, Сайрус и я оказались в составе «светлых».

Возможно, кому-то это покажется старомодным. Даже отвратительным. Возможно, вы все это время считали, что террористические организации – это предприятия, принимающие работников независимо от расы, пола и т. д., и что разделению по цвету кожи в нашей работе просто нет места. Что ж, не исключено, что в каком-нибудь идеальном мире террористы и будут такими. Но в Касабланке все обстоит иначе.

По Касабланке нельзя гулять, если у вас светлая кожа.

Точнее, гулять можно, но только если вы готовы возглавлять гурьбу из полусотни топочущих следом детишек – зовущих, орущих, смеющихся и постоянно норовящих сбить вам американские доллары «практически даром плюс гашиш за амбаром».

Если вы турист со светлой кожей, то вы принимаете все это как должное. Безусловно. Вы улыбаетесь в ответ, киваете, говорите «ля, шукран» – что вызывает еще больше смеха, криков, тыканья пальцами, а это, в свою очередь, провоцирует появление еще полсотни детишек; и все они следуют за вашей волшебной дудочкой и размахивают американскими долларами, тоже предлагая их почти даром. А вам не остается ничего иного, как наслаждаться этим приключением и от души веселиться. В конце концов, вы приезжий, вы выглядите необычно, вы – экзотика, причем, вероятнее всего, в шортах и нелепой гавайской рубашке, – так отчего бы им, черт возьми, и не тыкать в вас пальцем? Отчего бы прогулке в пятьдесят ярдов до табачной лавки не занять три четверти часа, не остановить поток городского движения во всех возможных направлениях и едва не попасть в последние выпуски марокканских вечерних газет? Разве не за этим вы приехали за границу, коли уж начистоту?

Но это если вы турист.

А если вы приехали за границу, чтобы устроить вооруженный захват американского консульства, взять в заложники консула и его персонал, потребовать выкупа в десять миллионов долларов и немедленного освобождения двухсот тридцати узников совести, а затем скрыться на частном реактивном самолете, предварительно напичкав здание пластидом, – если именно эту цель вы едва не вписали в иммиграционную карточку в графе «Цель визита», но вовремя спохватились, поскольку вы профессионал высочайшей выучки, который не может так глупо проколоться, – если все именно так, то тогда, откровенно говоря, вам лучше обойтись без назойливой свиты из уличной детворы.

Так что заняться наблюдением предстояло «темным». «Светлые» же занялись подготовкой к штурму.

Мы заняли заброшенную школу в районе под названием Мохаммедия. Наверное, когда-то здесь и располагался шикарный зеленый пригород, но только не теперь. Зеленую травку давно вытоптали строители хибар из рифленого железа, у дорожных обочин прорыли дренажные канавы, ну а сами дороги, может, когда-нибудь все же проложат. *Иншалла*.

Это было бедное место, кишашее бедными людьми, где пища была скверной и скудной, а о свежей воде старики наверняка рассказывали внучатам долгими зимними вечерами. И не то чтобы в Мохаммедии так уж много стариков. Роль старика здесь обычно исполняют сорокапятiletние беззубцы – спасибо приторно-сладкому мятному чаю, местному показателю уровня жизни.

Здание школы было довольно большим – три блока в два этажа, расставленные в виде буквы «П» вокруг цементного дворика, где когда-то дети гоняли мяч, или молились, или жадно усваивали урок, как досадить европейцу. Вокруг школы шла сплошная пятнадцатифутовая стена, прерывавшаяся лишь в одном месте – там, где обшитые железным листом ворота вели во внутренний двор.

Здесь мы могли планировать, тренироваться и отдыхать.

И вести друг с другом яростные споры.

Начинались они обычно с какого-нибудь пустяка. Внезапное раздражение по поводу курения, или кто допил весь кофе, или кому сегодня сидеть на переднем сиденье «лендровера». Но мало-помалу ситуация усугублялась.

Поначалу я приписывал это нервам – ведь игра, в которую мы здесь играли, была серьезнее, гораздо серьезнее всего того, чем мы занимались до сих пор. По сравнению с Касабланкой операция в Мюррене казалась куском пирога, причем без марципана.

Марципаном же в Касабланке являлась полиция. Вполне возможно, она тоже сыграла не последнюю роль в растущей напряженности, хандре и спорах, поскольку была повсюду. Во всем многообразии форм и размеров, во всем многообразии обмундирования – что означало многообразие власти и инстанций. Хотя в итоге все сводилось к тому, что не понравился им ваш взгляд – которого вы на них даже не бросали, – и они могли навсегда испортить вам на хер всю вашу жизнь.

У входа в каждый полицейский участок Касабланки, к примеру, обязательно торчит пара полицейских с автоматами.

Пара. С автоматами. Зачем?

Можно было простоять весь день, наблюдая, как они на ваших глазах не поймали ни одного преступника, не подавили ни одного мятежа, не отразили ни одного вторжения враждебной иностранной державы и вообще не сделали ничего, что так или иначе улучшило бы жизнь простого марокканца.

Разумеется, тот, кто решил потратить деньги на этих горилл – на их тесные рубашки, которые явно шились в одном из модных домов Милана, на солнцезащитные очки, которые были стильными до тошноты, – тот, вероятно, ответил бы вам, что, «конечно, никто на нас не посягает именно потому, что у входа в каждый участок стоит пара ребят с автоматами и в рубашках на два размера меньше, чем нужно». И вам пришлось бы откланяться и, пятясь, уйти из кабинета, ибо против такой логики не попрешь.

Марокканская полиция – это средоточие государства. Представьте, что государство – это здоровенный детина в каком-нибудь баре, а население – плюгавенький мужичонка в том же самом баре. Представьте, что детина закатывает рукав футболки, оголяет татуированный бицепс и угрожающе рычит на плюгавенького: «Это ты разлил мое пиво?!»

Так вот, марокканская полиция и есть эта татуировка.

И для нас полиция бесспорно являлась проблемой. Уж чересчур много разновидностей, чересчур многочисленна каждая разновидность, и все они чересчур хорошо вооружены. В общем, одно сплошное чересчур.

Возможно, поэтому мы и нервничали. Возможно, поэтому пять дней назад Бенджамин – тихоня Бенджамин, обожавший шахматы и когда-то даже мечтавший стать раввином, – обозвал меня «вонючим козлом».

Мы сидели за большим столом, сооруженным на деревянных козлах, в школьной

столовой, и дружно пережевывали таджин из баранины, приготовленный Сайрусом с Латифой. Настроения разговаривать ни у кого не было. «Светлые» весь день мастерили макет фасада консульства в натуральную величину, так что все вымотались и пахли лесопилкой.

Сейчас макет стоял сзади, словно декорация к школьному спектаклю, и кто-нибудь то и дело отрывался от еды и разглядывал его, прикидывая, удастся ли когда-нибудь увидеть оригинал. А если да, то удастся ли потом увидеть хоть что-то еще.

– Козел вонючий! – неожиданно рывкнул Бенджамин, вскакивая из-за стола.

Он выпрямился во весь рост, кулаки его то сжимались, то разжимались.

В столовой повисла гробовая тишина. Мы даже не сразу сообразили, на кого он смотрит.

– Как ты назвал меня? – переспросил Рикки, слегка выпрямляясь на стуле, – человек, которого не так-то просто завести, но страшный противник, если это удалось.

– Ты слышал.

Первое мгновение я даже не был уверен, то ли он хочет меня ударить, то ли вот-вот расплачется.

Я перевел взгляд на Франциско, надеясь, что тот велит Бенджамину сесть на место, или проваливать отсюда ко всем чертям, или сделать что-то еще, но Франциско просто смотрел на меня, продолжая усердно работать челюстями.

– Какого хрена?! Чего я тебе сделал?! – воскликнул Рикки, поворачиваясь к Бенджамину.

Но тот молча вращал глазами и сжимал кулаки, пока тишину не нарушил Хьюго, заметивший, что рагу получилось отменное. Все с благодарностью ухватились за брошенную приманку и наперебой зашумели, мол, да, точно, просто пальчики оближешь, и совсем даже не пересоленное. То есть все, кроме нас с Бенджamiном. Он таращился на меня, я таращился на него, но, похоже, лишь он один знал, в чем тут дело.

Затем он развернулся кругом и демонстративно вышел из зала. Вскоре послышался металлический скрежет открываемых ворот и рычание ожившего мотора «лендровера».

Франциско не сводил с меня пристального взгляда.

С тех пор минуло пять дней. За это время Бенджамин даже выдавил пару улыбок в моем присутствии.

Подготовка к операции близилась к завершению.

Мы разобрали макет, упаковали сумки, сожгли за собой мосты и прочли молитвы. Скорей бы уж!

Завтра утром, ровно в девять тридцать пять, Латифа обратится в американское консульство за визовой анкетой. В девять сорок туда же явимся мы с Бернардом – на прием к мистеру Роджеру Бучанану, торговому атташе. В девять сорок семь Франциско и Хьюго прикатят в консульство тележку с четырьмя большими пластиковыми бутылками минеральной воды и счетом, выписанным на имя Сильвии Хорват из консульского отдела.

Сильвия действительно заказывала воду – правда, без шести картонных коробок, на которых будут покоиться бутылки.

В девять пятьдесят пять – плюс-минус секунда – Сайрус и Бенджамин врежутся на «лендровере» в западную стену консульства.

– А это зачем? – спросил Соломон.

– Зачем – что?

– «Лендровер». – Соломон вынул изо рта карандаш и указал на чертежи: – Через стену все равно не прорваться. Там два фута толщины, железобетон и потом еще эти тумбы по всей длине.

Я покачал головой:

– Это только для шума. Они врежутся в стену, заклинят сигнал, Бенджамин вывалится из водительской дверцы, вся рубашка в крови, а Сайрус начнет орать и звать на помощь. Чтобы как можно больше людей примчалось в западную часть здания, посмотреть, что там и как.

– А в консульстве есть медпункт?

– На первом этаже. Рядом с лестницей.

– Кто-нибудь умеет оказывать первую помощь?

– Весь американский персонал прошел курсы, но, вероятнее всего, это будет Джек.

– Джек?

– Веббер. Джек Веббер. Охранник консульства. Восемнадцать лет в морской пехоте США. «Беретта», девять миллиметров, на правом бедре.

Я замолчал. Я знал, о чем Соломон сейчас думает.

– И? – спросил он.

– Латифа принесет баллончик с нервно-паралитическим газом.

Соломон что-то пометил в блокноте – не торопясь, словно знал, что толку от его пометок все равно немного.

Я тоже знал это. И добавил:

– В сумочке у нее также будет «Микро-Узи».

Мы сидели во взятом напрокат «пежо» Соломона, припаркованном на какой-то возвышенности неподалеку от Ля-Сквала – осыпающегося сооружения восемнадцатого века, где когда-то размещался главный артиллерийский бастион, господствовавший над портом. Вид отсюда был чудный – настолько чудный, насколько можно найти в Касабланке, – но нам с Соломоном сейчас было не до видов.

– Ладно. А что там у вас? – спросил я, зажигая сигарету от Соломоновой панели. Я говорю «от панели», потому что большая ее часть вывалилась вместе с прикуривателем, так что пришлось собирать всю эту штуку обратно. Закончив сборку, я затаился и попытался – без особого успеха – выпустить дым через открытое окошко. Соломон продолжал изучать свои записи.

– Ну, вероятно, – начал подсказывать я, – в вентиляционных шахтах спрячется целая бригада марокканской полиции вместе с парнями из ЦРУ. Вероятно, стоит нам войти, как все они посыплются нам на голову и сообщат, что мы арестованы. Вероятно, вскоре после этого «Меч правосудия» и все, кто так или иначе с ним связан, окажутся в суде, здание которого, кстати, находится всего в паре сотен ярдов от кинотеатра. И вероятно, все пройдет без сучка, без задоринки и без единой царапины.

Соломон сделал глубокий вдох и очень медленно выдохнул. А затем начал тереть живот – картина, которой я не видел уже лет десять. Язва двенадцатиперстной кишки была единственным, что могло заставить Соломона перестать думать о работе.

Он посмотрел на меня.

– Меня отсылают домой.

Какое-то время мы смотрели друг на друга. А затем я рассмеялся. Нет, ситуация была вовсе не смешной – просто так получилось, что изо рта у меня вырвался именно смех.

– Ну еще бы, – сказал я, отсмеявшись. – Конечно же, тебя отсылают. Все очень даже логично.

– Томас. – По выражению его лица было заметно, как неприятен ему этот разговор.

– «Спасибо за отличную работу, мистер Соломон», – продолжал я, подражая голосу Рассела Барнса. – «Разумеется, мы хотели бы поблагодарить вас за ваш профессионализм и приверженность делу, но, надеюсь, вы не будете возражать, если с этого момента мы возьмем дело в свои руки». О, это просто изумительно!

– Томас, послушайте. – За последние тридцать секунд он уже дважды назвал меня Томасом. – Бегите отсюда. Бросайте все и бегите. Пожалуйста.

Я улыбнулся ему, и Соломон затараторил еще быстрее:

– Я могу переправить вас в Танжер. Оттуда переберетесь в Кеуту а затем на пароме – в Испанию. Я переговорю с местной полицией, упрошу их оставить перед консульством фургон, и вся операция сорвется. Как будто ничего и не было.

Я смотрел в глаза Соломона и видел, сколько там тревоги и беспокойства. Я видел там вину, стыд и язву двенадцатиперстной кишки.

Щелчком я отправил окурок в окошко.

– Забавно. То же самое предлагала Сара Вульф. Беги, уговаривала она. На золотые пляжи и подальше от этого чокнутого ЦРУ.

Соломон не спросил, когда это мы с Сарой виделись и почему я не послушался ее. Он был слишком занят своей собственной проблемой. То есть мной.

– Ну?! Сделайте же это, Томас. Ради всего святого! – Он сжал мой локоть. – Эта затея – полное безумие. Стоит вам войти в здание – и вы уже никогда не выйдете оттуда живым. Да вы и сами это знаете. – Я молчал, и его это бесило. – Господи боже! Да не вы ли мне постоянно об этом твердили?! Вы же знали обо всем с самого начала.

– Да ладно тебе, Давид. Ты тоже знал.

Произнося эти слова, я наблюдал за его лицом.

У Соломона была примерно сотая доля секунды, чтобы нахмурить лоб, разинуть рот в изумлении или воскликнуть: «О чем это вы?!» – но он упустил ее. И, как только сотая доля секунды истекла, я понял все. И он тоже понял, что я все понял.

– Фотографии Сары с Барнсом, – сказал я; лицо Соломона осталось непроницаемо. – Ты знал, что они означают. Ты знал, что этому может быть только одно объяснение.

Он опустил глаза и ослабил хватку.

– Как могло случиться, чтобы эти двое оказались вместе после всего, что произошло? Здесь только одно объяснение. Это было не после. Это было *до*. Снимок сделали *до* того, как Александра Вульфа застрелили. Ты прекрасно знал, чем занимается Рассел Барнс, и ты знал – или по крайней мере догадывался, – чем занимается Сара. Но мне ты не сказал ничего.

Он закрыл глаза. Если сейчас Соломон молил о прощении, то делал это не вслух и обращался не ко мне. Я выждал еще немного.

– И где сейчас ВКГТиПП?

Соломон тихо покачал головой:

– Впервые слышу о таком.

Глаза его были по-прежнему закрыты.

– Давид... – начал было я, но Соломон оборвал меня:

– Пожалуйста, не надо.

Короче, я дал ему возможность обдумать, что бы он там ни обдумывал, и решить, что бы он там ни решал.

– Единственное, что мне известно, командир, – наконец сказал он, и все вдруг вновь стало как в старые добрые времена, – сегодня в полдень на базе Королевских ВВС в Гибралтаре приземлился американский военный транспортник, разгрузивший энное количество механических запчастей.

Я кивнул. Глаза Соломона открылись.

– Насколько энное?

Соломон снова сделал глубокий вдох, видимо желая выложить все разом:

– Один приятель приятеля одного приятеля, который был там, сказал, что это два ящика, каждый примерно двадцать на десять на десять футов; что сопровождали их шестнадцать мужчин, девять из которых были в военной форме, и что эти мужчины сразу же взяли ящики под свой контроль и убрали их в ангар у ограды периметра, специально выделенный исключительно под них.

– Барнс?

Соломон на секунду задумался.

– Не могу сказать, командир. Но тот самый приятель полагает, что признал среди сопровождавших одного американского дипломата.

Какой там, на хрен, дипломат! Хер он, а не дипломат.

– По информации все того же приятеля, – продолжал Соломон, – там также был человек в необычной гражданской одежде.

Я даже слегка приподнялся, чувствуя, как мои ладони моментально вспотели.

– Что значит «необычной»?

Соломон накренил голову набок, старательно пытаюсь припомнить точные детали. Как будто это было так уж необходимо!

– Черный пиджак и черные брюки в полоску. По словам приятеля, он выглядел как гостиничный официант.

Лоск кожи. Лоск денег. Лоск Умре.

«Да, – подумал я. – Теперь вся шайка в сборе».

По дороге назад, к центру города, я обрисовал Соломону, что собираюсь предпринять и что мне нужно лично от него.

Он периодически кивал. Было видно, что вся эта затея ему не по душе, хотя он наверняка заметил, что я и сам не больно-то от нее в восторге.

Когда мы подъехали к зданию консульства, Соломон сбросил скорость, а затем не спеша пустил «пежо» вокруг квартала. Наконец мы поравнялись с растущей у стены высокой араукарией. Какое-то время мы смотрели на ее раскидистые ветви, потом я кивнул Соломону, он вылез из машины и открыл багажник.

Внутри лежали два свертка. Один – прямоугольный, размером с обувную коробку; другой – в форме тубуса, около пяти футов длиной. Оба были завернуты в коричневую жиронепроницаемую бумагу. Ни штампов, ни серийных номеров, ни сроков хранения.

Я видел, что Соломону не хочется даже дотрагиваться до свертков. Я наклонился и сам вытащил их из багажника.

Хлопнув дверцей, он завел двигатель. А я зашагал к стене консульства.

24

*Но, чу! Мягчайшим барабаном пульс мой бьет
То знак тебе – любимый твой идет.*

Генри Киш, епископ Чичестерский

Американское консульство в Касабланке разместилось в самом центре утопающего в листве бульвара Мулла-Юссес – маленького анклава французской пышности девятнадцатого века, построенного, чтобы усталый колонизатор мог расслабиться после тяжелого трудового дня, занятого планированием инфраструктуры.

Французы пришли в Марокко, чтобы создавать автострады, железные дороги, больницы, школы, чувство моды – в общем, все то, без чего, как известно, не способен обойтись ни один среднестатистический француз. Когда же настало время полдника, и посмотрели французы на все, что создали, и увидели они, что это хорошо. Посчитали они, что с лихвой, мать вашу, заслужили право пожить как магараджи, чем, собственно, и занимались все оставшееся время.

Но когда на глазах рухнул соседний Алжир, французы вдруг смекнули, что иногда все же лучше хотеть чего-то еще. А потому пораскрывали свои «Луи-Вуиттоны», упаковали в них свои бутылочки с лосьонами, и еще кучу бутылочек с лосьонами, и еще ту, что закатилась за унитаз и на поверку, при более близком рассмотрении, оказалась опять же бутылочкой с лосьоном, и тихонько улизнули под покровом ночи.

Наследниками же громадных лепных дворцов, что в спешке побросали французы, оказались отнюдь не принцы, не султаны и не миллионеры-промышленники. И не рок-певцы, не футболисты, не гангстеры и не звезды сериалов. По удивительной случайности ими оказались дипломаты.

Я называю это «удивительной случайностью» потому, что сегодня в этой игре дипломаты уже давно делают всех вчистую. В любом городе, в любой стране мира дипломаты живут и трудятся в самых дорогих и желанных объектах недвижимости, которые только можно найти. Особняки, замки, дворцы, оленьи заповедники – все едино: дипломат просто заходит, осматривается и, тяжело вздохнув, заключает: «Да, думаю, я смогу это вынести».

Мы с Бернардом поправили галстуки, сверили часы и поспешили вверх по лестнице к парадному входу.

– Итак, господа, чем могу?

Зовите-Меня-Роджер Бучанан оказался мужчиной лет пятидесяти с гаком. По служебной дипломатической лестнице он явно вскарабкался на максимальную для себя высоту. Касабланка была его последним назначением, здесь он провел уже три года, и, разумеется, все его вполне устраивало. Замечательные люди, замечательная страна. Еда, правда, несколько жирновата, но в остальном – все просто великолепно.

Наличие жира в еде, похоже, не больно-то снизило темп жизни Зовите-Меня-Роджера,

поскольку тянул он как минимум на центнер, что при росте в пять футов девять дюймов по силам далеко не каждому.

Мы с Бернардом переглянулись, подняв брови – так, словно, по большому счету, было совершенно неважно, кто из нас начнет первым.

– Мистер Бучанан, – начал я торжественным тоном, – как мы с коллегой уже излагали в своем письме, мы являемся производителями самых лучших, на наш взгляд, кухонных перчаток из всех, что выпускаются сегодня в североафриканском регионе.

Бернард медленно кивнул – будто лично он пошел бы еще дальше и сказал «в мире», но, мол, ладно, бог с ним.

Я продолжал:

– У нас действующие предприятия в Фезе и Рабате, а скоро мы открываем завод на окраине Марракеша. Наша продукция отличается высочайшим качеством. Мы в этом уверены. Вы могли не только слышать о ней, но даже пользоваться ею, если вы, конечно, из тех, кого сегодня называют «эмансипированным мужчиной».

При этом я даже фыркнул, точно полный придурок Бернард с Роджером тоже включились в игру. Мужчина. В кухонных перчатках. Надо же такое придумать! Бернард подхватил эстафету, внося в беседу респектабельно-мрачную тевтонскую ноту:

– Объемы нашего производства на сегодняшний день достигли таких размеров, что у нас возник интерес рассмотреть возможность получения лицензии на экспорт в Северную Америку. И мне кажется, сэр, мы могли бы попросить вас о небольшой, так сказать, помощи, которая позволила бы нам пройти через все необходимые инстанции.

Зовите-Меня-Роджер понятиливо кивнул и пометил что-то в своем блокноте. Я видел на столе перед ним наше письмо. Мне даже показалось, что он обвел в кружок слово «резиновые». Я с удовольствием поинтересовался бы у него, с чего бы это, однако момент был не вполне подходящий.

– Роджер, – сказал я, поднимаясь, – прежде чем мы перейдем к углубленному обсуждению...

Роджер оторвался от своего блокнота:

– Вниз по коридору, вторая дверь справа.

– Спасибо, – ответил я.

В туалете было пусто и пахло сосной. Я запер дверь, сверился с часами, а затем взобрался с ногами на стульчак и осторожно приоткрыл окно.

Слева по всему пространству тщательно ухоженного газона разбрасывала изящные водяные арки автоматическая поливалка. У стены покусывала ногти какая-то дама в ситцевом платье, а в нескольких ярдах от нее напряженно испражнялась маленькая собачонка. В дальнем углу, стоя на коленях, возился с кустами садовник в шортах и желтой футболке.

Справа – ничего.

Стена. Газон. Клумбы.

И ветвистая араукария.

Спрыгнув на пол, я еще раз взглянул на часы, отпер дверь и вышел в коридор.

Там было пусто.

Я быстро прошел к лестнице и весело запрыгал вниз, перескакивая через две ступеньки и отстукивая по перилам неопределенный мотивчик. Навстречу попался мужчина в рубашке с коротким рукавом и бумагой в руках, я громко пожелал ему доброго утра, не дав возможности что-нибудь сказать.

Достигнув второго этажа, я повернул направо. Здесь коридор был поживленнее.

В центре о чем-то активно беседовали две женщины, а слева от меня то ли закрывал, то ли открывал дверь кабинета какой-то мужчина.

Я глянул на часы, замедлил шаг и начал рыться по карманам, якобы в поисках чего-то, что я, возможно, где-то забыл, а если не там, то где-то еще, хотя, опять же, может, у меня этого вовсе и не было, а если было, то не вернуться ли назад и не поискать ли как следует? Я стоял в коридоре, задумчиво сдвинув брови, а мужчина слева уже успел открыть дверь и теперь смотрел прямо на меня, видимо собираясь спросить, не заблудился ли я.

Но тут я вынул руку из кармана и улыбнулся ему, демонстративно потрясая связкой ключей:

– Нашел!

В конце коридора что-то дзынькнуло, и я чуть прибавил шагу, брэнча ключами на ходу. Разъехались двери лифта, и осторожно высунулся нос грузовой тележки.

Франциско и Хьюго, оба в новехоньких голубых спецовках, аккуратно выкатили тележку из лифта. Франциско толкал сзади, а Хьюго обеими руками придерживал бутылки с водой. «Расслабься, – так и хотелось сказать ему, когда я притормозил, пропуская тележку вперед. – Это же всего лишь вода. А ты ведешь себя так, словно провожаешь жену в родильную палату».

Франциско двигался медленно, сверяясь с номерами на дверях кабинетов, и держался действительно очень хорошо. Хьюго же постоянно вертел головой и облизывал губы.

Я остановился у доски объявлений и принялся ее изучать. Сорвал три листочка бумаги, два из которых оказались памятками на случай пожара, а третий – приглашением на «барбекю у Боба и Тины, в полдень, в воскресенье». Я стоял и читал – так, словно их действительно нужно было прочесть, – а затем посмотрел на часы.

Они опаздывали.

Опаздывали на сорок пять секунд.

Невероятно. После всех наших обсуждений, ругани и репитиций эти два мудака все равно опаздывают.

– Да? – послышался голос рядом.

Пятьдесят пять секунд.

Я глянул вниз по коридору: Франциско и Хьюго достигли открытого пространства приемной. Женщина за столом вглядывалась в них поверх больших очков.

Шестьдесят пять секунд.

– Салям алейкум, – вполголоса поздоровался Франциско.

– Алейкум салям, – ответила женщина.

Семьдесят.

Хьюго долбанул ладонью по крышке бутылки, а затем повернулся и посмотрел на меня.

Я подался вперед, но успел сделать лишь два шага. Так как услышал это.

Услышал и ощутил всем телом. Это было как взрыв бомбы.

Когда по телевизору показывают, как разбиваются машины, звук обязательно пропускают через микшер. Его накладывают на пленку при дубляже, и вы, вероятно, думаете: ага, вот, оказывается, с каким звуком сталкиваются автомобили. Но при этом забываете – а если вам хотя бы чуточку везло в жизни, то никогда и не ведали, – сколько энергии высвобождается в момент, когда полтонны металла врезается в другие полтонны металла. Или в стену здания. Огромные массы энергии, способные сотрясти все ваше тело от головы до кончиков пальцев ног, даже если сами вы находитесь в сотне ярдов от места удара.

Гудок «лендровера», заклиненный ножом Сайруса, прорезал утреннюю тишину отчаянным звериным воем. Но тут же растворился, утонув в грохоте распахивающихся дверей, отодвигаемых стульев, топота; люди в дверных проемах удивленно переглядывались, всматривались в конец коридора.

А затем все как-то разом заголосили, вспомнив и бога, и черта, и даже чью-то мать. И уже в следующий момент я наблюдал добрый десяток спин, несущихся прочь, – спотыкающихся, перепрыгивающих, кубарем валящихся друг на друга.

– Что там такое? Может, посмотреть? – спросил Франциско у женщины за столом.

Она поглядела на него, а затем покосилась в сторону коридора:

– Я не могу... нам нельзя...

Ее рука потянулась к телефону. Понятия не имею, кому она собиралась звонить. Похоже, она и сама этого не знала.

Мы с Франциско переглянулись – буквально на сотую долю секунды.

– А это не... – начал я, нервно уставившись на женщину. – В смысле, это не взрыв?

Одну руку она положила на телефон, а другую выставила перед собой, обратив ее к окну, словно умоляла мир остановиться хотя бы на миг и подождать, пока она соберется с мыслями.

Откуда-то раздался визг.

Наверное, кто-то заметил кровь на рубашке Бенджамина – или упал, или просто человеку захотелось завизжать, – но женщина вмиг оказалась на ногах.

– Что это могло быть? – спросил Франциско.

Хьюго двинулся вокруг стола.

Женщина больше не смотрела на него.

– Нам сообщат. – Она напряженно всматривалась в глубину коридора. – Мы должны оставаться на месте. Нам скажут, что делать.

Послышался металлический щелчок. Надо сказать, женщина моментально сообразила, что щелчок тут совсем некстати и что все это ужасно неправильно. Потому что есть хорошие щелчки и есть плохие щелчки; этот же явно был один из самых худших.

Она резко повернулась к Хьюго.

– Все, дамочка, – сказал тот со зловещим блеском во взгляде, – вы упустили свой шанс.

И вот мы на месте.

Хорошо сидим, далеко глядим.

Уже тридцать пять минут, как мы полностью контролируем здание. Весь марокканский персонал с первого этажа разбежался сам, а второй и третий этажи очистили Хьюго с Сайрусом, подгоняя стадо мужчин и женщин вниз по центральной лестнице и на улицу совершенно излишними в данной ситуации криками вроде «вперед!» и «живее!».

Бенджамин с Латифой обосновались в вестибюле, откуда при необходимости могут быстро переместиться в глубь здания. Хотя все мы знаем, что до этого не дойдет. По крайней мере, сначала.

Вскоре начала прибывать полиция. Сначала легковушками, затем джипами, а под конец – целыми грузовиками. Они рассредоточились снаружи в своих тесных рубашках и принялись безостановочно орать и передвигать свой автотранспорт с места на место. Похоже, полицейские еще не решили, как им перемещаться через улицу: то ли беспечно прогуливаясь, то ли короткими перебежками, пригнув голову и уворачиваясь от снайперского огня. Скорее всего, они заметили на крыше Бернарда, но пока еще не знают, кто он такой и чем там занимается.

Мы же с Франциско находимся в кабинете консула.

С нами восемь заложников. Пятеро мужчин и три женщины скованы друг с другом партией полицейских наручников. Мы любезно попросили их разместиться на весьма впечатляющем домотканом «келиме». А если кто-то вдруг решит высунуться за границу ковра, объяснили мы, то рискует моментально получить пулю от меня или Франциско – а точнее, от наших пистолетов-пулеметов «Штейер AUG», которые мы предусмотрительно захватили с собой.

Единственное исключение сделано для консула – ведь мы же не зверюги, мы же соображаем, что такое ранг и протокол, и не хотим заставлять столь важную персону сидеть на полу, скрестив ноги. А еще нам нужно, чтобы он мог дотянуться до телефона.

Кстати, насчет телефона. Немного покопавшись в телефонной станции, Бенджамин заверил нас, что теперь любой звонок на любой номер в здании будет идти через его офис.

Итак, мистер Джеймс Бимон, официальный дипломатический представитель правительства Соединенных Штатов в Касабланке и второй по старшинству – после посла в Рабате – на марокканской земле, сидит за своим письменным столом и смотрит в глаза Франциско трезвым, все понимающим взглядом.

Как нам известно из предварительных разведанных, Бимон – профессиональный дипломат.

Не какой-нибудь там отставной обувщик, которого запросто можно ожидать увидеть на таком посту, – тот, кто отстегнул полсотни миллионов на президентскую избирательную кампанию и получил в награду большой письменный стол плюс триста халявных ланчей в год. Бимону под шестьдесят. Человек высокого роста, плотного телосложения и быстрого ума. Человек, способный разумно разругать любую ситуацию. Именно такой нам и нужен.

– А как насчет туалета? – говорит Бимон.

– По очереди, раз в полчаса, – отвечает Франциско. – Очередность определите сами. Выходить только с нашим сопровождающим. Дверь не запирать.

Франциско перемещается к окну и выглядывает на улицу. Он поднимает к глазам бинокль.

Я смотрю на часы. Десять сорок одна.

«Они появятся на рассвете, – думаю я про себя. – Как всегда появляются нападающие, с тех пор как придумали нападение».

На рассвете. Когда мы будем уставшими, голодными, когда нам все надоест, когда нам станет страшно.

Они появятся на рассвете, и они появятся с востока, прикрываясь лучами восходящего солнца.

В одиннадцать двадцать консулу позвонили.

Вафик Хассан, инспектор полиции, сначала представился Франциско, а затем поздоровался с Бимоном. Особо сказать ему было нечего – разве что выразить надежду, что все будут вести себя благоразумно и что дело можно уладить без всяких неприятностей. Позже Франциско похвалил английского инспектора, а Бимон добавил, что пару дней назад он как раз ужинал у Хассана дома. Они тогда еще отметили, как все-таки тихо и спокойно в Касабланке.

В одиннадцать сорок объявилась пресса. Извинились, разумеется, что беспокоят нас, но не хотим ли мы сделать заявление? Франциско продиктовал (дважды) по слогам свое имя и сказал, что мы передадим письменное заявление представителю Си-эн-эн, как только те здесь появятся.

Без пяти двенадцать телефон зазвонил снова. Бимон ответил, сказав, что в данный момент он не может говорить и нельзя ли перезвонить завтра, а еще лучше послезавтра? Франциско взял у него трубку и несколько секунд слушал, а затем не выдержал и расхохотался: какой-то турист из Северной Каролины настойчиво пытался выяснить, может ли консульство обеспечить наличие питьевой воды в отеле «Регенси».

Даже Бимон не удержался от улыбки.

В два пятнадцать подвезли обед. Овощное рагу с бараниной и огромную кастрюлю кускуса. Бенджамин забрал все с крыльца под прикрытием Латифы, которая все это время нервно водила стволом своего «Узи» взад-вперед из дверного проема.

Сайрус где-то раздобыл бумажные тарелочки, но без приборов, так что нам пришлось ждать, пока еда остынет, а потом вычерпывать все пальцами.

При сложившихся обстоятельствах все это было не так уж и плохо.

В десять минут четвертого до нас донеслись звуки моторов грузовиков, и Франциско моментально оказался у окна.

Вдвоем с ним мы наблюдали, как газуют и рвут передачи водители, маневрируя вперед-назад и разворачиваясь в десять приемов.

– Зачем они разворачиваются? – спросил Франциско, щурясь в бинокль.

Я пожал плечами:

– Инспектор ДПС?

Он сердито зыркнул на меня.

– Черт, да откуда мне знать? – сказал я. – Может, просто нечем заняться. А может, отвлекают, пока их коллеги роют туннель. Мы-то все равно ничего не можем поделать.

Секунду Франциско кусал губу, а затем направился к столу. Подняв трубку телефона, он набрал номер в вестибюле. Должно быть, ответила Латифа.

– Будь начеку, Лат, – приказал Франциско. – Заметишь или услышишь чего – сразу звони мне.

И бросил трубку – на мой взгляд, чуть резче, чем нужно.

«Да ты не такой крутой, как прикидываешься», – подумал я.

К четырем часам телефон практически не умолкал. Каждые пять минут звонил какой-нибудь марокканец или американец, и каждому непременно требовалось переговорить с кем угодно, но только не с тем, кто отвечал на звонок.

Франциско решил, что пора нас перетасовать: Сайруса с Бенджамином он отправил

наверх, на второй этаж, я же спустился вниз к Латифе.

Она стояла в центре вестибюля – всматриваясь в окна, перепрыгивая с ноги на ногу, перебрасывая «Узи» из одной руки в другую.

– В чем дело? – спросил я. – В туалет хочешь?

Она посмотрела мне в глаза и утвердительно кивнула. Тогда я сказал, чтобы она шла, делала свои дела и не переживала так сильно.

– Солнце садится, – заметила Латифа спустя полпачки сигарет.

Я посмотрел на часы и перевел взгляд на окна сзади: действительно, солнце садилось, а ночь поднималась.

– Да, – коротко подтвердил я.

Глядя в стекло на секретарском столе, Латифа пыталась привести в порядок волосы.

– Пойду прогуляюсь наружу, – сказал я.

Она испуганно обернулась:

– Ты что? Шизанулся?

– Просто хочу взглянуть.

– Взглянуть на что? – Латифа была в бешенстве, будто я решил бросить ее здесь навсегда.

– Бернارد на крыше, ему и так все видно. Зачем тебе на улицу?

Я втянул воздух сквозь зубы и снова сверился с часами:

– Это дерево меня беспокоит.

– Ты что, хочешь взглянуть на какое-то долбаное дерево?

– Там ветви свисают через стену. Я просто хочу взглянуть, все ли в порядке.

Латифа подошла к окну, встала рядом со мной. Поливалка все работала.

– Какое дерево?

– Вон то, – ответил я. – Араукария.

Десять минут шестого.

Солнце опустилось почти наполовину.

Латифа сидела у подножия центральной лестницы, растирая башмаком мраморный пол и забавляясь со своим «Узи».

Я смотрел на нее и вспоминал – о нашем с ней сексе, разумеется. Но не только. Я вспоминал, как мы вместе смеялись – или расстраивались. И еще о спагетти. Временами Латифа могла довести до белого каления кого угодно. Она определенно была конченным человеком, полной безнадегой во всем, что только можно себе представить. Но в то же время она была замечательной девчонкой.

– Все будет хорошо, – сказал я.

Она подняла голову и посмотрела мне в глаза. Интересно, о чем она сейчас думает? О том же, что и я?

– А кто, мать твою, сказал, что не будет?

Латифа пробежалась пальцами по волосам, взъерошила, занавесилась ими от меня. Я рассмеялся.

– Рикки! – громко позвал Сайрус, перегибаясь через перила второго этажа.

– Что?

– Давай наверх. Сиско зовет.

Заложники рассредоточились по всему ковру – головы свесились на грудь, спина прижата к спине. Дисциплина несколько ослабла, так что некоторые даже осмелились вытянуть ноги за край ковра. Трое или четверо напевали что-то из «кантри» – негромко и без особого энтузиазма.

– Что? – спросил я.

Франциско жестом указал на Бимона, протягивавшего мне телефонную трубку. Я насупил брови и отмахнулся – словно на другом конце была моя жена, а я все равно буду дома через полчаса. Но Бимон продолжал протягивать трубку.

– Им известно, что вы американец.

Я пожал плечами: ну и что?

– Поговори с ними, Рикки, – велел Франциско. – От нас не убудет.

Я снова пожал плечами – угрюмо, мол, господи, что за пустая трата времени – и лениво двинулся к столу.

– Америкос хренов, – прошептал Франциско.

– Пошел ты! – огрызнулся я и поднес трубку к уху. – Да?

В трубке щелкнуло, затем загудело, затем снова щелкнуло.

– Лэнг?

«А вот и мы», – подумал я.

– Да, – ответил Рикки.

– Как поживаете?

Это был Рассел П. Барнс, главный засранец здешних мест, и даже через шипение помех его голос звучал покровительственно и самонадеянно.

– Какого хера вам надо? – отрезал Рикки.

– Помашите нам, Томас, – сказал Барнс.

Знаком я попросил у Франциско бинокль, он протянул мне его через стол. Я пододвинулся к окну.

– Теперь чуточку влево, – сказал Барнс.

На углу квартала, внутри заслона из джипов и армейских грузовиков, стояла группа мужчин. Некоторые в форме, некоторые – без.

Я подкрутил бинокль, перед глазами запрыгали дома и деревья, а затем промелькнул Барнс. Я повел биноклем назад и зафиксировал: вот он – телефон возле уха, бинокль у глаз. Он и в самом деле махал рукой.

Я проверил остальных, но серых брюк в полоску не обнаружил.

– Я просто поздороваться, Том, – сказал Барнс.

– Ясно, – ответил Рикки.

Линия потрескивала, мы выжидали. Я знал, что по части терпения ему со мной не тягаться.

– Так что, Том, – не выдержал он, – когда нам ждать вас оттуда?

Я оторвался от бинокля и взглянул на Франциско, на Бимона, на заложников. Я смотрел на них, но думал совсем о других людях.

– Мы не выйдем, – сказал Рикки.

Франциско медленно кивнул.

Я приложился обратно к биноклю: Барнс смеялся. Он отодвинул трубку от лица, и я не мог слышать его смех, но зато прекрасно видел запрокинутую голову и белый оскал зубов. Затем он повернулся к остальным, что-то сказал, и они тоже рассмеялись.

– Само собой, Том. Я имею в виду, когда вы лично...

– Я не шучу, – перебил его Рикки, но Барнс продолжал улыбаться. – Кто бы вы ни были, у вас ничего не выйдет.

Барнс покачал головой, явно наслаждаясь моим спектаклем.

– Может, вы и умный малый, – сказал я и увидел, как он кивнул. – Может, вы и образованный. Может, вы даже колледж заканчивали. А то и аспирантуру...

Смеха на лице Барнса чуть поубавилось. Это было приятно.

– Но что бы вы там ни пытались сделать, у вас все равно ничего не выйдет.

Он опустил бинокль и уставился прямо в мою сторону. Нет, не потому, что хотел разглядеть меня. Он хотел, чтобы я мог видеть его. Его лицо превратилось в камень.

– Уж поверьте мне, мистер Аспирант.

Барнс застыл изваянием, и глаза его лазером пронзали двести ярдов разделявшего нас пространства. Затем я увидел, как он что-то прокричал и приложил трубку обратно к уху:

– Послушай, ты, говнюк, мне насрать, выйдешь ты оттуда или нет. А если и выйдешь, то мне похрену, выйдешь ты сам или тебя вынесут в большом резиновом мешке. Или даже во множестве маленьких резиновых мешков. Но я должен предупредить тебя, Лэнг... – Он плотнее прижал ко рту телефон, и, клянусь, я услышал, как брызжет его слюна. – Только попробуй помешать прогрессу. Ты понял, о чем я? Все должно идти так, как должно идти.

– Само собой, – сказал Рикки.

– Само собой, – сказал Барнс.

Я видел, как он повернул голову и кивнул.

– Взгляни-ка направо, Лэнг. Голубая «тойота».

Я послушался – в бинокле промелькнуло лобовое стекло. Я навел изображение на него.

Наим Умре и Сара Вульф – бок о бок на передних сиденьях «тойоты» и пьют что-то горячее из пластмассовых стаканчиков. В ожидании начала финальной игры. Сара смотрела куда-то вниз – на что-то или просто ни на что, – а Умре рассматривал себя в зеркале заднего вида. Казалось, ему было по душе то, что он там видит.

– Прогресс, Лэнг, – сказал голос Барнса. – Прогресс – это хорошо для всех.

Он замолчал, и я вновь скользнул биноклем влево – как раз вовремя, успев застать его улыбку.

– Послушайте, – сказал я, добавляя в голос нотки беспокойства, – дайте мне просто поговорить с ней, пожалуйста.

Краем глаза я видел, как Франциско выпрямляется на стуле. Нужно было срочно успокоить его, снять напряжение, так что я отвел руку с телефоном в сторону и застенчиво улыбнулся ему через плечо:

– Это моя мама. Переживает за меня.

При этом мы оба тихонько засмеялись.

Я снова прищурился в бинокль. Барнс стоял рядом с «тойотой», Сара по-прежнему сидела в машине, но уже с телефонной трубкой, а Умре наблюдал за ней.

– Томас?

Ее голос звучал тихо и хрипло.

– Привет, – ответил я.

Пока мы беззвучно обменивались мыслями, в трубке стояла шипящая тишина. А затем Сара произнесла:

– Я жду тебя.

Именно это мне и хотелось услышать.

Умре тоже что-то сказал, но я его не расслышал. Барнс нагнулся в открытое окошко и забрал телефон у Сары.

– Сейчас не до этого, Том. Успеете еще наговориться, когда выберешься оттуда. – Он улыбнулся. – Так что, есть какие-нибудь мысли, а, Томас? Может, поделишься? Хоть словечко? Всего одно: да или нет?

Я стоял у окна, наблюдая за наблюдавшим за мной Барнсом, и выжидал – ровно столько, на сколько хватило наглости. Мне хотелось, чтобы он прочувствовал величие моего решения. Сара ждала меня.

Прошу тебя, господи, сделай так, чтобы все получилось!

– Да, – ответил я.

25

*Только будьте очень осторожны с этой гадостью – она
чрезвычайно липкая.*

Валери Синглтон

Я убедил Франциско немного повременить с заявлением.

Ему не терпелось передать его журналистам тотчас же, но я сказал, что еще несколько часов неопределенности не причинят нам никакого вреда. Стоит им узнать, кто мы такие, стоит им навесить на нас ярлык – и интерес к нам будет уже не таким горячим. Даже если затем устроить фейерверк, элемент таинственности будет утерян.

«Еще хотя бы несколько часов», – сказал я.

И вот мы переживаем ночь, по очереди сменяя друг друга на позициях.

Крыша – самая непопулярная из них, поскольку там холодно и одиноко, и никто не соглашается торчать наверху больше часа. А так – мы едим, болтаем, молчим и размышляем о жизни и о том, как она свела всех нас здесь. И о том, кто же мы все-таки – захватчики или

пленные.

Еду нам больше не присылали, но Хьюго нашел на кухне несколько замороженных булочек для гамбургеров. Мы разложили их оттаивать на столе Бимона и время от времени тыкали в них пальцами, когда не могли придумать себе другого занятия.

Заложники большую часть времени дремали или держались за руки. Поначалу Франциско подумывал разделить их и рассредоточить по всему зданию, но решил, что так понадобится больше охраны, и, наверное, оказался прав. Франциско вообще оказывался прав во многом. В том числе и в том, что умел прислушиваться к советам. Что приятно отличало его от других. Я полагаю, в мире найдется не так уж много террористов, кто настолько хорошо знаком с ситуациями, связанными с заложниками, что может позволить себе безапелляционные заявления вроде «нет, ты будешь делать так, как я сказал». Франциско барахтался в тех же неизведанных водах, что и мы все, и от этого казался как-то лучше, что ли.

Было самое начало пятого, и я специально подгадал так, чтобы оказаться в вестибюле с Латифой, когда Франциско, прихрамывая, проковылял вниз по лестнице с заявлением для прессы.

– Лат, – сказал он с обаятельной улыбкой, – сходи, поведай о нас миру.

Латифа улыбнулась ему в ответ. Ее переполняла радость – еще бы, ведь мудрый старший брат удостоил такой чести не кого-нибудь, а именно ее, – но она не хотела слишком явно демонстрировать свою радость. Латифа приняла из его рук конверт и с любовью смотрела вслед, пока Франциско хромал обратно к лестнице.

– Они ждут, – проговорил он, не оборачиваясь. – Отдай им это и скажи, чтобы пошло прямо в Си-эн-эн, никуда больше. Если они не прочтут его слово в слово, то получат здесь трупы американцев. – Он остановился на площадке между пролетами и повернулся к нам: – Прикроешь ее, Рикки.

Я кивнул. Латифа вздохнула, подразумевая: «Какой мужчина! Мой герой – и он выбрал меня».

На самом же деле Франциско выбрал Латифу совсем по иным соображениям. Франциско посчитал, что галантные марокканцы лишней раз подумают насчет вооруженного штурма, когда узнают, что среди нас женщины. Однако мне не хотелось портить ей звездный час, так что я промолчал.

Латифа повернулась и посмотрела сквозь стеклянные двери парадного входа. Покрепче стиснув в руке конверт, она прищурилась под яркими софитами телевизионщиков. Другая ее рука непроизвольно потянулась к волосам.

– Вот и слава пришла, – подколот ее я.

Она скорчила мне рожу.

Латифа прошла через вестибюль к секретарскому столу и принялась поправлять блузку, глядясь в стекло на столе. Я подошел к ней.

– Постой.

Я взял у нее конверт и помог поправить воротник. Затем чуть взбил волосы за ушами и аккуратно стер пятнышко грязи со щеки. Латифа стояла, всецело отдавшись моей власти. Но это не было чем-то интимным. Скорее как на боксерском ринге, когда боксер в своем углу настраивается на следующий раунд, а вокруг суетятся секунданты – брызгая, растирая, прополаскивая, наводя марафет.

Я опустил руку в карман, вытащил конверт и протянул ей. Она несколько раз глубоко вздохнула. Я ободряюще сжал ее плечо:

– Все будет в порядке.

– Никогда раньше не была в телевизоре, – сказала она.

Рассвет. Заря. Восход. Как угодно.

Над горизонтом все еще сумрачно, но понизу уже мазнуло оранжевым. Ночь съезживается, уходя обратно в землю. Уступая место солнцу – карабкающемуся наверх, но пока висящему на одном пальце, уцепившись за край горизонта.

Заложники по большей части спят. За ночь они сгрудились плотнее – никто не ожидал,

что будет так холодно, – и ноги больше не высовываются за границу ковра.

Протягивающий мне телефонную трубку Франциско выглядит усталым. Он сидит, задрал ноги на край стола, и смотрит Си-эн-эн с выключенным звуком – из добрых побуждений, чтобы не разбудить Бимона.

Я, разумеется, тоже устал – просто, наверное, у меня в крови сейчас больше адреналина. Я беру трубку у Франциско:

– Да.

Какие-то электронные щелчки. Затем – Барнс.

– Ваш утренний будильник. Пять тридцать, сэр, – говорит он с улыбкой в голосе.

– Чего надо? – И я вдруг соображаю, что задал вопрос с английским акцентом. Украдкой бросаю взгляд на Франциско, но тот, похоже, ничего не заметил. Поворачиваюсь к окну и какое-то время слушаю Барнса, а когда он заканчивает, глубоко вздыхаю – с отчаянной надеждой и в то же время полным безразличием: – Когда?

Барнс тихонько посмеивается. Я тоже смеюсь – без всякого конкретного акцента.

– Через пятьдесят минут, – говорит он и вешает трубку.

Когда я разворачиваюсь от окна, Франциско наблюдает за мной. Его ресницы кажутся еще длиннее.

Сара ждет меня.

– Они везут нам завтрак, – говорю я. На сей раз по-миннесотски напрягая гласные.

Солнце вот-вот начнет карабкаться вверх, понемногу подтягиваясь через подоконник. Я оставляю заложников, Бимона и Франциско дремать перед Си-эн-эн. Выхожу из кабинета и на лифте поднимаюсь на крышу.

Тремя минутами позже, сорок семь в остатке. Все практически готово. Я спускаюсь в вестибюль по лестнице.

Пустой коридор, пустая лестница, пустой желудок. Кровь громко пульсирует в ушах – гораздо громче, чем звук моих шагов по ковру. На площадке третьего этажа я останавливаюсь и выглядываю на улицу.

Народу прилично – для этого времени суток.

Я думал наперед – и потому забыл о настоящем. Настоящего нет и никогда не было – есть и будет только будущее. Жизнь и смерть. Жизнь или смерть. Это, доложу вам, вещи серьезные. Гораздо серьезнее, чем звук шагов. Шаги – это такая ерунда по сравнению с вечным забвением.

Я успел сбежать на полпролета и как раз сворачивал, когда услышал шаги и понял, насколько они неправильные. Неправильные потому, что это были бегущие шаги, а в этом здании бегать никто не должен. По крайней мере, не сейчас. Когда в запасе еще сорок шесть минут.

Обогнув угол, Бенджамин остановился.

– Что случилось, Бендж? – спросил я спокойно.

Мгновение он изучал меня взглядом. Тяжело дыша.

– Где ты был, мать твою?

Я нахмурился:

– На крыше. Я...

– На крыше Латифа, – обрезал он.

Мы буравили друг друга взглядом. Он дышал через рот – от напряжения и ярости.

– Послушай, Бендж. Я просто сказал ей, чтоб спускалась в вестибюль. Скоро привезут завтрак...

Но закончить я не успел. В каком-то злобном порыве Бенджамин одним движением вздернул свой «Штейер» к плечу и вжался щекой в ложе; пальцы, сжимавшие автомат, подрагивали от напряжения.

А вот ствол куда-то исчез.

«Как такое может быть? – удивился я про себя. – Как ствол „Штейера“ – длина четыреста двадцать миллиметров, шесть нарезов с правым ходом – мог просто так взять и исчезнуть?»

Ну конечно же, не мог. И никуда не исчезал.

Я просто смотрел прямо в него.

– Ты! Козел вонючий! – сипит Бенджамин.

Я стою на месте, уставившись в черную дыру.

Осталось всего сорок пять минут, и сейчас – давайте посмотрим правде в глаза, – пожалуй, самое неудачное время обсуждать такую большую, такую обширную и такую многогранную проблему, как Предательство.

Я предлагаю ему – надеюсь, достаточно вежливо – перенести обсуждение на какое-нибудь другое время, но Бенджамин считает, что лучше покончить с этим сейчас.

«Козел вонючий». Это его формулировка повестки дня.

Часть проблемы заключается в том, что Бенджамин никогда не доверял мне. Подозрения на мой счет возникли у него с самого начала, и теперь он хочет, чтобы я узнал о них – на тот случай, если у меня вдруг возникнет желание вступить с ним в полемику.

По его словам, все началось с моей военной выучки.

Да что ты, Бенджамин? В самом деле?

Да, в самом деле.

Той ночью Бенджамин никак не мог уснуть и все глядел в потолок своей палатки, удивляясь, как это умственно отсталый миннесотец вдруг насобачился разбирать М-1б, причем вслепую, в два раза быстрее остальных. Дальше – больше. Бенджамин стал обращать внимание на мой акцент, на мою манеру одеваться, на мои музыкальные пристрастия. И как это я умудрялся накрутить столько миль на «лендровере», когда всего лишь ездил за пивом?

Все это, конечно, ерунда, и до сего момента Рикки запросто мог отбить любое обвинение.

Но у проблемы имелась еще одна часть – откровенно говоря, на сей момент гораздо более серьезная, – и заключалась она в том, что Бенджамин решил побаловаться с телефонной станцией как раз во время моего разговора с Барнсом.

Сорок одна минута.

– Ну и что дальше, Бендж?

Он плотнее прижимает щеку к автомату, и я вижу, как кровь отливает от пальца на спусковом крючке.

– Собираешься пристрелить меня? Прямо здесь? Что, вот так вот возьмешь и надавишь на спуск?

Он облизывает губы. Он знает, о чем я сейчас думаю.

Он слегка дергается, а затем отодвигает лицо от «Штейера», не сводя с меня расширенных глаз.

– Латифа, – зовет он через плечо. Громко. Но недостаточно. Похоже, у него что-то неладно с голосом.

– Они услышат выстрелы, Бендж, – говорю я. – Услышат и решат, что ты убил заложника. И начнут штурм. Перестреляют нас всех.

От слова «перестреляют» он дергается, и на мгновение мне кажется, что он вот-вот выстрелит.

– Латифа, – снова зовет он. На сей раз громче.

Все, с меня хватит. Третьего раза не будет. Я начинаю двигаться – очень медленно – к нему. Моя левая рука расслаблена так, как только может быть расслаблена рука.

– Большинство парней, Бендж, – говорю я, продолжая движение, – там, снаружи, только этого и ждут. Первого выстрела. Хочешь им помочь?

Он вновь облизывает губы. Раз. Другой. И поворачивает голову к лестнице.

Левой рукой я хватаюсь за ствол и резко толкаю его в плечо. Выбора нет. Попытайся я вырвать у него оружие, и он нажал бы на курок. «Бай-бай, Рикки!» Так что я толкаю автомат назад и в сторону. Лицо Бенджи отклоняется еще дальше от оружия, и я вбиваю основание правой ладони прямо ему под нос.

Он валится камнем – даже быстрее камня, словно какая-то огромная сила отбрасывает его на пол, – и на мгновение мне даже кажется, что я убил его. Но тут голова его начинает раскачиваться из стороны в сторону, и я вижу, как на губах у него пузырится кровь.

Осторожно забираю у него «Штейер» и щелкаю предохранителем. Как раз в этот момент с

лестницы доносится крик Латифы:

– Чего?

Я слышу звук ее шагов по ступенькам. Не быстро, но и не медленно.

Смотрю вниз, на Бенджамина.

«Это демократия, Бендж. Один против большинства».

Латифа уже на нижней площадке, «Узи» переброшен через плечо.

– Боже! – восклицает она, замечая кровь. – Что тут произошло?

– Я не знаю. – Я не смотрю на нее. Наклонившись к Бенджамину, озабоченно разглядываю его лицо. – Похоже, упал.

Латифа проскальзывает мимо меня и приседает на корточки рядом с Бенджаминим. Я успеваю бросить взгляд на часы.

Тридцать девять минут.

Латифа поворачивается ко мне:

– Я займусь им. Дуй в вестибюль, Рик.

И я дую.

Я дую в вестибюль, дую в парадную дверь, дую по ступенькам – и еще сто шестьдесят семь ярдов до полицейского кордона.

Когда я добираюсь туда, моя голова пылает, потому что руками я изо всех сил сжимаю макушку.

Не удивительно, что они обыскали меня так, словно сдавали экзамен по технике обыска. Вступительный – в «Королевский колледж шмона». Пять раз, с головы до ног – рот, уши, пах, подошвы ботинок. Они сорвали с меня почти всю одежду, так что я стал похож на развернутый рождественский подарок.

Это заняло у них шестнадцать минут.

Еще пять минут я простоял, припав к полицейскому фургону – руки в стороны, ноги врозь, – пока они что-то кричали и пихались. Я стоял, опустив глаза в землю. Сара ждет меня.

Черт, лучше бы так оно и было!

Утекла еще минута – снова крики, снова тычки, – и я потихоньку оглядываюсь. Если в ближайшие минуты ничего не изменится, придется включаться самому. Хренов Бенджамин! Плечи ноют от неудобной позы.

– Отличная работа, Томас, – раздается голос за спиной.

Я заглядываю из-под руки. Пара обшарпанных «ред-уингов». Один ботинок – плашмя, другой – воткнув носок в пыль. Очень медленно я поднимаю голову, по ходу открывая для себя остатки Рассела Барнса.

Он стоял, прислонившись к дверце фургона, улыбаясь и протягивая мне свою вечную пачку «Мальборо». На нем была летная кожанка с вышитым слева на груди именем «Коннор». Что еще, мать его, за Коннор?

Вертухаи откатились назад, правда, совсем немного – очевидно, из уважения к Барнсу. Основная масса продолжала наблюдать за мной, думая, что они явно чего-то пропустили.

Я отрицательно покачал головой, намекая на сигареты.

– Я хочу увидеться с ней. Потому что она ждет меня.

Барнс пристально посмотрел мне в глаза, а затем снова улыбнулся. Настроение у него было превосходное – сплошная непринужденность и расслабленность. Для него игра была окончена.

– Разумеется.

Затем небрежно оттолкнулся от фургона – обшивка отозвалась металлическим хлопком – и жестом велел следовать за ним. Море тесных рубашек и стильных очков расступалось, пока мы не спеша шагали к голубой «тойоте».

Справа, за стальным барьером, топтались репортеры. – Кабели змеями вились у их ног, а голубовато-белые лампы пронзали иглами лучей остатки ночной темноты. Когда я проходил мимо, несколько камер решили потренироваться на мне, но большинство по-прежнему не отлипали от здания.

Самая выгодная позиция, кажется, была у Си-эн-эн.

Умре вылез из машины первым. Сара же просто сидела и ждала, глядя в одну точку куда-то вперед, сквозь ветровое стекло, и руки ее были плотно зажаты между коленями. Нам оставалось пройти всего пару ярдов, когда она перевела глаза на меня. И попыталась улыбнуться.

«Я жду тебя, Томас».

– Мистер Лэнг.

Умре шагнул мне навстречу, вставая между мной и Сарой. На нем было темно-серое пальто, под ним – белая рубашка без галстука. Лоск на лбу показался чуть тусклее, чем мне помнилось, а на челюсти пробивалась свежая щетина. В остальном же выглядел он как всегда хорошо.

Да и с чего бы ему так не выглядеть?

Секунду-другую он пристально смотрел мне в лицо, а затем кивнул – коротко и удовлетворенно. Так, словно я всего лишь сносно подстриг ему газон.

– Хорошо, – произнес он.

Я ответил ему долгим взглядом.

– Что «хорошо»?

Но Умре уже глядел куда-то за мое плечо, подавая кому-то сигнал, и я почувствовал движение у себя за спиной.

– Еще увидимся, Том, – сказал Барнс.

Я обернулся. Он отступал, медленно и небрежно, словно давая понять: «Я буду скучать». Наши взгляды встретились, он послал мне иронический салют и, развернувшись, быстро зашагал к военному джипу, припаркованному в тылу автомобильной армады. Увидев приближающегося Барнса, блондин в штатском завел мотор и дважды посигналил, разгоня толпу перед капотом. Я повернулся к Умре.

Тот изучал мое лицо, на этот раз чуть пристальнее, чуть профессиональнее. Будто пластический хирург.

– Что «хорошо»? – повторил я свой вопрос и подождал, пока слова преодолеют пропасть между нашими мирами.

– Вы сделали, как я хотел, – ответил Умре. – Как я и предсказывал.

И снова кивнул. Мол, здесь маленько обкорнаем, там чуток подберем – да, полагаю, с этим лицом еще можно что-то сделать.

– Кое-кто, мистер Лэнг, – продолжал он, – кое-кто из моих друзей предупреждал, что с вами будут проблемы. Мол, вы из тех, кто может встать на дыбу. – Он вздохнул чуть глубже. – Но я оказался прав. И это хорошо.

А затем, по-прежнему не сводя с меня глаз, отступил на шаг в сторону и открыл пассажирскую дверцу «тойоты».

Я смотрел, как Сара медленно вылезает из машины. Как она выпрямляется – руки сложены на груди, словно отгораживаясь от предрассветного холода, – и поднимает лицо ко мне.

Мы были так близко!

– Томас, – произнесла она, и на секунду я с головой погрузился в эти глаза – до самых глубин – и коснулся того неведомого, что привело меня сюда. Того поцелуя мне не забыть никогда.

– Сара.

Я потянулся и обнял ее обеими руками, укутывая, заслоня собой, пряча ее от всех и вся. Она стояла неподвижно, все так же держа руки перед собой.

Я опустил правую руку, скользнул по бедру и незаметно просунул между нашими животами.

Вот оно. Я стиснул пальцы. И прошептал:

– До свидания.

Она подняла глаза:

– До свидания.

Металл еще хранил тепло ее тела.

Я разжал объятия и медленно повернулся лицом к Умре.

Тот вполголоса разговаривал с кем-то по мобильнику. Поймав мой взгляд, Умре улыбнулся, голова его чуть склонилась набок. Но тут он увидел выражение моего лица. Что-то явно было не так.

Он опустил глаза на мою руку, и улыбка моментально слетела с его лица, словно апельсиновая кожура с разгоняющегося автомобиля.

– Господи боже! – послышался голос сзади. Полагаю, это означало, что пистолет заметил не он один. Трудно сказать, кто это был, поскольку я не сводит глаз с Умре.

– На дыбы, – сказал я.

Умре таранился на меня, мобильник медленно опускался вместе с рукой.

– На дыбы, – повторил я. – Не на дыбу.

– О чем... о чем вы говорите?

Умре не сводил глаз с пистолета, и его понимание происходящего, эта прелесть нашей маленькой интермедии рябью подернула море тугих рубашек.

– Правильное выражение – «встать на дыбы», – сказал я.

26

Солнце надело шляпу,

Гип-гип-гип-гип, ура!

Л. Артур Роуз и Дуглас Фербер

Итак, мы снова на крыше консульства. Это просто чтоб вы знали.

Солнце уже высовывает макушку по всему горизонту, испаряя темные контуры черепиц, превращая их в расплывчатую полосу слепящей белизны. «На их месте я поднял бы вертолет именно сейчас», – думаю я про себя. Хотя солнце настолько сильное, настолько яркое, настолько безнадежно ослепительное, что, возможно, вертолет уже где-то рядом. Кто знает, может, здесь уже целых пятьдесят вертолетов. Может, они зависли в двадцати ярдах прямо надо мной и теперь, прикрываясь солнцем, наблюдают, как я снимаю коричневую жиронепроницаемую бумагу с обоих свертков.

Хотя, конечно, в этом случае я бы их услышал.

Надеюсь.

– Что вам нужно?

Это Умре. Он за моей спиной – вероятно, футах в двадцати. Я пристегнул его наручниками к пожарной лестнице, пока занимаюсь своими делами, и ему, похоже, это не очень нравится. И вообще, он весь какой-то чересчур возбужденный.

– Что вам нужно?!

Умре переходит на крик.

Я ничего не отвечаю, и он продолжает орать. Это даже не слова. По крайней мере, я не могу различить ни одного. Насвистываю несколько тактов непонятно чего, чтобы заблокировать его крики, и продолжаю прикреплять зажим А к хомуту В, при этом убеждаясь, что шнур С не застрял в скобе D.

– Что мне нужно, – говорю я наконец, – так это чтоб вы увидели все своими глазами. Вот и все.

Теперь я поворачиваюсь и смотрю на него. Я хочу видеть, как ему не по себе. А ему очень даже не по себе – и я доволен. Я ничуть не против.

– Вы сумасшедший, – кричит он, напрягая кисти. – Я здесь. Вы что, не видите? – Он смеется – или почти смеется, – так как не может поверить, что я настолько глуп. – Я здесь. И «Аспирант» не прилетит, потому что я здесь.

Я снова отворачиваюсь и, шурясь, вглядываюсь в стену солнечного света.

– Ну, я очень надеюсь, что вы правы, Наим. Очень. Надеюсь, у вас по-прежнему больше одного голоса.

Повисает пауза, и когда я поворачиваюсь к нему, то вижу, как лоск скукожился, обернулся

гримасой.

– Голос? – спрашивает Умре едва слышно.

– Голос, – повторяю я.

Умре внимательно смотрит мне в глаза:

– Я не понимаю.

Приходится сделать глубокий вдох и объяснить:

– Вы больше не торговец оружием, Наим. Я лишил вас этой привилегии. За ваши прегрешения. Ни богатства, ни власти, ни связей, ни членства в «Гаррике». – Последнее не произвело никакого эффекта, так что, возможно, он там никогда и не состоял. – Сейчас вы обычный человек. Как и все мы. И как у любого человека, у вас всего один голос. Хотя это правило соблюдается не всегда.

Прежде чем ответить, он тщательно обдумывает свои слова. Он знает, что я псих, а потому со мной нужно обращаться очень мягко.

– Я не знаю, о чем вы говорите.

– Еще как знаете. Вы другого не знаете – знаю ли я, о чем говорю. – Солнце подтягивается чуть выше и привстает на цыпочки, чтобы получше разглядеть нас. – А говорю я о тех двадцати шести, кто выиграет от успеха «Аспиранта» напрямую, и еще о сотнях, а может, и тысячах, что выиграют косвенно. Тех, кто работал, лоббировал, совал взятки, угрожал и даже убивал ради того, чтобы подобраться поближе к кормушке. У них тоже есть голоса. И как раз сейчас Барнс наверняка беседует с ними и требует ответа: да или нет. И кто его знает, какой там выйдет расклад?

Умре сидит, не шелохнувшись. Глаза его едва не вылезают из орбит, а рот распахнут так, словно он только что засунул туда нечто ужасно непотребное.

– Двадцать шесть. – Голос у него как шелест. – Откуда вы знаете, что их двадцать шесть? Откуда вам это известно?

Я скромно пожимаю плечами:

– Я когда-то трудился финансовым журналистом. Примерно с час. И один человек из «Смитс Вельде Керкплайн» отследил ваши деньги по моей просьбе. Кстати, он поведал мне немало интересного.

Умре закрывает глаза в отчаянной попытке сосредоточиться. Его мозг завел его сюда – ему и выводить его отсюда.

– Конечно, – продолжаю я, не давая ему расслабиться, – может, вы и правы. Может, эти двадцать шесть единогласно решат все отменить, отказаться, аннулировать – называйте как хотите. Только я лично свою жизнь на это бы не поставил.

Я выдерживаю эффектную паузу, поскольку чувствую, что заслужил ее.

– Но зато с удовольствием поставлю вашу.

Это встряхивает его. Мигом выбивает из ступора.

– Ты псих! – орет он. – Ты знаешь это? Знаешь, что псих?!

Я вздыхаю.

– Ладно. Тогда позвоните им. Позвоните Барнсу и прикажите все отменить. Вы на крыше с психом, и вечеринка отменяется. Давайте, используйте свой единственный голос.

Он трясет головой:

– Они не прилетят!

А затем, уже гораздо тише:

– Они не прилетят, потому что я здесь.

Я снова пожимаю плечами. Потому что ничего другого придумать не могу. Только пожимать плечами. Помню, сходные чувства у меня были перед первым прыжком с парашютом.

– Чего вы хотите?! – заходится криком Умре.

Он отчаянно грохочет наручниками по пожарной лестнице. Я с интересом оборачиваюсь к нему – белые манжеты рубашки залиты свежей, алой кровью.

Ди-да-бу-дам!

– Хочу посмотреть, как восходит солнце, – отвечаю я.

Франциско, Сайрус, Латифа, Бернард и этот мудака Бенджамин присоединились к нам на крыше, – похоже, здесь собрался весь цвет нашей вечеринки. Все они в разной степени напуганы и озадачены, поскольку никак не могут врубиться в ситуацию. Они запутались в сценарии и надеются, что кто-нибудь вот-вот придет на помощь и ткнет в нужную страницу.

Думаю, незачем уточнять, что Бенджамин сделал все возможное, чтобы настроить остальных против меня. Однако возможного все же не хватило – в тот самый миг, когда все увидели, как я возвращаюсь обратно в консульство, да еще волоку с собой пленника. Им это показалось очень странным. Любопытным. И совершенно несообразным с необузданными фантазиями Бенджамина.

И вот они стоят передо мной – глаза перескакивают с меня на Умре и обратно. Они принимают к ветру. И лишь один Бенджамин дрожит от напряжения, едва сдерживаясь, чтобы не пристрелить меня на месте.

– Какого хрена здесь происходит, Рикки? – спрашивает Франциско.

Я медленно поднимаюсь, слыша, как хрустит в коленях, и отступаю на шаг – полюбоваться результатами своих трудов.

Затем отворачиваюсь и делаю жест рукой в сторону Умре. Эту речь я репетировал не один раз, и думаю, что большую часть даже выучил наизусть.

– Этот человек, – говорю я, – бывший торговец оружием.

Я подвигаюсь чуть ближе к пожарной лестнице, так как хочу, чтобы всем было слышно:

– Его зовут Наим Умре. Он руководит семью компаниями и владеет котрольными пакетами акций еще сорока одной. Недвижимость в Лондоне, Нью-Йорке, Калифорнии, на юге Франции, на за паде Шотландии и на севере еще черт знает чего, с огромными бассейнами. Его собственный капитал перевалил за миллиард долларов... – тут я поворачиваюсь и взглядываю на Умре, – наверняка волнующий был момент, а, Наим? Огромный торт и все такое? – Снова перевожу взгляд на аудиторию. – Но гораздо важнее, для нас важнее, – девяносто банковских счетов, которыми распоряжаться может только он один. И с одного из этих счетов, кстати, перечислялись наши гонорары за последние шесть месяцев.

Никто почему-то не прыгает от восторга, так что я загоняю шар в лузу финальным ударом:

– Этот человек придумал, организовал, снабдил и профинансировал «Меч правосудия».

Гробовая тишина.

Только Латифа издает какой-то звук, что-то вроде хрюка, – то ли от неверия, то ли от страха, то ли от злости. Остальные молчат.

Они долго и пристально смотрят на Умре, и я вместе с ними. Я замечаю кровь и на шее, – возможно, я переусердствовал, когда гнал его по пожарной лестнице. Но в остальном выглядит он замечательно. Да и с чего бы ему выглядеть плохо?

– Бред сивой кобылы, – говорит наконец Латифа.

– Точно, – соглашаюсь я. – Бред сивой кобылы. Так ведь, мистер Умре? Вы согласны?

Умре пялится на нас, отчаянно пытаюсь определить, кто из всей этой компании наименее безумен.

– Ну что, вы согласны или нет? – повторяю я свой вопрос.

– Мы – революционеры! – ни с того ни с сего вылезает вдруг Сайрус.

Я перевожу взгляд на Франциско. Разве это не его работа – выкрикивать лозунги? Но Франциско лишь молча хмурит брови и озирается по сторонам. Я знаю, о чем он сейчас думает. Он думает о разнице между планом и реальностью, между теорией и практикой. «Ничего подобного в той брошюре не было» – вот на что жалуется про себя Франциско.

– Конечно, мы революционеры, – подтверждаю я. – Мы – революционное движение с коммерческим спонсором. Только и всего. И этот человек, – я драматично простираю руку в сторону Умре, – подставил вас, подставил нас всех, подставил целый мир. И все это лишь для того, чтобы купили его оружие (Аудитория начинает волноваться). Это называется «маркетинг». Агрессивный маркетинг. Создание спроса на товар «там, где прежде росли лишь нарциссы одни». Вот чем занимается этот человек.

Я поворачиваюсь и смотрю на этого человека в надежде, что сейчас он подаст голос и

скажет, что, мол, да, все это чистая правда, от первого до последнего слова. Но Умре, похоже, не желает вступать в беседу, и в результате мы имеем долгую паузу. Мысли броуновскими частицами мечутся туда-сюда, сталкиваясь друг с другом.

– Оружие. – Голос у Франциско низкий и тихий, такое впечатление, что он взывает откуда-то издалека, за сотни миль отсюда. – Какое оружие?

Вот оно. Тот самый момент, когда они должны понять. И поверить.

– Вертолет.

Теперь все смотрят только на меня. Даже Умре.

– Они отправят сюда вертолет, чтобы убить нас.

Умре откашливается.

– Он не прилетит, – хрипит он, и я не могу сказать, кого он пытается переубедить – меня или себя самого. – Я здесь, и он не прилетит.

Я поворачиваюсь к остальным:

– Вертолет может появиться в любой момент. Во-о-он оттуда. – Тычу пальцем в солнце, но поворачивается только Бенджамин. Остальные продолжают смотреть на меня. – Вертолет, который компактнее, быстрее и мощнее всего, что вы когда-либо видели. Очень скоро он будет здесь и сметет нас с этой крыши. Причем, скорее всего, заодно с самой крышей и двумя этажами, потому что мощь у этой машины просто невероятная.

Все молчат, некоторые даже уткнули глаза в крышу. Бенджамин открывает рот, собираясь что-то сказать – или, вероятнее всего, проорать, – но Франциско кладет руку ему на плечо. А затем смотрит мне в глаза:

– Мы знаем, что они пришлют вертолет, Рик.

Тпру!

Что-то не так. Что-то здесь даже отдаленно не так. Я оглядываю лица остальных, и, когда мой взгляд утыкается в Бенджамин, тот больше не может себя сдерживать.

– Ты что, козел вонючий, не врубаешься?! – орет он на грани истеричного смеха. Господи, как же он меня ненавидит! – Мы сделали это! – Он даже начинает подпрыгивать на месте, и я замечаю, что у него из носа капает кровь. – Мы сделали это, и твое предательство оказалось бесполезным.

Я смотрю на Франциско.

– Они звонили нам, Рик. – Голос у него все такой же тихий и отдаленный. – Десять минут назад.

– И что?

Пока Франциско говорит, остальные не сводят с меня глаз.

– Они пришлют вертолет. Чтобы переправить нас в аэропорт. – У него вырывается вздох, и плечи его чуть опускаются. – Мы победили.

«Твою мать!» – думаю я про себя.

И вот мы стоим посреди пустыни из песка и асфальта, с пальмами вместо кондиционеров, в ожидании жизни или смерти. Места под солнцем или места во мраке.

Я должен заговорить. Пару попыток я уже предпринял, но получил в ответ лишь бессвязный и совершенно идиотский пересуд между братьями по оружию насчет того, чтобы скинуть меня с крыши. Пришлось попридержать язык. Однако теперь солнце просто идеальное. Господь протянул свою длань, поставил солнце на метку и роется в сумке в поисках подходящей клюшки. Лучшего момента быть не может – пора сказать слово.

– И что же дальше? – спрашиваю я.

Никто мне не отвечает. По одной простой причине: никто просто не может. Мы все знаем, чего хотим, разумеется, но одного хотения уже недостаточно. Мрачная тень пролегла между намерением и реальностью. Ну и все такое. Я ловлю на себе взгляды. Впитываю их.

– Мы что, так и будем торчать здесь?

– Заткнись, – огрызается Бенджамин.

Я игнорирую его. По-другому никак нельзя.

– Будем стоять и ждать здесь, на крыше, пока не прилетит вертолет? Так они вам сказали? (По-прежнему без комментариев.) Кстати, они случайно не уточняли – может, надо встать в

шеренгу и начертить вокруг каждого ярко-оранжевый круг? (Молчание.) То есть я просто прикидываю, как бы еще облегчить им задачу.

Большую часть своего монолога я адресую Бернарду. Я чувствую, что он единственный, кто еще колеблется. Остальные ухватились за соломинку. Они возбуждены, они полны надежд, они поглощены мыслями о том, удастся ли сесть у окошка и останется ли время на «дыоти-фри». Но Бернард, как и я, то и дело поворачивается к солнцу и шуруется; возможно, он тоже думает, что сейчас самое подходящее время для атаки. Момент просто идеальный, и на крыше Бернард чувствует свою незащищенность.

Я оборачиваюсь к Умре:

– Скажи им.

Он трясет головой. Нет, это не отказ. Это просто смятение, страх и еще что-то. Я делаю несколько шагов в его сторону. Бенджамин тут же протыкает воздух дулом «Штейера».

– Скажи им, что я говорю правду, – повторяю я. – Скажи им, кто ты такой.

На мгновение Умре закрывает глаза, но тут же распахивает их – широко-широко. Возможно, надеясь увидеть ухоженные лужайки, официантов в белых ливреях или белый потолок одной из своих спален, но вместо этого его взгляд опять утыкается в горстку грязных, голодных, напуганных людей с автоматами. И он тяжело оседает к парапету.

– Ты ведь знаешь, что я прав, – не отступаю я. – Вертолет, который прилетит сюда... ты знаешь, для чего он. И что он сделает. Ты должен сказать им. – Я делаю еще несколько шагов. – Скажи, почему им придется умереть. Используй свой голос.

Но Умре уже спекся. Голова безвольно упала, глаза снова закрылись.

– Умре... – говорю я, но тут же замолкаю, так как слышу короткий шипящий звук.

Бернард. Он стоит неподвижно; взгляд опущен на крышу, голова чуть набок.

– Я слышу его, – говорит он.

Никто не двигается. Все словно застыли.

И тут я тоже слышу. А затем и Латифа, и Франциско.

Далекая муха в далекой бутылке.

Умре то ли тоже услышал, то ли просто поверил, что услышали все остальные. Голова дергается вверх, глаза открываются.

Но я не могу больше ждать. Я иду к парапету.

– Что ты делаешь? – говорит Франциско.

– Эта машина убьет нас, – отвечаю я.

– Она здесь, чтобы спасти нас, Рикки.

– Чтобы убить, Франциско.

– Сволочь, твою мать! – орет Бенджамин. – Ты чего вытворяешь?!

Наконец-то все смотрят на меня. Смотрят и слушают. Потому что я добрался до своей маленькой палатки из коричневой жиронепроницаемой бумаги и раскрыл перед ними все ее сокровища.

«Джавелин». Облегченная, сверхзвуковая, автономная ракетная система типа «земля–воздух» британского производства. С двухступенчатым ракетным двигателем на твердом топливе, эффективным радиусом действия от пяти до шести километров и весом всего в шестьдесят с небольшим фунтов. Вы можете получить ее в любом цвете, какой только пожелаете, но изначально он желтовато-зеленый.

Система состоит из двух очень удобных агрегатов. Первый – герметичная пусковая коробка с ракетой внутри; второй – полуавтоматическая система наведения, внутри которой очень много всяких маленьких, умных и дорогостоящих электронных штучек. В собранном виде «Джавелин» способен выполнять всего одну задачу. Но зато выполнять в высшей степени хорошо.

А конкретно – сбивать вертолеты.

Поэтому-то я попросил именно «Джавелин». Боб Райнер достал бы что угодно – хоть резиновую бабу, хоть фен для волос, хоть БМВ-кабриолет, – только успевай раскошелиться.

Но я твердо ответил: «Нет, Боб. Давай погодим со всеми этими заманчивыми вещами. Мне нужна серьезная игрушка. Мне нужен „Джавелин“».

Конкретно этот экземпляр, по словам Боба, совершенно случайно завалился в кузов грузовика, покидавшего ворота артиллерийского склада под Колчестером. Вас может удивить, как такое вообще возможно в наше время – со всеми этими суперсовременными компьютерными системами учета и контроля, со всеми накладными и вооруженной охраной у ворот, – но поверьте, наша армия ничем не отличается, скажем, от дорогого универмага «Харродз». Усадка и утриска – извечная проблема.

Позже «Джавелин» очень осторожно извлекли из грузовика какие-то приятели Райнера, и он перекочевал под днище микроавтобуса «фольксваген», где и продержался, слава богу, до самого конца своего путешествия длиной в тысячу двести миль – до самого Танжера.

Мне неведомо, знала ли о нем супружеская пара, рулившая микроавтобусом. Достоверно мне известно лишь одно: супруги были из Новой Зеландии.

– А ну, положи это обратно! – орет Бенджамин.

– А то что? – осведомляюсь я с издевкой.

– Пристрелю на хрен! – вопит он, придвигаясь все ближе к краю крыши.

Снова пауза, но на сей раз ее заполняет глухой гул. Муха в бутылке сердится.

– А мне плевать, – говорю я. – Серьезно. Я ведь все равно умру. Так что давай, стреляй.

– Сиско! – Бенджамин заходится от отчаяния. – Мы же победили! Ты сам сказал, что мы победили.

Никто ему не отвечает, и Бенджамин вновь начинает подпрыгивать:

– Если он выстрелит в вертолет, они перебьют нас всех.

Крики все громче. Гораздо громче. Но сказать, кто кричит, я уже не могу, поскольку гул постепенно перерастает в грохот. Это грохочет солнце.

– Рикки, – говорит Франциско, и я понимаю, что он прямо у меня за спиной. – Опusti это.

– Он убьет нас, Франциско.

– Опusti это, Рикки. Считаю до пяти. Или ты опустишь эту штуку, или я сам пристрелю тебя. Я не шучу.

Похоже, он и правда не шутит. Он искренне верит, этот грохот, это биение лопастей – все это Жизнь, а не Смерть.

– Раз, – начинает считать он.

– Решай сам, Наим. – Я вжимаюсь глазом в резинку прицела. – Скажи им правду. Прямо сейчас. Скажи им, что это за машина и что она собирается сделать с нами.

– Два.

Я включаю систему наведения. Басовые ноты вертолетного шума. Биение лопастей.

– Скажи им, Наим. Если они убьют меня, то погибнут все. Скажи им правду.

Солнце, сплошное и безжалостное, закрывает все небо. Только солнце и грохот.

– Три, – говорит Франциско, и внезапно я чувствую металл за левым ухом. Это может быть и ложка, но вряд ли.

– Да или нет, Наим? Тебе решать.

– Четыре.

Шум все ближе, все сильнее. Такой же большой и сильный, как бьющее в глаза солнце.

– Убей его, – говорит Франциско.

Но только это не Франциско. Это Умре. И он не просто говорит – он вопит. Словно помешанный. Он рвет наручники, истекая кровью, крича, лягаясь, расшвыривая песок по всей крыше. Кажется, Франциско тоже орет на него, велит ему заткнуться, а Бернард с Латифой орут друг на друга – или на меня.

Да, кажется – но я не уверен. Просто все они вдруг куда-то исчезли. Растворились, оставив меня одного в очень тихом, спокойном мире.

Потому что теперь я вижу его.

Маленький, черный и быстрый. Это может быть и крошечный жучок, присевший на линзу прицела.

«Аспирант».

Ракеты «Гидра». Ракеты «Хеллфайер». 50-миллиметровые пушки. Четыреста миль в час.

И всего один шанс.

Он скоро выберет свои мишени. Кого ему бояться? Кучки сбрендивших террористов, палящих из автоматических винтовок? Да им в дверь сарая и то не попасть.

Зато «Аспирант» может вышибить из здания целую комнату простым нажатием кнопки.

Всего один шанс.

Проклятое солнце. Лупит прямо в глаза, выжигая изображение в прицеле.

От слепящего сияния слезятся глаза, но я стараюсь не моргать.

«Опусти!»

Это Бенджамин. Он орет мне прямо в ухо – откуда-то издалека, за тысячу миль отсюда.

«Опусти!»

Господи, до чего же он быстрый! Осталось не больше полумили.

«Ты! Козел! Вонючий!»

Что-то холодное и твердое на шее. Кто-то явно пытается сбить меня. Пропахнув сквозь шею ствол.

«Я пристрелю тебя!» – орет Бенджамин.

Снять предохранительную крышку и щелкнуть на спуск: «Джавелин» к бою готов, джентльмены!

Поперхнуться выстрелом.

Опусти!

Крыша взорвалась. Просто разлетелась в куски. А через долю секунды – пушечный залп. Невероятный, оглушающий, сотрясающий все тело звук. Осколки камней разлетелись во все стороны – каждый не менее смертоносный, чем сами снаряды. Пыль, ярость, разрушение.

Моргнув, я отвернулся, и слезы хлынули по щекам.

Он сделал свой первый заход. Невероятная скорость. Быстрее я не видел еще ничего – кроме, пожалуй, истребителя. А какой разворот! Поверить невозможно. Мгновенный зигзаг, вход в штопор. Резкий крен, разворот, еще крен.

Привкус выхлопных газов на языке.

Я снова поднял «Джавелин» и боковым зрением увидел голову и плечи Бенджамина, в тридцати футах от себя. Хрен знает, где было все остальное.

Франциско опять кричал на меня, на сей раз по-испански, так что мне никогда уже не узнать, что именно.

Вот он. Четверть мили.

На этот раз я действительно видел его.

Теперь солнце позади меня. Оно поднимается, набирает высоту, шпарит прямо на узелок ненависти, что несется ко мне.

Перекрестье. Черная точка.

Идет прямым курсом. Никаких отклонений. К чему утруждать себя? Чего бояться? Просто кучка спятивших террористов.

Я вижу лицо пилота. Нет, не в прицеле – в своей памяти. Образ отпечатался в памяти после первого захода.

Поехали!

Я жму на кнопку, запуская тепловую батарею, и собираю все силы в кулак, пытаюсь удержаться на ногах, чтобы отдача первой ступени не отбросила меня назад.

«Ньютон», – мелькает в голове.

Заходит для атаки. Ты все такой же быстрый, ужасно быстрый, но я вижу тебя.

Я вижу тебя, ты, козел вонючий!

Срабатывает зажигание на двигателе второй ступени, толкая «Джавелин» вперед – голодный и нетерпеливый. Пусть гончая увидит кролика.

Просто держать. И все. Просто держать его в перекрестье.

Видеокамера в блоке наведения поведет световой сигнал от хвоста ракеты, сравнивая с сигналом от прицела; малейшее расхождение – и траектория будет откорректирована.

Держать цель в перекрестье, только и всего.

Две секунды.
Одна секунда.

Осколком кирпича Латифе раскроило щеку, и рана сильно кровоточила.

Мы сидели в кабинете Бимона. Я пытался остановить кровь с помощью полотенца, а консул Бимон прикрывал нас «Штейером» Хьюго.

Некоторые из заложников также завладели оружием и рассредоточились по комнате, нервно поглядывая в окна. Я обвел взглядом возбужденные лица и вдруг почувствовал жуткую усталость. И голод. Волчий голод.

Из коридора донесся шум. Шаги. Крики – на арабском, французском, а затем на английском.

– Сделайте погромче, пожалуйста, – попросил я Бимона.

Он бросил взгляд через плечо, на телевизор. На экране шевелила губами какая-то блондинка. Титры внизу экрана поясняли: «Конни Фэрфакс, Касабланка». Конни что-то зачитывала.

Бимон шагнул вперед и повернул ручку громкости.

У Конни был красивый голос.

А у Латифы – красивое лицо. Кровь, сочившаяся из пореза, потихоньку густела.

– ...переданное Си-эн-эн три часа назад молодой женщиной с арабской внешностью, – объявила Конни, и картинка сменилась на маленький черный вертолет, явно столкнувшийся с серьезными трудностями. Конни продолжала читать за кадром: – Меня зовут Томас Лэнг. Я принял участие в этой акции принудительно, под давлением секретных служб США, якобы для того, чтобы проникнуть в террористическую организацию под названием «Меч правосудия».

Картинка вновь вернулась к Конни. Та посмотрела в камеру и поднесла руку к наушнику. Мужской голос спрашивал:

– Скажите, Конни, а не они ли взяли на себя ответственность за стрельбу в Австрии?

Конни ответила: да, совершенно верно. Только это была не Австрия, а Швейцария.

Затем она вновь опустила взгляд на листок бумаги:

– В действительности же «Меч правосудия» финансируется одним западным торговцем оружием, связанным с некоторыми продажными офицерами ЦРУ.

Крики в коридоре поутихли, я обернулся и увидел Соломона. Тот молча стоял в дверном проеме и наблюдал за мной. Коротко кивнув, Соломон прошел в кабинет, осторожно пробираясь через обломки мебели. За его спиной маячило густое скопище рубашек-маломерок.

«Это правда!» – послышался вопль Умре, и я повернулся к телевизору – посмотреть, каким материалом они сопроводили его признания на крыше. Честно говоря, увиденное не особо впечатлило. Пара чьих-то дергающихся макушек. Из-за наложения фоновых шумов голос Умре звучал искаженно. Мне не удалось навести радиомикрофон четко на пожарную лестницу. Но тем не менее я смог узнать его записанный на пленку голос, – значит, смогут и другие.

– В конце своего заявления, – говорила Конни, – мистер Лэнг указал радиочастоту, на которой и была сделана эта запись. На данный момент нам пока не удалось опознать голоса участников событий, но есть мнение...

Я махнул Бимону:

– Можете выключить, если хотите.

Но он не захотел. А я не собирался с ним спорить.

Соломон взгромоздился на край стола Бимона. Секунду он смотрел на Латифу затем перевел взгляд на меня.

– А тебе разве не надо, как у вас говорят, «скручивать» подозреваемых? – спросил я.

Соломон слабо улыбнулся.

– Да нет, в общем. Мистера Умре и так скрутило по полной, а мисс Вульф сейчас в надежных руках. Что же до мистера Рассела П. Барнса...

– Он управлял «Аспирантом», – сказал я.

Бровь Соломона удивленно поползла вверх.

Или, скажем так, бровь осталась на своем месте, а вот тело чуток просело вниз. Судя по его виду, от сюрпризов его уже слегка подташнивало.

– Барни был вертолетчиком, когда служил в морской пехоте, – пояснил я. – В первую очередь из-за этого он и ввязался во всю эту историю. – Я осторожно отнял полотенце от лица Латифы: кровь больше не шла. – Как думаешь, отсюда можно позвонить?

Десять дней спустя мы возвращались в Англию на одном из «Геркулесов» Королевских ВВС. Сиденья оказались ужасно жесткими, в салоне было шумно, и никакого кино. Но я чувствовал себя счастливым.

Я был счастлив, наблюдая за спящим Соломоном: тот мирно посапывал в дальнем конце салона, подложив под голову свой коричневый плащ и сцепив руки на животе. Соломон был надежным другом всегда, но когда он спал, я чувствовал, что почти люблю его.

А может, я просто потихоньку разогревал свой любовный механизм, готовя его кое для кого еще.

Да, наверное, так оно и было.

Мы приземлились на военной базе в Колтишолле вскоре после полуночи. Целое стадо автомобилей сопровождало нас, пока самолет вырубивал к ангару. Люк с лязгом открылся, и на борт поднялся холодный норфолкский воздух. Я с наслаждением втянул его в себя.

Снаружи ждал О'Нил – руки глубоко засунуты в карманы пальто, плечи вздыблены. Увидев меня, он дернул подбородком, и мы с Соломоном проследовали за ним в «ровер».

О'Нил и Соломон сели спереди, я же скользнул назад – не спеша, желая насладиться моментом.

– Привет, – сказал я.

– Привет, – ответила Ронни.

В машине повисла приятная пауза, во время которой мы с Ронни, улыбаясь, кивнули друг другу.

– Мисс Крайтон очень хотела присутствовать при вашем возвращении. – О'Нил елозил перчаткой по запотевшему стеклу.

– Правда?

– Правда, – подтвердила Ронни.

О'Нил завел двигатель. Соломон возился с печкой.

– Что ж, все желания мисс Крайтон должны быть исполнены.

Мы с Ронни продолжали улыбаться. Вырубив из ворот базы, «ровер» мчал нас в норфолкскую ночь.

В течение следующих шести месяцев объемы продаж ракетных систем «Джавелин» типа «земля–воздух» выросли более чем на сорок процентов.